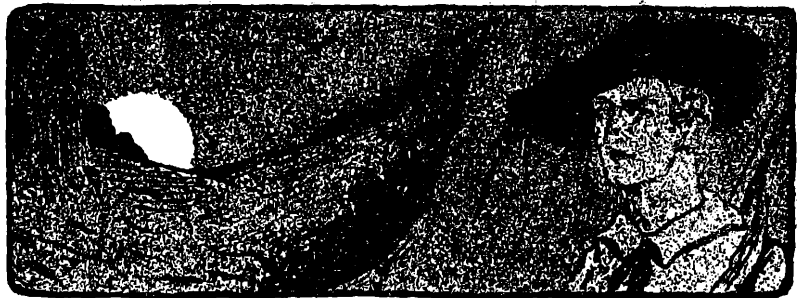

ДЖЕКЪ ЛОНДОНЪ

МОРСКОЙ ВОЛКЪ.

РОМАНЪ.

Безплатное приложение къ журналу „Новая Жизнь“.

С.-Петербургъ.

ЛЕТУЧАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

Изд. I. А. Маевского.

Задуманное подъ этимъ названіемъ изданіе отличается отъ обычныхъ многотомныхъ энциклопедическихъ словарей тѣмъ, что оно выходитъ въ видѣ небольшихъ, изящныхъ, прекрасно иллюстрированныхъ выпусковъ, каждый изъ которыхъ представляетъ собою небольшую монографію. Каждый выпускъ составляетъ самостоятельный трудъ и можетъ быть приобрѣтенъ въ отдѣльности, что даетъ возможность всякому составить себѣ коллекцію недорогихъ и удобныхъ справочниковъ, посвященныхъ лишь тѣмъ вопросамъ, которые его интересуютъ.

Въ настоящее время готовятся слѣдующіе отдѣлы: **Исторія, Литература, Естествознаніе, Путеводители, Философія, Искусство, Медицина.** Каждый отдѣлъ будетъ состоять изъ многихъ десятковъ выпусковъ, совокупность которыхъ дастъ исчерпывающую сводку всего, что въ наше время извѣстно по данному вопросу. Напримеръ, отдѣлъ **Искусство** будетъ состоять изъ, приблизительно, 200 выпусковъ, въ которыхъ будетъ дана полная исторія искусства, начиная съ глубокой древности, характеристика отдѣльныхъ эпохъ, школъ и теченій, подробныя біографіи, описаніе произведеній и характеристика творчества отдѣльныхъ мастеровъ и т. д. Особое вниманіе будетъ уделено русскому и современному искусству.

Каждый выпускъ **Летучей Энциклопедіи** представляетъ собою не только краткую, ясную и исчерпывающую монографію энциклопедическаго типа, но и превосходное учебное пособие, и можетъ быть использовано какъ дополнительное чтеніе для старшихъ классовъ среднихъ и какъ повторительный курсъ для высшихъ учебныхъ заведеній. По своей ясности, изданіе въ то же время является необходимымъ пособиемъ для самообразованія, доступное для каждаго интеллигентнаго человѣка.

Въ настоящее время въ продажѣ имѣются слѣдующіе выпуски по отдѣлу **Искусство**:

Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Мурильо, Бѣклинъ, Брюлловъ, Н. Н. Ге, Бѣрънъ-Джонсъ, Рембрандтъ, Боттичелли, В. Васнецовъ, Левитанъ, Врубель, А. А. Ивановъ.

Ежемесячно по этому отдѣлу выходятъ не менѣе 4 хъ новыхъ выпусковъ. Каждый выпускъ содержитъ 48 стр., съ 12—14 превосходными иллюстраціями и портретами; печатается на плотной, дорогой бумагѣ и брошюруется въ прочной, переплетающейся обложкѣ.

Цѣна выпуска—15 коп.

Изданіе продается во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывающіе непосредственно отъ издательства на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

Адресъ главнаго склада Книгоиздательство I. А. Маевского, Москва, Скатертный пер., д. № 27, кв. 1. Тел. 530-33.

4 133

154

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

154
ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

— 81 т. ч. 47 д

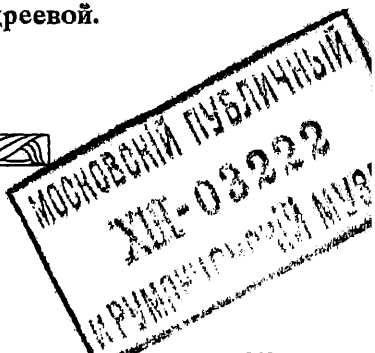
Томъ I.

МОРСКОЙ ВОЛКЪ.

(РОМАНЪ).

Авторизованный переводъ съ англійскаго

М. Андреевой.

Безплатное приложение къ журналу „Новая Жизнь“.

С.-Петербургъ.

2007087221

МОСКВА—1913.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА,
Леонтьевскіа пер., 5

МОРСКОЙ ВОЛКЪ.

I.

Я собственно не знаю, съ чего начать, хотя иногда я въ шутку обвиняю во всемъ Чарли Фурусета. Онъ занималъ около Санъ-Франциско дачу, подъ сѣнью горы Тамалпайсъ, но жилъ въ ней только зимніе мѣсяцы, когда отдыхалъ и читалъ Шопенгауэра и Ничше. Лѣто же, онъ предпочиталъ потѣть въ жаркомъ, пыльномъ городѣ и работать безъ усталости. Если бы у меня не было привычки ѣздить къ нему каждую субботу и оставаться до понедѣльника, то въ одно январское утро я не очутился бы въ водѣ залива Санъ-Франциско.

Я зналъ, что *Мартинецъ* новый и вполне надежный пароходъ, совершавшій свой четвертый или пятый рейсъ между Санъ-Франциско и Саусалито. Опасность заключалась лишь въ густомъ туманѣ, который точно пеленою застилалъ заливъ, но о гибельности котораго я, какъ житель суши, не имѣлъ достаточно яснаго представленія. Я припоминаю, что я, въ восхищеніи отъ погоды, выбралъ себѣ мѣсто на носу парохода, на верхней палубѣ, прямо подъ рубкой, и таин-

ственность тумана только возбуждала мою фантазію. Дуль свѣжій вѣтеръ, и нѣкоторое время я былъ въ полномъ одиночествѣ, окруженный сырою мглой, но смутно сознавалъ присутствіе рулевого и капитана въ стеклянной рубкѣ надомною.

Я помню, что я думалъ о великихъ преимуществахъ раздѣленія труда, которое избавляло меня отъ необходимости изучать туманы, вѣтры, приливы и навигацію, когда мнѣ нужно было навѣстить своего друга, жившаго по ту сторону залива. Это хорошо, что люди специализируются, размышлялъ я. Специальныхъ знаній капитана и лоцмана достаточно для многихъ тысячъ людей, которые такъ же мало знаютъ море и навигацію, какъ и я. Съ другой стороны, вмѣсто того, чтобы тратить свои силы на изученіе множества отраслей знанія, я могу сконцентрировать ихъ на немногихъ изъ нихъ; на изученіи, напримѣръ, того, какое мѣсто занимаетъ Поэ въ американской литературѣ, о чемъ, между прочимъ, трактуетъ моя статья, помѣщенная въ послѣднемъ номерѣ *Атлантика*. Когда я вступилъ на пароходъ, я въ общей каютѣ замѣтилъ толстаго господина, читавшаго *Атлантикъ*, открытый какъ разъ на моей статьѣ. И въ этомъ опять-таки было раздѣленіе труда: специальныя познанія капитана и лоцмана позволяли толстому господину знакомиться съ моими специальными изслѣдованіями о Поэ въ то время, какъ они его перевозили изъ Саусалито въ Санъ-Франциско.

Мои размышленія прервалъ какой-то господинъ съ краснымъ лицомъ, который, хлопнувъ дверью каюты, вышелъ на палубу. Онъ бросилъ взглядъ на рубку и на будку лоцмана, оглядѣлъ туманъ, громко стуча прошелся по палубѣ (у него очевидно были искусственныя ноги) и остановился возлѣ меня, широко разставивъ ноги. На лицѣ его было выраженіе полнѣйшаго наслажденія, и я не ошибся, предположивъ, что онъ провелъ свою жизнь на морѣ.

— Отвратительная погода; вотъ такіе-то туманы заставляютъ людей старѣть раньше времени,—сказалъ онъ, кивнувъ головою въ сторону лоцманской будки.

— А я и не предполагалъ, чтобы это можетъ такъ дѣйствовать на нервы,—отвѣтилъ я.—Мнѣ кажется, что все это просто, какъ азбука. Они знаютъ направленіе по компасу, знаютъ разстояніе и скорость судна. Я бы сказалъ, что ихъ дѣйствія опредѣлены съ математической точностью.

— Азбука! Математическая точность!—фыркнулъ онъ, глядя на меня съ удивленіемъ.—А теченіе, которое проходитъ черезъ Золотыя Ворота?—спросилъ, или, вѣрнѣе, прокричалъ онъ.—А скорость прилива? А вѣтеръ? Послушайте-ка! Слышите колоколь буйка... и мы прямо идемъ на него!.. Видите они сворачиваютъ.

Изъ тумана донесся печальный, похоронный звукъ колокола, и лоцманъ съ большою поспѣшностью завертѣлъ штурвалъ. Звукъ колокола, который раздавался прямо передъ нами, теперь звучалъ со стороны. Нашъ собственный

гудокъ хрипло гудѣлъ и, отъ времени до времени, до насъ доносились изъ тумана другіе гудки.

— Это какой-то пароходъ,—сказалъ мой собесѣдникъ, имѣя въ виду гудокъ, раздававшійся справа.—А, вотъ!.. Вы слышите? Это ручной свистокъ. Навѣрное какая-нибудь шхуна... Берегитесь, госпожа шхуна! Ахъ, я такъ и думалъ...

Гудки невидимаго парохода слѣдовали за гудками, и свистокъ шхуны испуганно звучалъ въ отвѣтъ.

— А теперь они почтительно раскланиваются кругъ съ другомъ и стараются разойтись,—замѣтилъ краснолицый человѣкъ, когда замолкли послѣшніе гудки и свистки.

Его лицо сіяло и глаза блестѣли отъ возбужденія, когда онъ переводилъ на членораздѣльный языкъ разговоръ свистковъ и сиренъ.

— Вотъ паровая сирена проходитъ налѣво отъ насъ. А слышите вотъ этого молодчика, у котораго точно лягушка застряла въ горлѣ? Это паровая шхуна, которая, насколько я могу судить, ползетъ въ заливъ противъ теченія.

Пронзительный, рѣзкій свистокъ, какъ полюмный шельъ прямо на насъ и раздавался совсѣмъ близко. На *Мартинецъ* зазвонили въ гонгъ. Колеса нашего парохода стали замедлять свое движеніе, ихъ пульсирующій звукъ замолкъ, но черезъ минуту они снова задвигались. Маленькій пронзительный свистокъ, похожій на стрекотанье кузнечика среди рева огромныхъ животныхъ, прозвучалъ уже съ

другой стороны и быстро сталъ слабѣть въ туманѣ. Я взглянулъ на своего собесѣдника, приглашая его разъяснить, что это было.

— Это одинъ изъ этихъ дьявольскихъ паровыхъ катеровъ,—сказалъ онъ.—Я почти сожалею, что мы не потопили эту каналью! Они всюду шныряютъ, доставляя массу безпокойства рулевымъ. А что толку въ нихъ? Какой-нибудь осель садится на такой катеръ и гонить его прямо къ чорту, свистя изо всѣхъ силъ, чтобы весь свѣтъ зналъ, кто онъ и куда претъ и чтобы сторонились его, потому что самъ онъ ни смотрѣть ни сторониться не умѣетъ. Онъ идетъ! И поэтому вы должны беречься! Дорогу ему! Онъ даже не понимаетъ, что значитъ обыкновенное приличіе!

Мнѣ было очень забавно смотрѣть на его неожиданный гнѣвъ и, пока онъ въ негодованіи ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, я сталъ размышлять о романтичности тумана. Въ самомъ дѣлѣ туманъ таинственнымъ покровомъ обволакивалъ всю землю, а люди, неся на себѣ проклятіе, заставляющее ихъ неустанно стремиться къ работѣ, двигали своихъ коней изъ желѣза и дерева среди окружавшей ихъ тайны, нащупывая себѣ дорогу сквозь невидимое и обмѣниваясь довѣрчивыми криками въ то время, какъ ихъ сердца сжимались отъ страха и неувѣренности.

Голосъ моего спутника возвратилъ меня къ дѣйствительности.

— Алло! кто-то идетъ на насъ,—говорилъ онъ. И слышите? Онъ идетъ очень быстро... И прямо

на насъ. Онъ навѣрное насъ еще не слышалъ. Вѣтеръ дуетъ съ другой стороны.

Свѣжій вѣтеръ дулъ прямо на насъ, и я ясно слышалъ гудокъ сирены почти прямо передъ нами.

— Это пароходъ?—спросилъ я.

Онъ кивнулъ головой и прибавилъ:

— Иначе онъ не летѣлъ бы сломя голову. Они беспокоятся тамъ, наверху.

Я взглянулъ наверхъ. Капитанъ высунулся изъ лоцманской будки и пристально вглядывался въ туманъ, какъ-будто силой своей воли хотѣлъ проникнуть въ его тайну. Его лицо было встревожено, такъ же какъ и лицо моего спутника, который сталъ у борта и напряженно глядѣлъ туда, откуда доносились гудки.

Затѣмъ все случилось съ необыкновенной быстротою. Туманъ какъ-будто разсѣкли клиномъ на двѣ части, и изъ него показался носъ парохода.

Я разглядѣлъ на немъ лоцманскую будку и высунувшагося изъ нея человѣка съ бѣлой бородой. Онъ былъ одѣтъ въ синій мундиръ и, помнится, что онъ былъ очень спокоенъ. Это спокойствіе при данныхъ обстоятельствахъ было ужасно. Онъ видѣлъ передъ собою неизбежный ударъ рока и только старался предугадать его силу. Высунувшись изъ своей будки, онъ холодно и пытливо посмотрѣлъ поверхъ насъ какъ бы для того, чтобы съ точностью опредѣлить мѣсто столкновенія, не обращая вниманія на нашего лоцмана, который, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства,

кричалъ ему: «Ну, вотъ, надѣлали!.. Вы теперь довольны?!»

— Схватитесь за что-нибудь и держитесь,— сказалъ мнѣ мой краснолицый собесѣдникъ. Вся его шутливость исчезла, и онъ, повидимому, тоже проникся сверхъестественнымъ спокойствіемъ.— Вы слышите, какъ кричатъ женщины,—сказалъ онъ мрачно, почти съ горечью, какъ-будто ему приходилось уже бывать при подобныхъ обстоятельствахъ.

Пароходы столкнулись прежде, чѣмъ я успѣлъ послѣдовать его совѣту. Мы, должно быть, получили ударъ прямо въ средину судна, ибо я не видѣлъ ничего, и встрѣчный пароходъ прошелъ внѣ моего поля зрѣнія. *Мартинецъ* рѣзко накренился на бокъ и въ тотъ же моментъ послышался трескъ ломавшагося дерева. Меня сбросило ничкомъ на палубу, и прежде чѣмъ я успѣлъ вскочить на ноги, я услышалъ крики женщинъ. Я никогда еще не слышалъ такихъ ужасныхъ криковъ, и у меня волосы стали дыбомъ отъ ужаса. Я вспомнилъ, что въ каютѣ были сложены спасательные круги и побѣжалъ туда, но у дверей меня отбросила назадъ толпа мужчинъ и женщинъ, бросившаяся на палубу. Что случилось въ слѣдующіе затѣмъ моменты, я въ точности не помню. Помню только, что я стаскивалъ спасательные пояса съ крючковъ, на которыхъ они висѣли, въ то время какъ мой краснолицый спутникъ надѣвалъ ихъ на истерически кричавшихъ женщинъ. Припоминаю также неровно зазубренные края пролома съ одной стороны каюты

сквозь который клубился туманъ; пустые бархатные диваны съ оставленными на нихъ пакетами, саквояжами, зонтиками и плащами; помню толстаго господина, который читалъ мою статью и который теперь съ пробковымъ поясомъ вокругъ талии и съ журналомъ въ рукѣ, спрашивалъ меня монотонно и настойчиво, думаю ли я, что есть опасность, и, наконецъ, особенно ясно помню кричавшихъ и визжавшихъ женщинъ.

Эти крики больше всего дѣйствовали мнѣ на нервы. Они дѣйствовали на нервы также и краснолицему человѣку, ибо передъ моими глазами проносится еще одна картина, которая никогда не изгладится изъ моей памяти: толстый господинъ засовываетъ журналъ въ карманъ своего пальто и съ любопытствомъ оглядывается вокругъ; беспорядочная толпа женщинъ съ перекошенными, блѣдными лицами и открытыми ртами визжитъ, какъ хоръ грѣшниковъ въ аду, а мой случайный спутникъ, съ багровымъ отъ гнѣва лицомъ, протираетъ руки надъ ихъ головами, точно готовясь поразить ихъ громомъ и кричить: «Замолчите! Да замолчите же!»

Помню, что эта сцена вдругъ заставила меня расхохотаться; всеобщая истерика охватила и меня; вѣдь это были женщины близкія мнѣ по духу, какъ моя мать и сестры, и онѣ были охвачены страхомъ смерти и не хотѣли умирать. И я помню, что звуки, которые онѣ издавали, напомнили мнѣ визжанье поросятъ подъ ножомъ мясника, и мнѣ стало страшно отъ яркости этой аналогіи. Эти женщины, способныя на самыя

высшія эмоціи, на нѣжнѣйшую симпатію, стояли сейчасъ съ открытыми ртами и визжали, и кричали... Онѣ хотѣли жить, но онѣ были безпомощны, какъ мыши въ мышеловкѣ, и потому онѣ кричали...

Ужасъ этого зрѣлища погналъ меня на палубу. Я почувствовалъ тошноту и присѣлъ на скамью. Я смутно видѣлъ людей, бѣгавшихъ мимо меня, перекрикивавшихся и спускавшихся въ воду лодки. Все происходило такъ, какъ описывались подобныя сцѣны въ книгахъ. Блоки не дѣйствовали. Одна лодка, спущенная внизъ безъ втулокъ и нагруженная женщинами и дѣтьми сейчасъ же наполнилась водою и перевернулась. Другую лодку спустили только однимъ концомъ, другой такъ и остался висѣть въ таяхъ. Таинственнаго парохода, который наскочилъ на насъ, совершенно не было видно, хотя вокругъ меня говорили, что онѣ несомнѣнно посылаетъ лодки къ намъ на помощь.

Я спустился на нижнюю палубу. *Мартинецъ* быстро погружался въ воду. Нѣкоторые пассажиры прыгали за бортъ. Другіе, которые были уже въ водѣ, просили, чтобы ихъ взяли обратно на бортъ, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Вдругъ раздался крикъ, что мы идемъ ко дну. Я поддался паникѣ и вмѣстѣ съ толпой бросился къ борту парохода. Какъ я очутился въ водѣ, я не помню, хотя помню, что тотчасъ же понялъ, почему тѣ, что были въ водѣ, просились обратно на пароходъ. Вода была холодна, такъ холодна, что все тѣло ныло. Когда я погрузился въ нее съ головой, то меня ожгло какъ огнемъ.

Она замораживала до мозга костей. Это было объятіе смерти. Я невольно ахнулъ отъ страха и неожиданности и наполнилъ свои легкія водой, прежде чѣмъ спасательный поясъ успѣлъ вынести меня на поверхность. Во рту у меня было солоно, словно я наглотался соли, и въ горлѣ и легкихъ меня душила какая-то ѣдкая горечь.

Но холодъ былъ ужаснѣе всего. Я чувствовалъ, что могу прожить только еще нѣсколько минутъ.

Люди барахтались вокругъ меня, и я слышалъ что они что-то кричали одинъ другому. Я услышалъ также шумъ весель. Очевидно, тотъ пароходъ спустилъ свои лодки.

По мѣрѣ того, какъ время шло, я удивился, что я все еще живъ. Я совершенно не чувствовалъ своихъ ногъ, въ то время какъ пронизывающій холодъ подбирался къ моему сердцу и сжималъ его въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ. Небольшія волны съ злобными, пѣнящимися хребтами безпрестанно окатывали меня и наполняли мнѣ ротъ; я захлебывался.

Шумъ становился все отдаленнѣе, хотя я слышалъ послѣдній взрывъ отчаянныхъ криковъ и понималъ, что *Мартинецъ* пошелъ ко дну. Позже—хотя какъ много позже, я не имѣлъ представленія—я пришелъ въ себя, и ужасъ охватилъ меня. Я не слышалъ ни криковъ, ни зова, слышалъ только плескъ волнъ въ туманѣ. Паника въ толпѣ, связанной общимъ интересомъ, не такъ ужасна, какъ страхъ, охватывающій человѣка, когда онъ находится въ полномъ одиночествѣ; и такой ужасъ испыталъ теперь я. Куда меня несло теченіемъ?

Краснолицый спутникъ сказалъ мнѣ, что теперь отливъ устремляется черезъ Золотыя Ворота; значитъ меня несло въ океанъ? А спасательный поясъ, который меня поддерживалъ, развѣ не могъ оказаться никуда не годнымъ? Я слышалъ, что подобные пояса дѣлаются изъ бумаги и полага тростника и что они быстро пропитываются водой и теряютъ свою способность держаться на водѣ. А плавать я не умѣлъ. И я былъ совершенно одинъ... Я сознаюсь, что безуміе овладѣло мною, и что я сталъ громко кричать, какъ кричали женщины на пароходѣ, и бить по водѣ своими онѣмѣвшими руками.

Какъ долго это продолжалось, я не имѣю представленія, ибо я потерялъ сознание. Когда я пришелъ въ себя, мнѣ казалось, что прошли цѣлыя столѣтія, и я увидѣлъ почти прямо надъ собою поднимающійся изъ тумана носъ какого-то судна и три треугольныхъ паруса. Носъ судна съ шумомъ разсѣкалъ воду, вздымая бѣлую пѣну и, казалось, шелъ прямо на меня. Я попробовалъ закричать, но у меня не было голоса. Носъ судна разсѣкъ воду совсѣмъ возлѣ меня, едва не задѣвъ меня и обдавъ мою голову водой. Затѣмъ длинный, черный бокъ судна сталъ скользить мимо меня такъ близко, что я могъ дотронуться до него руками. Я попробовалъ потянуться къ нему въ безумномъ желаніи впиться въ гладкое дерево своими ногтями, но мои руки были тяжелы и безжизненны. Я снова сдѣлалъ попытку закричать, но не могъ издать ни звука. Корма судна проскользнула мимо меня, низко

опустившись между волнъ, и я увидѣлъ чело-
вѣка, стоявшаго у штурвала рядомъ съ руле-
вымъ. Онъ спокойно курилъ сигару. Я замѣтилъ
дымъ, выходявшій у него изъ рта, когда онъ
медленно повернулъ голову и посмотрѣлъ на
воду въ моемъ направленіи. Это былъ небреж-
ный, непредумышленный, чисто случайный взгля-
дъ, но отъ него зависѣла моя судьба. На
лицѣ этого челоуѣка было выраженіе глубокой
задумчивости, и я сталъ бояться, что если даже
его глаза остановятся на мнѣ, то онъ все равно
меня не замѣтитъ. Но его глаза остановились
на мнѣ и взглянули прямо въ мои; онъ уви-
дѣлъ меня, и, мигомъ подскочивъ къ штурвалу,
оттолкнулъ рулевого и началъ быстро вертѣть
колесо, въ то же время отдавая какія-то прика-
занія. Судно тотчасъ же стало описывать широ-
кую дугу и исчезло въ туманѣ.

Я почувствовалъ, что опять теряю сознаніе и,
сбравъ всю свою силу воли, попытался бороться
съ надвигавшимся на меня мракомъ. Спустя нѣ-
которое время, я услышалъ плескъ весель, ста-
новившійся все ближе и ближе и чей-то зовъ.
Когда голосъ былъ уже очень близко отъ меня,
я услышалъ, какъ онъ сказалъ съ раздраженіемъ:
«Какого чорта вы не кричите?» Это относилось,
повидимому, ко мнѣ, но тутъ я погрузился въ
глубокій мракъ.

II.

Мнѣ казалось, что меня, качая, несетъ въ безграничномъ пространствѣ. Вспыхивали огоньки и съ шумомъ проносились мимо меня. Я зналъ, что это были звѣзды и блестящія кометы, которыя сопровождали мой полетъ между солнцами. Когда я достигалъ границы своего качанія и готовился качнуться назадъ, большой гонгъ съ трескомъ звонилъ надъ моей головою. Я безконечно долгое время наслаждался своимъ страшнымъ полетомъ, но вотъ ритмъ моего качанія сталъ дѣлаться короче и короче. Меня стало рѣзко бросать изъ стороны въ сторону; я съ трудомъ могъ переводить дыханіе, такъ стремительно несло меня въ бездну. Гонгъ звонилъ все чаще и яростнѣе. Я сталъ ждать его ударовъ съ неописуемымъ страхомъ. Затѣмъ меня, кажется, стали волочить по колючему песку, бѣлому и раскаленному солнцемъ. Это вызвало у меня чувство невыносимой боли. Моя кожа мучительно корбила отъ жара. Гонгъ уныло звонилъ. Вспыхивавшіе огоньки проносились мимо меня въ непрестанномъ потокѣ, точно весь звѣздный міръ тоже уносился въ какую-то бездну. Я судорожно вздохнулъ и открылъ глаза. Два человѣка стояли на колѣняхъ возлѣ меня и работали надо мной. Могучимъ ритмомъ моего качанія—было просто вздыманіе и опусканіе судна на волнахъ океана. Ужасный гонгъ изображала собою мѣдная кастрюля, висѣвшая на стѣнѣ, которая при каждомъ качаніи судна билась о стѣнку и дребезжала. Жгу-

чій, колючій песокъ оказался руками человѣка, растиравшаго мою обнаженную грудь. Я съежился отъ боли и приподнял голову. Моя грудь была совершенно багровая и капельки крови выступали изъ-подъ содранной и воспаленной кожи.

— Хватить, Ионсонъ,—сказаль одинъ изъ незнакомцевъ.—Развѣ не видишь, что ты почти содраль съ джентльмэна кожу?

Человѣкъ, котораго назвали Ионсономъ, съ лицомъ типичнаго скандинава, пересталь тереть меня и неловко поднялся на ноги. Тотъ, что заговорилъ съ нимъ, былъ несомнѣнно лондонецъ; у него было правильное, красивое, женственное лицо, указывавшее, что этотъ человѣкъ впиталь въ себя порочную атмосфэру предмѣстья вмѣстѣ съ молокомъ матери. На головѣ у него былъ грязный, бѣлый колпакъ, а вокругъ его слабыхъ бедеръ былъ повязанъ грубый, грязный мѣшокъ; все это вмѣстѣ указывало на то, что онъ былъ поваромъ въ той необыкновенно грязной судовой кухнѣ, въ которой я въ данный моментъ находился.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, сэръ?—спросилъ онъ съ угодливой улыбкой, которая можетъ выработаться только поколѣніями людей, привыкшихъ получать «на чай».

Въ отвѣтъ я съ трудомъ приподнялся и сѣлъ, а Ионсонъ помогъ мнѣ стать на ноги. Бренчанье кастрюли страшно дѣйствовало мнѣ на нервы. Я не могъ собрать своихъ мыслей. Держась за деревянную обшивку стѣны—при чемъ жирная грязь, которой она вся была покрыта, заставила

меня содрогнуться отъ отвращенія,—я добрался до раздражавшей меня кастрюли, снялъ ее съ крючка и бросилъ ее въ ящикъ съ углемъ.

Поваръ насмѣшливо улыбнулся при такомъ проявленіи нервности, и, всунувъ въ мою руку кружку съ дымящимся напиткомъ, сказалъ:

— Пейте, это вамъ поможетъ.

Это было тошнотворное варево—судовое кофе, но теплота его была живительна. Глотая эту подозрительную жидкость, я посмотрѣлъ на свою ободранную, окровавленную грудь и обратился къ скандинаву.

— Благодарю васъ, мистеръ Ионсонъ,—сказалъ я;—но вамъ не кажется, что ваши усилія были черезчуръ энергичны?

Онъ понялъ упрекъ и сталъ разсматривать свою ладонь. Она была необыкновенно мозолистая. Я провелъ рукой по ея твердымъ выпуклостямъ и стиснулъ зубы, вспомнивъ, какое ужасное ощущеніе производило ихъ треніе по моей кожѣ.

— Мое имя Джонсонъ, а не Ионсонъ,—сказалъ онъ медленно, но безъ всякаго иностраннаго акцента *).

Въ его голубыхъ глазахъ я увидѣлъ мягкій упрекъ и въ то же время робкую искренность и мужество, что тотчасъ же расположило меня къ нему.

— Благодарю васъ, мистеръ Джонсонъ,—поправился я и протянулъ ему руку.

---

*) Скандинавы обыкновенно затрудняются произносить англійскій звукъ «дж» и замѣняютъ его звукомъ «и».

(Прим. перев.)

Онъ засмѣялся, неуклюже и застѣнчиво переступая съ ноги на ногу, но затѣмъ вдругъ схватилъ мою руку и сердечно потрясъ ее.

— Есть у васъ какое-нибудь сухое платье, которое я могъ бы надѣть?—спросилъ я кока.

— Есть, сэръ,—отвѣтилъ онъ съ живостью.— Я побѣгу внизъ и посмотрю свой гардеробъ, если вы только ничего не имѣете, сэръ, противъ моего платья.

Онъ нырнулъ, или, вѣрнѣе, выскользнулъ въ дверь кухни съ такой быстротой и угодливостью, что меня поразила не столько его кощачья ловкость, сколько необыкновенное свойство скользить, точно онъ весь былъ вымазанъ масломъ. На самомъ дѣлѣ, какъ я потомъ узналъ, это свойство было самымъ выдающимся качествомъ его природы.

— А гдѣ я нахожусь?—спросилъ я Джонсона, въ которомъ я совершенно вѣрно угадалъ матроса.—Что это за судно и куда оно идетъ?

— Оно идетъ мимо острововъ Фараллоновъ, направляясь къ юго-западу,—отвѣтилъ онъ медленно и методично, точно слѣдя за своими выраженіями и придерживаясь порядка моихъ вопросовъ.— Эта шхуна *Призракъ*, она отправляется въ Японію на котиковые промыслы.

— А кто капитанъ? Я долженъ сейчасъ же видѣть его, какъ только переодѣнусь.

Джонсонъ почему-то смутился и отвѣчалъ не сразу.

— Имя капитана Волкъ Ларсенъ, по крайней мѣрѣ, такъ зовутъ его на суднѣ. Но вы лучше

говорите съ нимъ помягче. Онъ золь сегодня; боцманъ...—но онъ не докончилъ. Въ кухню проскользнулъ поваръ.

— Вы лучше проваливайте отсюда, Ионсонъ,—сказаль онъ.—А то вы понадобитсяъ старику на палубѣ, а онъ не въ такомъ настроеніи сегодня, чтобы спокойно ждать васъ.

Джонсонъ послушно направилъ къ двери, но многозначительно подмигнулъ мнѣ за спиной повара, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть значеніе своихъ словъ о необходимости говорить съ капитаномъ помягче.

Какъ принесъ одежду; она была ужаснаго вида: вся заскорузлая отъ грязи и съ ужаснымъ запахомъ.

— Она была мокрая, сэръ, и сушилась,—объяснилъ онъ.—Но вы побудете въ ней только до тѣхъ поръ, пока я высушу вашу передъ огнемъ.

Держась за деревянную обшивку стѣны и качаясь вмѣстѣ съ кораблемъ, я кое-какъ, съ помощью повара, натянулъ на себя грубую, шерстяную фуфайку. Я невольно ежился отъ ея колючаго прикосновенія къ моему тѣлу. Онъ замѣтилъ это и со сладкой улыбкой сказаль:

— Я надѣюсь, что вамъ никогда больше въ жизни не придется носить подобной одежды, сэръ, потому что у васъ нѣжная, тонкая кожа, какъ у женщины. Я сейчасъ же догадался, что вы джентльмэнъ, какъ только взглянулъ на васъ.

Я не влюбилъ его съ перваго же взгляда, и, когда онъ помогаль мнѣ одѣваться, эта неприязнь еще усилилась. Было что-то отвратительное въ

его прикосновеніи. Я съеживался, когда его рука дотрагивалась до меня. Я спѣшилъ скорѣе выйти на свѣжій воздухъ еще потому, что изъ разныхъ кипящихъ и булькающихъ на печкѣ горшковъ исходилъ невыносимо противный запахъ. Кромѣ того, мнѣ нужно было видѣть капитана, чтобы поговорить съ нимъ о томъ, какъ мнѣ переправиться на берегъ. Поваръ, ни на минуту не умякая, облекъ меня въ дешевую ситцевую рубаху съ разорваннымъ воротникомъ и какими-то пятнами на груди, которыя я принялъ за плохо смытую кровь. На ноги я натянулъ бумажные, синіе, вылинявшіе рабочіе штаны, одна штанина которыхъ была на десять дюймовъ короче другой, и пару грубыхъ башмаковъ.

— Кого же я долженъ поблагодарить за доброту?—спросилъ я, когда былъ уже въ полномъ нарядѣ, т.-е. когда у меня на головѣ была крохотная дѣтская шапочка, а на плечахъ, вмѣсто пиджака, грязная, бумажная, полосатая куртка, которая еле доходила мнѣ до талии, и рукава которой хватали мнѣ только до локтей. Поваръ скромно выпрямился съ угодливой улыбкой на лицѣ. Благодаря опыту съ лакеями на атлантическихъ пароходахъ, я готовъ былъ поклясться, что онъ ожидаетъ отъ меня подачку. Теперь, когда я вполнѣ понимаю эту тварь, я знаю, что его игра была совершенно безсознательна. Это были просто наслѣдственные угодливость и подбострастье.

— Мое имя Могриджъ, сэръ,—сказалъ онъ, и его женственное лицо расплылось въ слащавую

улыбку.—Томасъ Могриджъ, сэръ, къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо, Томасъ,—сказаль я.—Я васъ не забуду, когда моя одежда высохнетъ.

Его лицо просвѣтлѣло и глаза блеснули.

— Благодарю васъ, сэръ,—сказаль онъ съ смиренной благодарностью въ голосъ.

Тотчасъ же дверь открылась, онъ отступилъ въ сторону, и я вышелъ на палубу. Я еще чувствовалъ слабость отъ долгаго пребыванія въ водѣ. На меня налетѣли порывы вѣтра; я пошатнулся и кое-какъ добрелъ по движущейся подо мной палубѣ до каюты, за которую и ухватился. Шхуна такъ и ныряла по могучимъ волнамъ Тихаго океана. Если она идетъ на юго-западъ, какъ сказаль Джонсонъ, то вѣтеръ, воображалъ я, дуетъ съ юга. Туманъ исчезъ, и солнце ярко сверкало на зыбкой поверхности воды. Я посмотрѣлъ на западъ, гдѣ должна была находиться Калифорнiя, но ничего не увидѣлъ, кромѣ низко разстилавшагося тумана—того самаго тумана, который былъ причиной гибели *Мартинеца*, и благодаря которому я попалъ въ мое настоящее положенiе. На сѣверъ отъ насъ, и не очень далеко, виднѣлась группа голыхъ скалъ, поднимавшихся изъ моря, на которыхъ я могъ различить маякъ. На юго-западъ, почти въ нашемъ курсѣ, я увидѣлъ туманное очертанiе треугольныхъ парусовъ какого-то судна.

Окончивъ обзоръ горизонта, я сталъ разсматривать то, что непосредственно окружало меня. Прежде всего я подумаль, что человѣкъ, потер-

пѣвшій кораблекрушеніе и только что вырвавшійся изъ объятій смерти, заслуживаетъ больше вниманія со стороны окружающихъ, чѣмъ я это замѣтилъ по отношенію къ себѣ.

Кромѣ матроса, стоявшаго у руля и глядѣвшаго на меня съ любопытствомъ изъ-за крыши каюты, я не привлекалъ ничьего вниманія.

Всѣ, повидимому, интересовались тѣмъ, что дѣлалось на срединѣ судна. Тамъ, на люкѣ, лежалъ навзничъ какой-то очень крупный человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ, но рубаха на груди была широко раскрыта и разорвана. Однако на груди не было видно ничего особеннаго, она только была покрыта густыми черными волосами, походившими на собачью шерсть. Его лицо и шею закрывала черная борода съ пробивавшейся кое-гдѣ сѣдиною; борода должно быть была жесткая и пышная, но сейчасъ она была всклокочена и грязна и съ нея текла вода. Глаза его были закрыты, и онъ, повидимому, былъ безъ сознанія; но его ротъ былъ широко раскрытъ, и грудь тяжело вздымалась, какъ-будто онъ задыхался и съ трудомъ втягивалъ дыханіе. Одинъ матросъ отъ времени до времени методично опускалъ привязанное къ веревкѣ ведро въ океанъ, набиралъ воды, вытягивалъ ведро наверхъ и выплескивалъ его содержимое на распростертую на палубѣ фигуру.

Вдоль судна шагаль, свирѣло жуя кончикъ сигары, тотъ самый человѣкъ, случайный взглядъ котораго, упавъ на меня, спасъ меня отъ смерти. Онъ былъ, вѣроятно, пяти футовъ и десяти или

десяти съ половиною дюймовъ росту, но въ глаза бросался не его ростъ, а его необычайно могучая фигура. И хотя онъ былъ очень плотно сложенъ, и у него были широкія плечи и богатырская грудь, однако его фигура не производила впечатлѣннiя громоздкой и тяжелой. Чувствовалось, что онъ весь состоитъ изъ мускуловъ, словно горилла. Но это не значитъ, что его наружность тоже напоминала гориллу. Мнѣ хочется этимъ сравненiемъ только указать, что онъ производилъ впечатлѣнiе необычайной силы. Это была та сила, съ которой мы привыкли связывать представленiе вообще о чемъ-то примитивномъ: о дикихъ животныхъ, напримѣръ, или о нашихъ прототипахъ пещернаго періода; сила дикая, свирѣпая, чрезвычайно активная; казалось, что въ него заложено чрезвычайно много той первоначальной энергiи, изъ которой получились всѣ многообразныя формы жизни.

Таково было мое первое впечатлѣнiе о чловѣкѣ, который ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ. Онъ твердо держался на ногахъ; его ноги увѣренно ступали по палубѣ; всѣ движенiя его мускуловъ, отъ тяжелаго вздыманiя груди до сжиманiя губами сигары, были очень рѣшительны и, казалось, исходили изъ чрезмѣрной, подавляющей силы. Однако, хотя каждое его движенiе было проникнуто необычайной силой все же казалось, что внутри у него скрывалась еще большая сила, которая спала, но могла возстать каждый моментъ, страшная и разрушительная, какъ ярость льва, или какъ бушеванiе бури.

Кокъ высунуль голову изъ дверей кухни и, ободряюще улыбаясь мнѣ, показываль пальцемъ на человѣка, который ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ. Онъ такимъ образомъ хотѣлъ дать мнѣ понять, что это и есть капитанъ, «старикъ» какъ называль его онъ, человѣкъ, съ которымъ мнѣ надо было поговорить относительно моей переправы на берегъ. Я уже сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы покончить съ дѣломъ, которое, какъ я думаль, должно было быть рѣшено въ теченіе какихъ-нибудь пяти минутъ, но остановился, ибо у лежавшаго на землѣ несчастнаго начался особенно сильный припадокъ удушья. Онъ конвульсивно корчился и извивался. Подбородокъ, съ мокрой, черной бородой поднялся вверхъ, спинные мускулы напряглись, и грудь расширилась въ инстинктивномъ усилии глотнуть побольше воздуха. Я зналь, что подъ его бородою кожа, которую совершенно не было видно, стала красно-багровой.

Капитанъ, или Волкъ Ларсенъ, какъ называла его команда, пересталъ ходить и сталъ смотрѣть на умирающаго человѣка. Послѣдняя борьба за жизнь была такъ бурна, что матросъ, поливавшій его водой, тоже остановился и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, а вода изъ ведра тоненькими струйками бѣжала на палубу. Умирающій выбиваль пятками дробь по люку, вытягиваль ноги, напрягая всѣ свои силы, и моталь головою изъ стороны въ сторону. Затѣмъ его мускулы разжались, голова перестала мотаться, и вздохъ, какъ бы глубокаго облегченія, вырвался изъ его груди.

Нижняя челюсть его опустилась, и верхняя губа приподнялась, обнаживъ два ряда черныхъ отъ табаку зубовъ. Казалось, что черты его застыли въ дьявольской усмѣшкѣ по отношенію къ оставленному имъ міру, который онъ все-таки перехитрилъ.

Затѣмъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Капитанъ вдругъ набросился на мертваго съ бранью. Ругательства и проклятія непрерывнымъ потокомъ посыпались съ его усть. И это были не какія-нибудь бессмысленныя или просто неприличныя ругательства; нѣтъ, каждое слово было изысканнымъ богохульствомъ, а словъ было очень много. Они вылетали изъ его рта съ такимъ трескомъ, какъ электрическія искры. Я никогда ничего подобнаго не слышалъ въ своей жизни и даже не могъ себѣ представить, чтобы такая брань была возможна. Такъ какъ я самъ любилъ и всегда искалъ сильныя выраженія и красивые, энергичные обороты рѣчи, то я, больше чѣмъ всѣ другіе слушатели, могъ оцѣнить съ чисто художественной стороны необыкновенную выразительность, силу и абсолютное богохульство его метафоръ. Причиной этого гнѣва, насколько я могъ понять, было то, что этотъ человекъ, который былъ боцманомъ судна, загулялъ при отъѣздѣ изъ Санъ-Франциско и затѣмъ имѣлъ глупость умереть въ самомъ началѣ путешествія, оставивъ Волка Ларсена безъ боцмана.

Лишнее говорить, по крайней мѣрѣ, моимъ друзьямъ, что я все-таки былъ глубоко шокированъ. Ругательства и грубость всегда были мнѣ

глубоко противны. Я чувствовалъ себя отвратительно, сердце у меня билось и меня тошнило. Смерть всегда соединялась въ моемъ представленіи съ торжественностью и достоинствомъ. Она мнѣ всегда представлялась мирной и освященной мистическими таинствами. Но смерть тяжелая, мучительная и грязная была мнѣ совершенно незнакома. Какъ я сказалъ, хотя и я оцѣнилъ силу и выразительность ужасныхъ богохульствъ, которыя исходили изъ устъ Ларсена, но тѣмъ не менѣе я былъ глубоко возмущенъ. Жгучій потокъ проклятій, казалось, могъ вызвать гримасу даже на лицѣ трупа. Но мертвецъ остался равнодушенъ ко всему. Онъ продолжалъ усмѣхаться насмѣшливо и презрительно. Онъ все-таки былъ истиннымъ хозяиномъ положенія.

III.

Волкъ Ларсенъ пересталъ браниться такъ же внезапно, какъ и началъ. Онъ снова зажегъ свою сигару и посмотрѣлъ вокругъ себя. Его взглядъ упалъ на кока.

— Ну, что, поварокъ?—началъ онъ ласково, но эта ласковость была холодна, какъ сталь.

— Что угодно, сэръ?—угодливо отозвался кокъ.

— Не думаете ли вы, что вы уже достаточно долго вытягивали свою шею? Это, вѣдь, вредно для здоровья, знаете? Боцманъ умеръ, и я не могу потерять еще и васъ, это было бы чрезмѣрной роскошью. Вы должны очень заботиться о своемъ здоровьѣ, поварокъ. Поняли?

Тонъ, какимъ было сказано это послѣднее слово, представлялъ разительный контрастъ съ тономъ его предыдущей рѣчи. Слово хлестнуло, какъ ударъ бича. Поваръ совсѣмъ съежился.

— Слушаю, сэръ,—робко отвѣтилъ онъ, и его провинившаяся голова мигомъ исчезла въ кухонную дверь.

Но этотъ неожиданный нагоняй, очевидно, относился не только къ повару, потому что и остальная команда тотчасъ же приняла равнодушный видъ и каждый взялся за свое дѣло. Только нѣсколько человѣкъ, которые праздно шатались по палубѣ, между люкомъ и кухней, и которые, повидимому, не были матросами, продолжали негромко разговаривать между собою. Какъ я потомъ узналъ, это были охотники, люди убивавшіе котиковъ и считавшіеся значительно высшей породы, чѣмъ обыкновенные матросы.

— Иогансенъ!—крикнулъ Волкъ Ларсенъ. Одинъ матросъ послушно приблизился къ нему.—Принесите свою иглу и кожаную ладонь и зашейте этого прощельгу. Кусокъ старой парусины найдете въ парусной кладовой. Постарайтесь, чтобы ее хватило.

— Что мы привяжемъ къ его ногамъ, сэръ?—спросилъ матросъ послѣ обычныхъ «слушаю, сэръ».

— Посмотримъ,—отвѣтилъ Ларсенъ и закричалъ:—Поваръ!

Томасъ Могриджъ выскочилъ изъ кухни, какъ Петрушка изъ-за ширмъ.

— Пойдите внизъ и наберите мѣшокъ угля.

— У кого-нибудь изъ васъ, господа, есть биб-

лія?—спросилъ затѣмъ капитанъ, обращаясь къ охотникамъ, ходившимъ по палубѣ.

Они отрицательно покачали головой, при чемъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ какое-то шутовое замѣчаніе, которое я не слышалъ и которое вызвало общій смѣхъ.

Волкъ Ларсенъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ матросамъ. Библия и молитвенникъ были, повидимому, рѣдко встрѣчающейся вещью среди этихъ людей; но одинъ изъ матросовъ вызвался сходить внизъ и спросить у смѣнныхъ вахтенныхъ, но черезъ минуту онъ возвратился съ отвѣтомъ, что и у нихъ нѣтъ требуемой книги.

Капитанъ пожалъ плечами.—Ну, въ такомъ случаѣ мы его опустимъ безъ лишней болтовни, если только человѣкъ, котораго мы нашли за бортомъ, не знаетъ погребальныхъ молитвъ; онъ похожъ на священника.

Съ этими словами онъ повернулся ко мнѣ, и посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Вы священникъ, не такъ ли? — спросилъ онъ.

Охотники—ихъ было шесть—повернулись и посмотрѣли на меня. Я съ болью сознавалъ, что я болше всего походилъ на воронье пугало. Раздался смѣхъ, и этотъ смѣхъ не былъ ни тише, ни мягче отъ того, что мертвый человѣкъ съ своей насмѣшливой улыбкой лежалъ тутъ же на полу передъ нами; этотъ смѣхъ былъ также громокъ, грубъ и откровененъ, какъ само море; ибо онъ исходилъ изъ грубыхъ чувствъ и притупленной чувствительности этихъ грубыхъ натуръ, которыя и не подо-

зрѣвали о существованіи вѣжливости или деликатности.

Волкъ Ларсенъ не размѣялся, хотя и въ его сѣрыхъ глазахъ блеснула веселая искорка; и въ этотъ моментъ, сдѣлавъ шагъ впередъ и ставъ съ нимъ лицомъ къ лицу, я впервые рассмотрѣлъ этого человѣка, независимо отъ его фигуры и отъ того потока брани, который только что изливался изъ его усть. Лицо его съ крупными чертами и рѣзкими линіями было довольно грубое и съ перваго взгляда казалось массивнымъ; но, какъ и въ фигурѣ, массивность какъ-то скрадывалась и оставалось впечатлѣніе, что гдѣ-то въ глубинахъ его души таилась огромная умственная или духовная сила. Нижняя челюсть, подбородокъ, довольно высокій лобъ съ выпуклостями надъ бровями,— всѣ эти черты необычайно крупныя и крѣпкія сами по себѣ, казалось, еще говорили о необыкновенной силѣ и мужествѣ духа, незримаго для глазъ.

Глаза — а мнѣ впоследствии пришлось узнать ихъ хорошо — были большіе и красивые, широко разставленные, и прятались подъ густыми, черными дугообразными бровями. Они были того обманчиваго сѣраго цвѣта, который вѣчно мѣняется и принимаетъ различные оттѣнки и цвѣта; который бываетъ то свѣтло-сѣрымъ, то темно-сѣрымъ, то сѣро-зеленымъ, то сѣро-голубымъ, чистымъ и яснымъ, какъ морская лазурь. Это были глаза, которые скрывали душу за тысячью ширмъ и которые, иногда, въ чрезвычайно рѣдкіе моменты открывались и какъ бы совершенно обнажали ее.

Эти глаза могли хмуриться и въ своей безнадежной мрачности походить на сѣрое свинцовое небо; могли сверкать и сыпать искрами, какъ быстро мелькающая въ воздухѣ шпага; могли становиться холодными, какъ полюсь, и могли становиться теплыми и мягкими; въ нихъ тогда свѣтились огоньки любви, глубокой и мужественной, притягательной и порабащающей, которая въ одно и то же время очаровываетъ и подчиняетъ женщинъ, заставляя ихъ покоряться съ радостью, съ полной готовностью къ какой угодно жертвѣ.

Но возвратимся къ разсказу. Я сказалъ ему, что, къ несчастью, я не священникъ; тогда онъ рѣзко спросилъ:

— Чѣмъ же вы зарабатываете свой хлѣбъ?

Сознаюсь, что мнѣ никто еще не предлагалъ подобнаго вопроса, и мнѣ никогда еще не приходилось о немъ думать. Онъ засталъ меня врасплохъ, и, прежде чѣмъ я могъ найтись, я глупо отвѣтилъ, запинаясь:—Я... я джентльмэнъ *).

Его губы искривились насмѣшливой улыбкой.

— Я работалъ и работаю,—закричалъ я поспѣшно, точно онъ былъ мой судья и мнѣ нужно было оправдаться передъ нимъ; хотя въ то же время я вполне сознавалъ всю глупость и ненужность своихъ объясненій.

— Для хлѣба?

Въ немъ было нѣчто до того властное и повелительное, что я совершенно растерялся, я былъ

---

*) Баринъ.

ошеломленъ, какъ ребенокъ, дрожащій отъ страха передъ строгимъ учителемъ.

— Кто васъ кормить?

— У меня есть средства,— отвѣтилъ я глупо и чуть не прикусилъ себѣ языкъ отъ злости.—Но, простите, все это не имѣетъ никакого отношенія къ тому, о чемъ я, собственно, хотѣлъ говорить съ вами.

Но онъ не обратилъ никакого вниманія на мое возраженіе.

— А кто ихъ добылъ? А? Я такъ и думалъ. Вашъ отецъ? Вы висите на ногахъ умершаго человѣка. У васъ никогда не было ничего своего. Вы сами не могли бы прожить ни одного дня собственными средствами и ничего достать, чѣмъ бы набить себѣ желудокъ. Покажите мнѣ вашу руку.

Прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить что дѣлать, онъ сдѣлалъ два шага по направленію ко мнѣ, схватилъ мою правую руку и сталъ ее разсматривать. Я попробовалъ отнять ее, но его пальцы безъ всякаго видимаго усилія сжимали ее все крѣпче и крѣпче, пока я не почувствовалъ, что онъ скоро мнѣ ее раздавитъ. При такихъ обстоятельствахъ было трудно сохранить свое достоинство. Я не могъ ни бороться, ни вырывать ее какъ школьникъ; но не могъ также броситься на это чудовище, такъ какъ ему стоило только повернуть мою руку, чтобы сломать ее. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только стоять и терпѣливо переносить это оскорбленіе. Но въ то же время я успѣлъ замѣтить, что карманы умершаго матроса были опорожнены, и содержимое ихъ лежало на палубѣ,

и что его тѣло завернули въ парусину, края которой матросъ Иогансенъ шиваль грубыми суровыми нитками, опирая иглу о кусокъ кожи, прикрѣпленный къ ладони.

Волкъ Ларсенъ съ презрѣніемъ выпустилъ мою руку.

— Руки вашего умершаго отца сохраняютъ ваши руки мягкими и нѣжными. Врядъ ли онѣ годны на что-нибудь иное, кромѣ мытья посуды.

— Я хочу, чтобы вы высадили меня на берегъ,— сказала я твердо, успѣвъ уже овладѣть собою.— Я заплачу вамъ за потерю времени и за беспокойство.

Онъ съ любопытствомъ взглянулъ на меня. Въ глазахъ его заиграла насмѣшка.

— Я хочу вамъ сдѣлать встрѣчное предложеніе. Мой боцманъ умеръ и мнѣ придется сдѣлать кое-какія перемѣщенія. Матросъ, который стоялъ за нимъ, станетъ на его мѣсто, каютный юнга займетъ мѣсто матроса, а вы займете мѣсто юнга, подпишите условіе на рейсъ и будете получать двадцать долларовъ въ мѣсяцъ на полномъ содержаніи. Что вы скажете на это? И знаете, это пойдетъ вамъ на пользу. Это изъ васъ сдѣлаетъ человѣка. Вы за это время можете выучиться стоять на собственныхъ ногахъ и можетъ быть и немного ковылять на нихъ.

Но я его не слушалъ. Паруса судна, которое я замѣтилъ на юго-западѣ, становились больше и яснѣе. Это была такая же шхуна какъ и *Призракъ*, хотя корпусъ самого судна былъ нѣсколько меньше. Она красиво неслась, прыгая по волнамъ,

прямо на насъ, повидимому, собираясь пройти совсѣмъ близко отъ насъ. Вѣтеръ вдругъ усилился, и солнце, нѣсколько разъ сердито сверкнувъ, исчезло за тучами. Море стало вдругъ свинцово-сѣрымъ, вздулось и начало подбрасывать бѣлые пѣнящіеся гребни къ самому небу. Мы пошли быстрѣе, сильно накренившись на одну сторону. Однажды, при сильномъ порывѣ вѣтра бортъ погрузился въ воду, и палуба на той сторонѣ на минуту покрылась водой, что заставило нѣсколькихъ охотниковъ быстро отскочить отъ борта.

— Это судно скоро пройдетъ мимо насъ,—сказалъ я послѣ небольшой паузы.— Такъ какъ оно идетъ въ обратномъ направленіи, то возможно, что оно направляется въ Санъ-Франциско.

— Весьма возможно,—отвѣтилъ Волкъ Ларсенъ, полу-отвернувшись отъ меня, и тотчасъ же закричалъ:—Поварь! Эй, поварь!

Лондонецъ высунулся изъ кухни.

— Гдѣ тотъ малый? Скажите ему, чтобъ онъ шелъ сюда.

— Слушаю, сэръ,—и Томасъ Могриджъ быстро шмыгнулъ на носъ судна и исчезъ въ кубрикѣ. Черезъ минуту онъ вынырнулъ оттуда, и вслѣдъ за нимъ вышелъ молодой парень, лѣтъ восемнадцати или девятнадцати, съ крѣпкой, коренастой фигурой и красной, неприятной фізіономіей.

— Вотъ онъ, сэръ,—сказалъ поварь.

Но Волкъ Ларсенъ не обратилъ на него вниманія и тотчасъ же обратился къ юнгѣ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Джорджъ Личъ, сэръ,—послышался недо-

вольный отвѣтъ и на лицѣ юнги ясно читалось, что онъ догадывается, для чего его позвали.

— Это не ирландское имя,— рѣзко бросилъ капитанъ.— О, Туль или Макъ-Карти больше подходило бы къ вашей поганой рожѣ. А то можетъ быть въ роду вашей матери имѣлся какой-нибудь ирландецъ?

Я видѣлъ какъ кулаки юноши судорожно сжались при этомъ оскорбленіи и какъ побагровѣла его шея.

— Ну ладно, это неважно,— продолжалъ Ларсенъ.— У васъ могутъ быть достаточно уважительныя основанія, чтобы забыть свое имя, и вы мнѣ отъ этого будете нравиться не меньше, если только будете хорошо дѣлать свое дѣло. По рожѣ видно, что вамъ хорошо знакомъ Телеграфный Холмъ, гдѣ живутъ жулики города Санъ-Франциско. Ну, тѣ повадки здѣсь надо будетъ бросить, поняли? Кто нанялъ васъ на судно?

— Агенты Макъ-Креди и Свансонъ.

— Сэръ!— закричалъ на него Ларсенъ.

— Макъ-Креди и Свансонъ, сэръ, — поправился юноша, и въ глазахъ его блеснулъ злой огонекъ.

— А кто получилъ задатокъ?

— Они, сэръ.

— Я такъ и думалъ. И знаю, что вы съ ними спорить не стали — были рады поскорѣе скрыться куда-нибудь отъ глазъ полицейскихъ, которые искали васъ.

Юноша въ одно мгновеніе преобразился: его тѣло сжалось какъ бы для прыжка, лицо приняло выраженіе разъяреннаго звѣря, и онъ злобно прорычалъ:— Это...

— Это что?— спросилъ Ларсенъ съ неожиданной мягкостью въ голосѣ, какъ будто ему страшно любопытно было узнать, что тотъ не договорилъ.

Юноша запнулся и, повидимому, старался овладѣть собой. — Ничего, сэръ, я беру это обратно.

Вы только подтвердили мои догадки,—сказалъ Ларсенъ съ улыбкой удовлетворенія.—Сколько вамъ лѣтъ?

— Только что исполнилось шестнадцать, сэръ.

— Ложь. Вамъ больше никогда не будетъ семнадцати. Все равно великъ для своего возраста и мускулы какъ у лошади. Сложите свой багажъ и направляйтесь въ передній кубрикъ. Вы теперь матросъ и гребецъ. Получили повышение; понимаете?

Не ожидая согласія юнга, капитанъ повернулся къ нему спиною и обратился къ матросу, который только что окончилъ тяжелую обязанность зашиванія трупа.—Иогансенъ, вы знаете, что-нибудь по навигаціи?

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну, ничего. Вы все равно теперь боцманъ. Перенесите свои пожитки въ каюту боцмана.

— Слушаю, слушаю, сэръ,—радостно отвѣтилъ Иогансенъ и пошелъ исполнять приказаніе.

Тѣмъ временемъ юнга стоялъ на мѣстѣ не двигаясь.

— Вы чего ждете?—спросилъ его Ларсенъ.

— Я не нанимался гребцомъ, сэръ,—отвѣтилъ онъ.—Я подписывалъ условіе на юнгу. И я вовсе не хочу быть матросомъ,

— Складывайте свои вещи и отправляйтесь на бакъ!

На этотъ разъ приказаніе звучало необыкновенно властно. Парень злобно взглянулъ на него, но не двинулся съ мѣста.

Тогда въ Волкѣ Ларсенѣ снова зашевелилась его чудовищная сила. Все произошло неожиданно и быстро въ теченіе какихъ-нибудь двухъ секундъ. Онъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ юнги, хотя ихъ отдѣляло разстояніе не меньше шести футовъ, и ударилъ его кулакомъ въ животъ. Въ тотъ же моментъ, какъ-будто меня самого ударили, я почувствовалъ болѣзненное сжатіе въ своемъ желудкѣ. Я говорю объ этомъ для того, чтобы показать чувствительность моей нервной системы въ то время и какъ мнѣ было невыносимо видѣть всякое проявленіе жестокости. Юнга— а онъ вѣсилъ, по крайней мѣрѣ, пудовъ пять— весь съежился. Его тѣло такъ же повисло вокругъ кулака, какъ мокрая тряпка вокругъ палки. Онъ поднялся въ воздухъ, описалъ короткую кривую и упалъ на палубу рядомъ съ трупомъ, гдѣ и остался лежать, корчась и извиваясь отъ боли.

— Ну, что?—спросилъ меня Ларсенъ.—Надумали?

Я взглянулъ въ этотъ моментъ на приближающуюся шхуну; она почти поравнялась съ нами, и разстояніе между нею и нашимъ судномъ было не больше двухсотъ ярдовъ. Это было очень чистенькое, хорошенькое судно; я разглядѣлъ черныя цифры на одномъ изъ его парусовъ и тотчасъ же понялъ, что это лоцманское судно.

— Что это за судно? — спросилъ я.

— Лоцманскій ботъ *Моя Лэди*, — мрачно отвѣтилъ Ларсенъ. — Она сдала своихъ лоцмановъ и теперь возвращается въ Санъ-Франциско. Съ такимъ вѣтромъ она часовъ черезъ пять, шесть будетъ тамъ.

— Въ такомъ случаѣ не будете ли вы такъ добры подать имъ сигналъ, чтобы они меня взяли на бортъ.

— Сожалѣю, но я потерялъ сигнальную книгу, — отвѣтилъ онъ, на что группа охотниковъ насмѣшливо оскалила зубы.

Я съ минуту стоялъ въ нерѣшительности, глядя ему прямо въ глаза. Я видѣлъ, чего добился упорствомъ юнга и зналъ, что то же самое предстоитъ и мнѣ, если не что-нибудь еще хуже. Какъ я сказалъ, я колебался только одинъ моментъ, и затѣмъ я сдѣлалъ то, что до сихъ поръ считаю самымъ смѣлымъ поступкомъ въ моей жизни. Я подбѣжалъ къ борту и, махая руками, закричалъ:

— Эй, *Моя Лэди*! Доставьте меня на берегъ! Тысячу долларовъ, если доставите меня на берегъ!

Я ждалъ, глядя на двухъ людей, стоявшихъ у штурвала; одинъ изъ нихъ правилъ, другой взялъ мегафонъ и приставилъ его къ своимъ губамъ. Я не поворачивалъ головы, хотя каждый моментъ ждалъ смертельнаго удара со стороны человѣка-звѣря, стоявшаго позади меня. Наконецъ, спустя нѣкоторое время, которое показалося мнѣ столѣтнемъ, не будучи въ состояннн

дольше выносить напряженія, я обернулся. Онъ не двинулся съ мѣста и стоялъ въ той же позѣ, слегка покачиваясь при качаніи судна, и закури-валъ свѣжую сигару.

— Въ чемъ дѣло? Что-нибудь случилось?— Это кричали съ *Моей Лэди*.

— Да!—закричалъ я изо всей силы своихъ легкихъ.—Это вопросъ жизни или смерти! Тысячу долларовъ, если доставите меня на берегъ!

— Бѣлоручка боится ѣхать съ нами; воображаетъ, что на него нападутъ морскія змѣи и обезьяны!—закричалъ затѣмъ Ларсенъ.

Человѣкъ на *Моей Лэди* расхохотался въ мегафонъ. Лоцманскій ботъ прошелъ мимо.

— Пошлите его къ чорту отъ меня!—закричали затѣмъ оттуда, и оба человѣка замахали руками въ знакъ прощанія.

Я въ отчаяніи поникъ головою на край борта, глядя какъ маленькое, чистенькое судно быстро удаляется отъ насъ. И оно должно было быть въ Санъ-Франциско черезъ пять или шесть часовъ! Мнѣ казалось, что я сейчасъ помѣшаюсь. Въ горлѣ у меня была такая боль, точно сердце мое поднялось въ горло и застряло тамъ. Волна съ курчавымъ гребнемъ ударилась о бортъ и обдала мои губы соленой струей. Вѣтеръ крѣпчалъ и *Призракъ* несся впередъ, черпая по временамъ волны подвѣтреннымъ бортомъ. Я слышалъ, какъ вода съ шумомъ заливала палубу.

Когда нѣсколько минутъ спустя я посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ, что юнга старался подняться на ноги. Лицо его было смертельно блѣдно

и кривилось отъ боли. Повидимому, онъ чувствовалъ себя очень скверно.

— Ну, что, Личъ, пойдете въ матросы?—спросилъ Ларсенъ.

— Да, сэръ.

— А вы?—спросилъ онъ меня.

— Я дамъ вамъ тысячу долларовъ...—началь, было, я, но онъ меня перебилъ.

— Довольно! Берете ли вы на себя обязанность юнги или нѣтъ? Или мнѣ нужно и васъ тоже взять въ руки?

Что мнѣ оставалось дѣлать? Дать звѣрски избить, а можетъ-быть и убить себя? Но ни то ни другое не помогло бы мнѣ. Я пристально посмотрѣлъ въ его жестокіе, сѣрые глаза. Они могли бы быть изъ гранита, такъ мало было въ нихъ свѣта и человѣчности. Въ глазахъ иныхъ людей можно увидѣть душу, но его глаза были мрачны, холодны и сѣры, какъ само море.

— Ну?

— Да,—сказалъ я.

— Скажите: «да, сэръ».

— Да, сэръ,—поправился я.

— Какъ ваше имя?

— Ванъ-Вейденъ, сэръ.

— Не фамилія, а имя?

— Гёмфри, сэръ; Гёмфри Ванъ-Вейденъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать пять, сэръ.

— Хорошо. Идите къ коку; онъ вамъ укажетъ, что дѣлать.

Такимъ образомъ я попалъ на невольную службу

къ Волку Ларсену. Онъ былъ сильнѣе меня, вотъ и все. Но въ то же время все это казалось мнѣ просто нереальнымъ; мнѣ и теперь кажется, что это было нереально; это всегда будетъ мнѣ казаться чѣмъ-то чудовищнымъ, непонятнымъ, какъ ужасный кошмаръ.

— Подождите!

Я послушно остановился на полдорогѣ къ кухнѣ.

— Иогансенъ, созовите всю команду. Теперь, когда у насъ все выяснено, мы займемся похоронами, чтобы очистить палубу отъ лишняго хлама.

Пока Иогансенъ сзывалъ снизу команду, два матроса по приказанію капитана положили зашитое въ холстъ тѣло на крышу трюма. Съ одной и другой стороны судна, вдоль борта, были привязаны небольшія лодки, перевернутыя вверхъ дномъ. Нѣсколько человѣкъ подняли крышу трюма съ его страшнымъ грузомъ, понесли ее на подвѣтренную сторону и положили на лодки, при чемъ ноги трупа были обращены къ борту. Къ ногамъ былъ привязанъ принесенный поваромъ мѣшокъ съ углемъ.

Мнѣ всегда казалось, что погребеніе на морѣ должно носить особенно торжественный характеръ и внушать благоговѣніе, но я скоро былъ разочарованъ, по крайней мѣрѣ, этимъ погребеніемъ. Одинъ изъ охотниковъ, маленькій черноглазый человѣчекъ, котораго его товарищи звали Смокомъ («Дымомъ»), рассказывалъ какую-то исторію, щедро пересыпая ее ругательствами и непристойностями; и каждую минуту группа охот-

никовъ покатывалась со смѣху, который звучалъ для меня, какъ вой стаи волковъ, или хохоть дьяволовъ въ аду. Команда шумно толпилась позади; нѣкоторые очередные вахтенные протирали заспанные глаза и тихо разговаривали между собою. На лицахъ ихъ стояло злобное, сосредоточенное выраженіе. Было очевидно, что имъ не нравилась перспектива путешествія съ такимъ капитаномъ, да еще начатаго при такихъ зловѣщихъ обстоятельствахъ. Отъ времени до времени они украдкою кидали косые взгляды на Волка Ларсена, и я видѣлъ, что они боялись его.

Онъ подошелъ къ тѣлу и всѣ обнажили головы. Я пробѣжалъ глазами по ихъ рядамъ; ихъ было всего двадцать человекъ, а, включая меня и рулевого, двадцать два. Я съ понятнымъ любопытствомъ изучалъ ихъ, ибо, повидимому, судьба предназначала мнѣ провести вмѣстѣ съ ними, на этомъ миниатюрномъ, плывущемъ міркѣ, многія недѣли, а можетъ-быть и мѣсяцы. Матросы, по большей части, были англичане и скандинавы, и лица у нихъ были грубыя и суровыя. У охотниковъ же лица были разнообразнѣе и подвижнѣе, съ рѣзкими линіями и слѣдами ничѣмъ не сдерживаемыхъ страстей. Странное дѣло, но я тотчасъ же замѣтилъ, что на лицѣ Волка Ларсена не было этого отвратительнаго отпечатка; въ его лицѣ не было ничего порочнаго. Оно, скорѣе, производило впечатлѣніе прямоты, что еще больше усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что оно было гладко выбрито. Я съ трудомъ могъ повѣрить, что это было лицо человека,

который могъ такъ вести себя, какъ онъ велъ себя по отношенію къ юнгѣ.

Въ тотъ моментъ, когда онъ открылъ ротъ, чтобы говорить, порывы вѣтра одинъ за другимъ налетѣли на судно и наклонили его на бокъ. Вѣтеръ пѣлъ свою дикую пѣсню въ снастяхъ, и нѣкоторые охотники тревожно смотрѣли наверхъ. Подвѣтренный бортъ, гдѣ лежало мертвое тѣло, зарылся въ море, и когда шхуна поднялась и выпрямилась, вода полилась на палубу и замочила наши ноги выше башмаковъ. Пошелъ проливной дождь, и каждая его капля была какъ градина. Когда ливень окончился, Волкъ Ларсенъ началъ говорить, и люди съ обнаженными головами покачивались въ униссонъ съ ныряніемъ судна въ волны.

— Я помню только одну часть морской погребальной службы,—сказалъ онъ,—это: «И тѣло должно быть брошено въ море». Итакъ, бросьте его.

Онъ пересталъ говорить. Люди, державшіе крышку трюма, повидимому, были изумлены и озадачены чрезмѣрной краткостью церемоніи. Онъ въ ярости набросился на нихъ.

— Поднимите тотъ конецъ, чортъ бы васъ взялъ! Какого дьявола вы еще ждете?

Они съ жалкой поспѣшностью приподняли конецъ трюмной крышки, и мертвое тѣло, точно собака швырнутая въ море, соскользнуло съ крышки ногами внизъ и исчезло въ волнахъ.

— Иогансенъ,—рѣзко сказалъ Волкъ Ларсенъ новому боцману,—разъ здѣсь собралась вся команда, то удержите ее здѣсь. Пошлите ее убрать

марсели и клевера и кстати закрѣпить фоки. Надо ждать зюдъ-оста.

Вмигъ дѣло закипѣло; Югансенъ отдавалъ приказанія и команда травила и отдавала всевозможные тросы, которые я, какъ не морякъ, конечно, не могъ разобрать. Но меня поражала больше всего безсердечность всего этого. Умершій человѣкъ, зашитый въ парусину, съ мѣшкомъ угля, привязаннымъ къ ногамъ, былъ только ничтожнымъ эпизодомъ, инцидентомъ, который уже окончился и забытъ, и судно попрежнему шло впередъ и на немъ попрежнему кипѣла привычная работа. Никого, повидимому, это не огорчало. Охотники смѣялись новой шуткѣ Смока; матросы травили тросы и крѣпили паруса, а двое изъ нихъ карабкались наверхъ; Волкъ Ларсенъ изучалъ облачное небо на подвѣтренной сторонѣ; а мертвецъ, такъ непристойно умершій и непристойно погребенный, опускался все глубже и глубже на дно морское...

Тогда-то я вполне понялъ всю жестокость моря, всю его безжалостность и неумолимость. Жизнь показалась мнѣ дешевой, мишурной вещью, грубо животнымъ, бессмысленно копошащимся комкомъ грязи. Я держался за бортъ, закрытый отъ всѣхъ вантами и смотрѣлъ на унылыя, пѣнящіяся волны, на низко свисавшій туманъ въ отдаленіи, за которымъ скрывался Санъ-Франциско и берега Калифорніи. Временами налеталъ шкваль, и тогда я съ трудомъ могъ различать что-нибудь. А это странное судно, съ этими страшными людьми, гонимое вѣтромъ по морю и непрестанно пры-

гавшее по волнамъ, шло все дальше и дальше на юго-западъ въ огромный пустынный Тихій океанъ.

IV.

То, что мнѣ пришлось испытать на шхунѣ *Призракъ*, пока я старался приноровиться къ окружавшей меня обстановкѣ, было полно униженія и боли. Кокъ, котораго команда звала «докторомъ», охотники «Томми», а Ларсенъ «поваркомъ», были теперь совершенно иной. Перемѣна, происшедшая въ моемъ положеніи, вызвала соотвѣтствующую перемѣну въ его обращеніи со мной. Насколько раньше онъ былъ раболѣпенъ и льстивъ, настолько теперь онъ былъ высокомеренъ и придирчивъ. Теперь ужъ я былъ не джентльмэнъ съ тонкой кожей, «какъ у лэди», а обыкновенный и даже никуда не годный юнга.

Эта комичная личность требовала, чтобы я называлъ его мистеромъ Могриджемъ, и его отношеніе ко мнѣ, когда онъ мнѣ показывалъ мои обязанности, было совершенно невыносимо. Помимо уборки четырехъ каютъ, я еще долженъ былъ помогать ему на кухнѣ, и мое чудовищное невѣжество относительно того, какъ нужно чистить картофель или мыть сальные горшки, служило для него источникомъ для нескончаемыхъ насмѣшекъ и саркастическаго удивленія. Онъ совершенно отказывался принимать во вниманіе, къмъ я былъ, или вѣрнѣе, къ какой жизни я привыкъ. И этого отношенія ко мнѣ онъ придерживался все время, такъ что сознаюсь, что прежде

чѣмъ день пришелъ къ концу, я возненавидѣлъ его такъ горячо, какъ не ненавидѣлъ еще никого въ жизни.

Этотъ первый день былъ для меня труденъ еще потому, что *Призракъ*, отчаянно бросаясь изъ стороны въ сторону и, убравъ марсея (подобнымъ терминамъ я обучился уже значительно позже), боролся съ тѣмъ, что мистеръ Могриджъ называлъ «ревущимъ зюдь-остомъ». Въ половинѣ шестого, по его указаніямъ, я накрылъ столъ въ каютъ кампаніи, приладилъ доски съ отверстіями для тарелокъ, какія употребляются въ бурную погоду, и затѣмъ принесъ чай и котелки съ пищею изъ кухни.

— Глядите въ оба, или васъ захлестнетъ,—было напутственное наставленіе мистера Могриджа, когда я вышелъ изъ кухни съ большимъ чайникомъ въ одной рукѣ, а другой прижимая къ себѣ нѣсколько свѣже-испеченныхъ булокъ.

Одинъ изъ охотниковъ, высокій нескладный парень, Гендерсонъ, шелъ въ это время по шкамъ изъ «третьяго класса» (какъ въ шутку охотники называли трюмъ, въ которомъ они помѣщались) въ каютъ-кампанію. Волкъ Ларсенъ стоялъ на ютѣ со своей вѣчной сигарой во рту.

— Вотъ она идетъ! Берегитесь!—закричалъ кокъ.

Я остановился, потому что не зналъ кто идетъ и видѣлъ только, что дверь кухни съ трескомъ захлопнулась. Затѣмъ я увидѣлъ, что Гендерсонъ, какъ сумасшедшій, вдругъ бросился по направленію къ главнымъ снастямъ и быстро сталъ взби-

раться по веревочной лѣстницѣ, пока не очутился много выше моей головы. Тогда я увидѣлъ огромную волну съ пѣнистымъ гребнемъ на вершинѣ, которая шла на судно, возвышаясь надъ его бортомъ. Я находился прямо подъ нею. Я еще плохо соображалъ, все было для меня такъ ново и такъ необычно. Я понялъ, что я былъ въ опасности, но и только. Я все еще стоялъ, трепеща отъ страха. Тогда Ларсенъ крикнулъ мнѣ съ кормы:

— Уцѣпитесь за что-нибудь, вы, тамъ!.. Гѣмпъ!

Но было уже поздно. Я подскочилъ къ снастямъ, чтобы въ свою очередь уцѣпиться за нихъ, но въ это время на меня обрушилась огромная стѣна воды. То, что потомъ произошло, я помню весьма смутно. Я очутился подъ водой, задыхаясь и захлебываясь. Ноги мои смело съ палубы, меня перевернуло нѣсколько разъ, смяло и понесло неизвѣстно куда. Нѣсколько разъ я ударялся о какіе-то твердые предметы, при чемъ страшно сильно ударился обо что-то колѣномъ. Затѣмъ вода повидимому схлынула, и я снова дышалъ воздухомъ. Оказалось, что меня понесло мимо кухни, вокругъ шканцевъ и затѣмъ перебросило на подвѣтренную сторону черезъ всю палубу. Боль въ колѣнѣ была невыносима; я не могъ ступить на эту ногу, и былъ увѣренъ, что она сломана. Но поваръ уже кричалъ мнѣ изъ двери кухни.

— Эй! Не сидите тамъ всю ночь! Гдѣ чайникъ? Смело за бортъ? Напрасно вамъ самому не свернуло шею!

Я кое-какъ поднялся на ноги. Большой чайникъ былъ все еще въ моей рукѣ. Я прохромалъ до

кухни и подалъ его ему. Но онъ встрѣтилъ меня съ негодованіемъ, не знаю, истиннымъ или притворнымъ.

— Накажи меня Богъ, если вы не слюняй. На что вы годитесь, хотѣлъ бы я знать? А? На что вы годитесь, если даже не можете снести чай, безъ того, чтобы не растерять все по дорогѣ. Теперь мнѣ придется опять кипятить воду... И чего вы хнычете?— еще яростнѣе набросился онъ на меня. Ударили ножку? Ахъ, бѣдная мамина дѣтка!

Я вовсе не хныкалъ, но мое лицо могло дѣйствительно быть искаженнымъ отъ страшной боли. Но я призвалъ на помощь все свое мужество, стиснулъ зубы и продолжалъ ковылять изъ кухни въ каютъ-кампанію и обратно уже безъ дальнѣйшихъ пріключеній. Изъ этого инцидента я вынесъ двѣ вещи: разбитую колѣнную чашечку, которая осталась неперевязанной и заставила меня страдать въ теченіе многихъ мучительныхъ мѣсяцевъ, и прозвище «Гѣмпъ», которое, съ легкой руки Ларсена, съ тѣхъ поръ такъ и осталось за мною, такъ что въ концѣ-концовъ, я и самъ сталъ считать, что я былъ «Гѣмпомъ» всегда.

Служить за столомъ, за которымъ сидѣли Ларсенъ, Йогансенъ и шесть охотниковъ, было задачей нелегкой. Каютъ-кампанія была прежде всего очень мала и двигаться въ ней вокругъ стола было не легче отъ того, что шхуну подбрасывали волны. Но что было для меня больнѣе всего, такъ это полное отсутствіе участія со стороны людей, которымъ я прислуживалъ. Я чувствовалъ какъ мое колѣно распухаетъ все больше и больше, и чуть

не терялъ сознание отъ боли. Я мелькомъ видѣлъ въ зеркалѣ отраженіе своего лица, блѣднаго и искаженнаго невыносимой болью. Всѣ эти люди должны были видѣть, въ какомъ я былъ состояніи, но никто не сказалъ мнѣ ни одного слова участія, никто не обратилъ на меня вниманія, такъ что я былъ почти благодаренъ Волку Ларсену, когда, нѣсколько времени спустя (я мылъ въ это время посуду) онъ сказалъ:

— Пусть такой пустякъ не беспокоитъ васъ. Вы привыкнете къ подобнымъ вещамъ. Можетъ быть это васъ слегка и искалѣчить, но за то вы выучитесь сами ходить.

— Такія слова вы называете парадоксами, не правда ли?— прибавилъ онъ.

И, казалось, онъ былъ доволенъ, когда я утвердительно кивнулъ головой и произнесъ обычное:— Да, сэръ.

— Я полагаю, что вы немного смыслите въ литературѣ? А? Это хорошо. Я съ вами когда-нибудь поговорю о ней.

И, не обращая больше на меня вниманія, онъ повернулся и пошелъ дальше по палубѣ.

Вечеромъ, когда я окончилъ все безконечное количество работы, меня отослали спать въ трюмъ, гдѣ была свободная койка. Я былъ радъ возможности отдохнуть отъ ненавистнаго присутствія кока и отъ необходимости быть на ногахъ. Къ моему удивленію, одежда моя высохла на мнѣ и не было, повидимому, никакихъ указаній на то, что я простудился; такъ что ни послѣднее промокание, ни первое продолжительное пребываніе въ водѣ

послѣ гибели *Мартинеца*, не имѣли для меня никакихъ послѣдствій. При обычныхъ обстоятельствахъ, послѣ всего того, что я испыталъ за этотъ день, я долженъ былъ бы лечь въ постель и мнѣ необходимъ былъ бы уходъ хорошей сидѣлки.

Но колѣно меня ужасно беспокоило. Насколько я могъ понять, колѣнная чашечка стояла ребромъ среди опухоли. Когда я сидѣлъ на своей койкѣ, рассматривая колѣно (всѣ шесть охотниковъ находились уже въ трюмѣ, курили трубки и громко разговаривали), Гендерсонъ прошелъ мимо и, взглянувъ на меня, сказалъ:

— А ваше колѣно имѣетъ скверный видъ! обвяжите его тряпкой и все пройдетъ.

И это было все; а на берегу я лежалъ бы въ полномъ изнеможеніи, хирургъ сдѣлалъ бы мнѣ перевязку и строго предписалъ бы полный покой. Но я долженъ отдать справедливость этимъ людямъ. Насколько они оставались безчувственными къ моимъ страданіямъ, настолько же они были безчувственны и къ своимъ собственнымъ, когда съ ними что-нибудь случалось. И это происходило, я думаю, во-первыхъ, вслѣдствіе привычки, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что они просто были менѣ чувствительны къ боли.

При всей моей усталости я, однако, не могъ спать: мнѣ мѣшала боль въ колѣнѣ. Я еле сдерживался, чтобы громко не стонать. Дома, я навѣрное, далъ бы волю своимъ чувствамъ, но эта новая, примитивная обстановка, казалось, призывала къ суровой сдержанности. Подобно дикарямъ, эти люди вели себя стоически въ важныхъ

случаяхъ жизни и по-дѣтски въ мелочахъ. Я помню что когда Керфутъ, одинъ изъ охотниковъ, потерялъ палець, который у него былъ такъ раздробленъ, что походилъ на безформенный кусокъ гѣста, онъ не издалъ ни одного звука, даже выраженіе его лица не измѣнилось. И въ то же время я нерѣдко видѣлъ, какъ онъ приходилъ въ неистовую ярость изъ-за сущихъ пустяковъ.

Онъ и сейчасъ былъ въ бѣшенствѣ; онъ сипло кричалъ, размахивалъ руками и ругался, какъ дьяволь, и все только потому, что никакъ не могъ прійти къ соглашенію съ другимъ охотникомъ относительно того, умѣетъ ли дѣтенышъ котика плавать инстинктивно. Онъ утверждалъ, что умѣетъ, какъ только родится, а другой охотникъ, Латимеръ, худой янки, съ хитрыми, узкими, въ видѣ щелочекъ глазами, утверждалъ, что дѣтеныши котика рождаются на берегу именно потому, что они не умѣютъ плавать, и что мать принуждена учить ихъ плавать, какъ птицы учатъ летать своихъ птенцовъ.

Остальные четыре охотника сидѣли, облокотившись у стола, или лежали на своихъ койкахъ и мало вмѣшивались въ споръ. Но они были въ высшей степени заинтересованы, ибо отъ времени до времени принимали сторону то одного, то другого изъ спорившихъ, а иногда всѣ вмѣстѣ начинали говорить сразу, и тогда ихъ голоса походили на раскаты грома въ ограниченномъ пространствѣ. Ихъ доводы были такіе же дѣтскіе и нелѣпые, какъ и предметъ спора. Они въ сущности мало старались доказывать. Ихъ методомъ спора

было простое утверждение и отрицание. Они заявляли, напимѣрь, что дѣтенышъ котика умѣеть или не умѣеть плавать отъ рожденія, при чемъ ставили свое утверждение очень заносчиво и затѣмъ отстаивали его очень воинственно, съ смѣливой мнѣніе противника, его здравый смыслъ, національность, или даже его прошлое. Отвѣты противника были въ такомъ же духѣ. Я остановился на этомъ, чтобы показать, съ людьми какого умственного калибра меня столкнула судьба. Въ отношеніи умственного развитія это были дѣти въ образѣ мужчинъ.

И при этомъ они безпрестанно курили грубый, дешевый, дурно пахнувшій табакъ. Въ воздухѣ висѣли густыя облака табачнаго дыма, и это, вмѣстѣ съ рѣзкими качаніями судна, боровшагося съ бурей, навѣрное причинило бы мнѣ морскую болѣзнь, если бы я былъ ей подверженъ. Но все же все это вызывало во мнѣ тошноту, хотя возможно, что причиной ея были боль въ колѣнѣхъ и полное изнеможеніе...

Лежа на койкѣ я сталъ, разумѣется, размышлять о своемъ положеніи. Это было невѣроятно и неслыханно, чтобы я, Гёмфри Ванъ-Вейденъ, ученый и дилетантъ въ литературѣ и искусствѣ, лежалъ здѣсь на шхунѣ, шедшей въ Берингово море на ловлю котиковъ. Юнга!.. Я никогда не занимался тяжелымъ физическимъ трудомъ и никому не прислуживалъ никогда въ жизни. Я всегда велъ мирный, однообразный, сидячій образъ жизни—жизнь ученаго и затворника, живя на опредѣленный и порядочный доходъ съ моего капитала.

Бурная жизнь и спортъ никогда не привлекали меня. Я всегда былъ книгоѣдомъ, какъ въ дѣтствѣ меня называли сестры и отецъ. Я только однажды въ жизни отправился съ компаніей друзей въ горы, чтобы пожить въ палаткѣ, но въ самомъ началѣ путешествія оставилъ всѣхъ и возвратился къ комфорту и удобствамъ домашней жизни. А теперь передо мной лежала перспектива безконечныхъ накрываній стола, чистки картофеля и мойки посуды. Я не былъ силенъ. Доктора всегда говорили, что у меня превосходный организмъ, но я никогда не развивалъ своего тѣла упражненіями. Мои мускулы были невелики и дряблы, какъ у женщины, по крайней мѣрѣ, такъ говорили доктора, которые безпрестанно уговаривали меня заняться физическими упражненіями. Но я предпочиталъ упражнять свои мозги, и вотъ теперь я совершенно не подходилъ къ условіямъ той грубой, примитивной жизни, которую мнѣ предстояло вести.

Таковы были мысли, которыя проходили въ моей головѣ; я привелъ ихъ для того, чтобы заранѣе оправдать себя за ту безпомощную роль, которую мнѣ было предназначено играть. Но я также думалъ о матери и сестрахъ, и представлялъ себѣ ихъ горе. Ибо я былъ въ числѣ пропавшихъ безъ вѣсти послѣ кораблекрушенія, и моего тѣла не нашли; я видѣлъ передъ собою заголовныя строки некрологовъ въ газетахъ и живо представилъ себѣ, какъ товарищи по университетскому клубу начали головами и говорили про меня: «бѣдняга»!

А тѣмъ временемъ шхуна *Призракъ*, качаясь, ныряя и карабкаясь на движущіяся горы, затѣмъ снова падая въ пѣнистыя бездны, прокладывала себѣ путь все дальше и дальше въ самое сердце Тихаго океана. И... я былъ на ней. Я слышалъ, какъ наверху бушевала буря. Отъ времени до времени мои ноги высоко поднимались кверху, и отовсюду раздавалось скрипѣніе: скрипѣла деревянная обшивка и переборки, стонали, плакали и жаловались на тысячу голосовъ всѣ деревянные приспособленія. Охотники все еще препирались и кричали, какъ какія-то получеловѣческія, допотопныя существа. Въ воздухѣ висѣла брань и непристойныя восклицанія. Я видѣлъ ихъ лица красныя и сердитыя, и ихъ звѣрскій видъ сильнѣе подчеркивался болѣзненнымъ, желтымъ свѣтомъ морскихъ лампъ, которыя качались взадъ и впередъ вмѣстѣ съ судномъ. Сквозь мутную, дымную атмосферу, койки, на которыхъ они спали, казались логовищами звѣрей въ звѣринцѣ. Непромокаемые плащи и морскіе сапоги висѣли по стѣнамъ, и тамъ и сямъ на крючкахъ плотно были прикрѣплены винтовки. Это было морское снаряженіе пиратовъ и морскихъ разбойниковъ прежнихъ временъ. Мое воображеніе разыгрывалось все больше и больше, и я никакъ не могъ заснуть. О, это была долгая, долгая ночь, мучительная, страшная и безконечно долгая.

V.

Первая ночь, проведенная мною въ помѣщеніи охотниковъ, была въ то же время и послѣдней. На слѣдующій день Югансенъ, новый боцманъ, былъ выпровоженъ Ларсеномъ изъ каюты и отосланъ спать въ «третій классъ», а я занялъ крохотную каюту, въ которой уже было два жильца. Причина этой перемѣны стала быстро извѣстна охотникамъ и вызвала съ ихъ стороны недовольное ворчаніе. Оказалось, что Югансенъ во снѣ снова переживалъ событія дня. Его непрерывная болтовня и выкрикиваніе командъ мѣшали Ларсену спать, и онъ не постѣснялся переложить это неудобство на плечи своихъ охотниковъ.

Послѣ безсонной ночи я еле поднялся съ постели, чтобы начать свой второй день на шхунѣ *Призракъ*. Томасъ Могриджъ поднялъ меня въ половинѣ шестого утра, но такъ, какъ дурной хозяинъ поднимаетъ свою собаку. Но за свою грубость по отношенію ко мнѣ мистеръ Могриджъ тотчасъ же получилъ сторицей. Ненужный шумъ, который онъ поднималъ (такъ какъ я пролежалъ съ открытыми глазами всю ночь), вѣроятно, разбудилъ одного изъ охотниковъ, потому что въ воздухѣ просвистѣлъ тяжелый башмакъ, и мистеръ Могриджъ, съ крикомъ боли, смиренно началъ передъ всѣми извиняться. Нѣкоторое время спустя, уже въ кухнѣ, я замѣтилъ, что его ухо было разбито и распухло. Оно никогда больше не приобрѣло своихъ прежнихъ размѣровъ и формы, и было прозвано охотниками «цвѣтной капустой».

День былъ полонъ различными непріятностями. Я взялъ свои высохшія вещи еще наканунѣ вечеромъ, переодѣлся и возвратилъ коку его одежду. Я сталъ искать свой кошелекъ. Кромѣ мелочи (я хорошо это помню) въ немъ было еще сто восемьдесятъ пять долларовъ золотомъ и бумажными деньгами. Кошелекъ-то я нашелъ, но въ немъ, кромѣ мелкаго серебра, ничего больше не было. Я сказалъ объ этомъ коку, и, хотя ожидалъ грубаго отвѣта, но все же былъ пораженъ воинственностью его филиппики.

— Послушайте, Гёмпъ,—началь онъ злобно, глядя на меня.— Вы хотите, чтобы я вамъ носъ расквасилъ? Если вы думаете, что я воръ, такъ держите это при себѣ, или я расправлюсь съ вами по-своему. Вотъ какова ваша благодарность! Вы явились сюда, какъ несчастное отребье рода человѣческаго, я взялъ васъ на кухню и ухаживалъ за вами, и теперь вотъ благодарность за все мое добро! Въ слѣдующій разъ вы можете итти къ чорту; но я думаю, что я и сейчасъ задамъ вамъ малость.

Съ этими словами онъ засучилъ рукава и пошелъ съ кулаками на меня. Къ своему стыду я уклонился отъ ударовъ и убѣжалъ изъ кухни. Но что мнѣ оставалось дѣлать? На этомъ звѣрскомъ суднѣ цѣнилась сила, одна только сила. Моральныя убѣжденія были здѣсь совершенно неизвѣстны. Вообразите себѣ человѣка средняго роста, слабаго сложенія, съ вялыми, неразвитыми мускулами, который всю жизнь прожилъ спокойно и мирно и не привыкъ къ какому бы то ни было насилію,

ну что могъ такой человѣкъ сдѣлать? Итти противъ этихъ звѣрей въ образѣ человѣка было бы такъ же безсмысленно, какъ итти противъ разъяреннаго быка.

Такъ я думалъ въ то время, чувствуя необходимость въ оправданіи себя передъ самимъ собою и желая быть въ мирѣ со своей совѣстью. Но это оправданіе не удовлетворяло меня. Даже и теперь я не могу оглянуться назадъ на эти событія безъ упрека своему мужскому достоинству. Положеніе было таково, что оно исключало рациональныя формулы поведенія и требовало чего-то большаго, чѣмъ то, что могли подсказать холодныя заключенія разума. Съ точки зрѣнія логики, въ моемъ поведеніи не было ничего такого, чего бы я могъ стыдиться; но, тѣмъ не менѣе, вспоминая объ этомъ времени, мнѣ становится стыдно, и я чувствую, что мое мужское достоинство было унижаемо и оскорбляемо безчисленными способами.

Быстрота, съ которою я выбѣжалъ изъ кухни, вызвала такую острую боль въ колѣнѣ, что я упалъ, еле добѣжавъ до кормы. Но кокъ не погнался за мною.

— Смотрите, какъ онъ побѣжалъ!—закричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.—И больная нога не помѣшала. Идите, идите назадъ, бѣдная мамина дѣтка! Я васъ больше не трону.

Я пришелъ обратно и снова принялся за работу; на этомъ эпизодъ пока и кончился. Я накрылъ столъ для завтрака и въ семь часовъ подалъ завтракъ охотникамъ и начальству.

Буря, повидимому, окончилась еще ночью, хотя огромныя волны еще ходили по морю и дулъ рѣзкій вѣтеръ. Паруса были подняты во время ранней вахты, и теперь *Призракъ* летѣлъ подъ всѣми парусами, за исключеніемъ верхнихъ—топселей. Эти паруса, какъ я узналъ изъ разговоровъ за столомъ, должны были быть подняты тотчасъ же послѣ завтрака. Я узналъ также, что Волкъ Ларсенъ хотѣлъ использовать вѣтеръ насколько возможно, чтобы успѣть въ юго-западной части океана захватить сѣверо-восточные пассаты. До встрѣчи съ этими постоянными вѣтрами онъ рассчитывалъ пройти большую часть пути до Японіи, сдѣлавъ большой крюкъ къ тропикамъ, и затѣмъ снова подняться къ сѣверу, при приближеніи къ берегамъ Азіи.

Послѣ завтрака со мною произошелъ новый печальный инцидентъ. Прибравъ посуду, я вычистилъ печи и понесъ золу на палубу, чтобы выбросить ее въ море. Волкъ Ларсенъ и Гендерсонъ стояли возлѣ штурвала и были всецѣло поглощены разговоромъ. Матросъ Джонсонъ стоялъ у руля. Когда я подошелъ къ надвѣтренной сторонѣ судна, я видѣлъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ знакъ головой, который я ошибочно принялъ за привѣтствіе. Въ дѣйствительности же онъ хотѣлъ меня предупредить, чтобы я не бросалъ золу на надвѣтренной сторонѣ, а пошелъ бы на противоположную сторону. Не понимая своей ошибки, я обошелъ Ларсена и охотника и выбросилъ золу противъ вѣтра. Но вѣтеръ подхватилъ ее и принесъ обратно, обсыпавъ не

только меня, но и Гендерсона и Ларсена. Въ тотъ же моментъ Ларсенъ далъ мнѣ пинокъ ногою, какъ какой-нибудь дворнягѣ. Я никогда не думалъ, чтобы пинокъ ногою могъ причинить такую боль. Я отскочилъ какъ мячъ и оперся о стѣнку каюты въ полуобморочномъ состояніи. У меня все закружилось передъ глазами и меня затошнило. Я еле успѣлъ добраться до борта. Но Ларсенъ не послѣдовалъ за мной. Страхнувъ золу со своего платья, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой разговоръ съ Гендерсономъ. Югансенъ, видѣвшій все происшедшее съ юта, послалъ двухъ матросовъ вычистить палубу.

Немного позже я получилъ сюрпризъ совершенно другого сорта. Согласно приказаніямъ, даннымъ мнѣ кокомъ, я пошелъ въ каюту Ларсена, чтобы убрать постель и привести все въ порядокъ. У изголовья на стѣнѣ висѣла полочка съ книгами. Я взглянулъ на нихъ и съ изумленіемъ прочелъ имена Шекспира, Теннисона, Поэ и де-Квинси. Тамъ были также и научныя книги, въ числѣ которыхъ были Тиндаль, Прокторъ и Дарвинъ. Были книги и по астрономіи и по физикѣ, и «Сказочная эпоха» Шоу, и Булфинча «Исторіи англійской и американской литературы», и «Естественная исторія» Джонсона въ двухъ большихъ томахъ. Было также и нѣсколько грамматикъ и книгъ по теоріи языка.

Я никакъ не могъ согласовать въ своемъ представленіи эти книги съ ихъ обладателемъ, поскольку я его зналъ, и даже сомнѣвался въ томъ, что онъ можетъ читать ихъ. Но когда я началъ

оправлять постель, то нашелъ въ складкахъ одѣяла томикъ Браунинга. Онъ былъ открытъ на стихотвореніи «На Балконѣ», и я замѣтилъ тамъ и сямъ строчки, подчеркнутыя карандашемъ. Я случайно обронилъ книгу и изъ нея выпалъ листочекъ бумаги съ геометрическими фигурами и какими-то вычисленіями.

Было очевидно, что этотъ ужасный человѣкъ не былъ невѣжественнымъ олухомъ, за котораго его можно было принять, судя по проявленіямъ его звѣрства. Онъ вдругъ сталъ для меня загадкой.

Различныя стороны его природы были понятны въ отдѣльности, но вмѣстѣ ихъ невозможно было представить. Я уже однажды говорилъ о томъ, что онъ выражался почти безукоризненнымъ языкомъ, съ весьма рѣдкими погрѣшностями. Разумѣется, въ разговорѣ съ матросами и охотниками его языкъ пестрѣлъ обычными неправильностями; но вѣдь съ ними онъ говорилъ скорѣй на какомъ-то особомъ морскомъ нарѣчій; тѣ же немногія слова, которыя предназначались для меня, были безукоризненны по своей чистотѣ.

Этотъ, брошенный украдкой, взглядъ на другую сторону его природы, придалъ мнѣ больше смѣлости, и я рѣшилъ заговорить съ нимъ о пропажѣ моихъ денегъ.

Нѣкоторое время спустя увидѣвъ его, расхаживавшимъ въ одиночествѣ на ютѣ, я подошелъ и сказалъ:

— Меня обокрали.

— Сэръ,—поправиль онъ меня спокойно, но строго.

— Меня обокрали, сэръ,—повториль я.

— Какъ это случилось?—спросиль онъ.

Я ему разскаэль все, что случилось, какъ мои вещи сушились въ кухнѣ и какъ потомъ меня чуть не побиль кокъ, когда я ему скаэль о деньгахъ.

Онъ улыбнулся моему разскаэу.

— Да, это дѣло кока,—скаэль онъ.—А вы думаете, что ваша ничтожная жизнь не стоитъ этихъ денегъ? Къ тому же вамъ это послужить урокомъ. Вы научитесь въ свое время заботиться о своихъ деньгахъ. До сихъ поръ, я думаю, о нихъ заботился вашъ адвокатъ или управляющій?

Я чувствовалъ въ его словахъ убійственную насмѣшку, но спросиль:—Какъ я могу получить ихъ обратно?

— Это ужъ ваше дѣло. Здѣсь нѣтъ ни вашего адвоката, ни управляющаго, такъ что вамъ придется самому о себѣ заботиться. Когда у васъ будетъ долларъ, крѣпко за него держитесь. Человѣкъ, который оставляетъ свои деньги такъ, какъ это сдѣлали вы, заслуживаетъ, чтобы его обокрали. Кромѣ того, вы согрѣшили. Вы не имѣете права ставить искушеніе на дорогѣ вашихъ ближнихъ. Вы искусили поварка, и онъ палъ. Вы псгавили западню его безсмертной душѣ. Кстати, вы вѣдь вѣрите въ безсмертіе души?

Его вѣки лѣниво поднялись, когда онъ предлагалъ этотъ вопросъ, и мнѣ показалось, что

въ его глазахъ я вдругъ увидѣлъ его таинственную душу. Но это была иллюзія. Повидимому, никто не могъ заглянуть глубоко въ душу Ларсена или, вообще, увидѣть ее—въ этомъ я убѣжденъ. Это была очень замкнутая душа, какъ я потомъ узналъ, которая никогда не снимала маски и только иногда, въ рѣдкіе моменты, дѣлала видъ, что снимаетъ маску.

— Я вижу безсмертіе въ вашихъ собственныхъ глазахъ,—сказалъ я, не прибавляя «сэръ» въ видѣ опыта, ибо я думалъ, что интимность разговора разрѣшаетъ это. И онъ не обратилъ на это вниманія.

— Вы хотите сказать, что видите въ моихъ глазахъ что-то живое; но это вовсе не значитъ, что оно должно жить вѣчно.

— Я прочелъ больше, чѣмъ это,—продолжалъ я смѣло.

— Въ такомъ случаѣ вы прочли сознательность. Вы прочли сознание жизни, сознание того, что она жива; но опять-таки не больше, не безконечность жизни.

Какъ ясно онъ мыслить, и какъ хорошо онъ выражалъ то, что думалъ. Поглядѣвъ нѣкоторое время на меня съ любопытствомъ, онъ повернулъ голову и сталъ глядѣть на свинцовое море противъ вѣтра. Глаза его вдругъ стали мрачны, и линіи рта сдѣлались строже и жестче. Онъ, очевидно, пришелъ въ пессимистическое настроеніе.

— Да и къ чему это?—спросилъ онъ вдругъ рѣзко, обернувшись ко мнѣ.—Если я безсмертенъ, то для чего?

Я опѣшилъ. Какъ я могъ объяснить этому человѣку свой идеализмъ? Какъ я могъ выразить словами то, что я только чувствовалъ, то, что только, какъ музыка, слышанная во снѣ, чувствуется, сознается, но не можетъ быть передано словами.

— Во что, въ такомъ случаѣ, вы вѣрите?—спросилъ я.

— Я вѣрю въ то, что жизнь невозможная нелѣпость,—тогда же отвѣтилъ онъ.—Она точно дрожжи или ферментъ—вещь, которая движется и можетъ двигаться минуту, часъ, годъ, сотню лѣтъ, но которая въ концѣ-концовъ перестаетъ двигаться. Большіе ѣдятъ маленькихъ, чтобы продолжать двигаться, сильные ѣдятъ слабыхъ, чтобы сохранить свою силу. Счастливецъ ѣстъ больше другихъ и движется дольше,—вотъ и все. Что вы можете сдѣлать хотя бы вотъ изъ этихъ?

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой въ сторону нѣсколькихъ матросовъ, которые копошились среди снастей и веревокъ посрединѣ судна.

— Они движутся; но точно также движется и медуза. Они движутся для того, чтобы ѣсть, чтобы потомъ опять двигаться. Вотъ и вся ихъ жизнь. Они существуютъ для своего брюха, а брюхо дано имъ для нихъ. Это кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, да они его и не ищутъ. Въ концѣ-концовъ они останавливаются, перестаютъ двигаться—это и есть смерть.

— У нихъ есть мечты...—мерещилъ я,—свѣтлыя, лучезарныя мечты...

— О жратвѣ,—докончилъ онъ сентенціозно.

— И еще...о

— И еще о жратвѣ. О большемъ аппетитѣ и о большей возможности удовлетворить его.—Его голосъ звучалъ жестко. Въ немъ не было больше насмѣшки.—Они мечтають объ удачной охотѣ, которая дастъ имъ больше денегъ, о томъ, чтобы сдѣлаться боцманами, о томъ, чтобы разбогатѣть, словомъ, о томъ, чтобы стать въ такія условія, при которыхъ имъ можно будетъ сдѣлать своихъ ближнихъ своею добычею, о томъ, чтобы цѣлую ночь спать, хорошо ѣсть и чтобы кто-нибудь дѣлалъ за нихъ грязную работу. Вы и я то же, что и они. Разницы нѣтъ между нами, кромѣ той, что мы ѣли больше и лучше. Я ѣмъ теперь ихъ и васъ. Но прежде вы ѣли больше, чѣмъ я. Вы спали на мягкихъ постеляхъ, носили тонкое бѣлье и ѣли вкусныя блюда. Кто сдѣлалъ тѣ постели, то бѣлье и тѣ блюда? Не вы же! Вы никогда ничего не заработали въ потѣ лица. Вы жили на деньги, которыя добылъ вашъ отецъ. Вы точно фрегатъ-птица, которая кидается на баклановъ и отнимаетъ у нихъ рыбу, которую тѣ выловили. Вы одинъ изъ тѣхъ людей, которые сдѣлали то, что они называютъ правительствомъ, которые являются хозяевами надъ всѣми другими людьми и ѣдятъ пищу, добытую другими людьми, которые сами хотѣли бы съѣсть ее. Вы носите теплыя одежды. Они сдѣлали эти одежды, но сами дрожатъ въ отрешьяхъ и просятъ работы у васъ, у вашего адвоката или управляющаго, который тоже за деньги управляетъ вашими дѣлами.

— Но это не относится къ дѣлу,—закричалъ я.

— Ошибаетесь.—Онъ теперь говорилъ отрывисто, и глаза его сверкали.—Все это свинство именно и есть жизнь. Какой смыслъ и надобность въ безсмертіи, въ вѣчности этого свинства? Что въ концѣ этого? Что выходитъ изъ всего этого? Вы не добыли пищи, но пища, которую вы съѣли или растратили даромъ, могла бы спасти жизнь десятку несчастныхъ, которые добыли ее, но которые ее не ѣли. Какого безсмертія вы заслуживаете? Или они? Возьмите себя и меня? Къ чему сводится ваше хваленое безсмертіе, когда ваша жизнь вполнѣ зависитъ отъ моей? Вы хотѣли возвратиться на берегъ, гдѣ удобнѣе продолжать вашъ родъ свинства. Но мой капризъ удержалъ васъ на этомъ суднѣ, гдѣ процвѣтаетъ мое свинство. И я хочу васъ здѣсь держать. Я могу поднять васъ, или сломать. Вы можете умереть сегодня, или на слѣдующей недѣлѣ, или въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Я могу убить васъ сейчасъ ударомъ кулака, потому что вы несчастное, хилое существо. Но если мы безсмертны, то какой смыслъ во всемъ этомъ? Быть свиньями, какими вы и я были всю свою жизнь, едва ли можно считать назначеніемъ безсмертныхъ людей. И опять-таки, какой смыслъ всего этого? Почему я васъ удержалъ здѣсь?

— Потому что вы сильнѣе,—вставилъ я.

— Но почему я сильнѣе?—продолжалъ онъ свои безконечные вопросы.—Потому что я большій кусокъ фермента, чѣмъ вы. Только и всего. Понимете?

— Да, но вѣдь это безнадежность...

— Я согласенъ съ вами,—отвѣтилъ онъ.—Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ вообще двигаться, если движеніе и есть жизнь? Если не двигаться и не быть частью дрожжей, то не будетъ и безнадежности. Но, въ томъ-то и дѣло, что мы хотимъ жить и двигаться, хотя и въ этомъ нѣтъ никакого смысла, просто потому, что сущность самой жизни—жить и двигаться, и хотѣтъ жить и двигаться. Если бы не это, жизнь была бы мертва. Именно потому, что въ васъ есть жизнь, вы мечтаете о своемъ бессмертіи. Жизнь, что заложена въ васъ, жива и хочетъ быть живой вѣчно. Ба! Вѣчность свинства!..

Онъ круто повернулся на каблукахъ и зашагалъ по палубѣ; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и подозвалъ меня.

— Кстати, сколько стибрилъ у васъ поваръ?—спросилъ онъ.

— Сто восемьдесятъ пять долларовъ, сэръ,—отвѣтилъ я.

Онъ кивнулъ головой. Нѣсколько мгновений спустя, когда я началъ накрывать столъ въ каютъ-кампаніи, я услышалъ, какъ онъ громко ругался, разнося за что-то матросовъ.

VI.

На слѣдующее утро буря совершенно улеглась, и *Призракъ* тихо покачивался на спокойной поверхности моря. Вѣтра совершенно не было. Однако изрѣдка въ воздухѣ чувствовалось слабое дуновеніе, и Волкъ Ларсенъ все время расха-

живаль на ютѣ, устремивъ зоркіе глаза въ море по направленію къ сѣверо-востоку, откуда должны были подуть пассаты.

Вся команда и охотники были наверху, приготавливая шлюпки для сезонной охоты. На борту было семь шлюпокъ: капитанскій ботъ и шесть лодокъ для охотниковъ. Три человѣка—охотникъ, рулевой и гребецъ—составляютъ команду лодки. На шхунѣ эти будущіе рулевые и гребцы составляютъ команду судна. Предполагается, что охотники тоже несутъ вахту, но это зависитъ отъ усмотрѣнія Волка Ларсена.

Все это и еще многое другое я узналъ отъ команды. *Призракъ* считается самой быстроходной шхуной въ обѣихъ тихоокеанскихъ флотиліяхъ: въ флотиліи Санъ-Франциско и Викторіи. Оказывается, что онъ былъ прежде частной яхтой и при его постройкѣ было обращено особое вниманіе на быстроходность. Линія шхуны и ея отдѣлка—правда я очень мало понимаю въ подобныхъ вещахъ,—говорятъ сами за себя. Джонсонъ рассказывалъ мнѣ вчера о ней, когда намъ удалось поболтать нѣсколько минутъ во время второй вахты. Онъ говорилъ о шхунѣ съ энтузіазмомъ и любовью, какъ нѣкоторые говорятъ о лошадяхъ. Перспектива плаванія на ней, однако, ему ужасно не нравилась, ибо, какъ онъ говорилъ, за Волкомъ Ларсеномъ установилась очень дурная репутація. Джонсона привлекала сама шхуна, и онъ поэтому и нанялся на ней, хотя теперь уже начиналъ раскаиваться въ этомъ.

Онъ мнѣ рассказалъ, что *Призракъ* имѣетъ

всего восемьдесятъ тоннъ водоизмѣщенія, что въ длину онъ имѣетъ девяносто футовъ, а въ ширину двадцать три; что это очень маленькое судно, но что оно прекрасной конструкціи и необыкновенно устойчиво.

Волкъ Ларсенъ имѣлъ также репутацію капитана необычайно смѣлаго въ пользованіи парусами. Я слышалъ какъ объ этомъ говорили охотники Гендерсонъ и калифорнецъ Стэндишъ. Два года тому назадъ на *Призракъ* поломались мачты во время бури на Беринговомъ морѣ, и Ларсенъ поставилъ новыя, гораздо болѣе прочныя, чѣмъ первыя. Говорили, что при этомъ онъ сказалъ, что предпочитаетъ, чтобы шхуна перевернулась, чѣмъ еще разъ потеряла мачты.

Всѣ матросы за исключеніемъ Югансена, который находился подъ впечатлѣніемъ своего неожиданнаго повышенія, считали своимъ долгомъ какъ-нибудь оправдать свое поступленіе на *Призракъ*. Половина команды не плавала раньше на небольшихъ судахъ, и поэтому ссылались на то, что раньше они ничего не слышали о Ларсенѣ. Говорили также, что охотники, хотя и превосходные стрѣлки, были, однако, извѣстны какъ такіе огъявленные мошенники, что ихъ не приняли бы ни на одну поряdochную шхуну.

Я познакомился еще съ однимъ матросомъ—его звали Луисомъ; это былъ круглолицый, веселый ирландецъ, очень общительный парень, способный говорить до тѣхъ поръ, пока находятся слушатели. Послѣ обѣда, когда поваръ спалъ, а я чистилъ нескончаемый картофель, Луисъ зашелъ въ кухню

поболтать. Свое присутствіе на шхунѣ онъ объяснилъ тѣмъ, что былъ пьянъ, когда его уговорили подписать условіе. Онъ не переставалъ увѣрять меня, что если бы онъ былъ трезвъ, то ни за что бы этого не сдѣлалъ. Оказалось, что онъ ѣздилъ на котиновый промыселъ регулярно каждый годъ уже въ теченіе двѣнадцати лѣтъ и считался однимъ изъ лучшихъ рулевыхъ.

— Ахъ, милый мой,—говорилъ онъ, мрачно качая головой,—эта самая худшая шхуна, какую только вы могли выбрать, хотя вы и не были пьяны, какъ я, когда поступали сюда. Плаваніе на другихъ шхунахъ настоящій рай. Боцманъ у насъ умеръ, но, помяните мое слово, что еще кто-нибудь умретъ, прежде чѣмъ мы окончимъ плаваніе. Я вамъ скажу, но пусть это будетъ между нами, что этотъ Волкъ Ларсенъ настоящій дьяволъ и *Призракъ* дьявольское судно, и было такимъ всегда съ тѣхъ поръ, какъ Ларсенъ его пріобрѣлъ. Развѣ я не знаю? Развѣ я не помню, что два года тому назадъ у него въ Хакодате былъ бунтъ, и онъ застрѣлилъ четырехъ матросовъ? Развѣ я въ то время не находился на *Эммъ*, въ трехстахъ ярдахъ отъ него? И въ томъ же году онъ убилъ еще одного человѣка ударомъ кулака. Да, да, сэръ, треснула кулакомъ по башкѣ и разможжилъ ее, какъ яичную скорлупу. И развѣ его на *Призракъ* не посѣтили губернаторъ Курильскихъ острововъ и начальникъ полиціи, японскіе джентльмены, сэръ, со своими женами — такими маленькими, хорошенькими штучками, какія рисуютъ на вѣерахъ. И когда онъ сіялся съ якоря, развѣ мужья не были оста-

влены одни въ ихъ лодкѣ, словно нечаянно? А затѣмъ черезъ недѣлю этихъ бѣдныхъ маленькихъ лѣди спустили на берегъ на другомъ концѣ острова, такъ что имъ пришлось итти домой черезъ горы въ однѣхъ тоненькихъ соломенныхъ сандаліяхъ, которыя не выдержали бы и одной версты? Развѣ я всего этого не знаю? Это звѣрь, этотъ Волкъ Ларсенъ—тотъ огромный звѣрь, о которомъ упоминается въ Апокалипсисѣ, и онъ плохо кончитъ. Но я вамъ ничего не сказалъ, помните это; ни одного слова я вамъ не говорилъ, ибо старый, толстый Луисъ хочетъ пережить это плаваніе, даже если всѣ остальные отправятся кормить рыбъ.

— Волкъ Ларсенъ!—фыркнулъ онъ минуту спустя.—Вслушайтесь только въ это имя! Волкъ—вотъ что онъ такое. Онъ даже не жестокосердный, какъ нѣкоторые люди. У него вовсе нѣтъ сердца. Онъ просто волкъ и больше ничего.

— Однако, если его такъ хорошо знаютъ, то какъ же онъ можетъ находить людей для своего судна?

— А потому, что людей можно найти на все, и на землѣ и на морѣ. Развѣ вы нашли бы меня здѣсь, если бы я не былъ пьянъ, какъ свинья, когда подписывалъ свое имя? Нѣкоторые изъ нихъ, охотники, напимѣръ, не могутъ найти лучшихъ капитановъ; а другіе, бѣдняги матросы, не знали ничего. Но они узнаютъ, узнаютъ и пожалѣютъ о томъ, что родились на свѣтъ Божій. Но я вамъ ничего не сказалъ, ни одного слова, слышите?

— Наши охотники ужасно скверный народъ,—

продолжалъ онъ черезъ минуту, ибо онъ страдалъ отъ прирожденной болтливости.—Вотъ погодите, пока спустятъ лодки въ воду и начнется охота. Ларсенъ какъ разъ тотъ человѣкъ, который нуженъ на нихъ. Онъ имъ покажетъ, онъ ихъ научить страху Божьему! Посмотрите хоть на моего охотника, Горнера. Какой тихоня, говоритъ мягко, словно дѣвушка; подумаешь, что онъ и мухи не обидитъ. А развѣ онъ не убилъ въ прошломъ году своего рулевого? Это было названо несчастнымъ случаемъ, но я встрѣтилъ его гребца въ Иокогамѣ, и онъ мнѣ все разсказалъ. А Смокъ, такой маленький, черный дьяволъ, вы его должно быть замѣтили; развѣ его русскіе не упекли на три года въ Сибирь на рудники за хищничество на Мѣдномъ островѣ, который принадлежитъ русскимъ? Его сковали вмѣстѣ съ другимъ каторжникомъ, но они, должно-быть, поссорились и подрались. Потому что онъ сплавилъ другого молодца въ ведрахъ на верхъ рудника по частямъ: сегодня ногу, завтра руку, послѣзавтра голову и такъ далѣе.

— Что вы говорите!—вскричалъ я, съ ужасомъ.

— Что я говорю?—быстро переспросилъ онъ.— Я ничего не говорю. Я глухъ и нѣмъ, и вы должны быть такимъ же ради вашей шкуры, и я никогда не говорилъ ничего, кромѣ хорошаго, о нихъ и о немъ, будь онъ проклятъ, и чтобъ онъ гнилъ въ чистилищѣ десять тысячъ лѣтъ, а потомъ отправился бы къ дьяволу, въ самое дно преисподней!

Джонсонъ, тотъ матросъ, который растеръ мою грудь до крои, когда меня выловили изъ воды,

быль наименѣе подозрителенъ изъ всей команды. Въ самомъ дѣлѣ, меня сразу поразила его прямота и мужественность, которая умѣрялась скромностью и сперва могла показаться робостью. Но онъ вовсе не былъ робокъ. Наоборотъ, онъ имѣлъ смѣлость открыто держаться своихъ убѣждений. Это качество и заставило его протестовать въ началѣ нашего знакомства противъ того, чтобы его звали Ионсономъ. И относительно него и этого его качества Луисъ считалъ нужнымъ напророчить.

— Славный парень, этотъ простякъ Джонсонъ,—сказалъ онъ.—Лучшій морякъ на суднѣ. Онъ мой гребецъ. Но что у него выйдутъ неприятности съ Ларсеномъ, такъ это такъ же вѣрно, какъ то, что искры летятъ вверхъ. Я это навѣрное знаю. Теперь уже видно, какъ собирается гроза. Я уговаривалъ его, какъ брата; но его нельзя уговорить потушить огни и показывать фальшивые сигналы. Онъ ворчитъ, когда что-нибудь дѣлается не по немъ, а вѣдь всегда найдется кто-нибудь, кто донесетъ Волку. Волкъ силенъ и, какъ волкъ, ненавидитъ силу, а силу онъ увидитъ въ Джонсонѣ; тотъ не станетъ унижаться и говорить «да, сэръ, благодарю васъ, сэръ» въ отвѣтъ на ругательство или на пинокъ. О! идетъ, идетъ гроза! Идетъ! И только Богъ знаетъ, гдѣ я возьму другого гребца. Что этотъ дуракъ сдѣлалъ, когда старикъ называлъ его Ионсономъ? «Мое имя—Джонсонъ, сэръ», отвѣтилъ онъ и затѣмъ сказалъ по буквамъ, какъ пишется его имя. Надо было тогда видѣть лицо старика! Разъ я думалъ, что

онъ его тутъ же на мѣстѣ прихлопнетъ. Но онъ ничего не сдѣлалъ тогда; но онъ сдѣлаетъ, попомните мое слово, онъ раскроитъ черепъ этому упрямцу... или я ровно ничего не понимаю въ моряхахъ.

Томасъ Могриджъ сталъ невыносимъ. Я долженъ былъ говорить ему «мистеръ» и «сэръ» за каждымъ словомъ. Одной изъ причинъ этого было то, что Волкъ Ларсенъ, повидимому, полюбилъ его. Это было неслыханно, чтобы капитанъ подружился съ кокомъ, но это именно и произошло. Два или три раза Волкъ Ларсенъ просовывалъ голову въ дверь кухни и весело шутилъ съ Могриджемъ, а однажды послѣ обѣда, онъ стоялъ на ютѣ и цѣлыхъ пятнадцать минутъ болталъ съ нимъ. Когда разговоръ былъ оконченъ, и кокъ вернулся въ кухню—онъ сѣялъ, какъ мѣдный тазъ, и, принявшись за работу, распѣвалъ высокимъ, гнусавымъ фальцетомъ какія-то уличныя пѣсенки.

— Я всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ начальствомъ,—говорилъ онъ мнѣ конфиденціальнымъ тономъ.—Я знаю, что дѣлать, чтобы меня цѣнили. Съ послѣднимъ моимъ капитаномъ мы были большими друзьями; я часто заходилъ въ его каюту, и мы вмѣстѣ выпивали стаканъ, другой. «Могриджъ», говорилъ онъ мнѣ, «Могриджъ, вы не на своемъ мѣстѣ». «Какъ такъ?» говорю я. «Вы должны были родиться джентльмэномъ, чтобы вамъ не приходилось зарабатывать свой хлѣбъ». Накажи меня Богъ, Гёмпъ, если я вру, что это онъ говорилъ, и я сидѣлъ въ его каютѣ... было такъ славно, уютно, и курилъ его сигары, и пилъ его ромъ.

Эта болтовня выводила меня изъ себя. Никогда мнѣ не приходилось такъ ненавидѣть голосъ человѣка. Его подхалимствующій тонъ, его масляная улыбка и чудовищное самомнѣніе раздражали меня до такой степени, что иногда я весь дрожалъ нервной дрожью. Положительно онъ былъ самымъ отвратительнымъ и ненавистнымъ человѣкомъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ. Грязь его стряпни была неопишима; и такъ какъ изъ его рукъ выходило все, что ѣли на суднѣ, то я принужденъ былъ ѣсть съ большою осторожностью, выбирая наименѣе грязное изъ его произведеній.

Руки мои, непривыкшія къ работѣ, доставляли мнѣ много огорченій. Ногти были черны, кожа пропиталась уже грязью и покрылась черными точками, которыхъ не брала даже щетка. Затѣмъ появились ссадины и язвы, которыя не хотѣли заживать, и, кромѣ того, я еще сильно обжогъ себѣ руку выше кисти, когда однажды, во время качки, потерялъ равновѣсіе и меня прижало къ горячей плитѣ. Моему колѣну тоже не было лучше. Опухоль не спадала, и чашечка все еще стояла торчкомъ. Пребываніе съ утра до вечера на ногахъ, конечно, не могло улучшить дѣла. Я понималъ, что мнѣ нуженъ былъ бы на нѣкоторое время покой.

Покой! Я раньше никогда не понималъ значенія этого слова. Я отдыхалъ всю свою жизнь, даже не подозревая этого. А теперь, если бы я могъ посидѣть хотя полчаса, ничего не дѣлая и даже не думая, то это было бы самымъ большимъ удовольствіемъ въ мірѣ. Зато теперь я буду понимать

жизнь рабочихъ людей. Я раньше даже не воображалъ, до чего трудно работать. Теперь отъ половины шестого утра и до десяти часовъ вечера я былъ рабомъ всѣхъ и не имѣлъ ни одной минуты для себя, за исключеніемъ тѣхъ нѣсколькихъ мгновений, которыя мнѣ удавалось урвать въ концѣ второй вахты. Стоило мнѣ заглядѣться на сверкающее на солнцѣ море, или посмотрѣть, какъ матросъ лѣзетъ на мачту,—какъ сейчасъ же раздавался ненавистный голосъ:—Эй, Гёмпъ, не прохлаждайтесь. Я васъ вижу, отъ меня не скроетесь!

Сегодня, передъ ужиномъ, случилось жестокое происшествіе, вполне показавшее всю грубость и безчувственность этихъ людей. Среди команды былъ одинъ новичокъ, по имени Гэрисонъ, неуклюжий деревенскій парень, котораго, какъ мнѣ кажется, привела на нашу шхуну лишь любовь къ приключеніямъ. Это было его первое плаваніе.

Шхуна теперь шла большую часть времени со слабымъ вѣтеркомъ, и паруса не были надуты, а трепались; и вотъ послали Гэрисона наверхъ. Когда онъ былъ наверху, какой-то трось вдругъ застрялъ въ блокѣ, и одинъ изъ парусовъ какъ-то запутался. Чтобы исправить дѣло, надо было или спустить парусъ, что было сравнительно легко и вполне безопасно, или взобраться на самый конецъ реи, — предпріятіе въ высшей степени опасное.

Йогансенъ приказалъ Гэрисону взобраться на рею. Всѣ видѣли, что парень боится. Да и неудивительно, что было страшно висѣть на какихъ-то болтающихся веревкахъ на высотѣ восьмидесяти

футовъ надъ палубой. Если бы былъ порядочный вѣтеръ, то это не было бы такъ скверно, но *Призракъ* качался на широкихъ волнахъ, и при каждомъ его качаніи паруса грузно болтались и трепыхались и могли сбросить внизъ человѣка, какъ муху.

Гэрисонъ слышалъ приказаніе и понялъ, что отъ него требовали, но колебался. Онъ, вѣроятно, лѣзъ наверхъ въ первый разъ въ жизни. Иогансенъ, заразившійся деспотизмомъ отъ Волка Ларсена, разразился потокомъ отборной брани и проклятій.

— Будеть, Иогансенъ, — рѣзко сказалъ Ларсенъ. — Имѣйте въ виду, что когда нужно браниться на этомъ суднѣ, бранюсь я. Если же мнѣ нужна будетъ ваша помощь, я вамъ скажу.

— Слушаю, сэръ, — покорно отвѣтилъ боцманъ.

Когда Гэрисонъ началъ взбираться на мачту и вдоль реи, я смотрѣлъ на него изъ двери кухни и видѣлъ, какъ онъ дрожалъ всѣми членами, точно въ лихорадкѣ. Онъ подвигался впередъ очень осторожно и медленно. Фигура его на фонѣ яснаго голубого неба походила на огромнаго паука, ползущаго по гигантской паутинѣ.

При прохожденіи вдоль реи ему удавалось держаться за тросы и блоки, но трудность заключалась въ томъ, что вѣтеръ не былъ достаточно силенъ и постояненъ, чтобы держать паруса надутыми. Когда Гэрисонъ былъ уже на полдорогѣ, *Призракъ* низко накренился на одну сторону, затѣмъ на другую, попавъ между двумя большими волнами. Гэрисонъ остановился и судорожно уцѣпился за тросы. Парусъ повисъ, тросъ ослабѣлъ

и подался подъ тяжестью его тѣла. Затѣмъ парусъ внезапно надулся подъ ударомъ вѣтра, одна рука несчастнаго сорвалась съ веревки, другою онъ пытался нѣкоторое время удержаться, но она тоже сорвалась; его тѣло закачалось изъ стороны въ сторону и упало внизъ, но онъ какъ-то умудрился задержаться ногами за веревки и повисъ головою внизъ. Быстрымъ усиліемъ онъ опять уцѣпился руками за тросъ; но онъ еще долго не могъ оправиться и безпомощно повисъ...

— Я увѣренъ, что у него сегодня не будетъ аппетита за ужиномъ, — услышалъ я голосъ Волка Ларсена.

Дѣйствительно, видно было, что Гэрисонъ чувствовалъ себя очень дурно, что его тошнило. Онъ долгое время держался, уцѣпившись за свою ненадежную опору, не рѣшаясь двинуться дальше. Йогансенъ, однако, продолжалъ сурово понукать его поскорѣе кончить свою работу.

— Это безобразіе! — услышалъ я ворчанье Джонсона, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Парень достаточно ретивый; онъ въ свое время научится. Но это просто... — Онъ остановился, ибо съ его губъ готово было сорваться слово «убійство».

— Тише, — зашепталъ ему Луисъ. — Если дорожите своей шкурой, замолчите!

Но Джонсонъ продолжалъ ворчать.

— Послушайте, — сказалъ охотникъ Стэндишъ Волку Ларсену, — это мой гребецъ, и я не хочу потерять его.

— Хорошо, Стэндишъ, — слышался отвѣтъ. — Онъ будетъ вашимъ гребцомъ тогда, когда онъ

будеть у васъ въ лодкѣ; но на шхунѣ онъ мой матросъ, и я могу дѣлать съ нимъ все, что мнѣ заблагоразсудится.

— Но это еще не резонъ...—началь было Стэндишъ, начиная горячиться.

— Довольно объ этомъ, пока еще не поздно,— посоветоваль ему Ларсенъ.—Я вамъ уже сказалъ, какъ я смотрю на дѣло, и довольно! Парень мой, и я, если захочу, сварю изъ него супъ и съѣмъ его.

Въ глазахъ охотника сверкнулъ сердитый огонекъ, но онъ круто повернулся и пошелъ къ люку «третьяго класса», откуда сталъ смотрѣть вверхъ. Вся команда была на палубѣ, и всѣ глаза были устремлены наверхъ, гдѣ человѣческая жизнь боролась со смертью. Безчувственность этихъ людей была поразительна. Жизнь у нихъ считалась за ничто, и была только простой цифрой въ ихъ коммерческой ариеметикѣ. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что нѣкоторые матросы сочувствовали своему собрату, Джонсонъ, на примѣръ; но хозяева (охотники и капитанъ) относились къ нему вполне индифферентно. Даже протестъ Стэндиша былъ вызванъ лишь опасеніемъ потерять *своего* гребца. Если бы у него имѣлся запасной гребецъ, то ему, какъ и прочимъ, все это было бы только забавно.

Но вернемся къ Гэрисону. Югансену пришлось бранить и понукать его цѣлыхъ десять минутъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился двинуться дальше.

Спустя нѣсколько минутъ онъ поймалъ конецъ реи и, обхвативъ ногами древно, могъ держаться твердо. Онъ развернулъ парусъ и могъ уже воз-

вратиться вдоль по реѣ и внизъ по матчѣ. Но онъ уже потерялъ все свое мужество. Какъ ни шатка была настоящая его позиція, у него не хватало духу перемѣнить ее на еще болѣе шаткую... Онъ смотрѣлъ то на висячій путь, который ему надо было совершить, то внизъ, на палубу. Его глаза дико блуждали, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я никогда не видѣлъ такого яркаго выраженія страха на человѣческомъ лицѣ. Иогансенъ тщетно звалъ его. Каждый моментъ его могло сбросить внизъ, но онъ былъ совершенно беспомощенъ отъ страха. Волкъ Ларсенъ ходилъ по палубѣ со Смокомъ и больше не обращалъ вниманія на Гэрисона; онъ только рѣзко крикнулъ рулевому:

— Вы сошли съ курса, милый! Будьте внимательнѣе, если не хотите, чтобы вамъ влетѣло!

— Слушаю, слушаю, сэръ,—отвѣтилъ рулевой и сталъ вертѣть штурвалъ.

Онъ нарочно вывелъ *Призракъ* изъ курса на нѣсколько румбовъ для того, чтобы слабый вѣтеръ надулъ паруса. Онъ хотѣлъ помочь несчастному Гэрисону, рискуя навлечь на себя гнѣвъ Волка Ларсена.

Время шло, и я съ мучительнымъ ужасомъ смотрѣлъ на Гэрисона, висѣвшаго въ снастяхъ. Но Томасъ Могриджъ смотрѣлъ на это, какъ на занятный инцидентъ, и то и дѣло высовывалъ голову изъ двери кухни, чтобы сдѣлать какое-нибудь шутливое замѣчаніе. Какъ я его ненавидѣлъ! Моя ненависть къ нему за это страшное время выросла до циклопическихъ размѣровъ. Въ первый разъ въ своей жизни я почув-

ствоваль желаніе убить—«увидѣть красное», какъ картинно выражаются нѣкоторые наши писатели. Жизнь вообще можетъ быть священна; но жизнь Томаса Могриджа дѣйствительно ничего не стоила. Я испугался, когда созналъ свое желаніе увидѣть «красное», и у меня въ головѣ промелькнула мысль: «не заразился ли я безчеловѣчіемъ окружающихъ?» Я, отрицавшій даже за правосудіемъ право карать смертью даже за самыя ужасныя преступленія?

Прошло еще съ полчаса, и я увидѣлъ, что Джонсонъ и Луисъ о чемъ-то горячо препираются. Въ концѣ-концовъ, Джонсонъ отстранилъ удерживавшаго его Луиса и пошелъ впередъ. Онъ прошелъ палубу, вскочилъ на снасти и сталъ быстро карабкаться вверхъ. Но зоркій глазъ Волка Ларсена уже замѣтилъ его.

— Эй, зачѣмъ лѣзете наверхъ?—закричалъ онъ.

Джонсонъ остановился. Онъ посмотрѣлъ капитану прямо въ глаза и медленно отвѣтилъ:

— Я хочу помочь парню спуститься.

— Вы, кажется, сами хотите полетѣть къ чорту съ этихъ снастей! Слышите? Слѣзайте сейчасъ!

Джонсонъ колебался, но многолѣтняя привычка повиноваться хозяину судна взяла верхъ, и онъ молча спустился на палубу.

Въ половинѣ шестого я пошелъ въ каютъ-кампанію накрывать на столъ, но я былъ самъ не свой, потому что передъ моими глазами неотступно стоялъ блѣдный, дрожащій Гэрисонъ, комично, точно козьявка, уцѣпившійся за какой-то ничтожный тросъ, отъ котораго зависѣла его жизнь. Въ шесть часовъ, когда я подавалъ ужинъ и ходилъ

на кухню за блюдами, я видѣлъ Гэрисона въ томъ же положеніи. Разговоръ за столомъ шель о другихъ вещахъ. Никто, повидимому, не интересовался напрасно гибнувшей жизнью. Но, направляясь лишній разъ въ кухню, я обрадовался, увидя, что Гэрисонъ началъ медленно спускаться. Онъ, очевидно, набрался, наконецъ, мужества.

Прежде, чѣмъ покончить съ этимъ инцидентомъ, я приведу еще разговоръ, который былъ у меня съ Волкомъ Ларсеномъ послѣ обѣда, когда я мылъ посуду.

— У васъ сегодня былъ очень кислый видъ,— началъ онъ.—Отчего это?

Я видѣлъ, что онъ знаетъ, отчего у меня былъ почти такой же больной видъ, какъ у Гэрисона, и что онъ пытается вызвать меня на разговоръ; я отвѣтилъ:

— Меня разстроило звѣрское обращеніе съ тѣмъ молодымъ парнемъ.

Онъ разсмѣялся короткимъ смѣхомъ.

— Звѣрство похоже на морскую болѣзнь. Нѣкоторые подвержены ей, а другіе нѣтъ.

— Нѣтъ, это невѣрно,—возразилъ я.

— Да, да, именно такъ,—продолжалъ онъ.— Землѣ такъ же свойственно звѣрство, какъ морю движеніе. Нѣкоторые не выносятъ одного, а другіе другого. Вотъ и все.

— Вы смѣтаетесь надъ человѣческой жизнью, но неужели вы не придаете ей рѣшительно никакой цѣнности?—спросилъ я.

— Цѣнности? Какой цѣнности?—Онъ смотрѣлъ на меня, и хотя глаза его были серьезны и непо-

движны, все же казалось, что въ нихъ скрывается циничная усмѣшка.—Какого рода цѣнность? Какъ вы ее опредѣлите? Кто можетъ ее опредѣлить?

— Я, напримѣръ, могу,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, что она стоитъ по вашему? Другой человѣческой жизни, я полагаю? Ну, говорите, что она стоитъ, по вашему?

Цѣнность жизни... Какъ я могъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить ее?

Какъ-то выходило, что я, никогда не искавшій выраженій, почему-то не находилъ ихъ, когда мнѣ приходилось говорить съ Волкомъ Ларсеномъ. Это, я думаю, надо отчасти приписать его личности, но главнымъ образомъ тому, что мы стояли на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія. Съ другими матеріалистами, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, у меня всегда было кое-что общее, съ чего можно было исходить, но съ нимъ у меня не было ничего общаго. Можетъ-быть, меня также смущала чрезмѣрная простота его ума. Онъ подходилъ такъ прямо къ сути вещей, такъ оголялъ вопросъ отъ всѣхъ лишнихъ подробностей и дѣлалъ это съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что я чувствовалъ, что бессильно барахтаюсь въ глубокой водѣ, что у меня нѣтъ почвы подъ ногами. Цѣнность жизни? Какъ я могъ отвѣтить на этотъ вопросъ въ одинъ моментъ? Что жизнь священна, я принималъ за аксіому. Что она сама по себѣ имѣетъ цѣнность, было для меня трюизмомъ, который не требовалъ доказательствъ. Но когда мнѣ предложили доказать этотъ трюизмъ, то я не находилъ словъ,

— Мы говорили объ этомъ вчера,—сказаль онъ.—Я доказываль, что жизнь есть ферментъ, что она должна пожирать другія жизни, чтобы жить, и что она есть только процвѣтающее свинство. Если что-нибудь находится на свѣтѣ въ полномъ изобиліи—такъ это именно жизнь. На свѣтѣ есть опредѣленное количество воды, земли и воздуха, но способность жизни размножаться—безгранична. Природа расточительна. Посмотрите на рыбъ и на миллионы ихъ яицъ. Или посмотрите на меня и на себя. Въ насъ заложена возможность миллиона жизней. Если бы у насъ было время и возможность утилизировать всю жизнь, заложенную въ насъ, всю до послѣдней капли, то мы бы могли стать отцами цѣлыхъ націй и заселить цѣлые континенты. Жизнь? Ба! Она не имѣетъ никакой цѣнности. Изъ всѣхъ дешевыхъ вещей, она самая дешевая. Кто цѣнитъ ее? Природа разбрасываетъ ее щедрой рукой. Тамъ, гдѣ есть мѣсто для одной жизни, она сѣетъ тысячи, и жизнь пожираетъ жизнь, пока не остается лишь самая сильная и самая свинская жизнь.

— Вы читали Дарвина,—сказаль я.—Но вы его плохо поняли, когда вывели заключеніе, что борьба за существованіе санкціонируетъ ваше безудержное разрушеніе жизни.

Онъ пожалъ плечами.—Вы, конечно, примѣняете свое мѣрило только по отношенію къ человѣческой жизни, потому что животныхъ, птицъ и рыбъ вы уничтожаете столько жр, сколько и я или всякій другой человѣкъ. Но человѣческая жизнь, вѣдь, по существу не разнится отъ этихъ

жизней, хотя вы чувствуете обратное и думаете, что можно доказать это. Зачѣмъ я буду беречь жизнь, когда она такъ дешева, когда она не имѣетъ никакой цѣнности? Вѣдь матросовъ существуетъ больше, чѣмъ кораблей, для которыхъ они нужны; рабочихъ больше, чѣмъ фабрикъ, гдѣ они могли бы работать. Да вѣдь вы, живущій постоянно на берегу, прекрасно знаете, что вы держите вашъ бѣдный людъ въ городскихъ трущобахъ и напускаете на нихъ голодъ и болѣзни, и все же бѣдняковъ, жаждущихъ сухой корки хлѣба и борющихся за нее, остается больше, чѣмъ нужно. Вы когда-нибудь видали лондонскихъ рабочихъ на докахъ, дерущихся, какъ дикіе звѣри, за возможность получить работу?

Онъ повернулся и пошелъ въ каюту, но вдругъ остановился и сказалъ:—Знаете ли вы, что единственная цѣнность, которую жизнь имѣетъ, это та, которую она приписываетъ себѣ сама. И, конечно, она переоцѣниваетъ себя, потому что каждый судить о себѣ лучше, чѣмъ онъ есть. Возьмите, напримѣръ, этого парня, котораго я послалъ наверхъ. Онъ держался тамъ такъ крѣпко, какъ будто бы онъ былъ самой драгоценной вещью въ мірѣ, сокровищемъ, дороже брилліантовъ и рубиновъ. Развѣ онъ дорогъ для васъ? Нѣтъ. Для меня? Ничуть не бывало. Для него самого? Да. Но я не согласенъ съ его оцѣнкой. Онъ слишкомъ переоцѣнилъ самого себя. Существуетъ вполне достаточно жизней, которыя хотятъ еще родиться. Если бы онъ упалъ, и его мозги забрызгали бы палубу, какъ медъ, выброшенный изъ

соть, то свѣтъ рѣшительно ничего не потерялъ бы, ибо онъ былъ для свѣта ничѣмъ. Предложеніе жизни слишкомъ велико. Онъ имѣлъ цѣнность только для себя самого и, чтобы показать, насколько фиктивна была и эта цѣнность, природа устроила такъ, что если бы онъ умеръ, то онъ даже не сознавалъ бы, что потерялъ что-нибудь. Онъ одинъ оцѣнилъ себя дороже брилліантовъ и рубиновъ. Но брилліанты и рубины разсыпались бы по палубѣ, чтобы быть смытыми въ море ведромъ морской воды, а онъ даже и не узналъ бы, что брилліантовъ и рубиновъ больше нѣтъ. Онъ ничего не теряетъ, потому что съ потерей самого себя онъ теряетъ и сознаніе о потерѣ. Вы меня понимаете? И что вы скажете на это?

— Что вы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны.—Это было все, что я могъ сказать и затѣмъ снова принялся мыть посуду.

VII.

Наконецъ, послѣ трехдневнаго перемѣнчиваго вѣтра, мы попали въ область сѣверо-восточныхъ пассатовъ. Я вышелъ на палубу, хорошо выспавшись, несмотря на свое больное колѣно, и увидѣлъ, что *Призракъ* мчится впередъ, вздымая носомъ пѣну, подъ всѣми парусами, за исключеніемъ кливеровъ. О, какое чудо эти большіе пассаты! Весь день мы шли, и всю ночь, и слѣдующій день, и слѣдующую ночь, и еще много дней и ночей, и вѣтеръ все время дулъ съ кормы, и дулъ постоянно, ровно и сильно, Шхуна шла сама. Не нужно было

ни собирать, ни подтягивать парусовъ, не было никакой работы для матросовъ, за исключеніемъ рулевого. Къ вечеру паруса нѣсколько ослабѣвали; утромъ, когда на нихъ высыхала ночная роса, они снова надувались—вотъ и все.

Десять узловъ, двѣнадцать узловъ, одиннадцать узловъ—вотъ скорость, съ которой мы шли, совершая по двѣсти пятьдесятъ миль въ сутки. Меня печалила и въ то же время радовала скорость, съ которой мы удалялись отъ Санъ-Франциско и приближались къ тропикамъ.

Съ каждымъ днемъ становилось замѣтно теплѣе. Во время второй вахты матросы выходили на палубу, раздѣвались и окатывали другъ друга водой изъ ведра. Начали показываться летающія рыбы и ночью падали на палубу, и вахтенный ползалъ на четверенькахъ и ловилъ ихъ руками. Утромъ Томасъ Могриджъ, получивъ должную мзду, жарилъ рыбу, наполняя кухню ея пріятнымъ запахомъ; иногда же команда лакомилась мясомъ дельфиновъ, которыхъ Джонсонъ ловилъ съ бака.

Джонсонъ проводилъ на бакѣ все свое свободное время, любуясь, какъ *Призракъ* разрѣзываетъ волны подъ напоромъ вѣтра.

Въ его глазахъ видна была страсть и обожаніе, и онъ впадалъ въ состояніе, походившее на трансъ, глядя въ экстазѣ на надутые паруса, на пѣнящуюся воду и на вздыманіе шхуны на движущіяся горы, которыя шли вмѣстѣ съ нами непрерывной, торжественной процессіей.

Дни и ночи были просто «чудо и восторгъ», и, хотя у меня было очень мало свободнаго времени,

все же я урывалъ моменты, чтобы смотрѣть и смотрѣть безъ конца на дивную красоту, о которой я до сихъ поръ не имѣлъ никакого понятія. Надъ головой небо безоблачное и синее, синее, какъ само море, которое впереди судна такого цвѣта и блеска, какъ лазурный атласъ. На горизонтѣ видны блѣдныя, перистыя облака, никогда не мѣняющіяся, никогда не двигающіяся, какъ серебряная сѣть на бирюзовомъ фонѣ.

Я никогда не забуду одну ночь, когда я должно быть заснулъ, лежа на бакѣ и глядя внизъ на разноцвѣтный спектръ, образуемый брызгами воды. Ея журчаніе вокругъ носа шхуны походило на журчаніе ручейка, бѣгущаго по мшистымъ камнямъ въ какой-нибудь спокойной долинкѣ; и эта убаюкивающая пѣсенка усыпила меня, и я уже не былъ больше ни Гёмпомъ, ни юнгой, ни даже Ванъ-Вейденомъ, т.-е. человѣкомъ, который прудремалъ свои тридцать пять лѣтъ жизни среди книгъ. Но меня разбудилъ голосъ строгій и увѣренный, но въ то же время и мелодичный. Онъ читалъ стихи и, казалось, наслаждался звучностью словъ.

— Эй, Гёмпъ! Какъ это вамъ нравится?—спросилъ меня Ларсенъ, окончивъ читать строфу. Я посмотрѣлъ ему въ лицо. Оно свѣтилось, какъ само море, и глаза блестѣли при свѣтѣ звѣздъ.

— Меня поражаетъ, что вы способны выказывать энтузіазмъ,—сказалъ я холодно.

— Почему, мой милый; вѣдь это же жизнь, сама жизнь!—вскричалъ онъ.

— Которая есть самая дешевая вещь на свѣтѣ

и которая не имѣетъ никакой цѣнности,—отвѣтилъ я его словами.

Онъ расхохотался, и я впервые услышалъ истинное веселье въ его смѣхѣ.

— Ахъ, я никакъ не могу заставить васъ понять, что за штука жизнь! Конечно, она имѣетъ цѣнность, но только для самой себя. И я вамъ могу сказать, что моя жизнь очень цѣнна какъ разъ теперь... для меня самого. Цѣнность ея неизмѣрима, что вамъ покажется чрезмѣрной оцѣнкой, но ничего не подѣлаешь, ибо сама жизнь во мнѣ ставитъ сейчасъ себѣ такую оцѣнку.

Онъ остановился, повидимому, подыскивая слова, чтобы выразить свою мысль яснѣе, и затѣмъ продолжалъ:

— Знаете ли, я сейчасъ чувствую странный подъемъ; я чувствую, будто эхо всѣхъ временъ отдается во мнѣ, или будто вся власть въ мірѣ принадлежитъ мнѣ. Я знаю истину и ясно различаю добро отъ зла, правду отъ неправды. Я вижу ясно и далеко. Я готовъ, пожалуй, повѣрить въ Бога. Но,—и его голосъ измѣнился и свѣтъ потухъ на его лицѣ,—почему я сейчасъ нахожусь въ такомъ состояніи? Что значитъ эта радость жизни? Это возбужденіе? Это вдохновеніе, сказалъ бы я? Отчего это все? Я знаю отчего. Оттого, что мое пищевареніе въ порядкѣ, что мой желудокъ здоровъ, что аппетитъ возбужденъ и все идетъ хорошо. Это взятка жизни, это шампанское крови, это броженіе фермента, которое вызываетъ въ нѣкоторыхъ людяхъ высокія, святыя мысли, а другихъ заставляетъ видѣть Бога, или создавать его, когда они

ликолѣпный типъ примитивнаго человѣка, который опоздалъ родиться лѣтъ на тысячу и представляетъ собой анахронизмъ въ нашемъ вѣкѣ и въ нашей цивилизаціи. Онъ, само собой разумѣется, индивидуалистъ чистѣйшей воды. И не только это,— онъ очень одинокъ. Между нимъ и остальными людьми на суднѣ не было никакого сродства, его необыкновенная умственная сила и мужество отдѣляли его отъ остальныхъ. Они всѣ были для него вродѣ дѣтей, даже охотники, и онъ обращался съ ними, какъ съ дѣтьми, снисходя до ихъ уровня и играя съ ними, какъ человѣкъ играетъ со щенятами. Или иногда онъ держалъ ихъ жестокой рукой вивисекціониста, наблюдая ихъ умственный процессъ и разсматривая ихъ души, чтобы узнать, изъ какого душевнаго матеріала они сдѣланы.

Я много разъ видѣлъ его за столомъ, бранившимъ того или другого охотника съ холоднымъ равнодушнымъ взглядомъ; но въ то же время онъ съ такимъ любопытствомъ ловилъ ихъ отвѣты, жесты или вспышки раздраженія, что мнѣ, постороннему наблюдателю, дѣлалось смѣшно. Что же касается его собственной вспыльчивости, то я убѣжденъ, что она бывала искусственна, что это иногда былъ просто экспериментъ, но что чаще всего это была привычка становиться въ позу, которая, по его мнѣнію, приличествовала ему, какъ капитану судна. Я знаю, что за исключеніемъ того случая, когда умеръ боцманъ, я никогда не видѣлъ его дѣйствительно взбѣшеннымъ; да я и не хотѣлъ бы видѣть его въ настоящемъ

не могутъ его видѣть. Это все опьянѣнїе жизни, движеніе и броженіе дрожжей; это кипѣнїе живой жизни, создающей въ сознанїи самое себя. И увы! Завтра я поплачусь за это, какъ платится пьяница. И буду знать, что я долженъ умереть, и по всей вѣроятности, на морѣ, что я перестану двигаться, что меня всего покроетъ морская тина; что мной будутъ питаться другія живыя существа, что я стану падалью, что я отдамъ всю силу и движеніе своихъ мускуловъ на созданіе движенія и силы мускуловъ какихъ-нибудь рыбъ и крабовъ. Ба! Шампанское уже выдохлось, его искристость и крѣпость кончились и осталось только безвкусное питье.

Онъ ушелъ такъ же внезапно, какъ и появился, спрыгнувъ на палубу съ легкостью и эластичностью тигра. *Призракъ* шелъ своимъ путемъ. Я замѣтилъ, что журчаніе у носа походило теперь на храпъ, и когда я его слушалъ, то впечатлѣнїе отъ внезапной перемѣны настроенія Волка Ларсена понемногу стало сглаживаться. Какой-то матросъ на другой сторонѣ судна затянулъ красивымъ теноромъ «Пѣсню о пассатахъ».

VIII.

Иногда мнѣ казалось, что Волкъ Ларсенъ сумасшедшій или, по крайней мѣрѣ, полу-сумасшедшій: такъ странны и капризны были его настроенія. А по временамъ я думалъ, что онъ великій человѣкъ, гений, какого еще не было. И, въ концѣ-концовъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ ве-

гнѣвъ, когда въ немъ взбудоражились бы всѣ его силы.

Что же касается его капризовъ, то я сейчасъ расскажу, что случилось съ Томасомъ Могриджемъ въ каютѣ Ларсена, и въ то же время покончу съ инцидентомъ, о которомъ я уже упоминалъ нѣсколько разъ. Однажды послѣ обѣда, когда я только что убралъ каютъ-кампанію, въ нее вошли Волкъ Ларсенъ и Томасъ Могриджъ. Хотя у кока было помѣщеніе, открывавшееся въ каютъ-кампанію, онъ никогда еще не осмѣливался останавливаться, проходя къ себѣ, и только одинъ или два раза въ день робкою тѣнью быстро мелькалъ мимо.

— Такъ что вы, значить, умѣете играть въ «напъ»?—весело спросилъ Волкъ Ларсенъ.—Я такъ и думалъ, что англичанинъ долженъ это знать. Я самъ научился этому на англійскихъ корабляхъ.

Томасъ Могриджъ былъ внѣ себя отъ восторга и радости по поводу того, что съ нимъ дружить самъ капитанъ.

Легкій тонъ, который онъ старался принять, и мучительныя усилія вести себя непринужденно, какъ подобаетъ человѣку, который достоинъ и не такого положенія въ жизни, производили бы тяжелое впечатлѣніе, если бы они не были такъ смѣшны. Онъ совершенно игнорировалъ мое присутствіе, хотя я думаю, что онъ отъ возбужденія просто не въ состояніи былъ меня замѣтить. Его безцвѣтные, угодливые глаза блестѣли какъ лѣтнее море, хотя какія блаженныя

видѣнія могли витать передъ ихъ умственными взоромъ, я даже не могъ вообразить.

— Достаньте карты, Гёмпъ,—приказаль Волкъ Ларсенъ, когда они сѣли за столъ.

— И принесите сигары и виски; то и другое вы найдете около моей кровати.

Я пошелъ исполнять приказаніе и когда вернулся въ каюту, то кокъ дѣлалъ намекі о какой-то тайнѣ, окружавшей его происхожденіе, о томъ, что онъ былъ сбившимся съ пути сыномъ джентльмэна, и что ему заплатили большую сумму, чтобы онъ только уѣхалъ изъ Англій.

Я принесъ обыкновенныя ликерныя рюмки, но Волкъ Ларсенъ нахмурился, отрицательно покачалъ головой и сдѣлалъ мнѣ знакъ руной, чтобы я принесъ большіе стаканы. Онъ ихъ на три четверти наполнилъ крѣпкимъ виски—«напиткомъ джентльмэновъ», какъ говорилъ Томасъ Могриджъ; они чокнулись, закурили сигары и начали тасовать и сдавать карты.

Они играли на деньги и все время увеличивали ставки. Пили виски и выпили все, что я принесъ, такъ что пришлось принести еще. Я не знаю, плутовалъ ли Волкъ Ларсенъ, или нѣтъ—я считалъ его способнымъ и на это—но онъ постоянно выигрывалъ.

Кокъ безпрестанно отправлялся къ своей койкѣ и каждый разъ съ большимъ нахальствомъ и чванливостью, но не приносилъ больше нѣсколькихъ долларовъ за разъ. Онъ все больше пьянѣлъ, становился фамиллярнымъ и съ трудомъ могъ различать карты и держаться прямо. Въ видѣ

предисловія къ слѣдующему путешествію въ свою каюту, онъ зацѣпилъ своимъ грязнымъ пальцемъ за петличку куртки Ларсена и болтливо повторялъ нѣсколько разъ:—У меня есть деньги. Я раздобылъ деньги, говорю вамъ... и я сынъ джентльмена...

На Волка Ларсена виски совершенно не дѣйствовалъ, хотя онъ пилъ столько же, сколько кокъ, только его стаканы были полнѣе. Онъ какъ будто даже не забавлялся смѣшными выходками своего партнера.

Въ концѣ-концовъ, съ громкими заявленіями о томъ, что онъ можетъ проигрывать, какъ настоящій джентльменъ, послѣднія деньги повара были поставлены и проиграны. Тогда онъ облокотился на столъ, склонилъ голову и заплакалъ. Волкъ Ларсенъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, но затѣмъ, повидимому, вспомнилъ, что изучать тутъ было нечего.

— Гѣмпъ,—сказалъ онъ мнѣ изысканно вѣжливо,—будьте такъ добры, возьмите мистера Могриджа подъ руку и отведите его наверхъ. Онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. И скажите Джонсону, чтобы онъ вылилъ на него нѣсколько ушатовъ соленой воды,—прибавилъ онъ тихо мнѣ на ухо.

Я оставилъ мистера Могриджа на палубѣ на попеченіе двухъ насмѣшливо улыбавшихся матросовъ, которымъ я передалъ порученіе капитана. Мистеръ Могриджъ сонно бормоталъ, что онъ сынъ джентльмена.

Но когда я спускался обратно въ каютъ-кам-

панію, чтобы убрать со стола, то услышалъ страшный визгъ—это его окатили первымъ ведромъ воды.

Волкъ Ларсенъ подсчитывалъ свой выигрышъ.

— Ровно сто восемьдесятъ пять долларовъ,—сказалъ онъ громко.—Я такъ и думалъ. Бродяга явился на судно безъ гроша въ карманѣ.

— И то, что вы выиграли, мое, сэръ,—сказалъ я смѣло.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ загадочной усмѣшкой.

— Гёмпъ, я учился грамматикѣ въ свое время и думаю, что вы спутали времена: вы должны были сказать: «было мое», а не просто «мое».

— Это вопросъ не грамматическій, а этический,—отвѣтилъ я.

Прошла цѣлая минута прежде, чѣмъ онъ заговорилъ.

— Знаете ли, Гёмпъ,—сказалъ онъ тихимъ серьезнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась безконечная печаль,—вѣдь я въ первый разъ слышу слово «этический» изъ устъ человѣка? На этомъ суднѣ только вы и я понимаемъ, что оно значить.

— Одно время,—продолжалъ онъ послѣ паузы,—я мечталъ о томъ, что я когда-нибудь буду говорить съ людьми, которые употребляютъ такія слова; что я поднимусь выше той сфѣры, въ которой я родился, и буду обращаться съ людьми, которые разговариваютъ о такихъ вещахъ, какъ этика. И сегодня я въ первый разъ услышалъ это слово. Но это все, что я могу вамъ сказать

объ этомъ, ибо вы не правы. То, что вы говорите, не вопросъ грамматики или этики, а фактъ.

— Я понимаю,—сказаль я,—фактъ заключается въ томъ, что у васъ мои деньги.

Его лицо просвѣтлѣло; онъ, повидимому, былъ доволенъ моею понятливостью.

— Но вы уклоняетесь отъ прямого отвѣта на вопросъ,—продолжалъ я,—который заключается въ томъ, справедливо это или нѣтъ.

— Ахъ,—замѣтилъ онъ, скрививъ ротъ,—я вижу, что вы до сихъ поръ вѣрите въ такія вещи, какъ справедливость и несправедливость.

— А вы развѣ не вѣрите? Совсѣмъ?

— Ничуть. Сила—это справедливость, а слабость—несправедливость; или, иначе говоря, хорошо быть сильнымъ и дурно быть слабымъ... Или еще лучше: пріятно быть сильнымъ, потому что это выгодно; и тяжело быть слабымъ, потому что за это приходится платиться. Вотъ сейчасъ, на примѣръ, обладаніе этими деньгами—пріятная вещь. Обладая ими, я поступилъ бы дурно по отношенію къ себѣ и къ жизни, которая во мнѣ, если бы я отдалъ ихъ вамъ и лишилъ бы себя удовольствія обладать ими.

— Но вы поступаете несправедливо по отношенію ко мнѣ, удерживая ихъ,—возразилъ я.

— Нисколько. Человѣкъ не можетъ поступать несправедливо по отношенію къ другому. Онъ можетъ поступать несправедливо только по отношенію къ самому себѣ. Мнѣ кажется, что я несправедливъ по отношенію къ самому себѣ всегда, когда я принимаю во вниманіе интересы другихъ.

Вы понимаете? Какъ могутъ двѣ частицы дрожжей быть несправедливыми другъ къ другу, когда ихъ назначеніе постараться пожрать одна другую? Это ихъ врожденное свойство—стремиться пожрать другую и не допустить, чтобы пожрали ее самое. Когда онѣ отступаютъ отъ этого, то онѣ совершаютъ грѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ вы не вѣрите въ альтруизмъ?—спросилъ я.

Онъ выслушалъ это слово такъ, какъ будто оно было ему знакомо, но затѣмъ, подумавъ, спросилъ:—Скажите, это слово относится, кажется, къ коопераціи, не правда ли?

— Да, это имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ ней,—отвѣтилъ я, на этотъ разъ даже не удивившись такимъ пробѣламъ въ его запасѣ словъ, который, точно такъ же какъ и его знанія, былъ пріобрѣтенъ имъ посредствомъ чтенія. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые обязаны своимъ образованіемъ самимъ себѣ, занятія которыхъ никто не направлялъ и которые думали много, но говорили мало, или почти совсѣмъ не говорили.—Альтруистическимъ поступкомъ называется такой поступокъ, который совершается для блага другихъ. Онъ безкорыстенъ, и противопоставляется другимъ поступкамъ, которые совершаются для себя и потому эгоистичны.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.—О, да, я припоминаю теперь. Я читалъ объ этомъ у Спенсера.

— У Спенсера!—вскричалъ я.—Развѣ вы его читали?

— Не очень много,—сознался онъ.—Я понялъ довольно много въ «Основныхъ Положеніяхъ», но его «Біологія» оставила мои паруса безъ вѣтра, а его «Психологія» заставила меня долго топтаться на одномъ мѣстѣ. Я такъ и не понялъ, что онъ хотѣлъ сказать. Я сперва приписалъ это какимъ-нибудь изъяснамъ своего ума, но потомъ я пришелъ къ заключенію, что мнѣ просто не доставало подготовки. У меня не было нужнаго базиса. Только Спенсеръ и я знаемъ, какъ тяжело я трудился надъ нимъ. Но я вынесъ кое-что изъ его «Этики». Тамъ же я прочелъ объ альтруизмѣ и теперь припоминаю, въ какомъ смыслѣ употреблялось это слово.

Я съ удивленіемъ спрашивалъ себя, что этотъ человѣкъ могъ вынести изъ этого сочиненія? Спенсеръ, насколько я припоминаю, ставитъ альтруизмъ идеаломъ поведенія человѣка. Волкъ Ларсенъ, очевидно, просѣялъ ученіе великаго философа, отбросилъ то, что ему было ненужно, и взялъ то, что ему нравилось.

— Что вы тамъ еще прочли?—спросилъ я.

Его брови нахмурились, какъ будто ему трудно было передать въ словахъ мысли, которыя онъ никогда раньше не излагалъ. Я чувствовалъ полетъ его духа; я теперь ощупывалъ матеріаль, изъ котораго была сдѣлана его душа, какъ самъ онъ обыкновенно ощупывалъ душевный матеріаль другихъ. Я изслѣдовалъ дѣвственную территорию. Странная, удивительно странная область открывалась моимъ глазамъ.

— Въ сущности,—началъ онъ,—Спенсеръ го-

ворить слѣдующее: во-первыхъ, индивидъ долженъ поступать согласно своей собственной выгодѣ—это вполнѣ морально и хорошо. Во-вторыхъ, онъ долженъ поступать, имѣя въ виду пользу своихъ дѣтей; и въ-третьихъ, онъ долженъ поступать въ виду пользы своей расы.

— И самымъ лучшимъ, самымъ высокимъ и правильнымъ поступкомъ,—перебилъ я,—будетъ тотъ, который ведетъ въ одно и то же время къ пользѣ самого индивида, его дѣтей и его расы.

— Я не согласенъ съ нимъ,—отвѣтилъ онъ.— Я не вижу въ этомъ ни необходимости, ни здраваго смысла. Я отбросилъ бы расу и дѣтей. Я бы ничѣмъ не пожертвовалъ для нихъ; въ этомъ такъ много сентиментальности,—вы сами должны это видѣть—по крайней мѣрѣ для человѣка, который не вѣритъ въ вѣчную жизнь. Если впереди есть безсмертіе, то альтруизмъ становится выгоднымъ предпріятіемъ. Тогда и я могъ бы поднять свою душу до какихъ угодно высотъ. Но если передо мной нѣтъ ничего вѣчнаго, кромѣ смерти, и если мнѣ дано только на короткое время это ферментное броженіе, которое называется жизнью, то съ моей стороны будетъ безнравственно совершать такіе поступки, которые бы требовали отъ меня жертвы. Всякая жертва, которая заставляетъ меня терять хоть одно движеніе, нелѣпа, и не только нелѣпа, но она является преступленіемъ противъ меня и поэтому безнравственна. Я не долженъ терять ни одного движенія, если я хочу взять изъ фермента все, что можно. И вѣчная неподвижность, которая ждетъ

меня впереди, не станетъ ни пріятнѣе, ни труднѣе отъ того, приносилъ ли я жертвы, или былъ эгоистиченъ въ то время, когда я еще былъ ферментомъ и двигался.

— Въ такомъ случаѣ вы ярый индивидуалистъ и матеріалистъ. Но неужели вамъ безусловно нельзя довѣрять въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣшана хотя бы крупица личного интереса?

— Теперь вы начинаете понимать меня,—сказалъ онъ, весь просвѣтлѣвъ.

— Значить, вы человѣкъ, лишенный того, что называется моралью?

— Да, именно.

— Человѣкъ, котораго нужно всегда бояться...

— Совершенно вѣрно.

— Какъ бояться змѣи, тигра или акулы?

— Ну, вотъ, теперь вы знаете меня,—сказалъ онъ,—и вы знаете также, какъ меня называютъ. Меня зовутъ «Волкомъ».

— Вы какое-то чудовище, — прибавилъ я смѣло,—Калибанъ, который поступаетъ подъ вліяніемъ минутнаго каприза, прихоти.

Его лобъ нахмурился, онъ не понялъ намека, и я тотчасъ же сообразилъ, что онъ не знаетъ этой поэмы.

— Я только теперь читаю Браунинга,—сознался онъ,—и это очень трудно. Я прочелъ еще очень немного.

Я принесъ книгу изъ его каюты и прочелъ вслухъ «Калибана»; онъ былъ восхищенъ. Этотъ примитивный взглядъ на вещи онъ понималъ прекрасно. Онъ безпрестанно перебивалъ меня

критическими замѣчаніями. Когда я кончилъ, онъ прочелъ поэму во второй разъ, затѣмъ въ третій. Мы стали спорить о философіи, о наукѣ, объ эволюціи, о религіи. Онъ проявилъ вполне всѣ недостатки своего образованія, но въ то же время и самоувѣренность и прямоту своего примитивнаго ума. Въ простотѣ его разсужденій заключалась ихъ сила, и его материализмъ былъ гораздо проще, но зато и непоколебимѣе шаткаго, сложнаго материализма Чарли Фурусета. Я не хочу сказать, что я, убѣжденный идеалистъ, былъ сбить съ толку; но Волкъ Ларсенъ шелъ приступомъ на твердыню моей вѣры съ такой силой, что если и не убѣдилъ меня, то, во всякомъ случаѣ, заставилъ уважать его.

Время шло. Ужинъ долженъ былъ быть уже скоро, а столъ еще не былъ накрытъ.

Я сталъ беспокоиться и, когда Томасъ Могриджъ съ больнымъ, раздраженнымъ видомъ заглянулъ въ каюту, я хотѣлъ встать и идти исполнять свои обязанности. Но Волкъ Ларсенъ крикнулъ ему:

— Поварокъ, вамъ придется управляться сегодня одному. Мнѣ сейчасъ нуженъ Гѣмпъ, и вы ужъ какъ-нибудь обойдитесь безъ него.

И тутъ случилась небывалая вещь: въ тотъ вечеръ я сидѣлъ за столомъ съ капитаномъ и охотниками, а Томасъ Могриджъ прислуживалъ намъ и затѣмъ одинъ мылъ посуду. Это былъ капризь, Калибаново настроеніе Волка Ларсена; но только я предчувствовалъ, что оно мнѣ принесетъ много огорченій. А пока мы говорили и говорили, къ большому неудовольствію охотниковъ, которые не понимали ни одного слова.

IX.

Три дня отдыха, три благословенныхъ дня, вотъ что было результатомъ нашего разговора съ Волкомъ Ларсеномъ. Все это время я обѣдалъ въ каютъ-кампаніи и занимался только тѣмъ, что разговаривалъ о жизни, о литературѣ, о вселенной, между тѣмъ какъ Томасъ Могриджъ рвалъ и металъ и дѣлалъ всю работу мою и свою собственную.

— Берегитесь шквала,—предупреждалъ меня Луисъ, когда мы съ нимъ сошлись на палубѣ въ то время, какъ Волкъ Ларсенъ судилъ и мирилъ охотниковъ.

— Трудно сказать, что случится,—продолжалъ Луисъ, когда я попросилъ его объяснить болѣе точно.—Человѣкъ этотъ состоитъ изъ такихъ же противоположностей, какъ воздушныя и морскія теченія. Вы никогда не угадаете, чѣмъ онъ можетъ сдѣлать. Какъ разъ въ то время, когда вы думаете, что знаете его и пользуетесь его расположеніемъ, онъ вдругъ наскочитъ на васъ, и всѣ ваши паруса мигомъ разлетятся въ клочки.

Такимъ образомъ я былъ не очень удивленъ, когда шкваль, предсказанный Луисомъ, дѣйствительно налетѣлъ на меня. У насъ былъ горячій споръ (о жизни, конечно), и, набравшись смѣлости, я началъ безъ стѣсненія критиковать Волка Ларсена и его жизнь. Правда, я производилъ надъ нимъ вивисекцію и разсматривалъ его душевный матеріалъ такъ же внимательно и всесторонне, какъ это дѣлалъ онъ самъ по отношенію

къ другимъ. Обыкновенно я говорю нерѣшительно, но на этотъ разъ я отбросилъ всѣ стѣсненія и рѣзалъ правду въ глаза, пока онъ не зарычалъ. Темное, загорѣлое лицо его совершенно почернѣло отъ гнѣва, и глаза засверкали. Въ нихъ теперь ужъ не было ни ясности, ни здраваго смысла—ничего, кромѣ страшной, безумной ярости. Я видѣлъ въ нихъ волка, и при этомъ волка бѣшеннаго.

Онъ подскочилъ ко мнѣ и, закричѣвъ, схватилъ мою руку. Я пытался вырвать ее, хотя и дрожалъ отъ страха; но сила этого человѣка была слишкомъ велика для моихъ усилій. Онъ схватилъ мою руку одной только рукою но, когда онъ сжалъ ее, я закричалъ отъ боли. Ноги мои подкосились; эта пытка была невыносима: мнѣ казалось, что мои мускулы совершенно размозжены.

Онъ, повидимому, пришелъ въ себя, потому что въ его глазахъ мелькнулъ свѣтъ сознанія и онъ, съ короткимъ смѣхомъ, пожегъ на рычаніе, выпустилъ мою руку. Я упалъ на полъ и почти потерялъ сознаніе; а онъ между тѣмъ закурилъ сигару и сталъ наблюдать меня, какъ кошка наблюдаетъ мышъ. Корчась отъ боли, я замѣтилъ въ его глазахъ то любопытство, которое я такъ часто видѣлъ въ нихъ, то удивленіе и недоумѣніе, тотъ вопросъ, который всегда свѣтился въ нихъ по отношенію ко всему, что происходило вокругъ него.

Я, наконецъ, поднялся на ноги и кое-какъ доползъ до трапа. Благопріятная погода кончилась и мнѣ ничего больше не оставалось, какъ

вернуться на кухню. Моя лѣвая рука онѣмѣла, словно парализованная, и прошло много дней, прежде чѣмъ я могъ свободно владѣть ею, а боль окончательно прошла въ ней только черезъ нѣсколько недѣль. А вѣдь, онъ не сдѣлалъ ничего особеннаго, онъ только сдавилъ мою руку своею рукою. На другой день онъ всунулъ голову въ дверь кухни и дружелюбно спросилъ меня, какъ моя рука.

— Ей могло достаться хуже,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Я въ это время чистилъ картофель. Онъ взялъ большую и крѣпкую картофелину, сжалъ ее въ рукѣ, и раздавленная картофельная масса продавилась между его пальцами и потекла по рукѣ. Онъ бросилъ остатки ея въ чашку, повернулся и ушелъ; и я ясно представилъ себѣ, что стало бы съ моею рукою, если бы это чудовище захотѣло показать на ней всю свою силу.

Но три дня отдыха все-таки оказали на меня свое благодѣтельное влїяніе, давъ моему колѣну тотъ покой, въ которомъ оно такъ нуждалось. Ему теперь было гораздо лучше, опухоль значительно уменьшилась, и чашечка, повидимому, стала на свое мѣсто. Но эти три дня отдыха навлекли на меня тѣ непрїятности, которыя я ожидалъ. Было вполне очевидно, что Томасъ Могриджъ хочетъ заставить меня заплатить за эти три дня. Онъ обращался со мной отвратительно, непрерывно осыпалъ меня бранью и навадилъ на меня не только мою, но и всю свою работу. Онъ даже набросился на меня съ кула-

ками, но я начиналъ и самъ становиться похожимъ на животное, и такъ зарычалъ на него, что онъ испугался и отступилъ. Я представляю себѣ, что это было довольно некрасивое зрѣлище: Гёмфри Ванъ-Вейденъ стоялъ въ судовой кухнѣ, съжившись, какъ затравленный звѣрь и, поднявъ лицо къ врагу, собиравшемуся ударить его, рычалъ, приподнявъ губу, оскаливъ зубы и сверкая глазами, полными страха и беспомощности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отваги, вызванной этимъ страхомъ. Мнѣ не нравится эта картина. Она мнѣ слишкомъ напоминаетъ крысу въ западнѣ. Но все же это оказалось дѣйствительнымъ, потому что грозившій мнѣ кудакъ не опустился на меня.

Томасъ Могриджъ отступилъ, глядя на меня съ такой же ненавистью и злобой, съ какими я глядѣлъ на него. Мы походили на двухъ разъяренныхъ звѣрей. Онъ не рѣшился ударить меня, потому что я не оробѣлъ; тогда онъ прибѣгнулъ къ другому средству, чтобы запугать меня. Въ кухнѣ былъ только одинъ сколько-нибудь порядочный ножъ. Отъ многолѣтняго употребленія лезвіе его стало длинное, тонкое, гибкое. Но все же онъ имѣлъ такой страшный видъ, что я вздрогнулъ, когда мнѣ пришлось въ первый разъ взять его въ руки. Кокъ занялъ точильный камень у Югансена и принялся точить этотъ ножъ. Онъ дѣлалъ это необыкновенно демонстративно, бросая на меня по временамъ многозначительные взгляды. Онъ старательно подливалъ на него воду и точилъ его цѣлый день. Стальное лезвіе ножа стало походить на бритву, и кокъ

то и дѣло пробоваль его остроту большимъ пальцемъ и на ноготь. Онъ бриль волосы на своей рукѣ, затѣмъ зорно смотрѣль на ножъ, находилъ, или дѣлалъ видъ, что находить неровности на его лезвіи и снова принимался точить; и точилъ, точилъ, точилъ, пока я громко не расхохотался,—до такой степени это было нелѣпо.

Но въ то же время это было и довольно серьезно, потому что я вскорѣ узналь, что кокъ былъ вполне способенъ пустить ножъ въ ходъ; ибо у него, какъ и у меня, подъ трусостью было мужество трусости и онъ былъ способенъ сдѣлать такую вещь, противъ которой протестовала вся его природа и которую онъ въ сущности боялся сдѣлать. «Поварокъ точить ножъ на Гёмпа», шептали матросы другъ другу на ухо и нѣкоторые еще подстрекали его. Онъ, повидимому, былъ очень доволенъ создавшимся положеніемъ и съ таинственнымъ видомъ кивалъ головой; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Джоржъ Личъ, бывший юнга, не отпустилъ на его счетъ какую-то грубую шутку.

Личъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ тѣхъ матросовъ, которые откачивали водой Могриджа послѣ его игры въ карты съ капитаномъ. Личъ, очевидно, исполниль свою задачу съ большимъ усердіемъ, ибо Могриджъ не могъ ему забыть этого, и когда тотъ пошутилъ надъ нимъ, то послѣдовала серьезная перебранка, въ которой упомянуты были всѣ предки обѣихъ сторонъ, и Могриджъ даже пригрозилъ тѣмъ самымъ ножомъ, который онъ точилъ для меня; Личъ разсмѣялся

ему въ лицо и продолжалъ осыпать его насмѣшками на изысканномъ нарѣчїи Телеграфнаго Холма; но Могриджъ вдругъ, прежде чѣмъ Личъ или я успѣли сообразить, замахнулся и полоснулъ ему ножомъ руку, отъ кисти до локтя. Затѣмъ онъ отступилъ назадъ съ угрожающимъ выраженіемъ на лицѣ, держа для защиты передъ собой ножъ. Но Личъ отнесся къ этому совершенно спокойно, хотя кровь ключомъ текла съ его руки на палубу.

— Я еще расправлюсь съ вами, поварокъ,— сказалъ онъ,—и расправлюсь жестоко. Я не буду спѣшить, но я поймаю васъ, когда у васъ не будетъ ножа.

Сказавъ это, онъ повернулся и спокойно ушелъ. Могриджъ поблѣднѣлъ отъ страха. Но ко мнѣ онъ продолжалъ попрежнему относиться свирѣпо. Несмотря на страхъ, который вызывала въ немъ мысль о предстоящей расплатѣ, онъ прекрасно понималъ, что для меня это былъ наглядный урокъ и сталъ еще болѣе наглымъ и дерзкимъ. Въ его глазахъ свѣтился безумный огонекъ, впервые появившійся въ нихъ при видѣ крови, которую онъ пролилъ. Онъ отъ малѣйшаго пустяка сталъ приходиться въ неистовую ярость.

Прошло нѣсколько дней; *Призракъ* все еще шелъ, подгоняемый пассатами, и я готовъ былъ поклясться, что видѣлъ въ глазахъ Томаса Могриджа все возрастающее безуміе. Сознаться, мнѣ стало очень страшно. А онъ все точилъ, точилъ и точилъ цѣлый день напролетъ. Взглядъ его, когда онъ пробовалъ остріе ножа

и выглядывалъ на меня, былъ положительно кровожадный. Я боялся повернуться къ нему спиною и, когда нужно было выходить изъ кухни, я пятился спиной—къ большому удовольствию охотниковъ и матросовъ, которые собирались группами у кухни, чтобы видѣть, какъ я выхожу. Напряженіе было слишкомъ велико. Иной разъ мнѣ казалось, что я и самъ тоже сойду съ ума. Вѣдь каждый часъ, каждую минуту моя жизнь находилась въ опасности. Но никто не высказалъ мнѣ ни малѣйшаго сочувствія и не пришелъ мнѣ на помощь. Иногда я думалъ обратиться къ великодушію Волка Ларсена, но когда я представлялъ себѣ его дьявольскую усмѣшку, то всякое желаніе говорить съ нимъ исчезало. Иногда я серьезно подумывалъ о самоубійствѣ и требовалась вся сила моей жизнерадостной философіи, чтобы удержать меня отъ намѣренія прыгнуть за бортъ...

Нѣсколько разъ Волкъ Ларсенъ пытался вовлечь меня въ разговоръ, но я отдѣлывался краткими отвѣтами и всячески избѣгалъ его. Въ концѣ концовъ, онъ приказалъ мнѣ снова занять мое мѣсто за столомъ въ каютъ-компаніи и доставить свою работу коку. Тогда я ему откровенно рассказалъ, что мнѣ приходится терпѣть отъ Томаса Могриджа за тѣ три дня, когда онъ выказывалъ мнѣ расположеніе.

— Значитъ вы его боитесь, а?—насмѣшливо засмѣялся онъ.

— Да,—признался я,—боюсь.

— Вотъ такіе какъ вы, всегда такъ,—вскри-

чалъ онъ полусердито.—Сентиментальничаете относительно безсмертности своихъ душъ, а боитесь умереть. При видѣ остраго ножа какого-нибудь трусливаго кока, вы такъ цѣпляетесь за жизнь, что забываете всѣ свои дурацкія теоріи. Чего же вы боитесь, милый мой? Вы, вѣдь, будете жить вѣчно! Вы—Богъ, а Бога нельзя убить. Поварокъ не сдѣластъ вамъ вреда. Вѣдь вы же увѣрены, что вы воскреснете, чего же вамъ бояться? Передъ вами вѣчная жизнь. Поварокъ можетъ васъ только толкнуть на ту дорогу, по которой вы потомъ уже вѣчно будете слѣдовать! А если вы не хотите, чтобы васъ теперь на нее толкнули, то почему бы вамъ не толкнуть на нее поварка? По вашей теоріи онъ тоже, вѣдь, милліонеръ въ отношеніи безсмертія. Вы не можете сдѣлать его банкротомъ. Вы не можете укоротить его жизнь, убивши его, ибо она безконечна. Въ такомъ случаѣ толкните его. Воткните въ него ножъ и освободите его духъ отъ лишнихъ путъ. Сейчас онъ находится въ такой мерзкой тюрьмѣ, что вы сдѣлаете ему большое одолженіе, разбивъ дверь его тюрьмы. И кто знаетъ? Можетъ быть изъ его безобразнаго тѣла выйдетъ прекраснѣйшій духъ. Подтолкните его, и я васъ поставлю на его мѣсто, а вѣдь онъ получаетъ цѣлыхъ сорокъ пять долларовъ въ мѣсяцъ!

Было ясно, что я не могъ ожидать ни помощи, ни сочувствія со стороны Волка Ларсена. Если что-нибудь могло быть сдѣлано, то я долженъ былъ сдѣлать это самъ; отчаяніе придало мнѣ мужества и я рѣшилъ бороться съ Томасомъ

Могриджемъ его же оружіемъ. Я занялъ точильный камень у Югансена. Луисъ, гребецъ, уже давно просилъ меня достать ему консервированнаго молока и сахару. Кладовая, въ которой находились всё эти деликатесы, находилась подъ каютъ-компаніей. Улучивъ моментъ, я выкралъ оттуда пять коробокъ молока и въ тотъ же вечеръ я вымѣнялъ у Луиса это молоко на кинжалъ, такой же гибкій и страшный на видъ, какъ кухонный ножъ Томаса Могриджа. Онъ былъ заржавленный и тупой, но мы съ Луисомъ быстро его наточили—онъ держалъ кинжалъ, а я вертѣлъ точильное колесо. Въ ту ночь я спалъ крѣпче обыкновеннаго.

На слѣдующее утро, послѣ завтрака, Томасъ Могриджъ началъ снова точить свой ножъ. Я вызывающе взглянулъ на него, ибо я стоялъ на колѣняхъ передъ печкой и выбиралъ изъ нея золу. Когда, выбросивъ золу за бортъ, я вернулся въ кухню, поваръ разговаривалъ съ Гэрисономъ, наивное лицо котораго свѣтилось восторгомъ и удивленіемъ.

— Да,—разсказывалъ Могриджъ,—судья приговорилъ меня къ двумъ годамъ тюрьмы. Но зато я и искрошилъ его, какъ котлетку. У меня былъ вотъ точно такой же ножъ. Я всунулъ его ему между лопатокъ, словно въ коровье масло,—онъ посмотрѣлъ на меня, чтобы увидѣть, какое это производитъ на меня впечатлѣніе.—Какъ онъ завизжитъ!.. ну прямо поросенокъ и говоритъ: «я васъ вовсе не хотѣлъ обидѣть, Томми, ей-Богу!» «Ладно, на-те вамъ еще», сказалъ я и давай поло-

совать его, давай полосовать. Онъ было схватился за лезвіе ножа, но я выдернулъ его и прорѣзалъ ему пальцы до самыхъ костей. Эхъ, посмотрѣли бы вы, какъ я его отдѣлалъ!..

Гэрисона скоро позвалъ боцманъ, прекративъ такимъ образомъ кровавый разговоръ кока. Тогда Могриджъ усѣлся на высокому порогѣ кухни и снова принялся точить ножъ. Я подбросилъ лопату угля въ печь, затѣмъ сѣлъ на ящикъ съ углемъ и спокойно, хотя сердце мое сильно билось въ груди, вытащилъ кинжалъ и началъ точить его на камнѣ. Я ждалъ бури, но къ моему изумленію, онъ какъ будто не замѣтилъ, что я дѣлаю и продолжалъ точить свой ножъ. Я дѣлалъ то же самое. И цѣлыхъ два часа мы сидѣли другъ противъ друга и точили, точили, точили, пока извѣстіе объ этомъ не облетѣло все судно; у двери кухни столпился народъ, наблюдая интересное зрѣлище. Со всѣхъ сторонъ сыпались совѣты и ободренія: Джонъ Горнеръ, спокойный, молчаливый охотникъ, у котораго былъ такой видъ, что онъ, казалось, и мухи не обидитъ, посовѣтовалъ мнѣ не трогать реберъ кока и стараться бить прямо въ животъ, а потомъ еще повернуть кинжалъ въ ранѣ—это онъ называлъ «испанскимъ поворотомъ». Лишь, со своей забинтованной рукой, просилъ меня оставить на его долю хоть кусочекъ кока. Волкъ Ларсенъ раза два тоже съ любопытствомъ взглянулъ на то, что, по его мнѣнію, представляло интересное движеніе дрожжевого вещества, которое онъ называлъ жизнью.

И я долженъ сознаться, что для меня въ тотъ моментъ жизнь имѣла то же ничтожное значеніе, что и для него. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть красиваго или возвышеннаго въ томъ, что два трусливыхъ, движущихся существа сидѣли другъ противъ друга и точили сталь о камень, а кучка другихъ такихъ же движущихся существъ, болѣе или менѣе трусливо и жадно глядѣла на нихъ?

Половинѣ изъ нихъ, я увѣренъ, очень хотѣлось, чтобы мы перерѣзали другъ другу глотки; это было бы для нихъ развлеченіемъ. И я не думаю, чтобы среди нихъ нашелся хотя бы одинъ, который захотѣлъ бы вмѣшаться, если бы это произошло. Съ другой стороны, все это казалось чрезвычайно смѣшнымъ и дѣтскимъ. Гѣмфри Ванъ-Вейденъ сидитъ въ судовой кухнѣ, точитъ ножъ и пробуетъ его остріе большимъ пальцемъ!.. Изъ всѣхъ положеній, въ которыя я могъ попасть, это было самое невѣроятное. Я думаю, что мои прежніе знакомые никогда бы этому не повѣрили, и то, что Ванъ-Вейденъ былъ способенъ сдѣлать подобную вещь, было откровеніемъ для него самого; но онъ самъ не зналъ, гордиться ли ему этимъ или стыдиться этого.

Однако ничего не произошло. Черезъ два часа кокъ отложилъ свой ножъ въ сторону и протянулъ мнѣ руку.

— Что за охота дѣлать изъ себя посмѣшище для этихъ дураковъ?—сказалъ онъ.—Они насъ не любятъ и будутъ ужасно рады, если мы перерѣжемъ другъ другу горло. Вы лучше, чѣмъ я

считалъ васъ, Гёмпъ, и въ васъ есть пыль, какъ говорятъ ваши янки. Я васъ даже люблю за это; такъ давайте лучше мириться,—и онъ протянулъ мнѣ руку. Какъ ни былъ я самъ трусливъ, все же онъ былъ еще трусливѣе меня. Я чувствовалъ, что одержалъ побѣду и не хотѣлъ умалять ее, поэтому я отказался пожать его ненавистную руку.

— Ладно,—сказалъ онъ, даже не обидившись,— не хотите и не надо; я отъ того не стану меньше любить васъ.—И чтобы сохранить свое достоинство, онъ свирѣпо набросился на зрителей.— Убирайтесь прочь изъ моей кухни, вы, паршивыя швабры!

Съ этими словами онъ схватилъ съ печки чайникъ съ кипяткомъ и принялъ угрожающую позу; матросы тотчасъ же разбѣжались во всѣ стороны. Это была, въ нѣкоторомъ родѣ, компенсація для Томаса Могриджа, которая дала ему возможность спокойнѣе отнестись къ своему поражению; но онъ, конечно, былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы попытаться прогнать также и охотниковъ.

— Я вижу, что царству кока теперь пришелъ конецъ,—сказалъ Смокъ Горнеру.

— Да, конечно,—отвѣтилъ тотъ.—Въ кухню теперь будетъ командовать Гёмпъ, а кокъ спрячетъ свои рога.—Могриджъ при этихъ словахъ бросилъ на меня быстрый взглядъ, но я сдѣлалъ видъ, что ничего не слышалъ. Я совершенно не думалъ, что моя побѣда можетъ имѣть такія послѣдствія, но рѣшилъ не уступать ничего изъ того, что приобрѣлъ. По мѣрѣ того, какъ время шло, оказалось, что пророчество Смока было

вѣрно. Отношеніе кока ко мнѣ стало еще болѣе приниженнымъ и рабскимъ, чѣмъ даже къ Волку Ларсену. Я командовалъ имъ и не называлъ его больше сэромъ, а также не мылъ больше грязныхъ кастрюль и не чистилъ картофеля. Я исполнялъ только свои собственныя обязанности и дѣлалъ это какъ и когда хотѣлъ. Я сталъ также носить кинжалъ за поясомъ, какъ это дѣлали всѣ матросы.

Х.

Моя близость съ Волкомъ Ларсеномъ увеличилась, если можно назвать близостью отношенія, которыя существуютъ между хозяиномъ и слугой или, еще лучше, между королемъ и шутомъ. Я для него былъ не что иное какъ игрушка, и онъ цѣнилъ меня такъ, какъ ребенокъ цѣнитъ игрушку. Мое назначеніе было развлекать его, и поскольку я его развлекалъ, постольку все шло хорошо; но я понималъ, что если я надоѣмъ ему, или если его снова охватитъ мрачное настроеніе, то меня тотчасъ же снова разжалуютъ изъ каютъ-компаніи на кухню и хорошо еще, если мнѣ удастся унести свою жизнь и свое тѣло невредимыми. Я впервые ясно представилъ себѣ его абсолютное одиночество.

На суднѣ не было человѣка, который не боялся бы и вмѣстѣ съ тѣмъ не ненавидѣлъ его, точно также, какъ не было человѣка, котораго бы онъ не презиралъ. Его, повидимому, просто сиѣдала его огромная сила, которой онъ никакъ не могъ

найти надлежащаго приложенія. Это былъ Люциферъ, гордый духъ, брошенный среди бездушныхъ призраковъ.

Это одиночество было худо само по себѣ; но что дѣлало его еще хуже, такъ это врожденная меланхолія, свойственная его расѣ. Узнавъ его, я сталъ лучше понимать древнія скандинавскія саги. Именно такіе бѣлокожіе, свѣтловолосые, голубоглазые дикари создали этотъ страшный пантеонъ. Легкомысліе и веселость латинянъ были абсолютно чужды ему. Когда онъ смѣялся, его смѣхъ вызывался мрачнымъ, свирѣпымъ юморомъ. Но онъ смѣялся рѣдко и былъ слишкомъ часто угрюмъ. И эта угрюмость, эта печаль также глубока, какъ глубоки въ немъ расовые корни. Эта печаль—наслѣдіе его расы; она сдѣлала расу разсудочной, фанатически моральной, что среди англичанъ создало реформацію и моральную чопорность. Главнымъ выходомъ для присутствующей расѣ меланхоліи была религія. Но Волкъ Ларсенъ не былъ религіозенъ. Его грубый матеріализмъ не допускалъ этого. Такъ что, когда на него находило мрачное настроеніе, то ему ничего не оставалось, какъ только неистовствовать, какъ дьяволу. Если бы онъ не былъ такимъ ужаснымъ человѣкомъ, я бы пожалѣлъ его, какъ пожалѣлъ, наприимѣръ, три дня тому назадъ: я вошелъ въ его каюту, чтобы наполнить графинъ водой, и неожиданно увидѣлъ его; но онъ не видѣлъ меня. Онъ припалъ головой къ столу, и его плечи судорожно вздрагивали, словно отъ рыданій; когда я потихоньку выходилъ изъ каюты,

я слышалъ, какъ онъ простоналъ: «Боже! Боже! Боже!» Онъ, конечно, не призывалъ Бога; это было только восклицаніе, но оно вырвалось у него изъ самой глубины души.

За обѣдомъ онъ спрашивалъ у охотниковъ, не знаютъ ли они какого-нибудь средства отъ головной боли, и вечеромъ, какъ ни былъ онъ силенъ, онъ, какъ слѣпой, не могъ попасть въ дверь каюты.

— Я еще никогда не былъ боленъ, Гёмпъ,—сказалъ онъ, когда я ввелъ его въ каюту.—И головная боль была у меня только разъ, когда у меня на головѣ заживала рана въ шесть дюймовъ длины, полученная отъ паденія бушприта.—Ужасная головная боль продолжалась три дня и онъ при этомъ страдалъ, какъ страдаютъ дикія животныя и какъ было въ обычаѣ страдать на суднѣ, то-есть безъ жалобъ, безъ сочувствія и въ полномъ одиночествѣ.

Сегодня утромъ, однако, когда я вошелъ въ его каюту, чтобы прибрать постель и привести въ порядокъ вещи, онъ былъ уже здоровъ и усиленно работалъ. Столъ и койка были покрыты чертежами и вычисленіями. Онъ держалъ въ рукахъ треугольникъ и циркуль, и на большомъ листѣ бумаги виднѣлся какой-то чертежъ и какія-то таблицы.

— Здорово, Гёмпъ,—весело привѣтствовалъ онъ меня.—Я сейчасъ кончаю послѣдніе штрихи. Хотите взглянуть на мою работу?

— Но что это такое?—спросилъ я.

— Это новое пособіе для моряковъ, значительно упрощающее ихъ работу и дѣлающее

навигацию возможной даже для дѣтей младшаго возраста,—весело отвѣчалъ онъ.—Отнынѣ каждый ребенокъ будетъ въ состояніи управлять судномъ. Больше не надо будетъ сложныхъ вычисленій. Моряку достаточно будетъ увидѣть какую-нибудь звѣзду, чтобы тотчасъ же узнать, гдѣ онъ находится.

Въ его смѣхѣ звучало торжество, и его глаза, свѣтло-голубые въ это утро, блестѣли и искрились.

— Вы должно быть очень сильны въ математикѣ,—сказалъ я.—Какую вы посѣщали школу?

— Никогда не былъ ни въ одной, къ несчастію,—отвѣтилъ онъ.—Все, что я знаю, я узналъ самъ. Но для чего, вы думаете, я сдѣлалъ эту штуку?—спросилъ онъ внезапно.—Вы думаете, что я мечтаю оставить свой слѣдъ на пескахъ времени?—Онъ разсмѣялся своимъ ужаснымъ, насмѣшливымъ смѣхомъ.—Ничуть не бывало. Я хочу только получить патентъ, нажить деньги и жить себѣ въ свинствѣ, въ свое удовольствіе, въ то время, какъ другіе люди работаютъ. Вотъ моя цѣль! Все-таки эта работа доставила мнѣ много наслажденія.

— Наслажденіе творчествомъ... пробормоталъ я.

— Да это чувство вѣроятно такъ и называется. И оно представляетъ собою еще одинъ способъ, которымъ выражается радость жизни, торжество движенія надъ матеріей, гордость фермента тѣмъ, что онъ есть ферментъ и копошится.

Я только махнулъ рукою въ знакъ безсильнаго протеста противъ его закоренѣлаго мате-

ріализма и отправился убирать постель. Онъ продолжалъ копировать линіи и цифры на прозрачную бумагу. Это требовало много точности и вниманія, и мнѣ только оставалось удивляться его умѣнію приспособливать свою могучую силу къ такой тонкой и деликатной работѣ.

Когда я кончилъ убирать постель, я поймалъ себя на томъ, что смотрю на него восхищеннымъ взоромъ. Онъ былъ несомнѣнно красивъ,—у него была поразительно мужественная красота. И снова, къ своему удивленію, я замѣтилъ, что въ его лицѣ не было никакихъ слѣдовъ ни порочности, ни испорченности, ни грѣховности. Это было лицо человѣка, который не совершалъ никакихъ дурныхъ поступковъ. Этимъ я хочу только сказать, что этотъ человѣкъ или не совершалъ поступковъ противъ своей совѣсти, или у него вовсе не было совѣсти. Я склоняюсь къ послѣднему предположенію. Онъ былъ великолѣпный образчикъ атавизма, т.-е. человѣка до такой степени примитивнаго, словно онъ появился на свѣтъ до возникновенія морали и нравственности. Онъ не былъ безнравствененъ, онъ былъ просто амораленъ.

Какъ я сказалъ раньше, онъ былъ красивъ. Всѣ линіи его гладко выбритаго лица были чисты и рѣзко опредѣленны, точно выточены; море и солнце превратили его кожу изъ бѣлой въ бронзовую, что говорило о борьбѣ и объ испытаніяхъ, которыя ему пришлось вынести и прибавляло ему еще больше дикой красоты. У него были толстыя губы, но въ нихъ чувствовалась твер-

дость и даже жесткость. Линіи его рта, подбородка и нижней челюсти были точно также тверды и жестки,—въ нихъ чувствовалась мужская свирѣпость и неукротимость; въ линіяхъ носа тоже. Это былъ носъ человѣка, рожденнаго, чтобы побѣждать и повелѣвать. Онъ походилъ немного на орлиный клювъ. Его можно было бы назвать греческимъ носомъ или римскимъ, только для перваго онъ былъ чуть-чуть толстоватъ и, пожалуй, слишкомъ тонокъ для втораго. И въ то время, какъ все лицо было олицетвореніемъ свирѣпости и силы, врожденная печаль, которою онъ страдалъ, придавала величіе линіямъ рта, глазъ и лба и дополняла ихъ и углубляла—очеловѣчивала ихъ.

Итакъ, я поймалъ себя на томъ, что стоялъ и изучалъ его. Я не могу даже рассказать, до какой степени онъ меня интересовалъ. Кто онъ? Что онъ такое? Какъ онъ вышелъ такимъ? Кажалось, онъ обладалъ всѣми человѣческими силами, всѣми потенциальными возможностями,—почему же, въ такомъ случаѣ, онъ былъ только неизвѣстнымъ хозяиномъ шхуны, ходившей на котиковые промыслы, и пользовался репутаціей жестокаго изверга среди людей, охотившихся на котиковъ?

Мое любопытство прорвалось наружу въ цѣломъ потокѣ рѣчей.

— Почему вы не совершили ничего великаго въ этомъ мірѣ? Съ вашей мощью вы могли бы подняться на любую высоту. Лишенный совѣсти или моральнаго инстинкта, вы могли бы пра-

вить міромъ, сломивъ его, если бы онъ не покорился вамъ. А между тѣмъ вы, въ расцвѣтѣ своихъ силъ, вслѣдъ за которымъ уже пойдетъ увяданіе и умираніе, ведете здѣсь мрачное, безвѣстное существованіе, занимаетесь охотой на морскихъ животныхъ, шкура которыхъ идетъ на удовлетвореніе женскаго тщеславія и любви къ нарядамъ; живете, говоря вашими словами, въ свинствѣ, словомъ—ведете жизнь, о которой можно сказать все, что угодно, кромѣ того, что она сколько-нибудь пріятна. Почему, при всей вашей удивительной силѣ, вы ничего не совершили? Вѣдь ничто не мѣшало вамъ, да и ничто и не могло мѣшать. Въ чемъ же дѣло? Можетъ быть, у васъ не было честолюбія? Или вы не устояли передъ какимъ-нибудь искушеніемъ? Въ чемъ же дѣло? Какая тому причина?

Онъ поднялъ на меня глаза, когда я началъ свою бурную рѣчь и ласково глядѣлъ на меня, пока я не кончилъ. Затѣмъ, помолчавъ немного, какъ будто ища подходящихъ выраженій, онъ сказалъ:

— Гѣмпъ, вы знаете притчу о сѣятелѣ? Если вы помните, то одно сѣмя упало на каменистую почву, гдѣ было мало земли, и тотчасъ же проросло, потому что надъ нимъ было мало земли. Но когда солнце взошло, ростокъ завялъ, такъ какъ у него не было корней. А другое сѣмя упало среди плевелъ; плевелы выросли и заглушили его.

— Ну и что же?

— Что?—спросилъ онъ почти сердито.—Ничего. Я былъ однимъ изъ такихъ сѣмянъ.

Онъ опустилъ голову къ своей таблицѣ и продолжалъ копировать цифры. Я кончилъ уборку каюты и уже открылъ дверь, чтобы уйти, когда онъ вдругъ заговорилъ.

— Гёмпъ, если вы взглянете на карту западнаго берега Норвегіи, то увидите зубецъ, который называется Ромсдальскимъ фіордомъ. Я родился въ ста миляхъ отъ этого фіорда. Но я не норвежець. Я датчанинъ, ибо мой отецъ и мать были датчане; но какъ они попали на этотъ мрачный клочокъ земли на западномъ берегу Скандинавіи, я не знаю. Мнѣ никогда не приходилось слышать объ этомъ. Помимо этого, въ моемъ происхожденіи нѣтъ ничего таинственнаго. Мои родители были бѣдны и неграмотны. Они происходили отъ бѣдныхъ, неграмотныхъ людей—крестьянъ моря, которые сѣютъ своихъ сыновъ въ волны и которые дѣлаютъ это съ незапамятныхъ временъ. Вотъ и все.

— Нѣтъ, не все,—возразилъ я,—я все еще не понимаю...

— Что же вамъ еще рассказать?—спросилъ онъ, вдругъ вспыхнувъ.—О своемъ голодномъ дѣтствѣ? О сидѣніи на одной рыбѣ? О томъ, что я сталъ ѣздить на рыбную ловлю съ тѣхъ поръ, какъ научился ползать? Что мои братья одинъ за другимъ пошли въ открытое море и не вернулись обратно? О себѣ самомъ, не умѣвшемъ ни читать, ни писать и уже съ десяти лѣтъ ѣздившемъ юнгой на судахъ? О трудныхъ переѣздахъ и о грубомъ обращеніи, когда тумачи и пинки были постелью и завтракомъ и замѣняли собою слова, и когда страхъ, нена-

висть и злоба были единственными моими душевными переживаніями? Я не хочу объ этомъ вспоминать. Меня охватываетъ бѣшенная ярость, какъ только я подумаю объ этомъ. Я зналъ каботажныхъ шкиперовъ, которыхъ я бы убилъ, когда, наконецъ, выросъ и сталъ сильнымъ; но жизнь меня забросила въ то время въ другія мѣста. Я все же послѣ вернулся, но, къ несчастью, всѣ эти шкипера уже умерли, за исключеніемъ одного, бывшаго боцманомъ въ мое время и шкиперомъ, когда я его встрѣтилъ. Это было сравнительно недавно, но послѣ нашей встрѣчи онъ сталъ всего только калѣжкой...

— Но вы читали Дарвина и Спенсера и въ то же время никогда не ходили въ школу; какъ же вы научились читать и писать?—спросилъ я.

— На англійскихъ торговыхъ судахъ. Будучи юнгой въ двѣнадцать лѣтъ, матросомъ въ шестнадцать и старымъ морякомъ въ восемнадцать, а по временамъ и поваромъ, я былъ безконечно честолюбивъ и безконечно одинокъ, не получалъ ни отъ кого ни поддержки, ни сочувствія и научился всему самъ: и навигаціи, и математикѣ, и естественнымъ наукамъ, и литературѣ, и, вообще, всему. Но къ чему мнѣ все это? Чтобы быть хозяиномъ судна въ расцвѣтѣ своей жизни, какъ вы говорите, когда я начинаю уже слабѣть и умирать? Какъ это ничтожно, не правда ли? Это потому, что когда солнце взошло, оно меня спалило, и такъ какъ у меня не было корней, то я завялъ.

— Но мы знаемъ изъ исторіи, что рабы поднимались до царской порфиры,—сказалъ я съ упрекомъ.

— Но мы знаемъ также изъ исторіи, что у рабовъ, поднявшихъ до порфиры, былъ случай,— отвѣтилъ онъ мрачно.—Ни одинъ человѣкъ не можетъ самъ создать случая. Все, что великіе люди когда-либо умѣли—это пользоваться случаемъ, когда онъ имъ представлялся. Корсиканецъ тоже сумѣлъ это сдѣлать. Я мечталъ тоже стать Корсиканцемъ. Я умѣлъ бы воспользоваться счастливымъ случаемъ, но онъ никогда мнѣ не представлялся. Плевелы выросли и заглушили меня. И могу вамъ сказать, Гёмпъ, что вы теперь знаете обо мнѣ больше, чѣмъ кто-либо изъ людей, за исключеніемъ моего брата.

— А что представляетъ собою онъ? И гдѣ онъ?

— Онъ владѣлецъ парохода *Македонія*, и ходитъ на котиковые промыслы,—отвѣтилъ онъ.— Мы, вѣроятно, встрѣтимся съ нимъ у береговъ Японіи. Его называютъ «Смерть-Ларсенъ».

— Смерть-Ларсенъ!—невольно вскричалъ я.— Онъ похожъ на васъ?

— Врядъ ли. Онъ просто животное, безъ всякой головы. Онъ обладаетъ всѣмъ моимъ... моимъ...

— Звѣрствомъ,—подсказалъ я.

— Да,—благодарю васъ за слово,—всѣмъ моимъ звѣрствомъ, но онъ едва умѣетъ читать и писать.

— И онъ никогда не философствуетъ о жизни,—прибавилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Волкъ Ларсенъ съ невыразимой горечью въ голосѣ.—И онъ гораздо счастливѣе меня, потому что онъ просто живетъ себѣ и—только. Онъ слишкомъ занятъ жизнью, чтобы еще думать о ней. Моя ошибка была въ томъ, что я раскрылъ книгу...

XI.

Призракъ достигъ самой южной точки дуги, которую онъ описывалъ въ Тихомъ океанѣ, и сталъ поворачивать къ сѣверо-западу, направляясь къ одному небольшому островку, какъ говорили, для того, чтобы пополнить свои запасы прѣсной воды, прежде чѣмъ начать охоту у японскихъ береговъ. Охотники упражнялись съ охотничьими ружьями и винтовками до тѣхъ поръ, пока не остались вполне довольны результатами; гребцы же и рулевые шили паруса, обертывали кожей и плетенкой весла и уключины для веселья, чтобы можно было безшумно подкрадываться къ котикамъ; вообще, приводили свои шлюпки въ порядокъ.

Между тѣмъ, жизнь на суднѣ шла попрежнему. Рука Лича зажила, хотя рубецъ останется у него на всю жизнь. Томасъ Могриджъ живетъ въ смертельномъ страхѣ, въ ожиданіи возмездія, и не рѣшается ночью выходить на палубу. Среди команды возникли двѣ три новыя ссоры. Луисъ сказалъ мнѣ, что матросы узнали, что ихъ пересуды доходятъ до ушей Ларсена, и что двое доносчиковъ уже были основательно побиты. Онъ многозначительно качалъ головой, когда говорилъ о томъ, что, по его мнѣнію, предстоитъ Джонсону, который состоитъ гребцомъ въ одной съ нимъ лодкѣ. Джонсонъ провинился въ томъ, что слишкомъ свободно высказывалъ свои мнѣнія и уже два или три раза имѣлъ столкновенія съ Ларсеномъ изъ-за неправильнаго произношенія этимъ послѣднимъ его имени. Иогансена онъ за это не-

давно вздулъ, и съ тѣхъ поръ боцманъ правильно произносить его имя. Но, конечно, нельзя ожидать, чтобы Джонсонъ вздулъ также и Ларсена.

Луисъ разсказалъ мнѣ также кое-что о Смерть-Ларсенѣ, что вполне сходилось съ тѣмъ, что мнѣ разсказалъ капитанъ. Мы, оказывается, можемъ встрѣтиться съ Смерть-Ларсеномъ на японскомъ берегу.—И тогда быть большой грозѣ,—пророчествовалъ опять Луисъ,—ибо они ненавидятъ другъ друга, какъ дѣти одной волчицы.—Смерть-Ларсенъ командуетъ *Македоніей*, единственнымъ пароходомъ на котиковыхъ промыслахъ; на *Македоніи* четырнадцать лодокъ, въ то время, какъ остальные шхуны имѣютъ только по шести. Ходятъ слухи, что на *Македоніи* есть даже пушка и что Смерть-Ларсенъ занимается самыми невѣроятными набѣгами и экспедиціями, начиная съ контрабанднаго ввоза опиума въ Штаты и вывоза оружія изъ Штатовъ въ Китай и кончая открытымъ разбоемъ и пиратствомъ. Я не могъ не вѣрить Луису, ибо еще ни разу не поймалъ его на лжи; онъ былъ настоящей энциклопедіей во всемъ, что касалось моряковъ котиковаго флота.

То, что происходило въ кубрикѣ и на кухнѣ, на этомъ истинно дьявольскомъ суднѣ, происходило и въ «третьемъ классѣ» и въ капитанской каютѣ. Люди свирѣпо боролись другъ съ другомъ за жизнь. Охотники поминутно ждали драки не на жизнь, а на смерть между Смономъ и Гендерсономъ, которые давно были не въ ладахъ; но Волкъ Ларсенъ категорически заявилъ, что если случится драка, то онъ пристрѣлитъ того, кто

останется въ живыхъ. Онъ откровенно признался, что онъ при этомъ совершенно не становится на точку зрѣнія нравственности, ибо, что касается его, то ему совершенно безразлично, хотя бы всѣ охотники убили или даже съѣли другъ друга; и онъ не сталъ бы вмѣшиваться, если бы они не были ему нужны для охоты. Если они только удержатъ свои страсти до конца сезона, то онъ обѣщаетъ имъ устроить праздникъ, когда всѣ могутъ свести свои счета другъ съ другомъ, и тѣ, которые останутся въ живыхъ, могутъ выбросить за бортъ мертвыхъ, при чемъ онъ поможетъ имъ сочинить исторію, чтобы оправдаться передъ властями. Мнѣ кажется, что даже охотники были смущены его хладнокровіемъ. Какъ они не испорчены сами, но они, конечно, очень боятся его.

Томасъ Могриджъ похожъ на собаку въ своемъ подчиненіи мнѣ; но я втайнѣ очень боюсь его. Въ немъ есть храбрость, порождаемая страхомъ,—это странное сочетаніе я прекрасно знаю по самому себѣ,—и въ каждый моментъ храбрость можетъ взять верхъ надъ страхомъ и побудить его убить меня. Моему колѣну много лучше, хотя по временамъ оно еще очень болитъ; онѣмѣлость въ рукѣ, сдавленной Волкомъ Ларсеномъ, тоже проходитъ. Помимо этого, я чувствую себя прекрасно и сознаю, что мой организмъ находится въ прекрасномъ состояніи. Мои мускулы твердѣютъ и увеличиваются въ объемѣ, но мои руки все еще представляютъ собою грустное зрѣлище. Онѣ покрыты пузырями, ногти окружены заусенцами, обломаны и изъ-подъ нихъ словно растутъ какіе-то грибки.

Я страдаю также отъ чирьевъ, которые появились, очевидно, отъ несоотвѣтствующей пищи, ибо раньше у меня ихъ никогда не было.

Два дня тому назадъ я посмѣялся, увидѣвъ Волка Ларсена, читавшаго Библию, которая, послѣ напрасныхъ поисковъ въ началѣ путешествія, наконецъ нашлась въ сундукѣ умершаго боцмана. Я выразилъ удивленіе, что Ларсенъ могъ найти въ ней что-нибудь годное для себя, и тогда онъ прочелъ мнѣ отрывокъ изъ Экклезіаста. Мнѣ казалось, когда онъ читалъ, что онъ говоритъ свои собственныя слова, и его голосъ, звучавшій печалью и глубокимъ чувствомъ, чаровалъ и захватывалъ меня. Онъ читаетъ удивительно выразительно. Я никогда не забуду, сколько печали звучало въ его голосѣ, когда онъ читалъ:

«Я собралъ золото и серебро и всякія сокровища, принесенныя мнѣ въ даръ царями изъ далекихъ странъ. Я собралъ пѣвцовъ и пѣвицъ и всѣ наслажденія людей, какъ музыкальные инструменты всѣхъ сортовъ.

«Итакъ я сталъ великъ и собралъ сокровищъ больше, чѣмъ было до меня въ Іерусалимѣ; моя мудрость тоже осталась при мнѣ.

«Тогда я взглянулъ на дѣло рукъ моихъ... и понялъ, что все была суета суеть и томленіе духа, и что отъ нея не было пользы.

«Конецъ одинаковъ для всѣхъ: для правыхъ и виноватыхъ, для злыхъ и добрыхъ, для чистыхъ и нечистыхъ и для тѣхъ, кто приносятъ жертвы, и для тѣхъ, кто ихъ не приносятъ, и для тѣхъ, кто проклинаетъ, и для тѣхъ, кто боится проклятій.

«... Сердце людей полно злобы и безумія, пока они живутъ, а затѣмъ они умираютъ.

«Ибо для человѣка, связаннаго со всѣми живущими, есть надежда, ибо живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву.

«Ибо живущій знаетъ, что онъ долженъ умереть; но мертвые не знаютъ ничего, имъ нѣтъ никакой награды, ибо память о нихъ исчезаетъ.

«И ихъ любовь, и ихъ ненависть, и ихъ зависть—погибли; и никогда они не примутъ ни малѣйшаго участія въ томъ, что дѣлается подъ солнцемъ».

— Вотъ видите, Гёмпъ,—сказалъ онъ, закрывая книгу и глядя на меня.—Пророкъ, который былъ царемъ Израиля, думалъ точно такъ же, какъ я. Вы называете меня пессимистомъ, но развѣ это не самый мрачный пессимизмъ? «Суета суеть и томленіе духа», «Конецъ одинаковъ для всѣхъ». И такъ какъ пророкъ любилъ жизнь и не хотѣлъ умирать, то онъ сказалъ: «Ибо живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву». Онъ предпочитаетъ тщеславіе и суету суеть молчанію и неподвижности могилы. И я тоже. Копопшиться—это свинство; но не копошиться, походить на комокъ земли или на кусокъ камня,—отвратительно. Это отвратительно для той жизни, которая во мнѣ и самая сущность которой есть движеніе, способность къ движенію и сознанію этой способности къ движенію. Жизнь сама по себѣ несовершенна, но смерть еще болѣе несовершенна.

— Вамъ еще хуже, чѣмъ Омару,—сказалъ я,—Тотъ, по крайней мѣрѣ, послѣ обычныхъ мученій

юности нашель удовлетвореніе въ зрѣломъ возрастѣ и сдѣлалъ свой матеріализмъ жизнерадостнымъ.

— А кто такой былъ Омаръ?—спросилъ Волкъ Ларсенъ и... я ужъ не работалъ ни въ тотъ день, ни въ слѣдующій, и ни въ слѣдующій за нимъ.

Въ своемъ безпорядочномъ чтеніи ему не случилось набрести на «Рубаіять», и для него это сокровище было великой находкой. Я многое помнилъ наизусть, можетъ-быть, двѣ трети книги, остальные строфы я просто пересказывалъ. Мы говорили цѣлыми часами объ отдѣльныхъ стансахъ и онъ нашель въ нихъ и жалобу и возмущеніе противъ смерти, чего я самъ никогда въ нихъ не находилъ.

Напрасно я пытался возражать по существу вопроса—онъ крѣпко стоялъ на своихъ обычныхъ положеніяхъ.

— Жизни свойственно возмущаться и протестовать противъ своего прекращенія, и всякое живое существо—Омаръ, я, вы,—да, даже вы,—протестуемъ противъ смерти. Мысль о безсмертіи при этомъ беспомощна, ибо намъ данъ инстинктъ жизни, но не дано инстинктивное сознание безсмертія. Глохнетъ ваше хваленое сознание безсмертія, какъ только вамъ грозитъ умереть, и тогда вы только крѣпко цѣпляетесь за жизнь и боитесь умереть. Вы вѣдь боитесь умереть? Вы боялись даже дурака кока, когда онъ точилъ свой ножъ. Вы боитесь его даже теперь. Вы боитесь также и меня. Вы не можете отрицать этого. Если я схвачу васъ за горло вотъ такимъ образомъ,—его пальцы сжали мое горло, и у меня захватило

дыханіе,—и начну выжимать изъ васъ жизнь вотъ такъ, то вашъ инстинктъ безсмертія быстро замретъ, а вашъ инстинктъ жизни воскреснетъ съ большой силой, и вы будете стараться спасти себя. А? Не правда ли? Я вижу страхъ смерти въ вашихъ глазахъ. Вы бьете по воздуху руками; вы употребляете всю свою силу, чтобы бороться за жизнь. Ваша рука сжимаетъ мою руку, ваша грудь тяжело вздымается, вашъ языкъ высовывается, ваша кожа темнѣетъ, ваши глаза наливаются кровью. Жить, жить, жить! кричите вы, и вы кричите это здѣсь, сейчасъ, а не тамъ, послѣ. Вы уже сомнѣваетесь въ своемъ безсмертіи, а? Ха, ха! Вы не увѣрены въ немъ? Вы не хотите рисковать? Вы увѣрены, что только эта жизнь реальна? Ахъ, вамъ становится все темнѣе и темнѣе. Это темнота смерти, это прекращеніе существованія, это прекращеніе всѣхъ чувствованій, прекращеніе движенія, это смерть собирается вокругъ васъ, опускается на васъ, окружаетъ васъ. Ваши глаза становятся неподвижны. Мой голосъ звучитъ все слабѣе и отдаленнѣе. Вы уже не можете видѣть моего лица. Но вы все же еще боретесь въ моихъ рукахъ. Вы брыкаетесь ногами. Ваше тѣло извивается, какъ тѣло змѣи. Ваша грудь вздымается и дѣлаетъ усиліе дышать. Жить, жить, только бы жить!..

Я больше ничего не слышалъ. Сознаніе смѣнилось темнотой, и, когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на полу, а онъ курилъ сигару, задумчиво глядя на меня, и въ его глазахъ свѣтилось старое, знакомое мнѣ любопытство. .

— Ну что, я убѣдилъ васъ?—спросилъ онъ.— Вотъ выпейте глотокъ этого вина. Я хочу предложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ.

Я, лежа на полу, отрицательно покачалъ головой.—Ваши аргументы слишкомъ... сильны,— съ трудомъ проговорилъ я, чувствуя сильную боль въ горлѣ.

— Вы будете чувствовать себя совсѣмъ хорошо черезъ полчаса,—увѣрялъ онъ меня.—И общаю вамъ, что больше никогда не буду прибѣгать къ физическимъ доказательствамъ. А теперь вставайте. Вы можете сидѣть и на стулѣ.

И такъ какъ я былъ простой игрушкой въ рукахъ этого чудовища, то споръ объ Омарѣ продолжался. Мы сидѣли и спорили до полуночи.

XII.

Послѣдніе двадцать четыре часа представляли собою какую-то оргію звѣрства, которое, какъ разраза, охватило все судно, съ каютъ-компаніи и до бака. Я даже не знаю, съ чего начать. Волкъ Ларсенъ, конечно, былъ главной причиной всего. Отношенія между людьми на шхунѣ, вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ, раздоровъ и вражды, были натянуты до послѣдней степени, и злая страсти вспыхивали такъ же быстро, какъ сухая трава.

Томасъ Могриджъ—шпіонъ, доносчикъ и сплетникъ. Пытаясь возвратить себѣ расположеніе капитана, онъ доносилъ ему обо всемъ, что говорилось матросами въ кубрикѣ. Это онъ, я знаю, донесъ Волкъ Ларсену на Джонсона. Джонсонъ,

кажется, купилъ себѣ непромокаемый костюмъ въ судовомъ складѣ и нашель, что онъ очень низкаго качества. Онъ не замедлилъ, конечно, рассказать объ этомъ всѣмъ. Судовой складъ представляетъ собою миниатюрный мануфактурный магазинъ; онъ имѣется на всѣхъ промысловыхъ шхунахъ и наполненъ вещами, необходимыми для матросовъ; плата за купленные матросомъ вещи въ послѣдствіи вычитывается изъ его заработка, такъ какъ и охотники и матросы вмѣсто жалованья получаютъ поштучное вознагражденіе за каждаго убитаго ими котика.

Но о недовольствѣ Джонсона судовымъ складомъ я не зналъ ничего, такъ что то, что затѣмъ случилось, было для меня неожиданностью. Я кончалъ мести каюту, разговаривая въ то же время съ Ларсеномъ. Мы спорили о Гамлетѣ, его любимомъ шекспировскомъ героѣ, когда въ каюту вошелъ Югансенъ въ сопровожденіи Джонсона. Этотъ послѣдній тотчасъ же снялъ съ головы фуражку и остановился въ почтительной позѣ, слегка покачиваясь отъ движеній корабля.

— Заприте дверь и форточку,—сказалъ Волкъ Ларсенъ, обращаясь ко мнѣ.

Когда я исполнялъ приказаніе капитана, я замѣтилъ въ глазахъ Джонсона какую-то непонятную для меня тревогу. Я не зналъ, что будетъ, но онъ зналъ это прекрасно и мужественно готовился къ этому—въ этомъ я видѣлъ полное опроверженіе всего матеріализма Ларсена. У матроса Джонсона были идеи и принципы, онъ вѣрилъ въ правду и въ искренность; онъ былъ правъ, зналъ

это и потому не боялся. За правду онъ готовъ былъ даже умереть. Это была побѣда духа надъ плотью; это было торжество непобѣдимой, великой, свободной души, вѣрующей въ вѣчность и въ безсмертіе.

Тревожный взглядъ Джонсона я принялъ за простую застѣнчивость. Боцманъ Иогансенъ стоялъ въ сторонѣ въ нѣсколькихъ футахъ отъ него, а Ларсенъ сидѣлъ на маленькомъ табуретѣ въ трехъ ярдахъ отъ него и какъ разъ противъ него. Наступила продолжительная пауза. Ее прервалъ Волкъ Ларсенъ.

— Ионсонъ,—началъ онъ.

— Меня зовутъ Джонсономъ, сэръ,—смѣло отвѣчалъ матросъ.

— Ну, Джонсонъ, чортъ бы васъ взялъ! Вы догадываетесь, зачѣмъ я васъ позвалъ?

— И да, и нѣтъ, сэръ,—медленно отвѣтилъ Джонсонъ.—Я исполняю свои обязанности хорошо; боцманъ знаетъ это и вы это тоже знаете, сэръ. Такъ что я думаю, что на меня нельзя пожаловаться.

— И это все?—спросилъ Волкъ Ларсенъ низкимъ, мягкимъ голосомъ.

— Я знаю, что вы имѣете что-то противъ меня,—продолжалъ Джонсонъ со своей неизмѣнной вдумчивой медленностью.—Вы меня не любите. Вы... вы...

— Ничего, ничего, говорите,—быстро сказалъ Волкъ Ларсенъ.—Можете не бояться.

— Я не боюсь,—отвѣтилъ матросъ, слегка покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Если я не говорю скоро, то это потому, что

я не такъ давно съ родины, какъ вы. Вы не любите меня, потому что я слишкомъ смѣль, сэръ.

— Вы слишкомъ смѣлы для судовой дисциплины, это ли вы хотите сказать?

— Я знаю англійскій языкъ и выразился вполне точно, сэръ,—отвѣтилъ Джонсонъ и еще больше покраснѣлъ, обидѣвшись на то, что усомнились въ его знаніи англійскаго языка.

— Джонсонъ,—сказалъ Волкъ Ларсенъ такимъ тономъ, какъ будто все, что говорилось, было только вступленіемъ къ главному дѣлу;—я слышалъ, что вы недовольны своимъ непромокаемымъ костюмомъ?

— Да, сэръ, я недоволенъ. Онъ никуда не годится, сэръ.

— И вы наболтали объ этомъ всѣмъ?

— Я говорилъ то, что думалъ, сэръ.

Въ этотъ моментъ я случайно взглянулъ на Югансена. Его огромные кулаки сжимались и разжимались; и его лицо было положительно страшно: съ такой злобой смотрѣлъ онъ на Джонсона. Я замѣтилъ синякъ у него подъ глазомъ; это былъ знакъ, оставшійся послѣ встрепки, которую задалъ ему Джонсонъ нѣсколько дней тому назадъ. Тутъ только у меня мелькнула мысль, что сейчасъ должно случиться что-то ужасное, но что именно,—я не могъ себѣ представить.

— Вы знаете, что бываетъ тѣмъ, кто говорить то, что вы говорите о моемъ судовомъ складѣ и обо мнѣ?—спросилъ Волкъ Ларсенъ.

— Знаю, сэръ,—послышался отвѣтъ.

— Что?—спросилъ Волкъ Ларсенъ рѣзко и повелительно.

— То, что вы сдѣлали съ юнгой, то вы сдѣлаете и со мною.

— Вотъ посмотрите на него, Гёмпъ,—сказалъ Волкъ Ларсенъ, обращаясь ко мнѣ,—посмотрите на эту частицу живого праха, на этотъ кусочекъ матеріи, который движется и дышитъ и бросаетъ мнѣ вызовъ, будучи вполне увѣреннымъ, что онъ дѣлаеть что-то хорошее; онъ вѣритъ въ такія человѣческія фикціи, какъ право и честь, и упорно хочетъ придерживаться ихъ, несмотря на то, что это приноситъ ему всякія неудобства и даже угрожаетъ его жизни. Что вы о немъ думаете, Гёмпъ?

— Я думаю, что онъ гораздо лучше васъ,—отвѣтилъ я, желая навлечь на себя часть того гнѣва, который, я чувствовалъ, долженъ былъ разразиться надъ головой Джонсона.—Его фикціи, какъ вамъ угодно ихъ называть,—принадлежность всѣхъ благородныхъ и мужественныхъ людей. У васъ нѣтъ ни фикцій, ни мечтаній, ни идеаловъ. Вы—нищій.

Онъ кивнулъ головой съ какимъ-то дикимъ удовольствіемъ.—Совершенно вѣрно, Гёмпъ, совершенно вѣрно. Мнѣ чужды такія фикціи, какъ благородство и сентиментальность. Живой песь лучше мертваго льва—говорю и я. Я вѣрю только въ дѣлесообразность, т.-е. въ то, что помогаетъ мнѣ жить. Этотъ кусокъ фермента, который мы называемъ Джонсономъ, когда перестанетъ быть ферментомъ и превратится въ прахъ и пепель, будетъ имѣть столько же благородства, сколько любой

прахъ, въ то время какъ я буду жить и бушевать. Знаете ли вы, что я сейчасъ сдѣлаю? Я хочу воспользоваться моимъ правомъ бушевать во всю и покажу вамъ, что бываетъ съ благородными людьми. Смотрите.

Онъ находился въ трехъ ярдахъ отъ Джонсона, но вдругъ подпрыгнулъ и, какъ дикое животное, какъ тигръ, перепрыгнулъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Джонсона. Это была лавина ярости, отъ которой Джонсонъ тщетно старался защититься. Онъ одной рукой прикрылъ свой животъ, другую поднималъ въ защиту своей головы, но Волкъ Ларсенъ ударилъ его какъ разъ по срединѣ, въ грудь, сильнымъ, звучнымъ ударомъ. У Джонсона дыханіе моментально сперлось; онъ отшатнулся назадъ и сталъ дѣлать отчаянныя усилія, чтобы сохранить равновѣсіе.

Я не могу описывать дальнѣйшія подробности этой ужасной сцены. Онѣ были слишкомъ возмутительны. Мнѣ становится дурно даже теперь, когда я думаю о нихъ. Джонсонъ храбро боролся, но ему было не подъ силу справиться съ Волкомъ Ларсеномъ, а въ особенности съ Волкомъ Ларсеномъ и боцманомъ вмѣстѣ. Это было нѣчто ужасное. Я не могъ себѣ представить, чтобы человѣческое существо могло вынести такія истязанія и продолжать жить и бороться. Но Джонсонъ боролся. Конечно, для него не было никакой надежды, ни малѣйшей, и онъ это такъ же хорошо зналъ, какъ и я; но его мужское достоинство не позволяло ему сдаваться безъ борьбы.

Я больше не въ силахъ былъ смотрѣть на это,

Я чувствовалъ, что сойду съ ума и побѣждалъ къ лѣстницѣ, чтобы открыть дверь и убѣжать на палубу. Но Волкъ Ларсенъ, оставивъ свою жертву, сдѣлалъ прыжокъ ко мнѣ, схватилъ меня и бросилъ въ самый дальній уголь каюты.

— Это проявленіе жизни, Гёмпъ,—насмѣшливо бросилъ онъ мнѣ.—Стойте и смотрите. Вы можете собрать данныя по вопросу о безсмертіи души. Къ тому же вы знаете, что мы не можемъ сдѣлать никакого зла душѣ Джонсона; мы можемъ разрушить только ея преходящую, внѣшнюю форму.

Мнѣ казалось, что прошли цѣлые вѣка, между тѣмъ, какъ они били его не больше десяти минутъ. Они били его кулаками, своими тяжелыми сапогами, сваливали его на полъ, потомъ снова поднимали, чтобы снова свалить его; и такъ безъ конца. По лицу несчастнаго кровь текла ручьями, залѣпляя ему глаза; она текла изъ его ушей, рта и носа, заливая каюту и превративъ ее въ мясную лавку. И когда онъ не могъ ужъ больше подняться, то они продолжали бить лежачаго...

— Будетъ, Югансенъ, будетъ,—сказалъ, наконецъ, Ларсенъ.

Но звѣрь, сидѣвшій въ боцманѣ, не могъ успокоиться, и Волкъ Ларсенъ принужденъ былъ отстранить его самъ, что онъ и сдѣлалъ, повидимому, легко и мягко; но Югансенъ при этомъ отскочилъ назадъ, какъ пробка и съ трескомъ стукнулся головой о стѣну. Онъ упалъ на полъ, оглушенный, тяжело дыша и глупо моргая глазами.

— Откройте дверь, Гёмпъ,—приказалъ мнѣ Ларсенъ,

Я повиновался, и эти два звѣря подняли безчувственное тѣло и потащили его, какъ куль съ пескомъ, по лѣстницѣ на палубу. Кровь изъ его носа потекла красными ручьями къ ногамъ рулевого, который былъ никто иной, какъ Луисъ, его товарищъ по лодкѣ. Но Луисъ какъ будто ничего не замѣчалъ и невозмутимо смотрѣлъ на компасъ. Не таково было поведеніе Джоржа Лича, бывшаго юнги. Оно всѣхъ удивило. Онъ первый явился на корму, не ожидая приказанія, и потащилъ Джонсона въ кубрикъ, гдѣ сталъ перевязывать ему раны, какъ умѣлъ, и всячески ухаживалъ за нимъ. Джонсонъ былъ теперь неузнаваемъ. Лицо его за нѣсколько минутъ пытки такъ распухло и посинѣло, что въ немъ трудно было признать лицо человѣческаго существа. Но я возвращаюсь къ поведенію Лича. Въ то время, какъ я мылъ полъ въ каютѣ, онъ ухаживалъ за Джонсономъ. Окончивъ уборку каюты, я вышелъ на палубу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и по возможности успокоить свои нервы; Волкъ Ларсенъ курилъ сигару и разсматривалъ лотъ, который обыкновенно висѣлъ съ кормы, но теперь почему-то былъ поднятъ на палубу.

Вдругъ я услышалъ голосъ Лича, напряженный и хриплый отъ ярости. Я повернулся и увидѣлъ Лича; онъ стоялъ у трапа, ведущаго на ютъ. Лицо его было блѣдно и искажено, глаза сверкали; онъ грозилъ кулакомъ Ларсену и кричалъ.

— Будьте вы трижды прокляты, Волкъ Ларсенъ. Пусть Богъ пошлетъ вашу душу въ самое пекло. Только и адъ слишкомъ хорошъ для нея... Подлецъ! Убійца! Свинья!

Я былъ пораженъ какъ громомъ; я ждалъ, что Волкъ Ларсенъ сейчасъ прихлопнетъ его на мѣстѣ. Но у того, повидимому, не было соотвѣтствующаго настроенія. Онъ медленно приблизился къ Личу, облокотился на уголъ крыши каюты и съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ сталъ смотрѣть на него.

А тотъ продолжалъ отчитывать Волка Ларсена, и такъ, какъ его никто никогда не отчитывалъ. Матросы со страхомъ толпились кругомъ и слушали. Охотники складывали какія-то вещи и выносили ихъ изъ «третьяго класса», но по мѣрѣ того, какъ Личъ говорилъ, равнодушіе покидало и ихъ. Они тоже испугались, но не ужасныхъ словъ Лича, а его отчаянной смѣлости. Всѣмъ казалось просто невозможнымъ, чтобы живое существо могло такъ поносить Ларсена. Я помню, что я тогда пришелъ въ восхищеніе отъ этого парня, ибо я видѣлъ въ немъ великолѣпное проявленіе непобѣдимой, безсмертной души, которая, побѣдивъ плоть и страхъ, какъ древніе пророки, громила неправду.

И какъ онъ его обличалъ! Онъ обнажалъ душу Волка Ларсена и выставлялъ ее на посмѣшище. Онъ сыпалъ на нее такія проклятія, какія и не снились средневѣковой католической церкви. Онъ поднимался на самыя высокія вершины гнѣва, и только усталость заставляла его спускаться до обыкновенныхъ, площадныхъ ругательствъ.

Его бѣшенство походило на сумасшествіе; на губахъ его показалась пѣна; онъ задыхался, и по временамъ изъ его горла вырывались нечленораз-

дѣльные звуки. А Волкъ Ларсенъ попрежнему спокойно стоялъ, опираясь на локоть, и смотрѣлъ на него, повидимому, съ большимъ любопытствомъ. Эта дикая вспышка ферментной жизни, это страстное возмущеніе движущейся матеріи изумляло и забавляло его.

Личъ пришелъ въ настоящій экстазъ бѣшенства.

— Свинья! Свинья! Свинья!—оралъ онъ во все горло.—Почему же вы не убиваете меня, убійца? Вы можете это сдѣлать, я нисколько не боюсь! Васъ никто не остановитъ. Лучше быть убитымъ, чѣмъ находиться въ вашихъ гнусныхъ лапахъ. Ну же, мерзавецъ! Убейте меня!

Въ этотъ моментъ появился на сцену Томасъ Могриджъ. Онъ до сихъ поръ слушалъ изъ дверей кухни, но теперь вышелъ, какъ будто для того, чтобы выбросить что-то за бортъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы увидѣть поближе убійство, которое, по его мнѣнію, было неизбежно. Онъ улыбнулся Волку Ларсену своей подхалимской улыбкой, но тотъ, повидимому, не замѣтилъ его. Но кокъ не былъ обезкуражень, хотя и разозлился на него; онъ обернулся къ Личу и сказалъ:

— Какъ онъ ругается! Это возмутительно!

Вся ярость Лича тотчасъ же обратилась противъ него. Кокъ въ первый разъ появился изъ кухни безъ ножа съ тѣхъ поръ, какъ ранилъ Лича. Не успѣлъ онъ произнести свои слова, какъ Личъ бросился на него и сбиль его съ ногъ. Три раза пытался кокъ подняться на ноги и улизнуть въ кухню, но каждый разъ Личъ его снова сшибалъ съ ногъ.

— О, Господи,—кричалъ поварь.—Помогите, помогите! Возьмите его отъ меня! Возьмите его!

Всѣ почувствовали облегченіе: охотники гоготали. Трагедія, повидимому, кончилась и начался фарсъ. Матросы теперь смѣло подвигались все ближе впередъ и, весело скаля зубы, смотрѣли, какъ колотили ненавистнаго имъ кока. Даже я обрадовался. Я сознаюсь, что мнѣ ужасно нравилось, какъ Личъ колотилъ кока, хотя онъ билъ его такъ же ужасно, какъ по винѣ этого самаго кока избили Джонсона. Но выраженіе лица Волка Ларсена совершенно не измѣнилось. Онъ даже не перемѣнилъ своей позы и продолжалъ смотрѣть по-прежнему, съ большимъ любопытствомъ. Несмотря на всю его прагматическую увѣренность, онъ все же съ интересомъ наблюдалъ игру и движеніе жизни, съ надеждѣ открыть что-нибудь новое, увидѣть въ самыхъ безумныхъ ея кривляніяхъ что-нибудь такое, что раньше ускользало отъ него,—найти ключъ къ тайнѣ, благодаря которому все стало бы яснымъ и простымъ.

Но что это было за избіеніе! Оно нисколько не уступало тому, что я видѣлъ въ каютѣ. Поварь напрасно старался защитить себя отъ разъяреннаго парня и тщетно пытался убѣжать въ кухню. Онъ катился по направленію къ ней, ползъ къ ней, падалъ возлѣ нея, когда его сбивали на полъ. Но ударъ слѣдовалъ за ударомъ съ невѣроятной быстротой. Его бросали, какъ мячикъ, пока, наконецъ, онъ, какъ Джонсонъ, не былъ избитъ до такой степени, что лежалъ безъ всякаго движенія. И никто не вмѣшивался. Личъ могъ бы убить его,

если бы захотѣлъ; но онъ, повидимому, удовлетворилъ свою жажду мести и, наконецъ, бросилъ своего, распростертаго на полу, врага и пошелъ на бакъ.

Но эти два событія только открыли собою программу дня. Послѣ обѣда произошла схватка между Смокомъ и Гендерсономъ и вскорѣ изъ «третьяго класса» послышались выстрѣлы, которые обратили въ бѣгство остальныхъ четырехъ охотниковъ. Столбъ густого, ѣдкаго дыма поднялся изъ открытаго люка, и Волкъ Ларсенъ тотчасъ же бросился туда. До насъ донеслись звуки ударовъ и брань. Оба охотника были ранены, и онъ билъ ихъ обоихъ за то, что они не исполнили его приказанія и изувѣчили другъ друга передъ самымъ началомъ охотничьяго сезона. Они были ранены очень серьезно, и основательно поколотивши ихъ, онъ началъ грубо перевязывать ихъ раны. Я изображалъ собою ассистента, когда онъ прочищалъ и промывалъ ихъ сквозныя пулевья раны, и я изумлялся, какъ стойко они переносили эту жестокую перевязку безъ всякой анестетики, если не считать за нее большого стакана водки.

Затѣмъ во время первой вахты произошла новая драка на бакѣ. Возникла она изъ-за тѣхъ же сплетенъ, которыя были причиной избіенія Джонсона, и по шуму, который доносился до насъ, и по виду матросовъ на слѣдующій день, было очевидно, что одна половина изъ нихъ порядочно такъ избила другую.

Вторая вахта ознаменовалась столкновениемъ

между Иогансеномъ и худымъ, похожимъ на янки, охотникомъ Латимеромъ, Причиной ея было замѣчаніе Латимера по поводу неспокойнаго поведения Иогансена во снѣ: онъ такъ кричалъ во снѣ и храпѣлъ, что никому не давалъ спать.

Что касается меня, то меня всю ночь душили кошмары. День былъ похожъ на страшный сонъ. Звѣрство слѣдовало за звѣрствомъ, и разгорѣвшіяся страсти и жестокость довели всѣхъ до такого возбужденія, что всѣмъ хотѣлось бить другъ друга, убивать, увѣчить. Мои нервы были потрясены. Мой разумъ тоже. Я прожилъ всю свою жизнь, даже не подозрѣвая о томъ, какой страшный звѣрь человекъ. Я зналъ жизнь только съ ея интеллектуальной стороны. Я зналъ жестокость, но это была жестокость интеллекта—ѣдкіе сарказмы Чарли Фурусета, жестокія эпиграммы излия шутки товарищей по университету, да злобныя замѣчанія профессоровъ во времена моего студенчества.

И это было все. Но чтобы люди могли срывать свой гнѣвъ на другихъ, причиняя имъ увѣчья и проливая ихъ кровь, было для меня и странно и страшно. Недаромъ меня прозвали «Сисси» (дѣвочкой), Ванъ-Вейденомъ, думалъ я, безпокойно мечась по подушкѣ въ промежуткѣ между кошмарами. Мнѣ казалось, что до сихъ поръ моя невинность въ отношеніи реальной жизни была дѣйствительно невѣроятная. Я горько смѣялся надъ самимъ собою и, кажется, находилъ въ отвратительной философіи Волка Ларсена болѣе удовлетворительное объясненіе жизни, чѣмъ въ своей собственной.

Я испугался, когда созналъ направленіе своихъ мыслей. Безпрерывное звѣрство, окружавшее меня, имѣло развращающее вліяніе. Оно стремилось уничтожить все, что было самага лучшаго и свѣтлаго въ моей жизни. Мой разумъ говорилъ мнѣ, что избіеніе Томаса Могриджа было дурнымъ поступкомъ, но я никакъ не могъ запретить своей душѣ радоваться. И даже тогда, когда я былъ подавленъ огромностью своего грѣха—ибо это былъ грѣхъ,—я въ то же время почти захлебывался отъ нездороваго восторга. Я не былъ больше Ванъ-Вейденомъ. Я былъ Гёмпомъ,—юнгой на шхунѣ *Призракъ*; Волкъ Ларсенъ былъ моимъ капитаномъ, Томасъ Могриджъ и остальные были моими товарищами и меня безпрестанно окунали въ ту самую окраску, которою были выкрашены они всѣ.

XIII.

Три слѣдующіе дня я исполнялъ не только свои обязанности, но также и обязанности Томаса Могриджа, и могу сказать, что я исполнялъ ихъ хорошо. Я знаю, что моя стряпня заслужила одобреніе Волка Ларсена, а матросы такъ просто сіяли отъ удовольствія во время моего кратковременнаго царствованія въ кухнѣ.

— Въ первый разъ ѣмъ чистый кусокъ на этомъ суднѣ,—сказалъ мнѣ Гэризонъ, стоя у двери кухни и передавая мнѣ горшки и кастрюли.—Стряпня Томми какъ-то всегда отдавала испорченнымъ саломъ, и я думаю, что онъ не мѣнялъ рубахи съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ «Фриско».

— Не мѣняль, это вѣрно,—отвѣчалъ я.

— И онъ, навѣрное, спитъ въ ней,—прибавилъ Гэрисонъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ я.

Но Волкъ Ларсенъ далъ коку только три дня на поправленіе здоровья. На четвертый день, весь избитый, хромая и съ трудомъ открывая подбитые глаза, кокъ возвратился къ своимъ обязанностямъ, получивъ предварительно хорошій подзатыльникъ. Онъ охаль и хныкаль, но Волкъ Ларсенъ былъ неумолимъ.

— И смотрите, больше не подавать къ столу помоевъ,—сказаль ему Волкъ Ларсенъ,—и чтобы не было больше ни грязи, ни сала; да хоть иногда мѣняйте на себѣ рубаху, иначе васъ придется пополоскать за бортомъ.

Томасъ Могриджъ съ трудомъ двигался по кухнѣ, едва держась на ногахъ; отъ слабаго качанія *Призрака* онъ покачнулся и хотѣлъ ухватиться за край печи, но попалъ рукою прямо на раскаленную плиту. Послышалось шипѣніе и запахъ горѣлаго мяса.

— О, Боже, Боже, что я надѣлалъ!—причитываль онъ, сидя на ящикѣ съ углемъ, поддерживая свою обожженную руку и качаясь взадъ и впередъ.—За что вся эта напасть на меня? Я всю жизнь старался, чтобы меня никто не трогаль, и самъ никого не трогаль...

Слезы бѣжали по его распухшему, посинѣвшему, болѣзненно искаженному лицу. Но вдругъ на немъ мелькнуло свирѣпое выраженіе.

— О, какъ я его ненавижу! Какъ я его ненавижу!—прошепталь онъ.

— Кого?—спросиль я; но несчастный уже снова плакаль надъ своими горестями. Труднѣе было угадать, кого онъ не ненавидѣль, чѣмъ кого онъ ненавидѣль; иногда мнѣ приходилось видѣть въ его глазахъ такіе злобные огоньки, что нетрудно было угадать, что онъ ненавидить весь міръ. Я иногда думаль, что онъ ненавидить даже самого себя. Въ такіе моменты мнѣ было искренно жаль его и было стыдно, что я когда-то радовался его несчастіямъ. Жизнь неблагосклонно обошлась съ нимъ и сыграла надъ нимъ грубую шутку, создавъ его такимъ. Развѣ онъ могъ быть инымъ? И, какъ будто отвѣчая на мой невысказанный вопросъ, онъ жалобно проговориль:

— Мнѣ никогда не везло, никогда! Кто посылаль меня въ школу, или кормиль меня, когда я былъ голодень? Кто утираль мнѣ окровавленный носъ, когда меня били мальчики? Кто позаботился обо мнѣ когда-нибудь?

— Ничего, Томми,—сказаль я, положивъ ему руку на плечо.—Не унывайте! Все въ концѣ концовъ обойдется. Передъ вами еще долгая жизнь, и отъ васъ зависить, чтобы она была хороша.

— Это ложь! Это подлая ложь!—закричаль онъ вдругъ, отталкивая мою руку.—Это ложь, и вы это сами знаете. Я навсегда останусь такимъ, какимъ я созданъ, а созданъ я изъ отбросовъ и всякой дряни. Другое дѣло вы, Гёмпъ. Вы родились баринномъ. Вы никогда не знали, что значить ложиться спать голоднымъ и засыпать отъ соб-

ственнаго крика, когда кишки ходятъ, ходятъ, словно по нимъ продирается крыса. Если бы я завтра сталъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, я все же не могъ бы наполнить свой желудокъ за то время, когда онъ былъ пустъ... Эхъ, я знаю, что мнѣ уже съ самаго рожденія было суждено только страдать, и я уже настрадался за десятерыхъ. Въ Гаванѣ и въ Нью-Орлеанѣ я схватилъ желтую лихорадку, на Барбадосѣ чуть не умеръ отъ кори, въ Гоголулу—отъ оспы, въ Уналяскѣ—отъ плеврита, въ Шанхаѣ мнѣ переломали обѣ ноги, а въ Санъ-Франциско—три ребра. А теперь я опять чувствую, что всѣ ребра у меня переломаны... Къ вечеру я буду харкать кровью... А вы говорите, что все будетъ хорошо.. Кто сдѣлаетъ, чтобы было хорошо? Богъ? Богъ должно быть ненавидѣлъ меня, когда завербовалъ меня для плаванья по этому проклятому свѣту...

Такія тирады противъ судьбы продолжались цѣлый часъ; затѣмъ онъ приступилъ къ своей работѣ, охая и прихрамывая, и въ его глазахъ свѣтилась глубокая ненависть ко всему живущему, Его діагнозъ относительно себя былъ, однако, вѣренъ, потому что ему вдругъ становилось дурно и его рвало кровью; повидимому, онъ жестоко страдалъ. Какъ онъ говорилъ, Богъ слишкомъ его ненавидѣлъ, чтобы дать ему умереть, ибо, въ концѣ концовъ, онъ поправился, хотя сталъ еще болѣе озлобленнымъ.

Нѣсколько дней спустя Джонсонъ тоже выползъ на палубу и принялся за свою работу. Онъ былъ

еще очень боленъ и только съ большимъ трудомъ взбирался на мачту или устало опирался о штурвалъ, когда ему приходилось стоять у руля. Но хуже всего было то, что его духъ былъ, повидимому, сломленъ. Онъ чуть не ползаль передъ Волкомъ Ларсеномъ и унижался передъ Иогансеномъ. Не таково, однако, было поведеніе Лича. Онъ, какъ тигренокъ, ходилъ по палубѣ, открыто бросалъ взгляды, полные ненависти, на Волка Ларсена и Иогансена.

— Я еще доберусь до васъ, косолапый шведъ, — сказалъ онъ какъ-то вечеромъ Иогансену.

Боцманъ обругалъ его, а мгновение спустя какой-то тяжелый предметъ пролетѣлъ въ темнотѣ и съ трескомъ ударился о стѣну кухни. Послышалась еще брань и насмѣшливый смѣхъ, и когда все успокоилось, я осторожно прокрался на палубу и нашель въ стѣнѣ кухни тяжелый ножъ, воткнувшійся на цѣлый дюймъ. Нѣсколько минутъ спустя, боцманъ, ругаясь, пришелъ искать его, но я на слѣдующій день потихоньку возвратилъ его Личу. Онъ улыбнулся, когда я ему передалъ ножъ, но эта улыбка содержала въ себѣ гораздо больше искренней благодарности, чѣмъ то множество словъ, какими въ такихъ случаяхъ обмѣниваются люди моего класса.

Оказалось, что я единственный на шхунѣ человекъ, у котораго не было никакихъ счетовъ ни съ кѣмъ и къ которому всѣ относились хорошо. Возможно, что охотники только терпѣли меня, но Смокъ и Гендерсонъ, выздоравливавшіе отъ своихъ ранъ, качаясь цѣлые дни и ночи въ своихъ гама-

нахъ, не разъ увѣряли меня послѣ перевязки, что я знаю это дѣло лучше всякой больничной сидѣлки, и что они меня не забудутъ въ концѣ путешествія, когда получать свою долю изъ добычи. (Точно я нуждался въ ихъ деньгахъ! Вѣдь я могъ двадцать разъ купить ихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и со шхуной.)

У Волка Ларсена былъ второй припадокъ головной боли, который продолжался два дня. Онъ, должно-быть, очень страдалъ, потому что послалъ за мной и покорно исполнялъ всѣ мои приказанія, какъ больной ребенокъ. Но я ничего не могъ сдѣлать, чтобы облегчить ему боль. Однако, по моему настоянію, онъ бросилъ пить и курить; но почему такое могучее животное, какъ онъ, могло страдать отъ головной боли,—было для меня совершенно непонятно.

— Это Божіе возмездіе, повѣрьте,—такъ понималъ это Луисъ.—Это возмездіе за его черныя дѣла и ему будетъ еще хуже или иначе...

— Или иначе?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего...—поспѣшно сказалъ Луисъ.

Впрочемъ, я не совсѣмъ правъ, когда говорю, что всѣ ко мнѣ относятся хорошо. Томасъ Могриджъ не только продолжаетъ ненавидѣть меня, но нашелъ еще новую причину для ненависти; я не сразу открылъ, что онъ ненавидѣлъ меня больше всего за то, что я родился счастливѣе его—«родился джентльмэномъ», какъ онъ говорилъ.

— А все же смерть никого не коснулась,—подразнилъ я Луиса, когда Смокъ и Гендерсонъ,

дружески разговаривая, предприняли свою первую прогулку по палубѣ.

Луисъ посмотрѣлъ на меня своими умными, сѣрыми глазами и зловѣще покачалъ головой.

— Она идетъ, повѣрьте мнѣ, и всѣ запляшемъ, когда она придетъ. Я давно уже чувствую, что она идетъ, а теперь знаю, что она уже совсѣмъ близко.

— Кто же будетъ первымъ?—спросилъ я.

— Только не старый, толстый Луисъ, это ужъ навѣрное,—засмѣялся онъ.—Потому что я увѣренъ, что черезъ годъ я буду смотрѣть въ глаза своей старой матери, которая и безъ того подарила морю пять сыновей.

— Что онъ вамъ говорилъ?—спросилъ послѣ его ухода Могриджъ.

— Что черезъ годъ онъ повстрѣчается со своею матерью,—дипломатически отвѣчалъ я.

— А у меня никогда не было матери,—уныло замѣтилъ онъ.

XIV.

Мнѣ пришло въ голову, что я никогда достаточно не цѣнилъ женщинъ. Хотя я никогда не былъ особенно сентименталенъ, все же я всегда находился въ женской атмосферѣ. Моя мать и сестры всегда жили со мной, и я всегда стремился какъ-нибудь уйти отъ нихъ, такъ какъ онѣ страшно надоѣдали мнѣ своими заботами о моемъ здоровьѣ и своими періодическими вторженіями въ мою берлогу, превращая въ ней беспорядочный порядокъ, которымъ я такъ гордился, въ еще большій беспорядокъ, хотя на видъ и болѣе красивый. Я ничего

не могъ найти послѣ ихъ посѣщенія. Но теперь, увы, какъ пріятно было бы почувствовать ихъ присутствіе и услышать шелестъ ихъ юбокъ, который я прежде такъ искренно ненавидѣлъ! Я увѣренъ, что если я когда-нибудь снова попаду домой, то больше не буду раздражаться противъ нихъ. Пусть онѣ лѣчатъ меня и пичкаютъ лѣкарствами съ утра и до самаго вечера; пусть метутъ мою комнату и вытираютъ въ ней пыль хоть каждую минуту—я буду только лежать на спинѣ, слѣдить за ними и благодарить Бога, что у меня есть мать и сестры.

Эти мысли подняли во мнѣ много вопросовъ. Гдѣ матери всѣхъ этихъ двадцати человекъ, которые находятся сейчасъ на *Призракъ*? Меня вдругъ поразила мысль, что это очень неестественно и нездорово, чтобы мужчины были совершенно отдѣлены отъ женщинъ и шатались по бѣлу свѣту сами. Неизбѣжнымъ результатомъ этого раздѣленія половъ являлись грубость и озвѣрѣніе. Эти люди должны были бы имѣть женъ, сестеръ и дѣтей; тогда они были бы способны къ мягкимъ, нѣжнымъ чувствамъ и къ сочувствію. Но ни одинъ изъ нихъ не былъ женатъ. Цѣлые годы ни одинъ изъ нихъ не приходилъ въ соприкосновеніе ни съ одной хорошей женщиной. Въ ихъ жизни не было равновѣсія. Ихъ мужественность, которая сама по себѣ животна, черезчуръ развита въ нихъ; другая же сторона ихъ натуры—женственная, точно такъ же, какъ ихъ духовныя силы, была очень плохо развита и, въ сущности, совершенно атрофирована.

Они представляютъ собою компанію холостяковъ, постоянно грызущихся другъ съ другомъ и становящихся отъ этого съ каждымъ днемъ все жесточе и черствѣе. Иногда мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы они имѣли матерей. Кажется, что они какія-то полуживотныя, получеловѣческія существа, особая раса, въ которой нѣтъ половъ; что они вылупились изъ яйца на солнцѣ, какъ вылупляются черепахи, и что всю свою жизнь они живутъ въ порокѣ и скотствѣ и затѣмъ умираютъ такъ же некрасиво, какъ жили. Эти новыя идеи возбудили мое любопытство, и я вечеромъ разговаривался съ Югансеномъ—это были первыя слова, которыми онъ удостоилъ меня съ самаго начала путешествія. Онъ покинулъ Швецію, когда ему было восемнадцать лѣтъ; теперь ему тридцать восемь и за все это время онъ ни разу не былъ дома. Онъ встрѣтилъ своего односельчанина года два тому назадъ въ какомъ-то матросскомъ кабачкѣ въ Чили и узналъ отъ него, что его мать еще жива.

— Она должно быть теперь очень ужъ стара,—сказалъ онъ, задумчиво глядя на компасъ, и затѣмъ вдругъ бросилъ сердитый взглядъ на Гэрисона, который повернулъ руль на лишній румбъ.

— Когда вы ей писали въ послѣдній разъ?

Онъ сталъ громко высчитывать:

— Въ восемьдесятъ первомъ—нѣтъ; въ восемьдесятъ второмъ—нѣтъ; въ восемьдесятъ третьемъ! Да, въ восемьдесятъ третьемъ. Значитъ десять лѣтъ тому назадъ. Изъ одного маленькаго порта на Мадагаскарѣ.

— Видите ли,—продолжалъ онъ, какъ будто обращаясь къ своей забытой матери,—каждый годъ я собирался ѣхать домой. Такъ для чего же было писать? Вѣдь черезъ годъ я все равно пріѣхалъ бы. Но затѣмъ что-нибудь случилось, и я не ѣхалъ. Но теперь я боцманъ, и когда получу свою долю въ Фриско, такъ долларовъ около пяти-сотъ, то сяду на парусникъ, который пойдетъ черезъ Горнъ на Ливерпуль, и это дастъ мнѣ еще немного денегъ; а оттуда я уже заплачу за свой проѣздъ до дому. Тогда ужъ матери больше не придется работать.

— Но развѣ она еще работаетъ? Сколько же ей лѣтъ?

— Около семидесяти,—отвѣчалъ онъ. И затѣмъ хвастливо прибавилъ:—У насъ работаютъ съ рожденья и до смерти. Вотъ почему мы такъ долго живемъ. Я буду жить до ста лѣтъ.

Я никогда не забуду этого разговора. Это были послѣднія слова, которыя я слышалъ отъ него. Можетъ быть они были послѣднія, которыя онъ вообще произнесъ. Ибо затѣмъ произошло слѣдующее: спустившись въ каюту, чтобы потушить огонь, я рѣшилъ, что было слишкомъ душно, чтобы спать внизу. Была тихая, теплая ночь. Мы уже вышли изъ области пассатовъ, и *Призракъ* теперь еле подвигался впередъ. Я взялъ подъ мышку свою подушку и одѣяло и вышелъ на палубу.

Когда я проходилъ между Гэрисономъ и компасомъ, который находился у самой крыши каюты, я замѣтилъ, что Гэрисонъ на три румба укло-

вился отъ курса. Думая, что онъ спитъ и желая спасти его отъ выговора, если не чего-нибудь похуже, я заговорилъ съ нимъ. Но онъ не спалъ. Его глаза были широко раскрыты. Онъ, казалось, былъ чѣмъ-то очень возбужденъ и даже не могъ отвѣтить мнѣ.

— Въ чемъ дѣло,—спросилъ я.—Вы больны?

Онъ покачалъ головой и глубоко вздохнулъ, какъ бы пробуждаясь отъ глубокаго сна.

— Въ такомъ случаѣ, лучше держитесь курса,—сказалъ я укоризненно.

Онъ повернулъ на нѣсколько румбовъ; я снова взялъ свои вещи и собирался итти, но вдругъ замѣтилъ какое-то движеніе на югѣ; всмотрѣвшись, я увидѣлъ, что чья-то жилистая рука цѣпко хватается за край борта; затѣмъ рядомъ съ нею появилась вторая рука. Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Что за гость являлся къ намъ изъ морской глубины? Кто бы это ни былъ, я зналъ, что онъ карабкается на бортъ по веревкѣ лота. Я увидѣлъ голову, мокрые волосы и затѣмъ... глаза и лицо Волка Ларсена. На его правой щекѣ виднѣлась кровь, которая текла изъ раны на головѣ.

Онъ быстро перепрыгнулъ черезъ бортъ и бросилъ быстрый взглядъ на рулевого. Морская вода потоками струилась съ него. Она даже слегка плескалась, что на минуту отвлекло мое вниманіе. Когда онъ сдѣлалъ шагъ по направленію ко мнѣ, я инстинктивно отшатнулся, ибо я видѣлъ въ его глазахъ смерть.

— Ничего, Гёмпъ, не бойтесь,—сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ.—Гдѣ боцманъ?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Иогансенъ!—позваль онъ тихо.—Иогансенъ!

— Гдѣ онъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Гэрисону.

Молодой парень, казалось, уже пришелъ въ себя, потому что довольно внятно отвѣтилъ:

— Я не знаю, сэръ. Я видѣлъ, что онъ пошелъ на бакъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Я тоже пошелъ съ нимъ на бакъ. Но вы видите, что я теперь пришелъ съ другой стороны. Вы можете объяснить это?

— Вы, должно-быть, были за бортомъ, сэръ?

— Не посмотрѣтъ ли мнѣ въ «третьемъ классѣ», сэръ, онъ можетъ быть тамъ?—спросилъ я.

Волкъ Ларсенъ отрицательно покачалъ головой.—Вы его тамъ все равно не найдете, Гемпъ. Впрочемъ достаточно и васъ. Пойдемте. Оставьте пока вашу постель.

Я послѣдовалъ за нимъ. На суднѣ все было тихо.

— Эти проклятые охотники,—сказалъ онъ,—такъ облѣнились, что не могутъ выстоять даже четырехчасовую вахту.

На бакѣ мы нашли трехъ спящихъ матросовъ. Онъ повернулъ ихъ головы и посмотрѣлъ имъ въ лица. Это и были вахтенные; обыкновенно въ хорошую погоду вахтенные спали, за исключеніемъ старшаго, рулевого и сторожевого.

— Кто изъ васъ сторожевой?—спросилъ Ларсенъ.

— Я, сэръ,—отвѣтилъ съ легкой дрожью въ голосѣ Голіокъ, одинъ изъ матросовъ.—Я задре-

маль, сэръ, только сію минуту. Мнѣ очень жаль, сэръ. Это никогда больше не повторится.

— Вы что-нибудь слышали или видѣли на палубѣ?

— Нѣтъ, сэръ, я...

Но Волкъ Ларсенъ, презрительно фыркнувъ, повернулся и ушелъ, оставивъ въ недоумѣніи оторопѣлаго матроса, который никакъ не могъ повѣрить, что такъ легко отдѣлался.

— Тише теперь,—предупредилъ меня шопотомъ Волкъ Ларсенъ, нагибаясь, чтобы спуститься въ люкъ кубрика. Я послѣдовалъ за нимъ съ замирающимъ сердцемъ.

Была пролита кровь, и не по своей же прихоти Волкъ Ларсенъ очутился за бортомъ съ пробитой головою. Къ тому же и Югансенъ куда-то исчезъ... Я въ первый разъ спускался въ кубрикъ и никогда не забуду впечатлѣнія, которое онъ на меня произвелъ. Онъ находился непосредственно на самомъ носу шхуны и имѣлъ форму треугольника, по тремъ стѣнамъ котораго стояли койки въ два ряда; всего ихъ было двѣнадцать. Онъ былъ не больше передней моей квартиры, но въ немъ были сучены двѣнадцать человѣкъ, которые тамъ и ѣли, и спали, и проводили значительную часть сутокъ. Моя спальня дома была невелика, но она свободно могла вмѣстить двѣнадцать такихъ кубриковъ, а, принимая во вниманіе высоту, то и всѣ двадцать.

Въ кубрикѣ пахло чѣмъ-то кислымъ и затхлымъ, и при слабомъ свѣтѣ качающейся морской лампы я увидѣлъ, что стѣны были густо увѣшаны морскими сапогами, непромокаемыми плащами и оде-

ждой всѣхъ сортовъ, чистой и грязной. Все это началось взадъ и впередъ при каждомъ качаніи судна и производило звукъ, похожій на шелестъ деревьевъ. По временамъ сапогъ съ глухимъ стукомъ ударялся о стѣну; и хотя волненіе было сравнительно ничтожно, тѣмъ не менѣ слышался непрерывный скрипъ досокъ и переборокъ и шумъ воды подъ самымъ поломъ.

Но спящіе не слышали ничего этого. Ихъ было восемь человѣкъ, и въ тепломъ, спертomъ воздухѣ стоялъ стонъ отъ ихъ храпа, вздоховъ и нечленораздѣльнаго бормотанія, сопровождающихъ обыкновенно сонъ человѣка-животнаго... Но спали ли они? И всѣ ли спали? Чтобы узнать это, Волкъ Ларсенъ примѣнилъ испытаніе, напомнившее мнѣ одну новеллу Бокаччіо.

Ларсенъ снялъ морскую лампу изъ ея качающейся подставки и передалъ ее мнѣ. Затѣмъ онъ началъ осмотръ съ первыхъ коекъ. На верхней изъ нихъ лежалъ Уфти-Уфти, канака, великолѣпный морякъ, прозванный такъ своими товарищами. Онъ спалъ, лежа на спинѣ, и дышалъ тихо какъ женщина. Одна рука у него была подъ головой, другая лежала поверхъ одѣяла. Волкъ Ларсенъ взялъ его за руку и сталъ считать пульсъ. Канака проснулся такъ же спокойно, какъ и спалъ. Тѣло его не шевельнулось, только большіе, черные глаза широко открылись и, не мигая, смотрѣли въ наши лица. Волкъ Ларсенъ приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, и глаза снова закрылись. На нижней койкѣ лежалъ Луисъ, толстый, горячій и потный, и спалъ самымъ

добросовѣстнымъ образомъ. Пока Волкъ Ларсенъ держаль его руку, онъ пошевелился и повернулся на бокъ и забормоталь что-то нелѣпое и непонятное.

Убѣдившись въ томъ, что и онъ дѣйствительно спалъ, Волкъ Ларсенъ прошелъ къ слѣдующимъ двумъ койкамъ, и при свѣтѣ лампы мы увидали, что ихъ занимали Личъ и Джонсонъ.

Волкъ Ларсенъ нагнулся къ нижней койкѣ, чтобы пощупать пульсъ Джонсона, а я стоялъ рядомъ и держаль лампу; вдругъ надъ верхней койкой показалась голова Лича. Онъ внимательно смотрѣль, что дѣлается внизу, и, должно-быть, угадалъ хитрость Волка Ларсена и тотчасъ же понялъ вѣрность его способа разслѣдованія, ибо въ ту же минуту лампа была выбита изъ моихъ рукъ, и кубрикъ погрузился въ абсолютную темноту. Личъ въ тотъ же моментъ спрыгнулъ прямо на Волка Ларсена.

Послышалось яростное хрипѣніе Волка Ларсена и кровожадное рычаніе Лича. Джонсонъ, должно-быть, тотчасъ же присоединился къ нему, и я понялъ, что его покорное, угодливое поведеніе на палубѣ въ теченіе послѣднихъ дней было только хитростью. ☉

Я былъ такъ испуганъ этой дракой въ темнотѣ, что у меня не хватило духу даже подняться на лѣстницу. Я снова почувствовалъ мучительное сжатіе желудка, которое появлялось у меня всегда, когда я видѣль физическое насиліе. Хотя я ничего и не видѣль, но зато слышалъ мягкіе, глухіе удары кулаковъ по тѣламъ, глухое паденіе

тѣлѣ, тяжелое дыханіе, возню, вскрикиваніе отъ боли.

Въ заговорѣ убить капитана и боцмана, вѣроятно, принимали участіе многіе, ибо по звукамъ я могъ догадаться, что къ Личу и Джонсону быстро присоединились другіе товарищи.

— Дайте поскорѣе ножъ!—вскричалъ Личъ.

— Бей его по головѣ! Надо размозжить ему голову!—послышался крикъ Джонсона.

Послѣ перваго рычанья Волкъ Ларсенъ не издалъ больше ни звука. Онъ молча и мрачно боролся за свою жизнь. Его положеніе было безнадежно; его съ самаго начала повалили на полъ, и, несмотря на всю свою чудовищную силу, онъ не могъ подняться.

Меня самого тоже придавили ихъ копошащіяся тѣла, при чемъ порядкомъ таки ушибли, но мнѣ удалось влѣзть въ пустую нижнюю койку и такимъ образомъ уйти съ дороги.

— Товарищи, сюда! Теперь онъ не уйдетъ!—услышалъ я голосъ Лича.

— Кто?—спрашивали тѣ, которые дѣйствительно спали и которые, проснувшись, не понимали, что происходитъ вокругъ.

— Подлый боцманъ,—задыхаясь отъ усилія, лукаво отвѣчалъ Личъ.

Этотъ отвѣтъ былъ встрѣченъ криками радости, и съ этого момента на Волка Ларсена навалилось семь сильныхъ людей (я думаю, что Луисъ не принималъ участія въ свалкѣ).

— Эй, что тамъ у васъ?—услышалъ я вдругъ голосъ Латимера, который кричалъ сверху, не

рѣшаясь спуститься въ этотъ адъ, бушевавшій въ темнотѣ.

— Дастъ ли мнѣ кто-нибудь ножъ? Дайте же скорѣе!—молилъ Личъ.

Сама многочисленность нападавшихъ была причиною безпорядка. Она парализовала ихъ усилія, въ то время, какъ Волкъ Ларсенъ медленно, но безпрестанно, подвигался къ своей цѣли—къ лѣстницѣ. Хотя было совершенно темно, но по звукамъ я угадывалъ, что онъ достигаетъ ея. Никто, кромѣ истиннаго гиганта, не могъ совершить того, что совершилъ онъ. Мало-по-малу, благодаря своей чудовищной силѣ, онъ сумѣлъ подняться на ноги, хотя семь человѣкъ тянули его внизъ, и затѣмъ со ступеньки на ступеньку, борясь руками и ногами, онъ выползъ таки наверхъ. Последнюю стадію борьбы я уже видѣлъ: Латимеръ досталъ, наконецъ, фонарь и держалъ его такъ, что свѣтъ его озарялъ всю внутренность кубрика. Волкъ Ларсенъ былъ уже почти наверху, но я не видѣлъ его; зато мнѣ хорошо была видна живая кисть людей, уцѣпившихся за него. Они копошились вокругъ него, словно какой-то огромный, многоногій паукъ, который качался взадъ и впередъ вмѣстѣ съ мѣрными качаніями судна. Мало-по-малу, съ длинными промежутками, вся масса поднималась вверхъ. Однажды она покачнулася и чуть не упала назадъ, но затѣмъ снова крѣпко уцѣлилася и снова стала подниматься вверхъ.

— Кто это?—вскричалъ Латимеръ.

При свѣтѣ фонаря я увидѣлъ его испуганное лицо въ отверстіи люка.

— Ларсень,—услышалъ я глухой голосъ изъ массы.

Латимеръ протянулъ внизъ свою свободную руку; навстрѣчу потянулася другая рука и уцѣпилась за нее. Латимеръ потянулъ—вся масса быстро поднялась на двѣ ступеньки. Затѣмъ другая рука Волка Ларсена достала край люка и уцѣпилась за него. Кисть человѣческихъ дѣлъ продолжала еще качаться на лѣстницѣ, матросы крѣпко цѣплялись за своего убѣгающаго врага. Но затѣмъ они начали отпадать, ихъ толкали объ острый край люка, пинали ногами, которыя теперь стали снова могучими. Личъ отсталъ послѣднимъ, упавъ навзничъ съ верхушки лѣстницы на головы и плечи своихъ товарищей, копошившихся внизу. Волкъ Ларсень и фонарь исчезли, и мы остались въ темнотѣ.

XV.

Матросы со стономъ и съ бранью поднимались на ноги.

— Зажгите кто-нибудь свѣтъ, у меня вывихнутъ палецъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, Парсонсъ, смуглый мрачный человѣкъ, гребецъ охотника Стэндиша, у котораго Гэрисонъ былъ рулевымъ.

— Да, лампу... гдѣ она теперь валяется?—сказалъ Личъ, садясь на край той койки, въ которой спрятался я.

Послышалось чирканье спичекъ, нашли лампу и зажгли ее. При ея слабомъ, мутномъ свѣтѣ

босоногіе матросы двигались взадъ и впередъ, разсматривая свои ушибы и пораненія. Уфти-Уфти взялся за палець Парсонса, сильно дернулъ его и вставилъ суставъ на мѣсто. Въ то же время я замѣтилъ, что суставы на рукѣ у канаки были разбиты и окровавлены. Онъ показывалъ ихъ всѣмъ, скаля свои красивые бѣлые зубы, и объяснялъ, что эти раны произошли отъ удара Ларсену по зубамъ.

— А, такъ это былъ ты, мерзавецъ!—грозно спросилъ его ирландецъ Келли, бывший грузчикъ, который совершалъ свое первое путешествіе по морю въ качествѣ гребца охотника Керфута.

Онъ выплюнулъ зубы вмѣстѣ съ кровью и угрожающе подошелъ къ Уфти-Уфти. Тотъ отскочилъ назадъ къ своей койкѣ, но тотчасъ же снова подскочилъ къ Келли съ длиннымъ острымъ ножомъ въ рукѣ.

— Эй, перестаньте, вы мнѣ надоѣли,—вмѣшался Личъ. При всей своей молодости и неопытности онъ былъ, повидимому, атаманомъ кубрика.

— Убирайтесь, Келли, и оставьте Уфти въ покоѣ. Развѣ онъ зналъ въ темнотѣ, что это были вы?

Келли, ворча, повиновался, а канака снова показалъ свои бѣлые зубы въ благодарной улыбкѣ. Онъ былъ очень красивымъ типомъ островитянина, линіи его фигуры были почти женственныя и въ его большихъ глазахъ свѣтилась мягкость и мечтательность, которая противорѣчила его репутаціи забіяки и драчуна.

— Какъ это онъ могъ улизнуть?—спросилъ Джонсонъ.

Онъ сидѣлъ на краю своей койки и вся его фигура выражала собою безнадежность и уныніе. Онъ еще тяжело дышалъ отъ усилій; его рубаха была совершенно сорвана съ него и изъ глубокой раны на щекѣ текла кровь, которая краснымъ ручейкомъ сбѣгала по его бѣлой груди и капала на полъ.

— Потому что онъ дьяволъ, я вамъ говорилъ это раньше,—отвѣтилъ Личъ; затѣмъ онъ вскочилъ на ноги и со слезами на глазахъ сталъ изливать свое разочарованіе.

— И ни у кого изъ васъ не было ножа!—безпрерывно повторялъ онъ жалобнымъ голосомъ.

Но остальные матросы были испуганы вѣроятными послѣдствіями своего поступка и молчали.

— Какъ онъ узнаетъ, кто изъ насъ участвовалъ и кто нѣтъ?—спросилъ Келли, обводя всѣхъ присутствующихъ угрожающимъ взглядомъ,—если только никто изъ насъ не выдастъ?

— Онъ узнаетъ это, какъ только взглянетъ на насъ,—отвѣтилъ Парсонсъ.—Одного взгляда на насъ будетъ для него достаточно.

— Скажите ему, что палуба провалилась подъ вами, и вы вышибли свои зубы,—насмѣшливо проговорилъ Луисъ. Онъ одинъ все время не вылѣзалъ изъ своей койки и теперь торжествовалъ, потому что на немъ не было никакихъ знаковъ, которые указывали бы на его участіе въ ночной схваткѣ;—вотъ погодите, дайте ему завтра увидѣть ваши морды,—посмѣивался онъ.

— Мы ему скажемъ, что мы думали, что это боцманъ,—сказалъ одинъ. А другой прибавилъ:—

А я ему скажу, что я услышалъ возню, выскочилъ изъ своей койки и получилъ хорошій ударъ въ зубы. А потомъ въ темнотѣ ударилъ кого-то со злости.

— Конечно меня, и я васъ охотно поддержу,— сказалъ Келли, повеселѣвъ.

Личъ и Джонсонъ не принимали участія въ разговорахъ, и было ясно, что ихъ товарищи смотрѣли на нихъ, какъ на безнадежно обреченныхъ. Личъ слушалъ нѣкоторое время ихъ опасенія и упреки; затѣмъ вдругъ закричалъ:

— Молчите, вы мнѣ надоѣли; Эхъ, вы, труссы! Если-бъ вы меньше болтали языкомъ, а больше дѣлали руками, то теперь съ нимъ все было бы кончено. Почему никто изъ васъ не далъ мнѣ ножа, когда я просилъ? О, мнѣ противно на васъ смотрѣть. Хнычуть и стонуть, точно онъ убьетъ ихъ, какъ только увидитъ! Точно вы не знаете, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Онъ не можетъ доставить себѣ этой роскоши. Ему вы нужны для дѣла и даже очень нужны. Кто будетъ грести, править, ставить паруса, если онъ васъ убьетъ? Это мнѣ и Джонсону предстоитъ это удовольствіе. А теперь полѣзайте въ ваши койки и заткните глотки. Я хочу поспать.

Тѣмъ временемъ я раздумывалъ о своей собственной участи. Что со мной будетъ, когда эти люди откроютъ мое присутствіе здѣсь? Я бы ни за что не могъ выбраться наверхъ, какъ это сдѣлалъ Волкъ Ларсенъ. Вдругъ съ палубы раздался голосъ Латимера:

— Гемпъ! Старикъ зоветъ васъ!

— Его здѣсь нѣтъ!—закричалъ въ отвѣтъ Парсонсъ.

— Да, я здѣсь,—сказалъ я, вылѣзая изъ койки и стараясь сохранить спокойствіе и говорить какъ можно смѣлѣе.

Матросы въ ужасѣ смотрѣли на меня. На ихъ лицахъ былъ страхъ, но вмѣстѣ со страхомъ явилась также и злоба.

— Я иду!—крикнулъ я Латимеру.

— Нѣтъ, вы еще не идете!—крикнулъ Келли, становясь между мной и лѣстницей и собираясь схватить меня за горло.—Ахъ, проклятый шпіонъ! Я вамъ заткну глотку!

— Пустите его!—приказалъ Личъ.

— Ни за что въ жизни,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Личъ не перемѣнилъ своей позы на краю койки.

— Пустите его, говорю,—повторилъ онъ, но на этотъ разъ его голосъ былъ рѣшителенъ и громокъ.

Ирландецъ колебался. Я сдѣлалъ шагъ впередъ, и онъ отступилъ въ сторону. Когда я взошелъ на лѣстницу, я обернулся и увидѣлъ кругъ озвѣрѣлыхъ, злобныхъ лицъ, которыя зорко слѣдили за мной въ полумракѣ. Внезапно меня охватило глубокое къ нимъ сочувствіе. Я вспомнилъ, что мнѣ говорилъ кокъ. Какъ долженъ былъ Богъ ненавидѣть ихъ, чтобы заставить ихъ такъ страдать!

— Я ничего не слышалъ и не видѣлъ, повѣрьте мнѣ,—сказалъ я спокойно.

— Я говорю вамъ, что его нечего бояться,—услышалъ я голосъ Лича, когда поднимался

вверхъ по лѣстницѣ.—Омъ не любить старика точно такъ же, какъ вы и я.

Волкъ Ларсенъ, весь окровавленный и раздѣтый до гола, ждалъ меня въ каютѣ и встрѣтилъ меня съ улыбкой.

— Ну, принимайтесь за работу, докторъ. Все указываетъ на то, что вамъ предстоитъ большая практика во время этого путешествія. Я не знаю, что бы *Призракъ* дѣлалъ безъ васъ, и если бы я былъ способенъ на благородныя чувства, то я бы сказалъ вамъ, что хозяинъ *Призрака* безконечно вамъ благодаренъ.

Я зналъ, какія лѣкарства находятся въ скромной аптечкѣ *Призрака*, и пока я грѣлъ воду и раскладывалъ перевязочный матеріалъ, онъ ходилъ по каютѣ, смѣясь и шутя, и критическимъ взглядомъ разсматривалъ свои пораненія. Я никогда раньше не видалъ его голымъ, и при видѣ его тѣла у меня почти захватило дыханіе. У меня никогда не было слабости превозносить тѣло—я былъ далекъ отъ этого; но во мнѣ было достаточно художественнаго чутья, чтобы оцѣнить его достоинства.

Я долженъ сказать, что я былъ восхищенъ совершенными линіями фигуры Волка Ларсена, такъ сказать, ихъ страшной красотой. Я видѣлъ матросовъ въ кубрикѣ. Какъ ни мускулисты были нѣкоторые изъ нихъ, всегда имъ чего-нибудь недоставало, что-нибудь было въ нихъ недоразвито, другое черезчуръ развито, что-нибудь было слишкомъ криво и нарушало симметрію; ноги были слишкомъ коротки, или слишкомъ

длинные, или на нихъ было видно слишкомъ много костей и жилъ. Только у Уфти-Уфти было красивое, но, какъ я уже сказалъ, черезчуръ женственное тѣло.

Но Волкъ Ларсенъ былъ сложенъ великолѣпно, и линіи его тѣла были почти такъ же совершенны, какъ у античнаго бога. Когда онъ двигался или поднималъ руки, его огромные мускулы рѣзко вырисовывались подъ атласной кожей. Я забылъ сказать, что бронзовый загаръ былъ только на его лицѣ. Тѣло же его, благодаря его скандинавскому происхожденію, было такъ же бѣло, какъ у женщины. Я какъ очарованный смотрѣлъ на него, и антисептическій бинтъ, который я держалъ въ рукѣ, развернулся и упалъ на полъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и тутъ только я пришелъ въ себя.

— Богъ васъ хорошо сдѣлалъ,—сказалъ я.

— Развѣ?—спросилъ онъ.—Я самъ тоже объ этомъ думалъ, но такъ и не рѣшилъ,—для чего?

— Вѣроятно ради какой-нибудь великой цѣли...

— Ну, нѣтъ! Просто для моей пользы,—перебилъ онъ.—Это тѣло сдѣлано для работы. Эти мускулы сдѣланы для того, чтобы хватать, разрывать и разрушать живыя существа, которыя становятся между мной и жизнью. Но, вѣдь, и у другихъ тоже есть мускулы, которые хватаютъ, разрываютъ и разрушаютъ, а между тѣмъ, когда они становятся между мной и жизнью, то я и хватаю, и разрываю, и разрушаю ихъ. Цѣль этого не объясняетъ, а полезность объясняетъ.

— Какъ это некрасиво,—возразилъ я,

— Жизнь сама некрасива. А между тѣмъ, вы только что сказали, что я сдѣланъ хорошо. Вотъ, посмотрите.

Онъ напрягъ свои ноги, надавивъ полъ большими пальцами ногъ, какъ бы вцѣпившись въ него. Узлы мускуловъ вскочили и рѣзко обозначились по всей ногѣ.

— Пощупайте-ка!—приказаль онъ.

Они были тверды, какъ желѣзо. И все его тѣло безсознательно напряглось и стало твердымъ и крѣпкимъ; мускулы мягко собирались и обозначались на его бокахъ, вдоль спины и на плечахъ; руки были слегка приподняты, мускулы ихъ были напряжены, пальцы согнулись такъ, что его руки стали походить на когти; даже глаза его измѣнили выраженіе и въ нихъ появилось выжиданіе и блескъ, словно передъ битвой.

— Вотъ вамъ примѣръ равновѣсія и устойчивости,—сказаль онъ, отпуская свои напряженные мускулы.—Вотъ ноги, созданныя для того, чтобы крѣпко цѣпляться за землю и стоять, тогда какъ руки, зубы и ногти даны мнѣ, чтобы убивать и не быть убитымъ самому. Вы спрашиваете, какой смыслъ этого? Полезность.

Я не спорилъ. Я видѣлъ передъ собою боевой механизмъ примитивнаго животнаго, и на меня онъ произвелъ такое же большое впечатлѣніе, какъ если бы я увидалъ машины огромнаго военнаго корабля или атлантическаго парохода.

Принимая во вниманіе страшную борьбу, которую онъ выдержаль въ кубрикѣ, пораненія его были поразительно ничтожны, и я перевя-

заль ихъ очень искусно. За исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ ранъ, все остальное были только ушибы и царапины. Ударъ, который онъ получилъ прежде чѣмъ попалъ за бортъ, прорѣзалъ ему кожу на головѣ на нѣсколько дюймовъ. Эту рану, по его указаніямъ, я промылъ и сшилъ ея края, предварительно выбривъ немного волосы. Затѣмъ нога его была очень сильно разорвана, точно за нее уцѣпился бульдогъ. Онъ сказалъ мнѣ, что это одинъ матросъ вцѣпился въ нее зубами въ самомъ началѣ драки и все время такъ и держался за нее, и Волкъ Ларсенъ вмѣстѣ съ нимъ поднялся на лѣстницу, и только уже наверху ему удалось оттолкнуть его.

— Кстати, Гёмпъ, я замѣтилъ, что вы очень способный человекъ,—началъ Волкъ Ларсенъ, когда я окончилъ свою работу.—Какъ вамъ извѣстно, у насъ нѣтъ боцмана. Съ сегодняшняго дня вы будете стоять на вахтахъ, получать семьдесятъ пять долларовъ въ мѣсяцъ, и васъ всѣ будутъ называть мистеромъ Ванъ-Вейденомъ.

— Я... я ничего не смыслю въ навигаціи, вы это прекрасно знаете,—сказалъ я, еле переводя дыханіе.

— Это вовсе и не необходимо.

— Но я, право, не желалъ бы занимать такое почетное мѣсто,—продолжалъ я.—Я нахожу, что жизнь недостаточно надежна и въ моемъ настоящемъ низкомъ положеніи. У меня нѣтъ необходимой опытности. Посредственность имѣетъ свои выгоды...

Онъ усмѣхнулся, какъ-будто вопросъ былъ уже рѣшенъ,

— Наконецъ я и не хочу быть боцманомъ на этомъ чортовомъ суднѣ,—вскричала я съ негодованіемъ.

Лицо его приняло жестокое выраженіе и въ глазахъ промелькнулъ безжалостный огонекъ, который я хорошо зналъ. Онъ подошелъ къ двери своей каюты и сказалъ:

— А теперь спокойной ночи, мистеръ Ванъ-Вейденъ.

— Спокойной ночи, мистеръ Ларсенъ,—отвѣтилъ я упавшимъ голосомъ.

XVI.

Я не могу сказать, чтобы положеніе боцмана доставило мнѣ какое-нибудь удовольствіе кромѣ того, что не нужно было больше мыть посуды. Я не зналъ даже самыхъ простѣйшихъ обязанностей боцмана и мнѣ пришлось бы плохо, если бы матросы не относились ко мнѣ такъ хорошо. Я не зналъ ничего ни о снастяхъ, ни о постановкѣ и уборкѣ парусовъ; но матросы взяли на себя трудъ направлять мои дѣйствія,—Луисъ оказался особеннó хорошимъ учителемъ,—такъ что въ этомъ отношеніи мнѣ не пришлось встрѣтить особенныхъ затрудненій.

Не то было съ охотниками; они были болѣе или менѣе знакомы съ морскимъ дѣломъ и постоянно поднимали меня насмѣхъ. На, самомъ дѣлѣ мнѣ самому было смѣшно, что я, самый настоящій житель суши, долженъ былъ исполнять обязанности боцмана; но быть посмѣшищемъ

для другихъ, было совсѣмъ другое дѣло. Я не жаловался, но Волкъ Ларсенъ требовалъ отъ всѣхъ соблюденія самаго строгаго морского этикета по отношенію ко мнѣ,—въ гораздо большей степени, чѣмъ по отношенію къ бѣдному Югансену. Цѣною нѣсколькихъ дракъ, многихъ угрозъ и большого недовольства, онъ смирилъ охотниковъ. Я былъ «мистеръ Ванъ-Вейденъ» для всѣхъ и только самъ Волкъ Ларсенъ иногда неофициально звалъ меня Гёмпомъ.

Мое положеніе бывало довольно курьезно. Вѣтеръ, на примѣръ, мѣняетъ нѣсколько направленіе, и когда я встаю изъ-за стола, чтобы подняться наверхъ, Волкъ Ларсенъ говоритъ мнѣ:—Мистеръ Ванъ-Вейденъ, будьте такъ добры, перебросьте паруса на подвѣтренную сторону. И я отправляюсь на палубу, подзываю Луиса и узнаю отъ него, что нужно сдѣлать. Затѣмъ, переваривъ его инструкціи, я начинаю отдавать соотвѣтствующія приказанія. Я помню, однажды, въ одинъ изъ такихъ моментовъ Волкъ Ларсенъ очутился на сценѣ и видѣлъ, какъ я распоряжался. Онъ курилъ свою сигару и спокойно стоялъ, пока маневръ былъ оконченъ; затѣмъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Гёмпъ... виновать, мистеръ Ванъ-Вейденъ, я поздравляю васъ. Я думаю, что вы теперь можете отослать ноги вашего отца обратно къ нему въ могилу. Вы нашли свои собственныя и научились стоять на нихъ. Вамъ нужно еще поработать немного со снастями и съ парусами, испытать нѣсколько буръ и тому подобное, и къ концу

путешествія вы будете въ состояніи упр влять какой угодно шхуной.

Этотъ періодъ времени, между смертью Иогансена и нашимъ прибытіемъ на котиковые промыслы, былъ самымъ пріятнымъ для меня за все время пребыванія на *Призракъ*. Волкъ Ларсенъ былъ очень внимателенъ, матросы помогали мнѣ, и я былъ избавленъ отъ соприкосновенія съ Томасомъ Могриджемъ. И теперь, когда все это уже осталось позади, я могу признаться, что я втайнѣ гордился собой. Какъ ни было фантастично мое положеніе—сухопутнаго моряка, занимающаго второе мѣсто на суднѣ,—я все же исполнялъ свои обязанности хорошо; и въ этотъ короткій промежутокъ времени я гордился собою и научился любить вздымающійся и опускающійся подъ моими ногами *Призракъ*, направлявшійся къ сѣверо-западу по тропическому морю къ тому островку, гдѣ мы должны были пополнить свой запасъ прѣсной воды.

Однако, мое счастье далеко не было безмятежно—это былъ только періодъ сравнительно меньшихъ невзгодъ между прошлымъ, полнымъ всяческихъ невзгодъ, и будущимъ, полнымъ еще большихъ страданій. Ибо *Призракъ*, какъ вѣрно говорили матросы, былъ настоящимъ чортовскимъ судномъ. У нихъ никогда не было ни минуты отдыха или спокойствія. Волкъ Ларсенъ не забывалъ имъ покушенія на его жизнь и встрепку, которую онъ отъ нихъ получилъ въ кубрикѣ, и старался и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, а также и ночью дѣлать ихъ жизнь, какъ можно болѣе, несносной.

Онъ зналъ психологію людей, зналъ значеніе мелочей и посредствомъ мелочей довелъ всю команду почти до состоянія изступленія. Однажды онъ позвалъ Гэрисона, когда тотъ уже легъ спать, и велѣлъ ему убрать на мѣсто красильную щетку, а двухъ смѣнныхъ вахтенныхъ поднялъ съ постели, чтобы они пошли и посмотрѣли, хорошо ли онъ это дѣлаетъ. Это мелочь, конечно, но когда такихъ мелочей набираются тысячи, то можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились матросы.

Конечно, они очень много ворчали и по временамъ происходили и небольшія вспышки. Сыпались удары, и два-три человѣка постоянно ходили съ синяками и царапинами, нанесенными руками того человѣка-звѣря, который былъ ихъ хозяиномъ. Какія-нибудь совмѣстныя дѣйствія были невозможны въ виду цѣлаго арсенала оружія, которое носили при себѣ охотники и капитанъ. Личъ и Джонсонъ особенно часто являлись жертвами для дьявольскихъ упражненій Ларсена, и глубокая грусть, которая теперь не сходила съ лица Джонсона, больно отзывалась въ моемъ сердцѣ.

Настроеніе Лича было совершенно иное. Въ немъ было слишкомъ много звѣрскаго задора. Казалось, что его ярость была ненасытима и что она просто не давала ему времени, чтобы горевать. Его губы были постоянно искажены одной и той же гримасой, точно онъ собирался зарычать, и, при видѣ Волка Ларсена, съ его губъ дѣйствительно срывался звукъ, страшный, угрожающій и, вѣроятно, совершенно безсознательный. Я видѣлъ,

что онъ слѣдилъ глазами за Волкомъ Ларсеномъ, какъ дикіе звѣри слѣдятъ за своими тюремщиками, и при этомъ въ его горлѣ клокотало чисто звѣрское рычаніе.

Я помню, однажды, на палубѣ, въ ясный день, я его тронулъ за плечо, прежде чѣмъ позвать его. Онъ стоялъ ко мнѣ спиной и, почувствовавъ прикосновеніе, сдѣлалъ быстрый прыжокъ въ сторону, зарычалъ и обернулся. Онъ принялъ меня за ненавистнаго ему человѣка...

Онъ и Джонсонъ убили бы Волка Ларсена при первой возможности, но возможности этой не было. Волкъ Ларсенъ былъ слишкомъ уменъ для этого, притомъ они не были одинаково вооружены. У нихъ было мало шансовъ справиться съ нимъ одними кулаками. Сколько уже разъ Волкъ Ларсенъ дрался съ Личемъ, который отвѣчалъ на его удары и, какъ дикая кошка, пускалъ въ ходъ зубы и ногти, пока не сваливался на палубу обезсиленный и безъ сознанія. Но онъ всегда былъ готовъ сцѣпиться снова. Дьяволъ, который сидѣлъ въ немъ, всегда вызывалъ на бой дьявола, сидѣвшаго въ Волкѣ Ларсенѣ. Стоило имъ одновременно появиться на палубѣ, какъ сейчасъ же поднималась брань, рычанія и сыпались удары, и я не разъ видѣлъ, что Личъ нападалъ на Волка Ларсена неожиданно, безъ всякаго вызова съ его стороны. Однажды онъ бросилъ въ Ларсена свой тяжелый ножъ, который чуть не попалъ ему въ горло, пролетѣвъ мимо него на разстояніи не больше дюйма. Въ другой разъ онъ бросилъ въ него стальную свайку. На качаю-

щемся суднѣ трудно было бросить вѣрно въ цѣль, но острый конецъ гвоздя, прожужжавъ въ воздухѣ цѣлыхъ семьдесятъ пять футовъ, чуть не вонзился въ голову Волка Ларсена, когда онъ выходилъ изъ каюты, и, попавши въ твердую доску палубы, вонзился въ нее на два дюйма. А однажды онъ укралъ въ «третьемъ классѣ» заряженное ружье и выбѣжалъ съ нимъ на палубу, но былъ пойманъ Керфутомъ и обезоруженъ.

Я часто спрашивалъ себя, почему Волкъ Ларсенъ не убиваетъ его, чтобы положить этому конецъ. Но онъ только смѣялся; видимо, это забавляло его. Въ этомъ было какое-то острое наслажденіе, которое, вѣроятно, испытываютъ тѣ, которые занимаются прирученіемъ дикихъ животныхъ.

— Жизнь становится интересной, — объяснялъ онъ мнѣ, — когда чувствуешь, что она зависитъ отъ твоей собственной осторожности и силы. Человѣкъ — природный игрокъ, и жизнь — самая большая ставка, которую онъ можетъ сдѣлать. Чѣмъ больше ставка, тѣмъ интереснѣй игра. Почему я долженъ отказывать себѣ въ удовольствіи доводить душу Лича до лихорадочнаго возбужденія? Я этимъ, собственно, оказываю ему одолженіе. Мы оба доставляемъ другъ другу сильныя ощущенія. Онъ живетъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ кто-либо изъ команды, и даже не сознаетъ этого. Вѣдь у него есть то, чего нѣтъ у нихъ, — цѣль, всепоглощающее желаніе убить меня и надежда, что меня онъ убьетъ. Повѣрьте, Гемпъ, что онъ живетъ очень полной, захватывающей жизнью.

Я сомнѣваюсь, чтобы онъ когда-либо жилъ такъ захватывающе, такъ остро, и я, право, иногда завидую ему, когда вижу, что онъ въ своей ярости доходитъ до высочайшаго напряженія страсти, чувства.

— Но вѣдь это же гнусно, подло!—вскричалъ я.—На вашей сторонѣ вѣдь всѣ преимущества!

— Какъ вы думаете, кто изъ насъ подлѣе: вы или я?—спросилъ онъ серьезно.—Если положеніе становится неприятнымъ для васъ, вы вступаете въ компромиссъ со своею совѣстью. Если бы вы были мужественнѣе и честнѣе съ собою, вы бы присоединились къ Личу и къ Джонсону. Но вы боитесь, боитесь. Вы хотите жить. Жизнь, которая въ васъ, кричитъ, что надо жить, несмотря ни на что. И вы живете постыдно, измѣняя своимъ убѣжденіямъ, лучшей части вашего я, грѣша противъ вашего маленькаго, убогаго кодекса жизни, и если бы существовалъ адъ, то вы, своимъ поведеніемъ, погнали бы свою душу прямо въ него. Ха, ха! Нѣтъ, я честнѣе васъ. Я не грѣшу, потому что я вѣренъ требованіямъ своей жизни. Я, по крайней мѣрѣ, искрененъ, чего нельзя сказать про васъ.

Его слова меня ужалили. Можетъ-быть, я въ концѣ концовъ дѣйствительно игралъ довольно подлую роль. И чѣмъ больше я думалъ объ этомъ, тѣмъ больше мнѣ казалось, что я обязанъ былъ послѣдовать его совѣту, и, присоединившись къ Джонсону и Личу, вмѣстѣ съ ними постараться убить его. Вѣроятно, въ тотъ моментъ во мнѣ

проснулась суровая совѣсть моихъ предковъ, пуританъ, толкавшая меня на мрачное дѣло и санкціонировавшая даже убійство, если того требовала правда. Вѣдь, избавить свѣтъ отъ подобнаго чудовища было бы высоконравственнымъ дѣломъ. Человѣчество стало бы лучше и счастливѣе, жизнь краше и пріятнѣе.

Я долго думалъ объ этомъ, лежа на своей койкѣ, и безъ конца перебиралъ въ умѣ наше положеніе. Я говорилъ объ этомъ съ Джонсономъ и Личемъ во время ночныхъ вахтъ, когда Волкъ Ларсенъ спалъ въ своей каютѣ. Оба они совершенно потеряли надежду—Джонсонъ потому, что пришелъ въ полное уныніе, Личъ потому, что истощилъ всѣ свои силы въ неравной борьбѣ. Но однажды ночью онъ страстно схватилъ меня за руку и сказалъ:

— Я думаю, что вы правы, мистеръ Ванъ-Вейденъ. Но не предпринимайте пока ничего и держите языкъ за зубами. Молчите, но смотрите въ оба. Мы съ Джонсономъ погибли, я знаю; но все-таки вы можете помочь намъ въ тотъ моментъ, когда намъ придется очень плохо.

На слѣдующій день, когда островъ былъ уже совсѣмъ близко отъ насъ, Волкъ Ларсенъ произнесъ пророческія слова. Онъ напустился за что-то на Джонсона, на него, въ свою очередь, напустился Личъ, и когда онъ вздулъ ихъ обоихъ, то сказалъ:

— Вы вѣдь знаете, Личъ, что я васъ когда-нибудь убью, не правда ли?

Въ отвѣтъ послышалось рычаніе.

— А что касается васъ, Джонсонъ, то вамъ такъ осточертѣть жизнь, что вы все равно прыгнете за бортъ, прежде чѣмъ я доберусь до васъ. Вотъ увидите!

— Это я ему подсказалъ хорошую мысль,— прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.— Хотите, побьемтесь о закладъ на ваше мѣсячное жалованье, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ?

Я тѣшилъ надеждой, что его жертвы найдутъ случай убѣжать, пока мы будемъ наполнять свои бочки водой, но Волкъ Ларсенъ хорошо выбралъ мѣсто. Призракъ остановился въ полумилѣ отъ пустыннаго берега. Здѣсь начиналось глубокое ущелье, съ высокими, гладкими стѣнами, на которыя невозможно было бы вскарабкаться. И здѣсь, подъ его непосредственнымъ наблюдениемъ— ибо онъ самъ сошелъ на берегъ,—Личъ и Джонсонъ наполняли небольшіе боченки водой и катили ихъ къ берегу. Убѣжать въ одной изъ шлюпокъ тоже было невозможно.

Гэрисонъ и Келли, однако, сдѣлали попытку бѣжать. Они въ шлюпкѣ перевозили бочки съ берега на шхуну. Какъ разъ передъ обѣдомъ, отправившись къ берегу съ пустой бочкой, они вдругъ направились влѣво, рассчитывая обогнуть мысъ, который выдавался въ море и лежалъ между ними и свободой. На его пѣнящихся берегахъ лежали красивыя деревушки японскихъ колонистовъ и привлекательныя долинки, которыя глубоко проникали внутрь острова.

Я замѣтилъ, что Гендерсонъ и Смокъ все утро шатались по палубѣ, и только теперь я понялъ,

зачѣмъ они это дѣлали. Они тотчасъ же достали свои винтовки и, не спѣша, открыли огонь по бѣглецамъ. Вначалѣ ихъ пули жужжали по поверхности воды возлѣ лодки; но бѣглецы стали усиленно грести, и тогда пули стали падать все чаще и ближе.

— Смотрите, теперь я цѣлюсь въ правое весло, Келли,—крикнулъ Смокъ, тщательно прицѣливаясь.

Я смотрѣлъ въ бинокль и видѣлъ, что весло послѣ выстрѣла разлетѣлось въ куски. Гендерсонъ такимъ же образомъ сломалъ правое весло Гэрисона.

Два оставшихся весла вскорѣ тоже были разбиты. Матросы пытались грести обломками ихъ, но и тѣ были выбиты изъ ихъ рукъ. Келли отодралъ доску со дна лодки и началъ грести ею, но вскорѣ съ крикомъ бросилъ ее, такъ какъ обломки ея изранили ему руки. Имъ пришлось оставить дальнѣйшія попытки и предоставить лодку волнамъ, пока вторая шлюпка, посланная съ берега Волкомъ Ларсеномъ, не взяла ихъ на буксиръ и не привела обратно. Поздно, послѣ обѣда мы снялись съ якоря и отправились дальше. Намъ теперь предстояло три или четыре мѣсяца непрерывной охоты на котиковъ. Перспектива была дѣйствительно мрачная, и я съ тяжелымъ сердцемъ исполнялъ свои невольныя обязанности. На *Призракъ* водворилась положительно похоронная мрачность. Волкъ Ларсенъ сидѣлъ въ своей каютѣ, прикованный къ постели новымъ припадкомъ головной боли. Гэрисонъ невнимательно стоялъ у штурвала,

почти опираясь на него, какъ будто удрученный тяжестью собственнаго тѣла. Остальные матросы были мрачны и молчаливы. Я случайно набрелъ на Келли, который сидѣлъ скорчившись на банкѣ, опустивъ голову на колѣни и обнявъ ее руками, въ позѣ невыразимаго отчаянiя.

Джонсона я нашелъ растянувшимся во всю длину, на самомъ носу; онъ такъ упорно глядѣлъ на бурлившiя подъ нимъ волны, что я съ ужасомъ вспомнилъ о мысли, которую ему подаль Волкъ Ларсенъ. Она, повидимому, запала ему въ голову. Я хотѣлъ было вывести его изъ его мрачной задумчивости и подозвалъ его къ себѣ, но онъ печально улыбнулся и отказался повиноваться. Когда я возвращался обратно, ко мнѣ подошелъ Личъ.

— Я хочу васъ просить объ одолженiи, мистеръ Ванъ-Вейденъ,—сказалъ онъ.—Если вамъ посчастливится снова увидѣть Фриско, найдите Мата Макъ-Карти. Это мой отецъ. Онъ живетъ на Телеграфномъ Холмѣ, позади булочной Мейфэра, и у него сапожная мастерская; ее всѣ знаютъ и вамъ легко будетъ ее найти. Скажите ему, что мнѣ очень жаль, что я доставилъ ему столько огорченiй; скажите ему... скажите, что я просилъ васъ сказать ему: «Да благословить васъ Богъ».

Я кивнулъ головой въ знакъ согласiя, но сказалъ:—Мы всѣ вернемся въ Санъ-Франциско, Личъ, и вмѣстѣ отправимся къ Мату Макъ-Карти.

— Я хотѣлъ бы вѣрить вамъ,—отвѣтилъ онъ, пожавъ мнѣ руку,—но не могу. Волкъ Ларсенъ убьетъ меня, я это знаю и надѣюсь только, что это будетъ скоро.

Послѣ его ухода я почувствовалъ то же самое желаніе. Разъ это должно совершиться, то пусть ужъ совершается скорѣе. Всеобщее мрачное настроеніе охватило и меня. Я предчувствовалъ, что впереди предстоятъ самыя тяжелыя испытанія; и когда я цѣлые часы ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, то чувствовалъ, что самъ начинаю проникаться отвратительными идеями Волка Ларсена. Къ чему же, въ концѣ-концовъ, все это? Гдѣ же величіе жизни, если она допускаетъ такъ легко разрушеніе человѣческихъ душъ? Какая же послѣ этого дешевая, ничтожная вещь жизнь, и чѣмъ скорѣе она кончается, тѣмъ лучше. Я облокотился на бортъ и съ тоской смотрѣлъ въ море, съ полной увѣренностью, что рано или поздно я тоже погружусь въ его холодныя зеленыя глубины забвенія.

XVII.

Какъ это ни странно, но, несмотря на всеобщее предчувствіе, ничего особеннаго не случилось на *Призракъ*. Мы плыли все время на сѣверо-западъ, пока не достигли берега Японіи, гдѣ и встрѣтили большое стадо котиковъ. Неизвѣстно откуда явившись въ безграничный Тихій океанъ, оно направлялось къ сѣверу, какъ дѣлало ежегодно, на пустынные острова Берингова моря, чтобы вывести дѣтенышей. И мы слѣдовали за ними на сѣверъ, убивая ихъ массами, бросая ихъ ободранныя трупы акуламъ; шкуры мы солили, чтобы потомъ онѣ могли украшать собою прекрасныя плечи женщинъ.

Это была какая-то оргія убійства, и все это дѣлалось только для женщинъ. Никто не ѣсть ни мяса котиковъ, ни ихъ жира. Къ вечеру, послѣ цѣлаго дня удачной охоты, палуба была покрыта шкурами и тѣлами, и по ней текли ручьи жира и крови; мачты, веревки и борта были кроваваго цвѣта; и люди, точно мясники, съ засученными рукавами, съ окровавленными руками, спѣшно сдирали шкуры съ убитыхъ ими красивыхъ морскихъ животныхъ.

Моей обязанностью было считать шкуры, когда ихъ выгружали изъ шлюпокъ, наблюдать за сдираніемъ шкуръ, а затѣмъ за чисткой палубы и за приведеніемъ судна въ порядокъ. Это была чрезвычайно непріятная работа. Моя душа и желудокъ возмущались противъ нея; однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обязанность управлять работой многочисленныхъ подчиненныхъ была для меня весьма полезна. Она развивала во мнѣ ту небольшую долю административныхъ качествъ, которыми я обладалъ, и я чувствовалъ, какъ закаляется и твердѣетъ во мнѣ душа, а это могло быть только полезнымъ для «Сисси» Ванъ-Вейдена.

Я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что я никогда не буду снова тѣмъ человѣкомъ, какимъ я былъ раньше. Хотя моя надежда и вѣра въ человѣка уцѣлѣли отъ разрушительной критики Волка Ларсена, тѣмъ не менѣе онъ былъ причиной многочисленныхъ измѣненій во многихъ частностяхъ моего міросозерцанія. Онъ открылъ мнѣ реальный міръ, о которомъ я не зналъ почти ничего и отъ котораго всегда сторонился. Я научился болѣе

пристально приглядываться къ дѣйствительной жизни, узналъ, что на свѣтѣ существуютъ такія вещи, какъ факты, научился отвлекаться отъ міра идей и цѣнить конкретныя и объективныя проявленія жизни.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы очутились на промыслахъ, я сталъ видѣться съ Волкомъ Ларсеномъ гораздо чаще. Когда погода была хороша и мы находились посреди стада, всѣ уѣзжали въ шлюпкахъ, и на суднѣ оставались только онъ да я, да еще Томасъ Могриджъ, который въ сѣть не шелъ. Но наша задача была не изъ легкихъ. Шесть лодокъ уходили въ море по всѣмъ направленіямъ, вѣерообразно, и крайнія отходили отъ судна иногда миль на двадцать, а затѣмъ всѣ направлялись прямо къ сѣверу, пока не наступала ночь, или пока ихъ не загоняла буря. Намъ же надо было держать *Призракъ* съ подвѣтренной стороны, недалеко отъ крайней лодки, чтобы всѣмъ лодкамъ можно было вернуться къ намъ съ попутнымъ вѣтромъ въ случаѣ шквала или угрожающей погоды.

Для двухъ человѣкъ управиться съ такимъ судномъ, какъ *Призракъ*, было нелегко, въ особенности, когда дулъ сильный вѣтеръ и когда нужно было въ одно и то же время и править и слѣдить за лодками и ставить или снимать паруса; такъ что мнѣ пришлось многому еще научиться и научиться быстро. Править судномъ я научился безъ труда, но карабкаться по мачтамъ и реямъ и, подчасъ при этомъ, просто повисать въ воздухѣ, было гораздо труднѣе. Этому

я тоже научился скоро, ибо у меня было страшное желаніе поднять себя въ оцѣнкѣ Ларсена и доказать ему свое право на жизнь и въ другихъ областяхъ, помимо умственной. Да, временами я чувствовалъ огромное удовольствіе, когда, вскарабкавшись на верхушку мачты и уцѣпившись тамъ ногами, я руками держалъ бинокль и оглядывалъ море, разыскивая наши лодки.

Въ одинъ прекрасный день лодки ушли рано въ море и отзвуки выстрѣловъ вскорѣ замерли вдали.

Дуль слабый вѣтерокъ съ запада; но его послѣднее дуновеніе кончилось къ тому времени, когда мы стали на подвѣтренную сторону по отношенію къ послѣдней лодкѣ. Одна за другой,—я былъ въ то время на верхушкѣ мачты,— всѣ шесть лодокъ исчезли за горизонтомъ, слѣдуя за котиками, шедшими на западъ. Мы стояли, еле покачиваясь на спокойномъ морѣ, не будучи въ состояніи двинуться съ мѣста. Волкъ Ларсенъ былъ, видимо, встревоженъ. Барометръ быстро падалъ и небо на востокъ не нравилось ему. Онъ безпрестанно пытливо изучалъ его.

— Если штормъ придетъ оттуда,—сказалъ онъ,— и отгонитъ насъ въ сторону, такъ что лодкамъ придется возвращаться къ намъ противъ вѣтра, то вечеромъ и въ кубрикѣ и въ «третьемъ классѣ» останется много пустыхъ коекъ.

Въ одиннадцать часовъ море было гладкое какъ зеркало. Около полудня, хотя мы находились въ сѣверныхъ широтахъ, стояла удушливая жара. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго ду-

повенія. Онъ былъ тяжелый и душный, напоминающая мнѣ то, что въ Калифорніи называютъ «погодой землетрясенія». Во всемъ этомъ было что-то грозное и чувствовалось, что надвигается что-то страшное. Медленно всю восточную часть неба заволочло тучами, грозоздившимися словно какія-то мрачныя, адскія горы. Въ нихъ такъ ясно можно было видѣть ущелья, пропасти, обрывы, что глазъ безсознательно начиналъ искать у ихъ подножья бѣлую линію прибоя. А между тѣмъ мы все еще тихо покачивались въ абсолютномъ штильѣ.

— Это не шкваль, — сказалъ Волкъ Ларсенъ. — Старая мать-природа собирается встать на дыбы и заревѣть во всю. Намъ предстоитъ основательно попрыгать, Гѣмпъ, и хорошо еще, если намъ удастся собрать хотя бы половину нашихъ лодокъ. Вы лучше скорѣе лѣзьте наверхъ и отдайте марселя.

— Но если начнется буря... и насъ всего только двое, — спросилъ я съ ноткой протеста въ голосѣ.

— Ну что-жъ! Надо воспользоваться его первыми порывами и постараться добраться до лодокъ, прежде чѣмъ намъ изорветъ паруса. Послѣ этого мнѣ наплевать, что бы ни случилось. Мачты выдержать, а намъ съ вами тоже надо будетъ выдержать, хотя это и будетъ не легко.

Между тѣмъ вѣтра все еще не было. Мы поспѣшно пообѣдали, озабоченные судьбою восемнадцати человѣкъ, находившихся въ морѣ за горизонтомъ. Волкъ Ларсенъ былъ на видъ спокоенъ; хотя я замѣтилъ, что когда мы вернулись

на палубу, его ноздри слегка трепетали и его движенья были нѣсколько порывисты. Лицо его было строго, линіи его стали суровы, но въ глазахъ, блѣдно-голубыхъ сегодня, мелькалъ боевой огонекъ. Меня поразила мысль, что онъ радовался какой-то дикой радостью, что онъ былъ радъ предстоящей борьбѣ; что онъ трепеталъ отъ предвкушенія великаго момента жизни, когда жизненная волна должна была подняться особенно высоко.

Однажды, не замѣчая самъ и не подозрѣвая, что я вижу его, онъ расхохотался громко, насмѣшливо и презрительно, какъ бы бросая вызовъ надвигающейся бурѣ. Онъ стоялъ, какъ пигмей изъ «Арабскихъ ночей» передъ огромнымъ, злымъ геніемъ, но онъ бросалъ вызовъ судьбѣ и не боялся.

Онъ подошелъ къ кухнѣ и крикнулъ:

— Поварокъ, когда вы покончите со своими кастрюлями и сковородками, то понадобится на палубѣ. Будьте готовы, васъ могутъ каждую минуту позвать.

— Гѣмпъ,—сказалъ онъ, почувствовавъ, наконецъ, мой упорный взглядъ,—это лучше, чѣмъ виски и это какъ разъ то, что недостаетъ вашему Омару. Я все же думаю, что онъ жилъ только наполовину.

Западная часть неба между тѣмъ тоже потемнѣла. Солнце стало мутнымъ и, наконецъ, совершенно скрылось. Было два часа пополудни, и на насъ спустились зловѣщія сумерки, перерѣзаемая по временамъ вспыхивавшими красными огнями. При блескѣ красныхъ молній лицо Волка

Ларсена становилось все ярче и свѣтлѣе, и въ моемъ возбужденномъ воображеніи оно казалось окруженнымъ сіяніемъ. Мы находились среди неземной тишины, и въ то же время чувствовалось, что наступаетъ шумъ и движеніе. Духота становилась невыносимой. Потъ струился съ меня ручьями, я чувствовалъ, что лишаюсь сознанія и облокотился на бортъ.

Какъ разъ въ этотъ моментъ съ востока пронеслось слабое дуновеніе, и, какъ слабый шопоть, пришло и ушло. Опущенные паруса не шелохнулись, но я почувствовалъ его на своемъ лицѣ и мнѣ стало легче.

— Поварокъ,—тихо позвалъ Волкъ Ларсенъ. Томасъ Могриджъ показалъ свое жалкое испуганное лицо.—Полѣзайте крѣпить кливера. Смотрите, хорошенько закрѣпите тросы и не напутайте. Если заварите кашу—это будетъ въ послѣдній разъ въ вашей жизни. Поняли?

— Мистеръ Ванъ-Вейденъ, мы сейчасъ пропустимъ на другую сторону паруса. Затѣмъ мигомъ полѣзайте наверхъ и уберите топсели; сдѣлать это надо какъ можно быстрѣе; увидите, что чѣмъ быстрѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ легче это будетъ для васъ. А если поварокъ будетъ задерживать, бейте его по глазамъ.

Я почувствовалъ въ его словахъ комплиментъ себѣ и былъ очень польщенъ тѣмъ, что его приказаніе не сопровождалось угрозой. Мы стояли носомъ къ сѣверо-западу и онъ хотѣлъ повернуть и поймать первые порывы вѣтра всѣми парусами.

— Вѣтеръ будетъ сбоку,—объяснилъ онъ мнѣ.—

Судя по послѣднимъ выстрѣламъ, лодки отнесло немного къ югу.

Онъ повернулся и пошелъ къ штурвалу. Я отправился на носъ и всталъ у кливеровъ. Пронеслось новое дуновеніе вѣтра. Паруса лѣниво шевельнулись.

— Слава Богу, она хотя не идетъ сразу, мистеръ Ванъ-Вейденъ!—лихорадочно воскликнулъ кокъ.

Я, дѣйствительно, былъ благодаренъ Богу, ибо къ этому времени я уже достаточно зналъ морское дѣло, чтобы понимать, что съ распущенными парусами намъ въ противномъ случаѣ грозило бы страшное бѣдствіе. Слабый шопоть вѣтра превратился въ слабые порывы, паруса надулись, и *Призракъ* двинулся съ мѣста. Ларсенъ круто повернулъ руль, главные паруса передвинулись на другую сторону. Я бросился на бушпритъ крѣпить кливера,—вѣтеръ былъ съ носа, и паруса отчаянно плескало. Мнѣ некогда было смотрѣть, что дѣлалось внизу, я только чувствовалъ, что *Призракъ* все сильнѣе и сильнѣе клевалъ носомъ. Когда я, наконецъ, вернулся на палубу, вѣтеръ сильно дулъ сбоку, и *Призракъ* быстро несся въ юго-западномъ направленіи. Сердце учащенно билось отъ напряженія, но отдохнуть было некогда—я быстро полѣзъ наверхъ и успѣлъ вовремя крѣпко связать топсели въ куклы. Затѣмъ, спустившись, я отправился за дальнѣйшими приказаніями. Волкъ Ларсенъ одобрительно кивнулъ головой и передалъ мнѣ штурвалъ. Вѣтеръ все время возрасталъ и море стало вздыматься все

выше и выше. Я правилъ цѣлый часъ и это съ каждымъ моментомъ становилось все труднѣе и труднѣе. У меня не было опыта править при такомъ вѣтрѣ, да еще боковымъ.

— Теперь отправляйтесь наверхъ съ биноклемъ и ищите лодки. Мы прошли по крайней мѣрѣ десять узловъ, а теперь дѣлаемъ по двѣнадцати или тринадцати въ часъ. Наша старуха умѣетъ хорошо ходить.

Я взобрался на верхнюю рею передней мачты— семьдесятъ пять футовъ надъ палубой. Когда я обводилъ биноклемъ разстилавшуюся подо мной водную поверхность, я понялъ, что намъ надо спѣшить, если хотимъ найти нашихъ людей. Глядя на огромныя волны, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы такія хрупкія суденышки могли бороться съ такимъ вѣтромъ и съ такими волнами.

Я не чувствовалъ всей силы вѣтра, потому что онъ былъ намъ попути; но съ своего высокаго наблюдательнаго поста я смотрѣлъ внизъ на *Призракъ* какъ бы со стороны и видѣлъ, какъ его очертанія рѣзко выдѣлялись на кипящихъ волнахъ и какъ онъ боролся за свою жизнь. Иногда онъ поднимался на верхушку огромной волны, затѣмъ вдругъ нырялъ въ пропасть, зарывая свои борты въ волны, и вся палуба, до самыхъ люковъ, покрывалась клокочущими потоками. Въ такіе моменты меня съ головокружительной быстротой бросало по воздуху, точно я держался за конецъ огромнаго маятника, перевернутаго своимъ нижнимъ концомъ вверхъ и дуга котораго, при большихъ качаніяхъ, опи-

сывала до семидесяти пяти футовъ и болѣе. Однажды, при такомъ головокружительномъ полетѣ, меня охватилъ ужасъ и я нѣкоторое время, уцѣпившись руками и ногами за мачту, сидѣлъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, совершенно не будучи въ состоянїи искать пропавшія лодки или видѣть что-либо, кромѣ того, что разъяренное море старалось поглотить *Призракъ*.

Но мысль о лодкахъ вдругъ заставила меня очнуться, и вскорѣ я совершенно забылъ о себѣ. Цѣлый часъ я не видѣлъ ничего, кромѣ пустынной поверхности океана. Но затѣмъ, когда случайный лучъ солнца освѣтилъ океанъ и превратилъ его поверхность въ сердитое, кипящее серебро, я замѣтилъ маленькую черную точку, на мгновеніе показавшуюся на горизонтѣ, и затѣмъ вновь исчезнувшую. Я терпѣливо ждалъ: опять крошечная черная точка появилась на серебряной поверхности въ двухъ румбахъ въ сторонѣ отъ нашего курса.

Я и не пробовалъ закричать, это было бы бесполезно, но сдѣлалъ Волку Ларсену знакъ рукой. Онъ повернулъ, и черная точка тотчасъ же показалось впереди насъ.

Она быстро увеличивалась, и я въ первый разъ понялъ всю быстроту нашего хода. Волкъ Ларсенъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я спустился внизъ, и, когда я подошелъ къ штурвалу, онъ объяснилъ, какъ подплыть къ лодкѣ.

— Вѣроятно всѣ силы ада обрушатся на насъ, — предупредилъ онъ меня, — но это ничего. Дѣлайте свое дѣло и слѣдите за тѣмъ, чтобы кокъ не отходилъ отъ кливеровъ.

Я отправился на бакъ, при чемъ то правый бортъ, то лѣвый попеременно скрывался подъ волнами. Указавъ Томасу Могриджу, что ему нужно было дѣлать, я полѣзъ нѣсколько футовъ по бушприту. Лодка была теперь уже совсѣмъ близко, и я ясно могъ разсмотрѣть, что она шла противъ вѣтра и тянула за собою свою мачту и парусъ, которые были выброшены за бортъ и превращены въ штормовой якорь. На ней было три человѣка. Каждая вздымающаяся волна скрывала ихъ изъ вида, и я каждый разъ съ тревогою ждалъ, что они уже больше не покажутся. Но затѣмъ лодка вдругъ снова показывалась на пѣнистомъ хребтѣ, при чемъ носъ ея былъ устремленъ къ небу, такъ что видно было все ея мокрое, темное днище и, казалось, что она стоитъ въ водѣ только своею кормою. Сидѣвшіе въ ней лихорадочно вычерпывали воду, затѣмъ лодка вдругъ сразу проваливалась въ открывавшуюся передъ нею пропасть, носомъ внизъ, и тогда была видна вся ея внутренняя сторона и корма, въ свою очередь, стоящая почти въ вертикальномъ положеніи. Казалось чудомъ, что лодка послѣ этого снова показывалась на поверхности.

Призракъ внезапно перемѣнилъ свой курсъ, уходя теперь отъ лодки, и я съ ужасомъ подумалъ, что Волкъ Ларсенъ рѣшилъ, что спасеніе невозможно. Затѣмъ я сообразилъ, что онъ собирается пріостановиться, и поскорѣе возвратился на палубу, чтобы быть готовымъ къ маневру. И, дѣйствительно, я почувствовалъ, что шхуна сперва пошла противъ вѣтра и быстро описала

широкую дугу. Но только, когда мы стали параллельно валамъ, на насъ обрушилась вся сила вѣтра (до сихъ поръ мы отъ него уходили). Къ несчастью, я не сознавалъ, насколько онъ силенъ, и когда его могучее дуновеніе ударило меня въ лицо, я чуть не задохнулся. Когда я взглянулъ вверхъ, я увидѣлъ, что прямо на насъ несется гигантская волна; она была уже надъ нашимъ бортомъ, прямо надо мною. Вдругъ она обрушилась на насъ; произошло нѣчто неожиданное. Меня словно ударило сразу по всему тѣлу, смяло, сорвало съ мѣста и я инстинктивно подумалъ, что меня сейчасъ снесетъ за бортъ. Мое тѣло безсильно носилось по волѣ воды, его переворачивало, вертѣло, ударяло о что-то, и, когда я открылъ ротъ, чтобы вздохнуть воздухъ, мои легкія наполнились водою. И въ то же время меня ни на мгновеніе не покидала мысль, что я долженъ убрать кливеръ. Страха смерти у меня не было, а вмѣсто него была полная увѣренность, что какъ-нибудь я выйду изъ опаснаго положенія. Вдругъ меня сильно бросило обо что-то и я, наконецъ, снова вдохнулъ воздухъ. Я попробовалъ встать, но ударился обо что-то головой и снова упалъ на четвереньки. Оказалось, что я попалъ подъ выступъ кормы. Я съ трудомъ вышелъ и вдругъ наткнулся на распростертое тѣло Томаса Могриджа; но мнѣ некогда было останавливаться—мнѣ надо было заняться кливеромъ.

Между тѣмъ казалось, что намъ пришелъ конецъ. Со всѣхъ сторонъ слышался трескъ и стукъ

ломавшася дерева, лязгъ желѣза, звуки разрывавшася полотна—казалось *Призракъ* разносило вдребезги. Отъ парусовъ передней мачты, которыхъ некому было убрать во-время, оставались одни клочки. По воздуху носились какіе-то обломки, со свистомъ извивались и сплетались веревки и канаты. И въ довершеніе всего на палубу свалилась одна изъ рей. Она упала недалеко отъ меня, но это какъ-будто только пришло ко мнѣ. Положеніе вѣроятно небезнадежно—вѣдь Волкъ Ларсенъ предсказалъ, что на насъ обрушатся всѣ силы ада. А вотъ и онъ—онъ напрягалъ всѣ свои чудовищные мускулы, собиралъ и связывалъ парусъ. Однако все это произошло въ какія-нибудь пятнадцать секундъ.

Мнѣ некогда было смотрѣть, что случилось со шлюпкой и я бросился къ кливеру. Онъ значительно ослабѣлъ и то надувался, то громко хлопалъ. Я схватился за тросъ и сталъ тянуть, что есть мочи, пока у меня кровь не выступила изъ-подъ ногтей. Я сдѣлалъ все, что могъ, но полотнище вдругъ съ громкимъ трескомъ разорвалось. Я схватился за слѣдующій кливеръ и вдругъ замѣтилъ, что работа пошла успѣшнѣе—около меня стоялъ Волкъ Ларсенъ и удерживалъ парусъ, пока я не увязалъ его въ куклу.

— Вяжите скорѣй и идемте.

Я послѣдовалъ за нимъ и замѣтилъ, что, несмотря на безпорядокъ, не видно было никакихъ слѣдовъ растерянности. *Призракъ* держался еще прекрасно. Хотя большинство парусовъ и унесло вѣтромъ, оставалось два нижнихъ марсея и они

давали ему возможность выдерживать бѣшеные удары вѣтра и волнъ. Въ двадцати футахъ отъ нашего борта прыгала шлюпка—онъ такъ удачно подошелъ къ ней, что, казалось, остается только подать ей линьки и быстро поднять ее на бортъ. На кормѣ находился Керфутъ, на носу Уфти-Уфти, а посрединѣ Келли. Насъ такъ яростно качало, что, казалось, мы вотъ-вотъ налетимъ на нее и раздавимъ своею тяжестью; но мнѣ удалось во-время подать линекъ канакѣ, а Волку Ларсену—Керфуту, шлюпка мигомъ отдѣлилась отъ поверхности воды, и всѣ трое прыгнули на палубу. Когда *Призракъ* качнулся въ противоположную сторону, шлюпка какъ-то сама очутилась на палубѣ и мы ее быстро перевернули вверхъ дномъ. Рука Керфута была въ крови, средній палецъ его былъ совершенно разможженъ, но онъ не подавалъ виду, что ему больно, и дѣятельно помогалъ намъ другою рукою.

Не успѣли мы это сдѣлать, какъ приказанія посыпались, какъ изъ рога изобилія; Уфти побѣжалъ къ фокъ-мачтѣ, Келли бросился крѣпить марсель гротъ-мачты, Керфутъ побѣжалъ узнать, что случилось съ кокомъ, а я забрался наверхъ, чтобы срѣзывать мѣшавшіе намъ, перепутавшіеся тросы. Самъ Ларсенъ своей характерной кошачьей походкой пошелъ къ штурвалу. Я не успѣлъ добраться до первой реи, какъ чудовищный порывъ вѣтра такъ прижалъ меня къ снастямъ, что даже если бы я не держался, я бы не могъ упасть; я взглянулъ внизъ: *Призракъ* стоялъ почти торчкомъ, мачты были параллельны по-

верхности океана, палубы не было видно—по ней перекатывалась волна, и двѣ мачты торчали прямо изъ воды. Все это продолжалось только нѣсколько секундъ и *Призракъ*, наконецъ, снова выпрямился. Съ высоты мачты я снова высматривалъ лодки. Полчаса спустя я увидѣлъ еще одну: она была перевернута и за нее отчаянно цѣплялись Горнеръ, толстый Луисъ и Джонсонъ. На этотъ разъ я оставался на мачтѣ и Ларсену удалось удачно подойти и приостановиться. Людямъ бросили концы и они, какъ обезьяны, взобрались по нимъ; когда же попытались поднять на бортъ лодку, то она ударилась объ него и пробила себѣ широкую пробоину. Мы все-таки крѣпко привязали ее, чтобы впослѣдствіи исправить аварію.

Призракъ снова нѣсколько разъ совершенно покрывался водою настолько, что не видно было даже штурвала, который высоко возвышался надъ палубой. Мнѣ нѣсколько разъ казалось, что *Призраку* больше не вынырнуть. Но затѣмъ снова показывался штурвалъ и за нимъ могучая фигура Волка Ларсена, увѣренно направлявшаго шхуну и боровшагося со штормомъ наподобіе сказочнаго бога. Казалось невозможнымъ, что крохотные, ничтожные люди способны вести свое хрупкое сооруженіе изъ дерева и холста и бороться съ такими чудовищными стихіями.

Часъ спустя, въ половинѣ шестого, когда уже надвигались сумерки, я замѣтилъ третью шлюпку. Она тоже перевернулась, но людей около нея не было видно. Волкъ Ларсенъ повторилъ обычный

маневръ, но на этотъ разъ мы прошли футахъ въ сорока отъ лодки.

— Лодка № 4,—крикнулъ Уфти-Уфти, острые глаза котораго успѣли замѣтить номеръ, когда лодка поднялась на гребень волны.

Это была лодка Гендерсона и вмѣстѣ съ нимъ погибли Голіокъ и Вильямсъ. Однако, оставалась лодка, и Волкъ Ларсенъ сдѣлалъ отчаянную попытку спасти ее. Когда я спустился на палубу, Горнеръ и Керфуть запротестовали противъ этой попытки.

— Чортъ возьми! Какой бы штормъ не вырвался изъ ада, я не дамъ ему украсть у меня лодку,—кричалъ Ларсенъ.—Мистеръ Ванъ-Вейденъ, станьте у борта съ Джонсономъ и Уфти, а остальные къ гротъ-мачтѣ! и живо, а не то я васъ живо направлю въ будущую жизнь!

Оставалось подчиняться. Насколько этотъ маневръ былъ опасенъ, я понялъ это только тогда, когда снова очутился подъ водой и спасся только тѣмъ, что изо всей силы уцѣпился за тросы у подножія гротъ-мачты. Все же меня и на этотъ разъ сорвало, стало бросать изъ стороны въ сторону и, наконецъ, выбросило за бортъ. Я не умѣлъ плавать, но черезъ нѣсколько мгновений новая волна бросила меня опять на палубу. Чья-то сильная рука удержала меня и, когда *Приаракъ* снова вынырнулъ, то оказалось, что меня спасъ Джонсонъ. Онъ съ тревогой смотрѣлъ вокругъ себя, ища Келли, который въ послѣдній моментъ подошелъ къ баку, но его уже не было. Лодку мы однако такъ и не подобрали. Но Волкъ

Ларсенъ сталъ упрямо кружить вокругъ этого мѣста, пока мы въ надвигающейся темнотѣ не наскочили на шлюпку и не разбили ее вдребезги.

Послѣ этого мы въ продолженіе двухъ часовъ работали, не покладая рукъ. Насъ было слишкомъ мало—два охотника, три матроса, Волкъ Ларсенъ и я. Пальцы мои были окровавлены, изъ-подъ ногтей брызгала кровь, я крѣпилъ тросы и слезы невольно капали изъ моихъ глазъ. Когда же все было сдѣлано, я въ полномъ изнеможеніи, какъ женщина, упалъ на палубу. Между тѣмъ изъ-подъ бака вытащили Томаса Могриджа и тутъ только я замѣтилъ, что кухни больше не было—тамъ, гдѣ она прежде стояла, было теперь пустое мѣсто. Мы всѣ собрались въ каютъ-компаніи, наскоро сварили кофе на небольшой печкѣ, выпили виски и закусили галетами. Все это казалось мнѣ необычайно вкуснымъ. Шхуну до того качало, что даже матросы принуждены были хвататься за что попало, чтобы не упасть. Иногда насъ такъ сильно накреняло, что мы кучкой стояли на стѣнѣ, между тѣмъ какъ полъ на мгновеніе изображалъ собою стѣну.

— Къ чорту вахту!—сказалъ Ларсенъ послѣ того, какъ мы закусили.—На палубѣ дѣлать нечего. Идите лучше всѣ спать.

Матросы отправились въ кубрикъ, предварительно выставивъ сторожевые огни; охотники остались на ночь въ каютѣ, такъ какъ трюма нельзя было открыть. Волкъ Ларсенъ и я кое-какъ отрѣзали у Керфута разможенный палець, зашили обрубокъ и перевязали его. Мог-

риджъ, который, несмотря ни на что, долженъ былъ слѣдить за печкой и прислуживать намъ, сталъ жаловаться на боли въ груди и клялся, что у него перебито, по крайней мѣрѣ, два ребра. Оказалось, что у него ихъ сломано три. Однако его пришлось оставить назавтра, потому что, прежде чѣмъ перевязать его, мнѣ нужно было подчитать немного анатомію.

— По-моему, не стоило жертвовать Келли ради разбитой лодки,—сказалъ я Волку Ларсену.

— Ну, Келли многого не стоилъ. Спокойной ночи.

Послѣ всего того, что произошло, при невыносимой боли въ концахъ пальцевъ, при дикихъ прыжкахъ *Призрака*, казалось бы, что спать было невозможно. Однако, я думаю, что заснулъ въ тотъ мигъ, какъ голова моя коснулась подушки.

Призракъ одинъ всю ночь боролся съ бурей...

XVIII.

На слѣдующій день, когда буря утихла, Волкъ Ларсенъ и я вспомнили все, что знали по анатоміи и хирургіи, и перевязали ребра Могриджу. Затѣмъ, когда море успокоилось, Волкъ Ларсенъ сталъ крейсировать взадъ и впередъ въ той части океана, гдѣ насъ застала буря, между тѣмъ, какъ на суднѣ чинили лодки и ставили на нихъ новые паруса и мачты. Мы встрѣчали не мало промысловыхъ шхунъ и подходили къ нимъ, ибо большинство изъ нихъ шли на поиски своихъ

пропавшихъ лодокъ и при этомъ подбирали также лодки и команды, которыя имъ не принадлежали.

Двѣ изъ нашихъ лодокъ съ людьми мы взяли съ *Циско*, и, къ великому удовольствію Волка Ларсена и къ моему глубокому огорченію мы забрали Смока съ Нельсономъ и Личемъ съ *Санъ-Діего*. Такимъ образомъ, къ концу пятаго дня оказалось, что у насъ недоставало только четырехъ человѣкъ,—Гендерсона, Голіюка, Вильямса и Келли,—и въ тотъ же день мы снова принялись за охоту.

Слѣдуя къ сѣверу, за стадомъ котиковъ, мы встрѣтились съ ужаснымъ морскимъ туманомъ. День за днемъ, лодки спускались въ воду и тотчасъ же исчезали изъ виду, поглощенные туманомъ, а мы въ опредѣленные промежутки времени трубили въ рогъ и каждая пятнадцать минутъ стрѣляли изъ сигнальной пушки. Лодки безпрестанно терялись, но затѣмъ снова находились; ибо на котиковыхъ промыслахъ было принято, чтобы шхуны, въ случаѣ нужды, подбирали и чужія лодки, и затѣмъ возвращали ихъ собственникамъ. Но Волкъ Ларсень, какъ и слѣдовало ожидать, очень нуждаясь въ лодкахъ и взявъ нѣсколько заблудившихся лодокъ, не отпустилъ ихъ и заставилъ людей охотиться вмѣстѣ съ *Призракомъ*. Одну команду онъ удержалъ тѣмъ, что охотника и его подручныхъ заставилъ молчать, приставивъ ружье къ ихъ груди, въ то время, когда ихъ капитанъ проходилъ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ *Призрака* и спрашивалъ, нѣтъ ли у насъ его людей.

Томасъ Могриджъ, съ такой цѣпкостью державшійся за жизнь, скоро снова былъ на ногахъ и принялся за свою двойную обязанность—кока и юнги. Джонсона и Лича бранили и били, какъ всегда, и они ждали конца охоты, не сомнѣваясь въ томъ, что вмѣстѣ съ нимъ придетъ и конецъ ихъ существованію; остальная часть команды жила по-собачьи и работала, какъ можно работать только у самаго безжалостнаго хозяина. Что касается Волка Ларсена и меня, то отношенія у насъ были довольно хорошія, хотя я никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что я обязанъ убить его. Я безпредѣльно имъ восхищался и такъ же безпредѣльно боялся его. Но я никакъ не могъ вообразить его мертвымъ. Въ немъ было столько выносливости и затѣмъ какая-то вѣчная юность, которая мѣшала представить его себѣ мертвымъ. Я могъ только вообразить его всегда живымъ, всегда повелѣвающимъ, убивающимъ и разрушающимъ все вокругъ себя, и переживающимъ всѣхъ.

Однажды, когда мы находились посреди стада и море было слишкомъ бурно, чтобы спустить лодки, ему пришла фантазія отправиться самому на охоту съ двумя подручными. Онъ былъ превосходный стрѣлокъ и привезъ съ собою множество шкуръ при такихъ условіяхъ, которыя сами охотники называли невозможными.

Казалось, что онъ просто наслаждался опасностью, возможностью держать собственную жизнь въ рукахъ и бороться за нее противъ всякихъ случайностей.

Я все больше и больше овладѣвалъ морскимъ искусствомъ, и однажды, въ ясный день, что случалось теперь очень рѣдко, я самъ управлялъ *Призракомъ* и собиралъ лодки. Волкъ Ларсенъ въ этотъ день страдалъ отъ припадка головной боли, и я съ утра и до вечера стоялъ у штурвала, крейсировалъ по океану, а вечеромъ подобралъ всѣ лодки безъ всякихъ указаній со стороны капитана.

Бури повторялись довольно часто—это было очень бурное море—и въ срединѣ іюня намъ пришлось встрѣтиться съ тайфуномъ, который остался особенно памятенъ для меня, потому что онъ внесъ большія измѣненія въ мою жизнь. Мы очутились почти въ центрѣ шторма и Волкъ Ларсенъ выбрался изъ него къ югу, сначала подъ одними кливерами, а потомъ вовсе безъ всякихъ парусовъ.

Я никогда не представлялъ себѣ такихъ огромныхъ волнъ. Тѣ, что мнѣ приходилось видѣть раньше, были ничтожны сравнительно съ этими; онѣ были чуть ли не въ полъ-мили длиною и поднимались вверхъ выше нашихъ мачтъ. Онѣ были такъ велики, что даже Волкъ Ларсенъ не отваживался остановиться, несмотря на то, что насъ отнесло къ югу далеко отъ стада.

Когда тайфунъ, наконецъ, утихъ, мы, къ великому изумленію охотниковъ, очутились въ центрѣ стада котиковъ; по ихъ словамъ это было второе стадо, нѣчто въ родѣ аріергарда, что встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Сейчасъ же раздалась команда: «спускай лодки», и затѣмъ цѣлый

день только и слышались ружейные выстрѣлы, и котиковъ убивали, убивали безъ конца.

Я только что окончилъ подсчетъ шкуръ на послѣдней лодкѣ, когда ко мнѣ подошелъ Личъ и тихо проговорилъ:

— Не можете ли вы мнѣ сказать, мистеръ Ванъ-Вейденъ, какъ далеко мы отъ берега и на какой долготѣ и широтѣ находится Иокогама?

Мое сердце забилося отъ радости, ибо я понялъ, что онъ задумалъ, и я далъ ему самыя точныя указанія: Иокогама находилась на сѣверо-западѣ, въ пятистахъ миляхъ отъ насъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—только и сказалъ онъ и отошелъ отъ меня.

На слѣдующее утро лодка № 3, а также Джонсонъ и Личъ исчезли. Боченки съ водою и ящикъ съ съѣстными припасами со всѣхъ прочихъ лодокъ тоже исчезли, точно такъ же какъ постельныя принадлежности и вещевыя мѣшки, принадлежавшіе этимъ двумъ матросамъ. Волкъ Ларсенъ страшно разсвирѣпѣлъ. Онъ поставилъ паруса и направился на сѣверо-западъ, при чемъ два охотника постоянно сидѣли на мачтахъ и разглядывали море въ бинокль, а самъ онъ, какъ разъяренный левъ, шагаль по палубѣ. Онъ прекрасно зналъ, что я сочувствую бѣглецамъ и потому не послалъ меня на мачту высматривать ихъ.

Вѣтеръ былъ попутный, но онъ дулъ порывами, и найти лодку въ синей безпредѣльности было такъ же трудно, какъ иглу въ стогѣ сѣна. Но онъ направилъ *Призракъ* такъ, чтобы очутиться между бѣглецами и землей, и затѣмъ сталъ крей-

сировать взадъ и впередъ тамъ, гдѣ долженъ былъ пролегать ихъ путь.

Утромъ на третій день Смокъ крикнулъ съ мачты, что онъ видитъ лодку. Всѣ бросились къ борту. Съ запада дулъ порывистый вѣтеръ и видно было, что онъ усилится; и вотъ на подвѣтренной сторонѣ, въ серебряной утренней дымкѣ, показалась черная точка.

Мое сердце было точно налито свинцомъ. Когда я увидѣлъ, какимъ торжествомъ засверкали глаза Ларсена, у меня явилось непреоборимое желаніе броситься на него. Меня до такой степени нервировала мысль о предстоящей дикой расправѣ съ Личемъ и Джонсономъ, что я почти терялъ разумъ. Я проскользнулъ въ «третій классъ», схватилъ заряженное ружье и сталъ уже подниматься наверхъ, когда вдругъ услышалъ испуганный крикъ.

— Въ лодкѣ пять человѣкъ!

Я стоялъ въ проходѣ, еле держась на ногахъ отъ возбужденія, пока это извѣстіе не подтвердилось. Тогда мои колѣни подломились и я упалъ, придя въ ужасъ отъ того, что я готовъ былъ сдѣлать. Положивъ ружье на мѣсто, я съ облегченіемъ вздохнулъ и вернулся на палубу.

Никто не замѣтилъ моего отсутствія. Лодка была уже достаточно близко, и мы могли разглядѣть, что она гораздо больше обыкновенной промысловой лодки и имѣетъ другія очертанія. Когда мы приблизились, на ней убрали парусъ и сняли мачту. Затѣмъ положили и весла и сидящіе въ ней ждали, чтобы мы взяли ихъ на бортъ.

Смокъ, который теперь уже спустился на палубу и стоялъ возлѣ меня, сталъ многозначительно посмѣиваться.

— Вотъ такъ штука!—хихикнулъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

Онъ снова хихикнулъ.

— Развѣ вы не видите, что тамъ на кормѣ, на днѣ? Пусть я никогда не застрѣлю ни одного котика, если это не женщина!

Я пристально вглядывался, но тутъ со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія. Въ лодкѣ, дѣйствительно, было четверо мужчинъ и одна женщина. Мы всѣ пришли въ страшное возбужденіе, за исключеніемъ Волка Ларсена, который, очевидно, былъ очень разочарованъ, что это была не ожидаемая лодка съ его двумя жертвами.

Мы убрали кое-какіе паруса, повернули поперекъ вѣтра и остановились. Нѣсколько ударовъ весель, и лодка пристала къ борту.

Я внимательно взглянулъ на женщину: она была одѣта въ длинное пальто, ибо утро было сырое, и я могъ видѣть только ея лицо и густыя пряди свѣтлокаштановыхъ волосъ, выбивавшіяся изъ-подъ морской фуражки, которой была покрыта ея голова. У нея были большіе, каріе и блестящіе глаза, выразительный ротъ и тонкія черты лица, хотя отъ солнца и рѣзкаго вѣтра кожа на немъ была совершенно красная.

Она мнѣ показалась существомъ изъ другого міра. Меня потянуло къ ней, какъ голоднаго къ хлѣбу—вѣдь я давно уже не видѣлъ женщины. Я почти оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Я совершенно

забылъ, гдѣ я нахожусь, забылъ свои боцманскія обязанности и не принималъ никакого участія въ поднятіи на бортъ новыхъ пришельцевъ. Когда одинъ изъ матросовъ поднялъ ее и передалъ въ руки Волку Ларсену, она посмотрѣла на наши любопытныя лица и улыбнулась такъ, какъ можетъ улыбаться только женщина—я такъ давно не видалъ подобной улыбки, что совершенно забылъ, что она существуетъ.

— Мистеръ Ванъ-Вейденъ!

Голосъ Волка Ларсена рѣзко вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія.

— Проведите, пожалуйста, эту даму внизъ и устройте ее. Приготовьте для нея свободную каюту. Пусть поварокъ уберетъ ее. И посмотрите, не можете ли вы что-нибудь сдѣлать для ея лица? Оно очень пострадало отъ непогоды.

Онъ круто повернулся и сталъ спрашивать новоприбывшихъ. Ихъ лодку бросили на произволъ судьбы, хотя одинъ изъ нихъ запротестовалъ, говоря, что это позоръ, потому что Юкогама совсѣмъ близко.

Когда я провожалъ внизъ женщину, я почувствовалъ необыкновенную робость. Я былъ удивительно неловокъ. Мнѣ казалось, что я въ первый разъ понялъ, какое женщина нѣжное и хрупкое существо; и, когда я подаль ей руку, чтобы помочь ей спуститься внизъ, я былъ пораженъ, до чего ея рука была мала и мягка. Хотя она дѣйствительно была очень гибка и нѣжна, но мнѣ она казалась такой воздушной и хрупкой, что я боялся, какъ бы ея рука не рассыпалась отъ моего прикосновенія.

— Вы не очень беспокойтесь изъ-за меня,— сказала она, когда я ее усадилъ въ кресло Волка Ларсена, которое я поспѣшно притащилъ изъ его каюты.—Мы сегодня утромъ каждую минуту ожидали увидѣть землю и къ вечеру мы, навѣрное, пристанемъ къ берегу, не правда ли?

Ея твердая вѣра въ такое скорое разрѣшеніе вопроса привела меня въ замѣшательство. Какъ могъ я объяснить ей положеніе вещей и рассказать про страшнаго человѣка, который бродилъ по морю, какъ Судьба—вообще все то, что я самъ узналъ только въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ? Но я честно отвѣтилъ ей.

— Если бы у насъ былъ другой капитанъ, то я сказалъ бы вамъ, что вы будете въ Йокогамѣ завтра. Но нашъ капитанъ странный человѣкъ, и я васъ прошу приготовиться къ всякимъ неожиданностямъ... рѣшительно ко всякимъ.

— Я васъ не понимаю,—проговорила она встревоженнымъ голосомъ, но безъ страха.—Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ всегда казалось, что людямъ, потерпѣвшимъ крушеніе, оказывается всяческое вниманіе? Вѣдь это же пустяки, мы такъ близко отъ берега.

— Право же я не знаю,—старался я ее увѣрить.—Я хотѣлъ только приготовить васъ къ худшему, если оно произойдетъ. Этотъ человѣкъ—звѣрь, дьяволъ, и никто не можетъ знать, какая фантазія можетъ взбрести ему въ голову.

Я говорилъ очень возбужденно, но она прервала меня и устало проговорила:

— Вотъ какъ...—Повидимому ей трудно было

думать, она еле держалась на ногахъ отъ изнеможенія.

Она больше ни о чемъ не спрашивала, и я ни о чемъ не распространялся и исполнять приказаніе Волка Ларсена, стараясь устроить ее какъ можно удобнѣе. Я хлопоталъ вокругъ нея, какъ гостепріимный хозяинъ. Досталъ успокаивающую примочку для ея обожженного лица, принесъ изъ собственной кладовой Волка Ларсена бутылку портвейна и сказалъ Томасу Могриджу, чтобы онъ приготовилъ каюту.

Вѣтеръ крѣпчалъ и, къ тому времени, когда каюта была готова, *Призракъ* уже весело танцевалъ по волнамъ. Я совершенно забылъ о существованіи Лича и Джонсона, какъ вдругъ раздался, какъ громовой ударъ, возгласъ: «лодка!» Это снова съ высоты мачты кричалъ Смокъ. Я бросилъ быстрый взглядъ на женщину, но она сидѣла въ креслѣ, устало откинувшись на его спинку и закрывъ глаза. Я не зналъ, слышала ли она, и рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не допустить, чтобы она видѣла предстоящую звѣрскую расправу съ бѣглецами, въ неизбѣжности которой я не сомнѣвался. Она очень устала. Что же, это хорошо; значить, она заснетъ.

Послышалась быстрая команда, затѣмъ топотъ ногъ по палубѣ, хлопаніе парусовъ, которые быстро перебрасывали на другую сторону. По мѣрѣ того, какъ *Призракъ* опускался и подымался, кресло, на которомъ сидѣла женщина, начало скользить по полу, и я подскочилъ какъ разъ во время, чтобы предупредить ея паденіе на полъ.

Ея глаза выразили только удивленіе, и она едва держалась на ногахъ и безпрестанно спотыкалась, пока я ее велъ въ ея каюту. Могриджъ насмѣшливо оскалилъ зубы, когда я ему приказалъ идти обратно въ кухню, и отомстилъ за себя тѣмъ, что распустилъ слухъ между охотниками, что я, оказалось, былъ отличнымъ дамскимъ кавалеромъ!

Она тяжело оперлась на меня и, вѣроятно, опять заснула, пока я ее велъ въ каюту. Это я понялъ, когда она вдругъ свалилась на койку, когда шхуна покачнулась. Она на мгновеніе очнулась, сонно улыбнулась и тотчасъ же снова уснула. Я оставилъ ее, предварительно укрывъ двумя матросскими одѣялами и положивъ подъ голову подушку, которую я взялъ съ койки Волка Ларсена.

XIX.

Когда я вышелъ на палубу, *Призракъ* лавировалъ противъ вѣтра, догоняя знакомую лодку, находившуюся прямо впереди него. Вся команда была наверху, потому что знала, что что-нибудь непременно случится, когда заберутъ на бортъ Джонсона и Лича.

Пробило четыре склянки. Луисъ пришелъ на ютъ, чтобы смѣнить рулевого. Въ воздухѣ чувствовалась сырость, и Луисъ былъ въ непромокаемомъ плащѣ.

— Что сейчасъ будетъ?—спросилъ я его.

— Судя по вѣтру будетъ веселенькій штормъ.

микъ, но небольшой. Будетъ и дождикъ, но тоже только помочить холсты.

— Скверно, что мы ихъ увидѣли,—сказаль я, и въ этотъ же моментъ носъ *Призрака* отбросило немного въ сторону большой волной, и лодка оказалась какъ разъ въ нашемъ полѣ зрѣнія.

Луисъ повернулъ штурвалъ и не сразу отвѣтилъ.

— Все равно, они бы никогда не достигли земли, сэръ.

— Вы такъ думаете?—спросилъ я.

— Да, я такъ думаю, сэръ... Вотъ, чувствуете?— Въ это время сильный порывъ вѣтра ударилъ по шкунѣ и слегка бросилъ ея носъ въ сторону. Луисъ быстро выправилъ ее, и затѣмъ продолжалъ:—Черезъ часъ море будетъ такимъ, что на немъ не удержаться такой яичной скорлупкѣ. Они должны благодарить Бога, что мы здѣсь и можемъ забрать ихъ на бортъ.

Волкъ Ларсенъ возвратился на ютъ; кошачья упругость его походки была замѣтнѣе, чѣмъ обыкновенно, и глаза его блестѣли жаднымъ огнемъ.

— Три смазчика и одинъ механикъ,—сказаль онъ обращаясь ко мнѣ.—Но мы можемъ сдѣлать изъ нихъ великолѣпныхъ матросовъ, а ужъ гребцовъ, во всякомъ случаѣ. Ну, а что мы сдѣлаемъ съ этой дамой?

Я не знаю почему, но я почувствовалъ, что меня точно кто-нибудь ударилъ ножомъ въ сердце, когда онъ упомянулъ о ней. Я подумаль, что съ моей стороны это нелѣпая щепетильность, но въ

то же время не могъ отдѣлаться отъ этого чувства, и въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

Волкъ Ларсея издалъ протяжный тихій свистъ.

— Какъ ее зовутъ?—спросилъ онъ.

— Я не знаю,—отвѣтилъ я.—Она спитъ. Она, очевидно, очень утомлена. Я, собственно, жду, чтобы вы сами мнѣ что-нибудь рассказали. Что это было за судно?

— Почтовый пароходъ,—отвѣтилъ онъ кратко,—*Городъ С-мъ-Франциско*, отправлявшійся изъ Санъ-Франциско въ Иокогаму. Потерпѣлъ аварію во время тайфуна. Это была старая калаша, и продырявилась, какъ рѣшето. Ихъ носило четыре дня по морю. И вы не знаете, кто она? Дѣвушка? Замужняя? Вдова? Ну, ну!..—Онъ насмѣшливо покачалъ головой и посмотрѣлъ на меня смѣющимися глазами.

— Вы...—началъ я. У меня готовъ былъ сорваться вопросъ, не собирается ли онъ доставить бѣглецовъ въ Иокогаму.

— Что я?—спросилъ онъ.

— Что вы собираетесь сдѣлать съ Личемъ и Джонсономъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Право, Гемпъ, я не знаю. Видите ли, благодаря этимъ новымъ людямъ у меня получается почти полная команда.

— А они достаточно побѣгали,—сказалъ я.—Почему бы вамъ не перемѣнить съ ними обращеніе? Возьмите ихъ на бортъ и будьте съ ними ласковѣе. То, что они сдѣлали, ихъ вынудили сдѣлать...

— Кто? Я?

— Да, вы,—твердо отвѣчалъ я.—И предупреждаю васъ, Волкъ Ларсенъ, что я могу забыть любовь къ собственной жизни въ стремленіи убить васъ, если вы зайдете слишкомъ далеко по отношенію къ этимъ бѣднякамъ.

— Bravo!—вскричалъ онъ.—Я начинаю гордиться вами, Гёмпъ! Теперь ужъ вы основательно стали на ноги. Вы теперь индивидуальность. Къ вашему несчастію, жизнь васъ до сихъ поръ баловала, но вы теперь развиваетесь и нравитесь мнѣ все больше и больше.

Его голосъ и выраженіе лица совершенно измѣнились. Лицо стало совершенно серьезно.

— Вы вѣрите въ обѣщанія?—спросилъ онъ.— По-вашему они священны?

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ заключимъ договоръ,—продолжалъ этотъ великолѣпный актеръ.—Если я обѣщаю вамъ не дотронуться ни однимъ пальцемъ до Лича и Джонсона, то обѣщаете ли вы въ свою очередь мнѣ, что вы не будете пытаться убить меня?.. Не думайте только, что я васъ боюсь,—поспѣшно прибавилъ онъ.

Я почти не вѣрилъ своимъ ушамъ. Что такое произошло съ этимъ человѣкомъ?

— Такъ идетъ?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

— Идетъ,—отвѣтилъ я.

Онъ протянулъ руку и я ее сердечно пожалъ, хотя въ ту же минуту, я готовъ въ этомъ поклясться, въ его глазахъ сверкнула дьявольская усмѣшка.

Мы пошли по юту на подвѣтренную сторону. Лодка была совсѣмъ ужъ близко и находилась въ отчаянномъ положеніи. Джонсонъ правилъ, Личъ вычерпывалъ воду. Мы нагоняли ихъ, дѣлая два фута въ то время, какъ они дѣлали одинъ. Волкъ Ларсенъ сдѣлалъ знакъ Луису, чтобы онъ повернулъ руль на нѣсколько румбовъ, и мы обошли лодку футахъ въ двадцати отъ нея. Мы закрыли ее собою отъ вѣтра, ея парусъ заплескался, она выпрямилась, такъ что Личу пришлось пересѣсть на другую сторону. Лодка остановилась и, когда насъ подняло на высокій гребень волны, она глубоко опустилась въ впадину между волнами.

Въ этотъ моментъ Личъ и Джонсонъ посмотрѣли на своихъ товарищей, которые всѣ столпились вдоль борта. Но всѣ молчали. Въ нашихъ глазахъ они были обречены, и между нами и ими была такая же пропасть, какъ между мертвыми и живыми.

Въ слѣдующій затѣмъ моментъ они очутились противъ юта, гдѣ находились въ то время Волкъ Ларсенъ и я. Мы въ это время опустились между волнами, а ихъ подняло на волну. Джонсонъ взглянулъ на меня, и я увидѣлъ, какъ измучено и истощено было его лицо. Я махнулъ ему рукой въ знакъ привѣтствія и онъ отвѣтилъ; но въ его движеніи была полная безнадежность и отчаяніе. Онъ словно прощался со мною. Я не видалъ глазъ Лича, ибо онъ смотрѣлъ на Волка Ларсена съ обычнымъ выраженіемъ непримиримой ненависти на лицѣ.

Лодка прошла дальше; ея парусъ надулся и она такъ накренилась, что, казалось, вотъ-вотъ пойдетъ ко дну. Надъ нею уже запынился гребень волны, какъ вдругъ она снова вынырнула; ее наполовину залило водой; Личъ послѣшно вычерпывалъ воду, а Джонсонъ налегъ на правильное весло; его лицо было бѣло, какъ полотно, и полно тревоги.

Волкъ Ларсенъ громко расхохотался и направился на ютъ. Я думалъ, что онъ сейчасъ отдастъ приказаніе повернуть *Призракъ*, но судно не измѣняло курса. Луисъ невозмутимо стоялъ у штурвала, но матросы, сбившись въ кучу, съ тревогой смотрѣли въ нашу сторону. А *Призракъ* двигался впередъ полнымъ ходомъ, и лодка виднѣлась уже какъ небольшая точка на горизонтѣ. Вдругъ Волкъ Ларсенъ громко отдалъ команду, и судно медленно стало поворачивать. Мы прошли обратно больше двухъ миль противъ вѣтра по направленію къ несчастной шлюпкѣ, затѣмъ спустили марсея. Охотничьи шлюпки не приспособлены для хода противъ вѣтра, но Личъ и Джонсонъ теперь поняли, что ихъ единственное спасеніе заключается въ томъ, чтобы вернуться на *Призракъ*; и они направились прямо къ намъ. Они съ трудомъ, медленно подвигались впередъ, и шальная волна каждую минуту могла опрокинуть ихъ; сколько разъ мы видѣли, какъ углая шлюпка поднималась на самый гребень волны и затѣмъ ее, какъ пробку, кидало назадъ сильнымъ порывомъ вѣтра.

Джонсонъ былъ превосходнымъ морякомъ и

онъ умѣлъ такъ же хорошо управлять маленькой шлюпкой, какъ и большимъ кораблемъ. Часа черезъ полтора они уже подплыли почти къ самой шхунѣ и уже собирались ухватиться за конецъ каната, свисавшій съ борта.

— Ну, что, раздумали бѣжать?—бормоталъ Волкъ Ларсенъ, стоя рядомъ со мною и обращаясь неизвѣстно къ кому, потому что они все равно не могли его слышать.—Хотите возвратиться на бортъ, а? Ну идите, идите, голубчики.

— Круто вправо,—крикнулъ онъ канакъ, который между тѣмъ успѣлъ замѣнить Луиса у штурвала.

Посыпался рядъ командъ; поднялись паруса; теперь мы шли по вѣтру, быстро прибавляя ходу, когда Джонсонъ, не думая объ опасности, пересѣкъ нашъ курсъ въ какихъ-нибудь ста футахъ отъ носа судна и спустилъ парусъ. Волкъ Ларсенъ снова расхохотался и сдѣлалъ ему знакъ рукою слѣдовать за нимъ. Я понялъ, что онъ играетъ ими и подумалъ, что онъ хочетъ, такимъ образомъ, задать имъ хорошій урокъ, вмѣсто того, чтобы основательно поколотить ихъ.

Джонсонъ быстро снова поставилъ парусъ и направился за нами. Что ему оставалось дѣлать? Все равно, рано или поздно, свирѣпыя волны должны были поглотить ихъ жалкую шлюпку.

— Теперь они чувствуютъ только предсмертную тоску,—прошепталъ мнѣ Луисъ, когда я направлялся на носъ провѣрить маневры парусовъ.

— Ну, онъ, навѣрное, опять повернетъ и приметъ ихъ на бортъ. Я думаю, что онъ хочетъ только проучить ихъ.

Луись лукаво посмотрѣлъ на меня.

— Вы такъ думаете?—спросилъ онъ.

— Ну, конечно! А вы, развѣ, нѣтъ?

— Я въ послѣднее время думаю только о томъ, чтобы моя шкура была цѣла,—отвѣчалъ онъ,— да еще развѣ о томъ, какъ странно все случается на свѣтѣ. Проклятое виски, послѣ котораго я нанялся на это судно, такъ же подвело меня, какъ подведетъ васъ та женщина, которая живетъ у васъ тамъ. Удивляюсь вамъ. Какой вы патентованный дуракъ!

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ я.

— Вы спрашиваете, что я хочу сказать? Это неважно. Вы лучше спросите, что дѣлается въ головѣ Волка Ларсена... Волкъ!.. говорю вамъ, Волкъ!..

— Послушайте... если что случится, вы меня поддержите?—неволью спросилъ я, такъ какъ онъ высказалъ только то, что тревожило меня самого.

— Поддержать васъ! Хорошо, если удастся поддержать самого себя, и то довольно. Игра у насъ только еще начинается, попомните мои слова!

— Я никогда не думалъ, что вы такой трусь...

Онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Если я не двину пальцемъ, чтобы помочь тѣмъ бѣднымъ дуракамъ,—сказалъ онъ, кивнувъ головой по направленію къ слѣдовавшей за нами шлюпкѣ,—то неужели вы думаете, что я согласенъ сломать себѣ голову ради женщины, которую я вижу въ первый разъ въ жизни?

Я съ презрѣніемъ отвернулся отъ него.

— Лучше уберите верхніе марсея, мистеръ Ванъ-Вейденъ,—сказаль Ларсенъ, когда я возвратился на корму.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ: ясно, что онъ не собирается бросить ихъ на произволь судьбы. Я быстро распорядился, но команда едва успѣвала вылетѣть изъ моихъ устъ, какъ матросы быстро летѣли исполнять ее. Волкъ Ларсенъ съ мрачной улыбкой наблюдалъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ злополучной шлюпки мы, наконецъ, остановились и стали ждать. Всѣ смотрѣли въ ея сторону, даже Ларсенъ, но онъ одинъ былъ вполне спокоенъ. Луисъ пристально всматривался въ даль и, при всемъ желаніи, не могъ скрыть своей тревоги.

Шлюпка мало-по-малу приближалась къ намъ; огромныя волны бросали ее изъ стороны въ сторону, то высоко подбрасывали ее, то вдругъ надолго скрывали ее за своими высокими гребнями. Казалось невѣроятнымъ, чтобы она не перевернулась. Вдругъ пошелъ дождь и скрылъ ее за своею завѣсою, а когда дождикъ кончился, то шлюпка снова показалась уже у самаго судна.

— Крѣпи паруса,—закричалъ Волкъ Ларсенъ, и самъ бросился къ штурвалу и круто повернулъ судно.

Призракъ снова какъ бы прыгнулъ въ сторону и пошелъ противъ вѣтра; Джонсонъ и Личъ еще въ продолженіе двухъ часовъ продолжали гнаться за нами. Мы то подплывали къ нимъ и останавливались, то убѣгали отъ нихъ; но за нами все время продолжалъ качаться на яростныхъ волнахъ ихъ

маленькій парусъ. Вдругъ, когда они были недалеко отъ насъ, они снова скрылись изъ виду за полосой дождя, и больше не появлялись. Когда прояснилось, на бурныхъ волнахъ больше не видно было паруса, но мнѣ показалось, будто я на мгновеніе увидѣлъ перевернутый киль на гребнѣ волны.

Матросы кучкой собрались у гротъ-мачты. Никто не уходилъ, всѣ молчали, даже не глядѣли другъ на друга. Всѣ были ошеломлены и какъ-будто вспоминали и соображали, что произошло. Но Волкъ Ларсенъ не далъ имъ долго думать. Онъ снова поставилъ судно на курсъ, но не по направленію къ Иокогамѣ, а по направленію къ стаду котиковъ. Но теперь работа шла вяло, нехотя, съ ругательствами, произносимыми вполголоса, сквозь стиснутые зубы. Только охотники не раздѣляли всеобщаго тяжелаго настроенія. Неистощимый Смокъ разсказалъ имъ новый анекдотъ, и они съ громкимъ хохотомъ спустились къ себѣ.

Когда я проходилъ мимо кухни, направляясь на ютъ, ко мнѣ подошелъ механикъ, котораго мы спасли. Лицо его было блѣдно и губы дрожали.

— Боже великій!—вскричалъ онъ,—куда это мы попали?

— У васъ есть глаза и вы видѣли,—отвѣтилъ я почти грубо, потому что мое собственное сердце сжималось отъ боли и страха.

— А какъ же ваше обѣщаніе?—сказалъ я Волку Ларсену.

— Я и не думалъ брать ихъ на бортъ, когда

давалъ вамъ свое обѣщаніе,—отвѣтилъ онъ.— И во всякомъ случаѣ вы должны согласиться, что я не дотронулся до нихъ ни однимъ пальцемъ.

Я ничего ему не отвѣтилъ. Я не могъ говорить, я былъ глубоко смущенъ. Мнѣ нужно было подумать и разобраться. Присутствіе этой женщины, которая до сихъ поръ спала въ каютѣ, налагало на меня особую отвѣтственность, и я ясно сознавалъ только одно, что я ничего не долженъ предпринимать поспѣшно, иначе моя помощь будетъ бесполезна.

XX.

Остатокъ дня прошелъ безъ всякихъ событій. Штормъ покачалъ и помочилъ насъ, и затѣмъ сталъ стихать. Три смазчика и механикъ, послѣ жаркаго обмѣна мнѣній съ Волкомъ Ларсеномъ, были снабжены матросскими принадлежностями изъ судовой лавки, распредѣлены гребцами и рулевыми къ разнымъ охотникамъ и отсланы на бакъ. Они отправились туда протестуя, но ихъ голоса звучали не слишкомъ громко. Они прониклись страхомъ къ Волку Ларсену, увидѣвъ то, что произошло на ихъ глазахъ, а то, что имъ затѣмъ рассказали на бакѣ, совершенно отбило у нихъ всякую охоту къ неповиновенію.

Миссъ Брюстеръ,—мы узнали ея имя отъ механика,—все спала и спала. За ужиномъ я просилъ охотниковъ говорить тише, чтобы не разбудить ея; вышла она къ намъ только на слѣдующее утро. Я хотѣлъ было, чтобы ей подавали обѣ-

дать въ ея каюту, но Волкъ Ларсенъ положилъ и на это свою тяжелую лапу.

— Кто она такая, что для нея нашъ столъ и общество недостаточно хороши?—спросилъ онъ меня, когда я ему сказалъ объ этомъ.

Но ея появленіе за столомъ произвело довольно забавное дѣйствіе. Охотники стали вдругъ молчаливы, какъ устрицы. Только Джонъ Горнеръ и Смокъ не смутились, украдкой бросали на нее любопытные взгляды и даже принимали участіе въ разговорѣ. Остальные четверо опустили свои глаза въ тарелки и усердно жевали, при чемъ ихъ уши двигались въ униссонъ съ челюстями.

Волкъ Ларсенъ вначалѣ говорилъ мало, отвѣчая только на вопросы, когда къ нему обращались. И не потому, что онъ былъ смущенъ. Ничуть не бывало. Но эта женщина была для него новымъ типомъ, совсѣмъ изъ другого міра; такихъ онъ еще не зналъ и съ большимъ любопытствомъ присматривался къ ней. Онъ изучалъ ее и почти не сводилъ глазъ съ ея лица, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда смотрѣлъ на ея руки или плечи. Я тоже изучалъ ее и, хотя я именно, главнымъ образомъ, и поддерживалъ разговоръ, но чувствовалъ себя немного смущеннымъ и не по себѣ. Онъ же былъ совершенно спокоенъ и вполне увѣренъ въ себѣ; его самоувѣренность была непоколебима, и его такъ же мало могла смутить женщина, какъ буря или битва.

— А когда же мы придемъ въ Іокогаму?—спросила она, повернувшись къ нему и глядя ему прямо въ глаза.

Такимъ образомъ, вопросъ былъ, наконецъ, поставленъ прямо. Челюсти перестали работать, уши перестали двигаться, и хотя глаза оставались устремленными въ тарелки, однако всѣ съ жадностью ожидали отвѣта.

— Мѣсяца черезъ четыре, а можетъ быть черезъ три, если сезонъ закончится рано,—отвѣтилъ Волкъ Ларсенъ.

Она съ испугомъ взглянула на него и нерѣшительно произнесла:

— Я... я думала... мнѣ сказали, что до Йокогамы одинъ день пути. Но это...—она запнулась и обвела глазами угрюмыя лица, уставившіяся въ тарелки.—Но это неправильно, такъ не поступають!—сказала она въ заключеніе.

— Этотъ вопросъ вы должны уладить съ мистеромъ Ванъ-Вейденомъ,—отвѣтилъ онъ, лукаво подмигнувъ мнѣ.—Мистеръ Ванъ-Вейденъ, можно сказать, авторитетъ въ этическихъ вопросахъ. Что касается меня, то я только морякъ и смотрю на дѣло съ совершенно другой точки зрѣнія. Возможно, что для васъ несчастіе, что вы должны оставаться съ нами, но для насъ это, конечно, большое счастье.

Онъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на нее. Она опустила глаза подъ его взглядомъ, но затѣмъ снова подняла ихъ и недовѣрчиво взглянула на меня. Я прочелъ въ нихъ молчаливый вопросъ: правда ли это? Но я рѣшилъ, что я долженъ оставаться по возможности нейтральнымъ и ничего не отвѣчалъ.

— Что вы скажете?—спросила она меня.

— Что для васъ это большое несчастье, въ особенности если у васъ есть дѣла, которыя требуютъ вашего присутствія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ. Но, такъ какъ вы сказали, что вы намѣревались путешествовать по Японіи для поправленія здоровья, то могу васъ увѣрить, что вы нигдѣ его такъ хорошо не поправите, какъ на борту *Призрака*.

Ея глаза вспыхнули отъ негодованія и на этотъ разъ я долженъ былъ опустить свои, и лицо мое все вспыхнуло подъ ея взглядомъ. Это было съ моей стороны малодушно, но что же я могъ сдѣлать?

— Мистеръ Ванъ-Вейденъ и въ этомъ отношеніи тоже авторитетъ,—со смѣхомъ сказалъ Волкъ Ларсенъ.

Я кивнулъ головой, и она, оправившись, по-видимому, соображала что-то про себя.

— Не скажу, чтобы ему и теперь было чѣмъ хвастаться,—продолжалъ Волкъ Ларсенъ;—но все же онъ удивительно поправился. Вы должны были видѣть его, когда онъ явился къ намъ. Болѣе жалкаго образчика человѣческаго существа трудно было себѣ представить. Не правдали, Керфутъ?

Это непосредственное къ нему обращеніе заставило Керфута выронить ножъ на полъ, и онъ только промычалъ что-то въ знакъ согласія.

— Онъ развилъ себя чистой картофеля и мытьемъ посуды. Не такъ ли, Керфутъ?

Тотъ въ отвѣтъ опять утвердительно промычалъ.

— Взгляните на него теперь. Правда, его нельзя назвать мускулистымъ, но все же у него теперь

мускуловъ гораздо больше, чѣмъ когда онъ явился къ намъ. У него также есть ноги, на которыхъ онъ стоитъ. Теперь этому какъ-будто трудно повѣрить, но онъ дѣйствительно совершенно не могъ стоять, когда явился къ намъ.

Охотники насмѣшливо хихикали, но она смотрѣла на меня съ сочувствіемъ и это вполнѣ меня вознаграждало за злыя выходки Волка Ларсена. Въ самомъ дѣлѣ, я такъ долго не видѣлъ ни откуда сочувствія, что былъ глубоко тронутъ, и съ этой минуты сталъ ея полнымъ рабомъ. Но я въ то же время разсердился на Волка Ларсена. Онъ своими насмѣшками бросалъ вызовъ моему мужеству, бросалъ вызовъ тѣмъ самымъ ногамъ, которыя, по его словамъ, имѣлись у меня исключительно благодаря ему.

— Я, можетъ-быть, научился стоять на собственныхъ ногахъ,—сказалъ я въ отвѣтъ.—Но мнѣ предстоитъ еще научиться топтать ими другихъ.

Онъ нагло взглянулъ на меня.

— Въ такомъ случаѣ ваше образованіе еще не закончено,—сказалъ онъ сухо и обратился къ ней.

— Мы очень гостепріимны на *Призракъ*. Мистеръ Ванъ-Вейденъ знаетъ это. Мы дѣлаемъ все, чтобы наши гости чувствовали себя какъ дома, не правдали, мистеръ Ванъ-Вейденъ?

— Да, вплоть до того, что даемъ имъ чистить картофель и мыть посуду,—отвѣтилъ я.—Не говоря уже о томъ, что мы душимъ ихъ за горло, такъ, просто изъ дружбы.

— Я прошу васъ не составлять о насъ ложнаго

впечатлѣнія по словамъ мистера Ванъ-Вейдѣна, — сказалъ онъ съ насмѣшливой озабоченностью. — Обратите вниманіе, миссъ Брюстеръ, что онъ носитъ кинжалъ за поясомъ, что совершенно... не въ обычаѣ для начальствующихъ лицъ на шхунахъ. Къ тому же, хотя мистеръ Ванъ-Вейденъ очень почтенный господинъ, но... какъ бы это сказать... онъ немного сварливъ, и къ нему приходится примѣнять иногда суровыя мѣры. Онъ вполне разсудителенъ и даже милъ въ свои спокойные моменты. Вотъ, сейчасъ онъ спокоенъ, но только вчера онъ грозился убить меня.

Все это было невозможно, возмутительно, я задыхался отъ оскорбленія, и мои глаза, конечно, вспыхнули. Онъ тотчасъ же это замѣтилъ.

— Вотъ посмотрите на него теперь. Онъ съ трудомъ сдерживаетъ себя въ нашемъ присутствіи. Онъ, вѣдь, совершенно не привыкъ къ дамскому обществу. Теперь мнѣ нужно вооружиться, прежде чѣмъ идти вмѣстѣ съ нимъ на палубу.

Онъ печально покачалъ головой и процепталъ:

— Нехорошо, ахъ, какъ плохо, — а охотники вдругъ разразились оглушительнымъ взрывомъ смѣха.

Грубый, громогласный, раскатистый хохоть этихъ людей въ небольшомъ пространствѣ каюты производилъ поистинѣ страшное впечатлѣніе. Все вокругъ было странно, дико и, глядя на эту странную женщину и соображая, какъ не соответствовала она всей нашей обстановкѣ, я впервые понималъ, что и самъ составляю неотъемлемую часть

этой обстановки. Я зналъ этихъ людей, зналъ ихъ несложную психологическую жизнь, зналъ ихъ принадлежать къ нимъ, живя вмѣстѣ съ ними промысловой жизнью, дѣля съ ними ихъ промысловую стoль и думая промысловыми мыслями. Для меня уже не были странны ни ихъ грубая одежда, ни ихъ грубыя лица, ни ихъ дикій смѣхъ, ни качающіяся стѣны каюты, ни раскачивающіяся морскія лампы.

Когда я намазывалъ масло на хлѣбъ, я случайно взглянулъ на свои руки. Кожа на нихъ потрескалась и воспалилась, пальцы распухли, ногти были окаймлены черной каймой. Я чувствовалъ, что шея моя обросла шерстью, что рукава моего пиджака были разорваны, что на воротѣ моей синей рубахи недоставало пуговицы. Кинжалъ, о которомъ упомянулъ Волкъ Ларсенъ, висѣлъ въ ножнахъ у моего пояса. Мнѣ казалось вполне естественнымъ, что я его носилъ, такъ я, до крайней мѣры, думалъ до сихъ поръ; теперь же, когда я взглянулъ на это ея глазами, я понялъ, до чего все это должно ей показаться страннымъ, необычнымъ.

Но она уловила насмѣшку въ словахъ Волка Ларсена и снова подарила меня сочувствующимъ взглядомъ. Но въ то же время видно было, что она растерялась. Ее еще больше сбивали съ толку эти насмѣшки.

— Меня, можетъ-быть, возьметъ какое-нибудь проходящее судно,—сказала она.

— Кромѣ промысловыхъ шхунъ мы не встрѣтимъ никакихъ другихъ суденъ,—отвѣтилъ Волкъ Ларсенъ.

— Но у меня нѣтъ платья и вообще ничего,—возразила она.—Вы, вѣроятно, не представляете себѣ, сэръ, что я не мужчина и что я не привыкла къ той бродячей, беззаботной жизни, какую, повидимому, ведете вы и ваши люди.

— Чѣмъ скорѣе вы привыкнете къ ней, тѣмъ лучше для васъ,—сказалъ онъ.—Я вамъ дамъ матерію, нитки и иголки; надѣюсь, что для васъ ужъ не будетъ такимъ большимъ трудомъ сдѣлать себѣ одно, два платья?

Она презрительно сжала губы, что должно было означать, что она не умѣетъ шить платья. Было ясно, что она испугалась, но что мужественно старается скрыть это.

— Я полагаю, что вы, подобно мистеру Ванъ-Вейдену, привыкли, чтобы для васъ все дѣлали другіе? Я же думаю, что если вы сдѣлаете кое-что для себя, то врядъ ли вы вывихнете себѣ руки. Кстати, чѣмъ вы зарабатываете свой хлѣбъ?

Она съ нескрываемымъ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Я не хочу васъ обидѣть, повѣрьте мнѣ. Люди ѣдятъ, слѣдовательно, они должны доставать средства на это. Вотъ эти люди, напримѣръ, охотятся на котиковъ, чтобы жить; я плаваю на этой шхунѣ, и мистеръ Ванъ-Вейденъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, зарабатываетъ свое пропитаніе, помогая мнѣ. А что дѣлаете вы?

Она пожала плечами.

— Вы сами себя кормите? Или кто-нибудь другой кормитъ васъ?

— Я боюсь, что другіе кормили меня большую

часть моей жизни,—сказала она со смѣхомъ, мужественно пытаясь отвѣтить въ духѣ его вопроса, хотя я видѣлъ въ ея глазахъ, когда она смотрѣла на Волка Ларсена, все возрастающій ужась.

— И я полагаю, что другіе приготавливали для васъ даже постель?

— Мнѣ приходилось и самой приготавливать себѣ постель,—отвѣтила она.

— Часто?

Она покачала головой съ грустной усмѣшкой.

— Знаете ли вы, что дѣлають съ бѣдными людьми въ штатахъ, когда они не работаютъ, чтобы прокормить себя?

— Я очень невѣжественна,—сказала она.—Что же дѣлають съ тѣми бѣдняками, которые не работаютъ, какъ я?

— Ихъ сажаютъ въ тюрьму. Ихъ преступленіе, заключающееся въ томъ, что они не зарабатываютъ себѣ на жизнь, называется бродяжничествомъ. Если бы я былъ мистеромъ Ванъ-Вейденомъ, который всегда разрѣшаетъ вопросы съ точки зрѣнія справедливости, то я бы спросилъ, справедливо ли, что вы живете, когда вы не дѣлаете ничего, чтобы заслужить свое существованіе?

— Но такъ какъ вы не мистеръ Ванъ-Вейденъ, то я могу и не отвѣчать; не такъ ли?

Въ ея испуганныхъ глазахъ мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, и мнѣ стало невыразимо жаль ее. Я долженъ былъ какъ-нибудь вмѣшаться въ разговоръ и перевести его на другую тему.

— Заработали ли вы когда-нибудь хоть долларъ собственнымъ трудомъ?—продолжалъ онъ съ торжествомъ въ голосъ, будучи заранѣе увѣренъ въ ея отвѣтъ.

— Да,—отвѣтила она медленно;—я чуть не расхохотался при взглядѣ на его вытянутое лицо.— Я помню, что уже когда мнѣ было только девять лѣтъ, отецъ какъ-то далъ мнѣ долларъ, чтобы я въ теченіе пяти минутъ посидѣла совершенно тихо.

Онъ снисходительно усмѣхнулся.

— Но это было давно,—продолжала она.— И врядъ ли вы можете потребовать отъ девятилѣтней дѣвочки, чтобы она зарабатывала свой хлѣбъ. Въ настоящее же время,—сказала она послѣ небольшой паузы,—я зарабатываю около тысячи восьмисотъ долларовъ въ годъ.

Всѣ глаза моментально поднялись съ тарелокъ и уставились на нее. На женщину, которая зарабатываетъ тысячу восьмисотъ долларовъ въ годъ, стоило посмотреть. Волкъ Ларсенъ не могъ скрыть своего восхищенія.

— Вы получаете жалованье или поштучную плату?—спросилъ онъ.

— Поштучную плату,—отвѣтила она быстро.

— Тысяча восьмисотъ долларовъ,—началъ высчитывать онъ,—это значитъ сто пятьдесятъ долларовъ въ мѣсяць. Ну, что жъ, миссъ Брюстеръ, для *Призрака* это вполне по средствамъ. Считайте, что вы получаете жалованье все время, пока будете съ нами.

Она ничего не отвѣтила. Она еще не привыкла

къ фантазіямъ этого человѣка, чтобы относиться къ нимъ съ должнымъ хладнокровіемъ.

— Я забылъ спросить васъ,—продолжалъ онъ ласково,—какого рода ваше занятіе. Что вы производите и какіе вамъ требуются матеріалы и инструменты?

— Бумага и чернила,—отвѣтила она со смѣхомъ.—Да! еще пишущая машина.

— Вы—Модъ Брюстеръ,—сказалъ я медленно и увѣренно, точно я обвинялъ ее въ какомъ-то преступленіи.

Она съ любопытствомъ посмотрѣла на меня.

— Откуда вы знаете?

— Развѣ это не такъ?—спросилъ я.

Она утвердительно кивнула головой. Теперь настала очередь Волка Ларсена удивляться. Ея имя ничего не говорило ему. Я былъ очень радъ, что оно кое-что говорило мнѣ, и въ первый разъ за все время своего пребыванія на шхунѣ, я почувствовалъ удовлетвореніе отъ признанія своего превосходства надъ нимъ.

— Я помню, что я однажды написалъ критическій разборъ небольшого томика...—началъ я небрежно, но она перебила меня.

— Вы?—вскричала она.—Значить, вы...

Она смотрѣла на меня широко раскрытыми отъ изумленія глазами.

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Гёмфри Ванъ-Вейденъ?—докончила она, и затѣмъ прибавила съ облегченіемъ, не сознавая, что этотъ вздохъ относится больше всего къ Волку Ларсену, я такъ рада...

— Я помню эту статью,—продолжала она послѣшно, понявъ вдругъ всю неловкость своего замѣчанія;—она была очень лестна для меня.

— Нисколько,—возразилъ я.—Вы этими словами понижаете значеніе моего искренняго убѣжденія. Къ тому же вы, конечно, помните, что всѣ мои коллеги-критики были того же мнѣнія, что и я. Развѣ Лангъ не назвалъ вашъ «Невольный Подѣлуй» однимъ изъ лучшихъ четырехъ стихотвореній, написанныхъ женщинами на англійскомъ языкѣ! Я могъ сказать о васъ только то, что думалъ. У меня имѣются всѣ семь томиковъ вашихъ стихотвореній и два тома очерковъ, которые ни въ чемъ не уступаютъ имъ по своимъ достоинствамъ. Я искренно считаю васъ самой крупной нашей поэтессой.

— Вы очень снисходительны, право,—прошептала она; и ея слова и тонъ, какимъ они были произнесены, все напоминало мнѣ о прежней жизни на другомъ концѣ міра, и заставило сладко забиться мое сердце; хотя въ то же время его охватила острая тоска по родинѣ.

— Такъ, значитъ, вы Модъ Брюстеръ,—сказалъ я торжественно, глядя на нее.

— А вы Гёмфри Ванъ-Вейденъ,—отвѣтила она тѣмъ же тономъ и такъ же пристально посмотрѣла на меня.—Какъ это все необыкновенно! Неужели ваше трезвое перо собирается писать романтическіе морскіе рассказы?

— Нѣтъ, повѣрьте, что я объ этомъ и не помышляю,—отвѣтилъ я.—У меня нѣтъ ни способностей, ни желанія приниматься за беллетристику.

— Скажите пожалуйста, почему вы всегда прятались въ Калифорніи?—спросила она.—Это было нехорошо съ вашей стороны. Вы такъ рѣдко появлялись въ Нью-Йоркѣ, слишкомъ рѣдко для нашего второго по значенію писателя!

Я поклонился и запротестовалъ противъ этого комплимента.

— Я чуть не встрѣтилъ васъ однажды въ Филадельфіи, гдѣ вы должны были читать о Браунингѣ. Къ сожалѣнію, мой поѣздъ опоздалъ на четыре часа.

Перебирая эти воспоминанія, мы совершенно забыли гдѣ мы, не замѣчая Волка Ларсена, молча сидѣвшаго и слушавшаго нашу болтовню. Охотники одинъ за другимъ ушли изъ-за стола и отправились на палубу, а мы все говорили и говорили. Остался только Волкъ Ларсенъ. Вдругъ я замѣтилъ его; онъ сидѣлъ у стола и съ любопытствомъ слушалъ нашъ, чуждый ему, разговоръ о томъ мѣрѣ, котораго онъ не зналъ.

Я остановился на полуфразѣ. Настоящее со всѣми его ужасами и опасностями вдругъ нахлынуло на меня съ страшной силой. Оно захватило также и миссъ Брюстеръ, и въ глазахъ ея снова появился ужасъ, когда она посмотрѣла на Волка Ларсена.

Онъ всталъ и неловко засмѣялся.

— О, не обращайтесь на меня вниманія,—сказалъ онъ, махнувъ рукой.—Продолжайте, продолжайте, прошу васъ.

Но наши уста уже сомкнулись, и мы тоже встали изъ-за стола и неловко засмѣялись.

XXI.

Огорченіе, которое почувствовалъ Волкъ Ларсенъ, когда въ разговорѣ мы съ миссъ Брюстеръ забыли о немъ, должно было какъ-нибудь вылиться, и козломъ отпущенія явился Томасъ Могриджъ.

Онъ остался такимъ же, какимъ былъ, точно такъ же какъ и его рубаха, хотя онъ и увѣрялъ, что перемѣнилъ ее. Но этого совершенно не было замѣтно, а грязь и сало на кухонной плитѣ и въ горшкахъ не указывали на то, чтобы у него появились болѣе чистоплотныя привычки.

— Я васъ предупреждалъ, поварокъ,—сказалъ Волкъ Ларсенъ,—а теперь вы должны принять лѣнство.

Лицо Могриджа поблѣднѣло подъ слоемъ грязи, и, когда Волкъ Ларсенъ позвалъ двухъ матросовъ и сказалъ, чтобы они принесли веревку, то несчастный кокъ вихремъ вылетѣлъ изъ кухни и забѣгалъ по палубѣ, стараясь увернуться отъ преслѣдовавшихъ его матросовъ. Ничто не могло бы доставить матросамъ большаго удовольствія, чѣмъ потянуть его немного на буксирѣ, ибо въ кубрикъ онъ посылалъ совершенно несъѣдобныя помои. Погода была вполнѣ благопріятна для такого эксперимента. Призракъ едва начался на волнахъ, дѣлая не больше трехъ миль въ часъ, и море было совершенно спокойно. Но Могриджа это не прельщало. Весьма возможно, что онъ уже раньше видѣлъ, какъ тянули на буксирѣ другихъ, и это зрѣлище не доставило ему никакого удовольствія. Къ тому же вода была страшно холодна.

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, охотники и вахтенные, отдохавшіе внизу, явились на палубу, какъ только узнали о предполагавшемся развлеченіи. Могриджъ, повидимому, смертельно боялся воды и выказалъ такую прыткость и ловкость, какой никто не могъ въ немъ предположить. Загнанный въ правый уголъ юта, онъ, какъ кошка, вскочилъ на крышу каюты и побѣжалъ къ кормѣ. Но матросы опередили его: тогда онъ повернулъ назадъ, снова пробѣжалъ по крышѣ и спустился на палубу по трапу. Затѣмъ онъ снова побѣжалъ, а за нимъ по пятамъ бѣжалъ Гэрисонъ. Но Могриджъ внезапно прыгнулъ вверхъ, схватился за снасти и повисъ на рукахъ. Все это случилось въ одинъ моментъ. Подбѣжалъ Гэрисонъ, но, получивъ ударъ прямо въ животъ, невольно застоналъ и упалъ на палубу.

Послышались рукоплесканія и взрывъ смѣха, а Могриджъ, избавившись отъ одного преслѣдователя, побѣжалъ обратно къ кормѣ. Онъ бѣжалъ такъ быстро, что, огибая уголъ каюты, онъ поскользнулся и упалъ. Въ это время у штурвала стоялъ Нильсонъ, кокъ полетѣлъ прямо ему подъ ноги и оба свалились на палубу; Могриджъ вскочилъ и побѣжалъ дальше, а Нильсонъ такъ и остался лежать со сломанной ногой. Его замѣнилъ у штурвала Парсонсъ, и преслѣдованіе продолжалось. Могриджъ бѣгалъ взадъ и впередъ, внѣ себя отъ страха; матросы неслись вслѣдъ за нимъ съ громкими криками, а охотники хохотали до упаду. На носу Могриджъ упалъ и на него навалились трое матросовъ; но онъ, какъ угорь, ускользнулъ

изъ-подъ нихъ; кровь текла у него изо рта, рубашка была изорвана въ клочки, но онъ вскочилъ на ноги, бросился къ снастямъ и быстро полѣзъ наверхъ, почти до верхушки мачты. Съ полдюжины матросовъ столпились на реяхъ, при чемъ два изъ нихъ, Уфти-Уфти и Блэкъ, полѣзли за нимъ дальше по тонкимъ стальнымъ канатамъ.

Это было довольно опасное предпріятіе, ибо имъ приходилось держаться только руками на высотѣ ста футовъ надъ палубой и при этомъ слѣдить за ногами кока, который брыкался, что было мочи, пока канакъ, держась одной рукой, другою не схватилъ его за ногу. Блэкъ вскорѣ схватилъ его за другую ногу. Тогда всѣ трое сплелись въ одинъ клубокъ и, борясь и скользя, почти упали на руки своихъ товарищей, ожидавшихъ ихъ на реяхъ.

Воздушная битва кончилась, и Томасъ Могриджъ хныча и крича что-то невнятное, съ кровавой пѣной на губахъ былъ, наконецъ, спущенъ на палубу. Волкъ Ларсенъ сдѣлалъ петлю на концѣ длинной веревки и надѣлъ ему ее подмышки. Затѣмъ кока отнесли на ютъ и бросили въ море. Отдали сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ футовъ веревки, и когда, наконецъ, Волкъ Ларсенъ крикнулъ: «будетъ!» Уфти потянулъ веревку, и кокъ всплылъ на поверхность.

Это было ужасное зрѣлище. Онъ не могъ утонуть, но испытывалъ всѣ страданія утопающаго. *Призракъ* шелъ очень медленно и, когда его корма поднималась на волну, она вытягивала бѣднягу на поверхность воды и давала ему возможность

вздохнуть; но затѣмъ она снова опускалась, веревка ослабѣвала и кокъ погружался въ воду.

Я совершенно забылъ о существованіи Модъ Брюстеръ и вспомнилъ о ней только тогда, когда она вдругъ подошла ко мнѣ. Это было ея первое появленіе на палубѣ, и оно было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ.

— Что за причина такого веселья?—спросила она.

— Спросите капитана Ларсена,—отвѣтилъ я спокойно и холодно, хотя вся моя кровь кипѣла при мысли о томъ, что ей приходится присутствовать при такомъ звѣрствѣ.

Она уже хотѣла послѣдовать моему совѣту и направилась къ Ларсену, когда ея взглядъ упалъ на Уфти-Уфти, стоявшаго прямо передъ нею съ концомъ натянутой веревки въ рукахъ.

— Вы ловите рыбу?—спросила она.

Онъ не отвѣтилъ. Его глаза, пристально устремленные въ море, вдругъ блеснули.

— Акула, сэръ!—закричалъ онъ.

— Тяните! Живо! Беритесь всѣ!—закричалъ Волкъ Ларсенъ и самъ первый схватился за веревку.

Могриджъ услышалъ крикъ канака и пронзительно завизжалъ. Я разглядѣлъ черный плавникъ, съ страшной быстротой подвигавшійся къ нему. Когда Могриджъ былъ уже прямо подъ нами, корма опустилась; черный плавникъ исчезъ на мгновеніе; затѣмъ вдругъ сверкнулъ бѣлый животъ съ открытой пастью, и акула сдѣлала прыжокъ. Почти также быстро подскочилъ и Ларсенъ, изо

всей силы дернувъ веревку. Тѣло кока выскочило изъ воды такъ же, какъ часть акулы. Онъ поджалъ ноги, и акула, какъ будто только коснувшись одной его ноги, упала обратно въ воду. Но отъ ея прикосновенія Томасъ Могриджъ громко закричалъ. Затѣмъ его вытащили на палубу, какъ свѣже пойманную рыбу. Палуба быстро покрылась кровью—правая нога несчастнаго была начисто отрѣзана у самой щиколки. Я взглянулъ на Модъ Брюстеръ. Ея лицо поблѣднѣло и глаза раскрылись отъ ужаса. Она смотрѣла не на Томаса Могриджа, а на Волка Ларсена. Онъ почувствовалъ это и съ короткимъ смѣхомъ сказалъ:

— Это мужская игра, миссъ Брюстеръ. Она нѣсколько грубѣе тѣхъ, къ которымъ вы привыкли, но все же это только мужская забава. Акула не идетъ въ счетъ. Она...

Но въ этотъ моментъ Могриджъ, который уже увидѣлъ, что у него нѣтъ одной ноги, подползъ къ Волку Ларсену и вонзился ему зубами въ ногу. Волкъ Ларсенъ спокойно нагнулся къ коку, надавилъ пальцами его челюсти пониже ушей, и онѣ тотчасъ же разжались.

— Я говорилъ,—продолжалъ онъ, какъ будто ничего не случилось,—что акула не идетъ въ счетъ. Она была какъ... какъ бы это сказать... ну, скажемъ, въ родѣ Провидѣнія.

Она сдѣлала видъ, что не слышала, но въ ея глазахъ появилось невыразимое отвращеніе, и она повернулась, собираясь уйти. Но она успѣла сдѣлать одинъ только шагъ, закачалась и протянула руку. Я подхватилъ ее и усадилъ ее на крышу

каюты. Я думалъ, что она тотчасъ же лишится чувствъ, но она превозмогла себя.

— Надо будетъ сдѣлать перевязку, мистеръ Ванъ-Вейденъ,—обратился ко мнѣ Ларсенъ.

Я колебался. Ея губы задвигались, и хотя она не могла произнести ни слова, въ глазахъ ея я ясно прочелъ просьбу.

— Пожалуйста,—наконецъ удалось ей шепнуть, и мнѣ оставалось только повиноваться.

Къ этому времени я сталъ такимъ ловкимъ хирургомъ, что Волкъ Ларсенъ далъ мнѣ только нѣсколько указаній и затѣмъ предоставилъ мнѣ полную свободу; я, съ помощью двухъ матросовъ, занялся раненымъ. Самъ же Ларсенъ взялся отомстить акулѣ. За бортъ спустили толстый крюкъ съ кускомъ солонины и, пока я перевязывалъ вены и артеріи, матросы вытаскивали на палубу страшное чудовище. Я его не видѣлъ, но мои помощники убѣгали одинъ за другимъ, чтобы взглянуть что происходитъ у гротъ-мачты. Акулу въ шестнадцать футовъ длины вытащили на палубу. Ей широко раздвинули челюсти, торчкомъ всадили въ пасть крѣпкую, заостренную съ обоихъ концовъ палку, такъ что челюсти не могли закрываться. Затѣмъ вырѣзали и вытащили крюкъ, и сильное, здоровое чудовище, осужденное на медленную, голодную смерть, бросили обратно въ море.

XXII.

Я зналъ, что она подойдетъ ко мнѣ. Я наблюдалъ, какъ она горячо о чемъ-то говорила съ ма-

шинистомъ; я сдѣлалъ ей знакъ и увелъ ее на такое разстояніе, гдѣ бы насъ не могъ слышать рулевой. Ея лицо было блѣдно и взволнованно; большіе глаза были широко раскрыты и пытливо смотрѣли въ мои. Я почувствовалъ, что я какъ-будто робѣю, ибо она пришла искать душу Гёмфри Ванъ-Вейдена, а у Гёмфри словно вытравиди душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ на *Призракъ*.

Мы подошли къ юту, и она вдругъ обернулась и снова посмотрѣла на меня. Я оглянулся вокругъ: никто не подслушивалъ и я спросилъ какъ можно мягче.

— Въ чемъ дѣло?—Но выраженіе рѣшительности не исчезло съ ея лица.

— Я готова вѣрить,—начала она,—что сегодняшнее событіе было чистѣйшей случайностью, но я только что говорила съ мистероомъ Гаскинсомъ, и онъ разсказалъ мнѣ, что въ тотъ день, когда насъ спасли и когда я была въ каютѣ, здѣсь утопили двухъ человѣкъ, не случайно, а нарочно—просто убили ихъ.

Въ ея голосѣ звучалъ вопросъ, и она строго посмотрѣла на меня, точно я самъ былъ по меньшей мѣрѣ соучастникомъ въ томъ, что случилось.

— То, что вамъ разсказали, совершенно вѣрно,—отвѣтилъ я.—Двухъ матросовъ, дѣйствительно, убили.

— И вы это допустили!—вскричала она.

— Я не могъ предотвратить этого,—отвѣтилъ я мягко.

— Но вы хоть пытались предотвратить это?—сказала она съ удареніемъ на словѣ пытались.

— О, нѣтъ, вы даже этого не сдѣлали,—поспѣшила она сказать, предвидя мой отвѣтъ.— Но почему вы этого не сдѣлали?

Я пожалъ плечами.

— Не забывайте, миссъ Брюстеръ, что вы новичекъ въ этомъ маленькомъ міркѣ, и что вы еще не понимаете его законовъ. Вы принесли съ собою прекрасныя идеи о гуманности, о мужествѣ и достойномъ поведеніи и тому подобное; но здѣсь вы убѣдитесь, что онѣ никуда не годны. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось придти къ этому убѣжденію,—прибавилъ я съ невольнымъ вздохомъ.

Она недовѣрчиво покачала головою.

— Что же по вашему нужно сдѣлать?—спросилъ я.—Вы хотите, чтобы я взялъ ножъ, или ружье, или топоръ и убилъ этого человѣка?

Она испуганно отступила назадъ.

— О нѣтъ, только не это!

— Что же, въ такомъ случаѣ? Убить самого себя?

— Вы говорите только о физическомъ воздѣйствіи, возразила она.—Но есть, вѣдь, такая вещь, какъ нравственное мужество, и оно никогда не остается безъ вліянія...

— А,—улыбнулся я.—Значить вы совѣтуете мнѣ не убивать ни его, ни себя, а предоставить ему убить меня.—Она хотѣла возразить, но я остановилъ ее жестомъ руки.—Ибо нравственное мужество здѣсь ничто. Личь, одинъ изъ убитыхъ, обладалъ въ высокой степени нравственнымъ мужествомъ. Точно такъ же и другой утопленный, Джонсонъ. Но оно не только не помогло имъ, но

привело ихъ къ гибели. То же самое будетъ и со мною, если я стану проявлять то небольшое мужество, которое во мнѣ есть. Вы должны понять миссъ Брюстеръ, что этотъ человѣкъ—чудовище. У него нѣтъ совѣсти. Для него нѣтъ ничего священнаго и нѣтъ такой ужасной вещи, на которую онъ не былъ бы способенъ. Только благодаря его капризу я занимаю первое мѣсто на суднѣ, и только благодаря его капризу я еще живъ. Я ничего не дѣлаю и ничего не могу сдѣлать, ибо я рабъ этого чудовища, точно такъ же, какъ и вы теперь его раба; рабъ потому, что я хочу жить, какъ и вы хотите жить, и потому что я не могу побѣдить его, точно такъ же, какъ и вы не можете побѣдить его.

Она молчала, ожидая, чтобы я продолжалъ.

— Что же остается? Моя роль—роль слабаго. Я молчу и терплю униженія, точно такъ же какъ и вы теперь должны молчать и терпѣть униженія. И это все, что мы можемъ дѣлать, если хотимъ жить. Побѣда не всегда достается сильному. У насъ нѣтъ достаточно силы, чтобы открыто бороться съ этимъ человѣкомъ; мы должны притворяться и побѣдить его, если вообще возможно его побѣдить, хитростью. Это единственный совѣтъ, который я могу вамъ дать. Я знаю, что мое положеніе очень опасно, но долженъ чистосердечно сказать, что ваше еще опаснѣе. Мы должны дѣйствовать заодно, но не показывая виду, тайно. Я не могу открыто стать на вашу сторону, какимъ бы униженіямъ васъ ни подвергали, точно такъ же, какъ вы должны молчать, что бы ни случилось

со мною. Нельзя раздражать этого человѣка и нельзя противиться его волѣ. Мы должны всегда улыбаться ему и выказывать ему дружеское расположеніе, какъ бы намъ это ни было противно.

Она съ недоумѣніемъ провела рукой по лицу и сказала:—Я все же васъ не совсѣмъ понимаю...

— Вы должны поступать такъ, какъ я вамъ говорю,—авторитетно перебилъ я ее, ибо я видѣлъ, что Волкъ Ларсенъ уже смотритъ на насъ.—Дѣлайте, какъ я говорю, и вы вскорѣ убѣдитесь, что я правъ.

— Что же мнѣ въ такомъ случаѣ дѣлать?—спросила она, замѣтивъ мой тревожный взглядъ.

— Избавьтесь отъ того нравственнаго мужества, которое есть у васъ,—быстро сказалъ я.—Не возбуждайте злобу въ этомъ человѣкѣ. Относитесь къ нему дружелюбно, говорите съ нимъ, спорьте объ искусствѣ и литературѣ, онъ это очень любить. Вы найдете въ немъ интереснаго слушателя и далеко неглупаго собесѣдника. И ради собственной пользы старайтесь избѣгать, насколько возможно, присутствовать при всевозможныхъ жестокостяхъ, которыя совершаются на этомъ суднѣ. Это облегчитъ вамъ вашу роль.

— Значитъ, я должна лгать,—сказала она съ возмущеніемъ,—лгать словами и дѣломъ?

Волкъ Ларсенъ отошелъ отъ Латимера, съ которымъ до сихъ поръ разговаривалъ, и направился къ намъ. Я былъ въ отчаяніи.

— Пожалуйста поймите меня,—сказалъ я поспѣшно, понижая голосъ.—Весь вашъ опытъ и знаніе людей совершенно не пригодны здѣсь.

Вы должны начать сначала. Я знаю—я вижу это—вы можете управлять людьми съ помощью вашихъ глазъ и дѣйствовать такъ, чтобы ваше нравственное мужество проявляло себя въ нихъ, ибо вы уже покорили меня своими глазами и заставляли меня дѣйствовать своимъ взглядомъ. Но не пробуйте силу вашихъ глазъ на Волкѣ Ларсенѣ. Вы скорѣе могли бы укротить льва, въ то время какъ онъ будетъ только смѣяться надъ вами. Онъ скорѣе... Я всегда гордился тѣмъ, что открылъ его...—сказалъ я, сразу перемѣнивъ разговоръ, такъ какъ Волкѣ Ларсенъ уже подходилъ къ намъ...—издатели боялись его и никто не хотѣлъ его принимать. Но я зналъ, что онъ талантливъ и остальные пришли къ тому же заключенію, когда появилась его великолѣпная «Кузница».

— Эта поэма впервые появилась въ газетѣ,—сказала она вполнѣ естественнымъ тономъ.

— Да, но это было случайно,—отвѣтилъ я,—потому что ни одинъ издатель журнала не захотѣлъ даже взглянуть на нее.

— Мы говоримъ о Гаррисѣ,—сказалъ я Волку Ларсену, когда онъ подошелъ къ намъ.

— Неужели? Я помню его «Кузницу». Въ ней много очень красивыхъ чувствъ и огромная вѣра въ человѣческія иллюзіи. Кстати, мистеръ Ванъ Вейденъ, вы бы лучше взглянули на кока. Онъ что-то стонетъ и жалуется.

Но оказалось, что меня попросту услали съ юта, ибо я нашелъ Могриджа, крѣпко спавшимъ подъ вліяніемъ морфина, который я далъ ему. Я не спѣшилъ возвращаться на палубу, но, когда

я возвратился, то почувствовалъ удовлетвореніе, увидѣвъ миссъ Брюстеръ, оживленно разговаривавшую съ Волкомъ Ларсеномъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было немного непріятно, что она оказалась способной сдѣлать то, о чемъ я ее просилъ и что ей самой, повидимому, это нравилось.

XXIII.

Дуль свѣжій вѣтеръ, и *Призракъ* быстро несся къ сѣверу, къ стаду котиковъ. Мы встрѣтили стадо у сорокъ четвертой параллели. Море было бурно и его покрывалъ густой туманъ. Иногда мы по нѣскольку дней не видѣли солнца и не могли дѣлать никакихъ наблюденій; затѣмъ вѣтеръ разгонялъ туманъ, поверхность океана снова блестяла передъ нами, волны вздымались и шумѣли, и мы снова узнавали, гдѣ мы находимся. Хорошая погода держалась дня два, три, и затѣмъ густой туманъ снова обволакивалъ насъ.

Охотиться при такихъ условіяхъ было чрезвычайно опасно; все же лодки каждый день спускались въ воду и тотчасъ же исчезали въ сѣрой мглѣ, и мы ихъ не видѣли до самой ночи, когда онѣ одна за другой вдругъ выползали изъ тумана, какъ морскія привидѣнія. Вэнрайтъ,—тотъ охотникъ, котораго Ларсенъ похитилъ вмѣстѣ съ его лодкой и людьми—воспользовался этой сумрачной погодой и бѣжалъ. Въ одно прекрасное утро, онъ исчезъ въ туманѣ вмѣстѣ со своими людьми, и мы его больше не видали. Впослѣдствіи мы узнали, что они попали на какую-то шхуну, затѣмъ нѣ-

сколько разъ переходили съ одной шхуны на другую, пока, наконецъ, не нашли свою.

Я рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, но все не было случая. Бодману не приходилось отправляться со шлюпками и, несмотря на всѣ мои хитрые подходы, Волкъ Ларсенъ ни разу мнѣ этого не позволилъ. Такъ мнѣ и не удалось бѣжать и увести съ собою миссъ Брюстеръ. Между тѣмъ я съ ужасомъ думалъ о нашемъ положеніи и о будущемъ, старался отогнать мысли о немъ, но онѣ упорно возвращались гнетущія, какъ кошмаръ.

Въ свое время я прочелъ не мало романовъ изъ морской жизни, въ которыхъ описывалась женщина, окруженная исключительно мужчинами. Однако я никогда не представлялъ себѣ достаточно ярко всю трудность ея положенія при подобныхъ обстоятельствахъ. А теперь я видѣлъ это воочию. Если она не терялась, если мужественно глядѣла впередъ, то только потому, что это была такая необыкновенная женщина, какъ Модъ Брюстеръ. Трудно было себѣ представить человѣка въ болѣе неподходящей обстановкѣ. Она была вся такая хрупкая, воздушная, такая свѣтлая и граціозная; мнѣ казалось, что она даже не ходитъ, какъ прочіе люди, а словно плыветъ въ воздухѣ, и, когда она приближалась ко мнѣ, мнѣ казалось, что ко мнѣ на безшумныхъ крыльяхъ подлетала птичка.

Она походила на изящную бездѣлушку изъ дрезденскаго фарфора, которая при малѣйшей неосторожности можетъ разбиться. Я никогда

раньше не видѣлъ такого полнаго соотвѣтствія между тѣломъ и духомъ. Критики говорили, что ея стихи возвышенны и духовны; таково же было и ея тѣло; оно казалось частью ея души, казалось связаннымъ съ земною жизнью самыми хрупкими узами.

Она представляла собою яркій контрастъ съ Волкомъ Ларсеномъ. Однажды утромъ я увидѣлъ ихъ гуляющими по палубѣ, и мнѣ пришла въ голову мысль, что они стоятъ на противоположныхъ концахъ человѣческой эволюціи, при чемъ онъ представлялъ собою кульминаціонный пунктъ дикости и звѣрства, а она—лучшее произведеніе утонченной культуры. Правда Волкъ Ларсенъ обладалъ необыкновенно сильнымъ интеллектомъ; но онъ служилъ ему исключительно для оправданія его звѣрскихъ инстинктовъ и поэтому дѣлалъ его еще болѣе страшнымъ звѣремъ. У него была великолѣпная мускулатура, онъ шагаль съ увѣренностью сильнаго человѣка, тѣмъ не менѣе его походка не была тяжела. Въ томъ, какъ онъ поднималъ и опускалъ ногу, чувствовалась дикость и примитивность. Онъ ступалъ мягкой, какъ у кошки, и въ то же время сильной, увѣренной походкой. Я бы сравнилъ его съ большимъ тигромъ, животнымъ храбрымъ и хищнымъ. Острый, сверкающій взглядъ, который по временамъ виднѣлся въ его глазахъ, вполне походилъ на подобный же взглядъ запертыхъ въ клѣткѣ леопардовъ и другихъ хищныхъ звѣрей.

Но сегодня я замѣтилъ, когда они ходили по палубѣ, что она какъ-будто водила его за собой.

Они подошли къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ у входа на шканцы, и, хотя она внѣшнимъ видомъ не выдала себя, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что она очень взволнована. Она сказала нѣсколько незначительныхъ словъ, глядя на меня и довольно спокойно улыбнулась; но я видѣлъ, что ея глаза невольно останавливались на немъ съ выраженіемъ затаеннаго ужаса.

Въ его глазахъ я увидѣлъ причину ея смущенія. Обыкновенно сѣрые, холодные и жестокіе, теперь они были золотистаго оттѣнка и въ нихъ свѣтилась теплота и мягкость. Они точно испускали сіяніе. Но въ то же время они такъ ясно молили, молили и приказывали, такъ ясно въ нихъ чувствовалось волненіе крови, что ни одна женщина, а тѣмъ болѣе Модъ Брюстеръ, не могла бы не понять.

Ея ужасъ передался мнѣ, и въ этотъ ужасный моментъ,—самый ужасный, какой только можетъ испытать мужчина—я понялъ какими-то неисповѣдимыми путями, что она дорога мнѣ. Сознаніе, что я люблю ее, наполнило меня еще большимъ ужасомъ. Сердце мое сжалось, и кровь застыла въ жилахъ, но въ то же время что-то заставило меня, помимо моей воли, отвѣтить взглядомъ на взглядъ Ларсена. Онъ тотчасъ же пришелъ въ себя. Золотыя искорки мигомъ потухли въ его глазахъ. Они стали снова сѣрыми и холодными и онъ слегка поклонился и ушелъ.

— Я боюсь...—прошептала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Я такъ боюсь!

Я тоже былъ испуганъ и ошеломленъ своимъ

двойнымъ открытіемъ, но я постарался отвѣтить какъ можно спокойнѣе.

— Все обойдется, миссъ Брюстеръ. Повѣрьте мнѣ, что все уладится.

Она отвѣтила мнѣ благодарной улыбкой и стала спускаться въ каюту.

Я долгое время стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она оставила меня. Я чувствовалъ настойчивую потребность разобраться въ себѣ и сообразить все значеніе неожиданно произошедшей во мнѣ перемѣны. Ко мнѣ пришла, наконецъ, любовь; пришла тогда, когда я меньше всего ее ждалъ и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Моя філософія, конечно, всегда признавала неизбѣжность любовнаго призыва, и это должно было случиться рано или поздно; но благодаря тому, что я все свое время посвящалъ только книгамъ, любовь застала меня врасплохъ и неподготовленнымъ къ ней. Модъ Брюстеръ! Я вспомнилъ ея первый томикъ, лежавшій на моемъ письменномъ столѣ и затѣмъ цѣлый рядъ маленькихъ томиковъ на полкѣ въ моей библіотекѣ. Какъ я радостно привѣтствовалъ появленіе каждаго изъ нихъ! но теперь ихъ мѣсто было въ моемъ сердцѣ.

Въ моемъ сердцѣ? Мнѣ это вдругъ показалось невѣроятнымъ. Я постарался взглянуть на самого себя со стороны. Возможно ли, чтобы Гёмфри Ванъ-Вейденъ, «холодная рыба», «безчувственное чудовище» и «аналитическій демонъ», какъ меня называлъ Фурусэтъ, возможно ли, чтобы онъ былъ влюбленъ? И затѣмъ, безъ всякой послѣдовательности мысли, я вдругъ почему-то вспомнилъ ма-

ленькую біографическую замѣтку о ней и сказалъ себѣ: «она родилась въ Кембриджѣ и ей двадцать семь лѣтъ». Но свободна ли она? Мое сердце вдругъ сжалось отъ совершенно новаго для меня чувства—ревности и у меня ужъ больше не было никакихъ сомнѣній: да, я дѣйствительно влюбленъ. И женщина, которую я люблю—Модъ Брюстеръ!

Затѣмъ на меня снова напало сомнѣніе. Не потому, что я боялся любви, или не хотѣлъ ея. Наоборотъ, я былъ большимъ идеалистомъ, и по моей философіи любовь была цѣлью и вершиной существованія, самой высшей радостью и счастьемъ въ жизни человѣка, и ее слѣдовало привѣтствовать и открывать для нея свое сердце. Но теперь, когда она пришла, я не могъ повѣрить. Неужели и мнѣ дано такое счастье? Это было слишкомъ, слишкомъ хорошо, чтобы быть правдой. Я давно рѣшилъ, что это величайшее счастье не для меня, и поэтому, хотя я былъ всегда окруженъ женщинами, я привыкъ смотрѣть на нихъ только съ эстетической точки зрѣнія. Временами я смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, который находится внѣ сферы любви, какъ на монаха, недоступнаго для страстей, которыя я такъ хорошо видѣлъ и понималъ въ другихъ. И теперь страсть пришла и ко мнѣ, пришла тогда, когда я не мечталъ о ней и не звалъ ее. Въ состояніи, близкомъ къ экстазу, я оставилъ свой постъ у входа на шканцы и пошелъ по палубѣ, бормоча прекрасные стихи Браунинга, ослѣпленный, ничего не замѣчая вокругъ себя. Рѣзкій голосъ Волка Ларсена вывелъ меня изъ задумчивости.

— Какого чорта вы тутъ дѣлаете?—спросилъ онъ.

Я пришелъ прямо на носъ, гдѣ матросы красили что-то и чуть-чуть не перевернулъ ведро съ краской.

— Что вы, спятили что ли, или васъ хватилъ солнечный ударъ?—рѣзко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, просто разстройство желудка,—отвѣтилъ я и продолжалъ свою прогулку, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

XXIV.

Тѣ событія, которыя произошли на *Призракъ* въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней послѣ сдѣланнаго мною открытія, что я люблю Модъ Брюстеръ, принадлежать къ числу наиболѣе яркихъ воспоминаній моей жизни. Я прожилъ всю жизнь спокойно и безмятежно, и только къ тридцати пяти годамъ попалъ въ такую ломку. Въ то же время въ моихъ ушахъ звучитъ горделивый голосъ, который говоритъ мнѣ, что я вель себя не такъ ужъ дурно, принимая во вниманіе обстоятельства..

Началось съ того, что во время обѣда Волкъ Ларсенъ заявилъ охотникамъ, что отнынѣ они будутъ обѣдать въ трюмѣ. Это была неслыханная вещь на промысловой шхунѣ, гдѣ охотники обычно стояли на равной ногѣ съ хозяиномъ судна. Онъ не объяснилъ причины, но она была очевидна. Горнеръ и Смокъ разыгрывали галантныхъ кавалеровъ по отношенію къ Модъ Брюстеръ, и, какъ

ни смѣшна и безобидна была эта галантность, она очевидно была для него невыносима.

Его заявленіе было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ, хотя остальные четыре охотника многозначительно посмотрѣли на тѣхъ двухъ, которые являлись причиной ихъ изгнанія. Горнеръ, какъ всегда, сохранилъ самый невозмутимый видъ; но Смоку кровь бросилась въ лицо, и онъ уже открылъ ротъ, чтобы сказать что-то. Но Волкъ Ларсенъ слѣдилъ за нимъ съ стальнымъ блескомъ въ глазахъ, и Смокъ закрылъ ротъ, не сказавши ни слова.

— Вы хотѣли что-то сказать,—вызывающе спросилъ Ларсенъ.

Но Смокъ не принялъ вызова.

— Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ такимъ невиннымъ видомъ, что Волкъ Ларсенъ былъ нѣсколько сбитъ съ толку, а остальные улыгнулись.

— Ну, ладно,—сказалъ Волкъ Ларсенъ.—Я только подумалъ, что вы, можетъ-быть, хотите записать себѣ оплеуху.

— Зачѣмъ?—спросилъ невозмутимый Смокъ.

Его товарищи теперь открыто смѣялись. Капитанъ былъ готовъ убить его на мѣстѣ, и я не сомнѣваюсь, что кровь пролилась бы, если бы здѣсь не было миссъ Брюстеръ. Но именно благодаря ея присутствію, Смокъ позволилъ себѣ такую дерзость. Вообще же онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы навлекать на себя гнѣвъ Волка Ларсена въ такое время, когда этотъ гнѣвъ могъ разразиться не только словами. Я боялся, что начнется драка, но въ это время раздался крикъ рулевого:

— Гей, дымъ!

— Съ какой стороны?—спросилъ Волкъ Ларсенъ.

— Прямо на нашемъ курсѣ, сэръ.

— Можетъ-быть это русскій?—предположилъ Латимеръ.

Его слова вызвали тревогу. «Русскій» могло означать только одну вещь—крейсеръ. Охотники, какъ всегда, только приблизительно знали мѣсто-нахожденіе судна; они знали только, что мы находимся близко къ границамъ запрещенныхъ водъ, ибо Волкъ Ларсенъ давно уже былъ извѣстенъ какъ закоренѣлый хищникъ, для котораго законъ не писанъ. Всѣ взгляды устремились на него.

— Мы въ полной безопасности,—увѣрялъ онъ ихъ со смѣхомъ.—На этотъ разъ вы не попадете въ русскіе рудники, Смокъ. Но знаете ли, что я вамъ скажу? Бьюсь объ закладъ, что это *Македонія*.

Но никто не хотѣлъ идти съ нимъ на пари.

— Въ такомъ случаѣ я опять бьюсь объ закладъ, что въ воздухѣ пахнетъ бурей.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—сказалъ Латимеръ. Зачѣмъ биться объ закладъ? Мы и такъ знаемъ, что всегда что-нибудь случается, когда вы встрѣчаетесь съ вашимъ братцемъ.

Всѣ засмѣялись, въ томъ числѣ и Волкъ Ларсенъ, и обѣдъ прошелъ гладко, исключительно, благодаря моему терпѣнію, такъ какъ пока не встали изъ-за стола, онъ до такой степени издѣвался надо мной, что я весь трясся отъ ярости. Но я зналъ, что нужно сдерживаться ради Модъ

Брюстеръ, и я чувствовалъ себя вознагражденнымъ, когда ловилъ ея взглядъ, который ясно говорилъ мнѣ: «мужайся, мужайся».

Мы вышли изъ-за стола и пошли на палубу; появленіе парохода было пріятнымъ развлеченіемъ въ нашей монотонной жизни, а предположеніе, что это можетъ-быть Смерть-Ларсенъ на *Македоніи*, вызывало просто сенсацію. Свѣжій вѣтеръ, дувшій вчера, утихъ, такъ что послѣ обѣда можно было спустить лодки. Охота обѣщала быть очень удачной, потому что утромъ мы не встрѣтили ни одного котика, а сейчасъ насъ окружало цѣлое стадо ихъ. Дымъ еще видѣлся за много миль впереди насъ, но онъ быстро приближался, пока мы спускали лодки. Онъ тотчасъ же, по обыкновенію, разсѣялся. Отъ времени до времени мы видѣли, какъ спускался парусъ то на одной, то на другой лодкѣ, затѣмъ слышались выстрѣлы, послѣ чего парусъ снова поднимался. Котиковъ было много, вѣтеръ все больше утихалъ; такимъ образомъ все сулило большую добычу. Когда мы становились на нашу обычную подвѣтренную позицію, поверхность океана была почти сплошь усѣяна спящими котиками. Они окружали насъ со всѣхъ сторонъ и ихъ было такое множество, какого мнѣ еще не приходилось видѣть; они спали по двое, по трое и цѣлыми группами, растянувшись во всю длину, какъ лѣнливые щенки.

Пароходъ между тѣмъ быстро приближался.

Это была *Македонія*. Я прочелъ ея имя въ бинокль, когда она проходила на разстояніи какой-нибудь мили отъ насъ. Волкъ Ларсенъ свирѣпо

смотрѣлъ на пароходъ, а Модъ Брюстеръ—съ большимъ любопытствомъ.

— Гдѣ же та буря, которую вы ожидали, капитанъ Ларсенъ?—спросила она весело.

Онъ взглянулъ на нее, и на мгновеніе его черты смягчились.

— А вы чего же ждали? Что они возьмутъ насъ на бордажъ и перерѣжутъ намъ горло?

— Нѣчто вродѣ этого,—призналась она;—вы понимаете, что промысловые охотники такъ новы и странны для меня, что я могу ожидать отъ нихъ рѣшительно всего.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. Вы ошибаетесь только въ одномъ—въ томъ, что не ожидаете самага худшаго.

— Что же можетъ быть хуже предположенія, что они намъ перерѣжутъ горло?—спросила она въ наивномъ удивленіи.

— А то, что они перерѣжутъ наши кошельки. Человѣкъ такъ устроенъ въ наши дни, что его способность жить обусловлена тѣми деньгами, которыми онъ располагаетъ.

— «Кто украдетъ мой кошелекъ, тотъ украдетъ пустяки»,—процитировала она.

— Кто украдетъ мой кошелекъ, тотъ украдетъ мое право на жизнь,—отвѣтилъ онъ.—Ибо онъ украдетъ мой хлѣбъ, и мясо, и постель, и, такимъ образомъ, поставитъ въ опасность мою жизнь. Вы знаете, что еще не существуетъ дарового супа, даровыхъ постелей, и, когда у людей нѣтъ ничего въ кошелькѣ, то они обыкновенно умираютъ, и умираютъ очень жалкою смертью,

— Но я не вижу, чтобы у этого парохода было намѣреніе украсть наши кошельки.

— Подождите и увидите,—сказаль онъ мрачно.

Намъ не пришлось долго ждать. Пройдя въ нѣсколькихъ миляхъ отъ линіи нашихъ лодокъ, *Македонія* стала спускать свои.

Мы знали, что у нея есть четырнадцать лодокъ, въ то время какъ у насъ ихъ было только пять (у насъ недоставало одной съ тѣхъ поръ, какъ дезертировалъ Вэнрайтъ).

Охота для насъ была испорчена. Сзади насъ котиковъ не было, а впереди была линія въ четырнадцать лодокъ, которая огромной метлою сметала передъ собой стадо.

Наши лодки тотчасъ же возвратились на судно.

Вѣтеръ почти совершенно стихъ, океанъ становился все спокойнѣе и это, вмѣстѣ съ обиліемъ котиковъ, составляло бы великолѣпный день для охоты—такихъ дней бываетъ два, три за весь сезонъ. Сердитая толпа охотниковъ, гребцовъ и рулевыхъ столпилась на борту. Каждый изъ нихъ чувствовалъ, что его грабили; въ воздухѣ стояли такія проклятія, что, если бы проклятія имѣли силу, то Смерть-Ларсенъ мигомъ провалился бы въ адъ.

— Послушайте ихъ и скажите, трудно ли открыть самый святой уголокъ ихъ души,—сказаль Волкъ Ларсенъ.—Вы, можетъ-быть, думаете, что это въ нихъ говорить вѣра? или любовь? или высокіе идеалы? или добро, истина, красота?

— Въ нихъ задѣто чувство справедливости,—сказала Модъ Брюстеръ, вмѣшиваясь въ разговоръ.

Она стояла футахъ въ двѣнадцать отъ меня, тихо покачиваясь при качаніи шхуны. Ахъ, какъ сладко звучаль въ моихъ ушахъ ея чистый, мелодичный голосъ! Я едва смѣлъ смотрѣть на нее, чтобы не выдать себя. Жокейская шапочка изящно сидѣла на ея головѣ и ея пышные свѣтло-каштановые волосы отражали въ себѣ солнечные лучи и составляли какъ бы ореолъ вокругъ ея нѣжнаго лица. Она была положительно обворожительна и при этомъ отъ нея словно вѣяло духовностью и интеллигентностью.

— Вы сентиментальны,—насмѣшливо сказала Ларсенъ,—точно такъ же, какъ мистеръ Ванъ-Вейденъ. Эти люди ругаются потому, что обмануты ихъ желанія, вотъ и все. Какія желанія? Желанія вкусной пищи, мягкихъ постелей на берегу, женщинъ и напитковъ—всего, что даетъ имъ удачный день охоты, всего того, что замѣняетъ въ нихъ духовныя стремленія и идеалы. Чувство, которое они сейчасъ проявляютъ, указываетъ только, какъ глубоко затронули ихъ кошельки; ибо наложить руку на ихъ кошельки, это то же, что наложить руку на ихъ душу.

— По вашему поведенію все-таки не видно, что вашъ кошелекъ тоже затронули,—сказала она улыбаясь.

— Не довѣряйтесь этому, потому что у меня тоже затронули не только кошелекъ, но и душу. По нынѣшнимъ цѣнамъ на лондонскомъ рынкѣ, благодаря *Македоніи*, *Призракъ* несетъ сегодня около тысячи пятисотъ долларовъ убытку.

— Вы это говорите такъ спокойно...

— Да, но чувствую я не совсѣмъ спокойно; я могъ бы убить человѣка, который ограбилъ меня,—перебилъ онъ.—Да, да, я знаю, что вы скажете, что этотъ человѣкъ братъ мнѣ. Опять сентименты.

Его лицо вдругъ сразу измѣнилось. Его голосъ зазвучалъ мягче и искреннѣе, когда онъ сказалъ:

— Вы, сентиментальные люди, должны быть счастливы, истинно счастливы, мечтая о добрѣ, находя добро и поэтому чувствуя себя тоже добрыми. Теперь скажите вы мнѣ оба, вы считаете меня хорошимъ?

— На васъ пріятно смотрѣть... въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—сказалъ я.

— Въ васъ много способности къ добру...— сказала Модъ Брюстеръ.

— Ну вотъ!—вскричалъ онъ почти сердито,—ваши слова совершенно пусты для меня. Въ нихъ нѣтъ ни капли ясности и опредѣленности. Ихъ нельзя взять въ руки и рассмотреть. Въ сущности говоря, это даже не мысли. Это только чувство, нѣчто основанное на иллюзіи, а вовсе не на логичной работѣ ума.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его голосъ снова смягчался и въ немъ зазвучала довѣрчивая нотка.

— Знаете ли вы, что я иногда ловлю себя на сожалѣніи о томъ, что и я не могу закрывать глаза на факты жизни и знать только ея иллюзіи. Я знаю, что онѣ невѣрны и противорѣчатъ разуму; но передъ лицомъ ихъ мой разумъ говоритъ мнѣ, что жить мечтами и иллюзіями доставляетъ высо-

чайшее наслажденіе. И въ концѣ-концовъ, вѣдь, наслажденіе есть плата за жизнь. Безъ наслажденія жизнь—никуда негодный актъ. Жить и не получать должной награды за жизнь—хуже, чѣмъ быть мертвымъ. Тотъ, кто больше всего наслаждается, тотъ больше всего и живетъ; и ваши мечты и нереальности менѣе мучаютъ васъ и болѣе вознаграждаютъ васъ, чѣмъ мои факты—меня.

Онъ медленно въ раздумьи покачалъ головой.

— Я часто, часто сомнѣваюсь въ цѣнности разума... Эмоціональное удовольствіе и болѣе длительно и больше удовлетворяетъ, чѣмъ интеллектуальное, и, кромѣ того, за мгновенія интеллектуальнаго удовольствія приходится платить длительной хандрой. Эмоціональное же удовольствіе смѣняется утомленіемъ, которое быстро проходитъ. О, я завидую вамъ.

Онъ вдругъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь, и на его губахъ появилась насмѣшливая улыбка, когда онъ прибавилъ:

— Но имѣйте въ виду, что я завидую вамъ отъ разума, а не отъ сердца. Ибо зависть есть продуктъ интеллекта. Я похожъ на трезваго человѣка, который глядитъ на пьянаго и, будучи усталымъ, самъ желалъ бы быть пьянымъ.

— Или на мудреца, который глядитъ на глупцовъ и желаетъ самъ быть глупцомъ,—сказалъ я со смѣхомъ.

— Совершенно вѣрно,—согласился онъ.—Вы пара милыхъ обанкротившихся глупцовъ; въ нашемъ бумажникѣ нѣтъ фактовъ.

— Однако мы тратимъ столько же, сколько и вы,—сказала Модъ Брюстеръ.

— И даже больше, потому что это вамъ ничего не стоитъ.

— И потому, что мы черпаемъ изъ вѣчности,—прибавила она.

— Можетъ быть и не черпаете, а только думаете, что черпаете, но въ сущности это все равно. Вы тратите то, чего у васъ нѣтъ, и при этомъ, пожалуй, получаете больше того, что получаю я, когда трачу то, что у меня есть и что досталось мнѣ въ потѣ лица.

— Почему въ такомъ случаѣ вы не измѣните базу вашей монетной системы?—спросила она, поддразнивая его.

Онъ быстро взглянулъ на нее какъ бы съ надеждой и затѣмъ съ сожалѣніемъ сказалъ:

— Слишкомъ поздно. Я, можетъ-быть, и хотѣлъ бы, но не могу. Мой бумажникъ набитъ старыми деньгами, а перемѣнить ихъ нелегко. Я никогда не буду въ состояніи признать дѣйствительными какія бы то ни было другія деньги, кромѣ этихъ.

Онъ замолчалъ, и его разсѣянный взглядъ сталъ бродить по тихой поверхности океана.

Его снова охватила обычная его печаль. Онъ договорился-таки до хандры и, спустя нѣсколько часовъ, въ немъ уже бушевалъ дьяволъ, который могъ каждую минуту сорваться съ цѣпи. Это было то наказаніе, которое материалисты всегда несутъ за свой материализмъ.

XXV.

— Вы были на палубѣ, мистеръ Ванъ-Вейденъ? Ну, что? какъ дѣла?—спросилъ Волкъ Ларсенъ на слѣдующее утро за завтракомъ.

— Достаточно ясно,—отвѣтилъ я.—Свѣжій западный вѣтеръ, который обѣщаетъ усилиться, если только вѣрить Луису.

Онъ съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой.

— Есть признаки тумана?

— Густая пелена на сѣверной и сѣверо-западной части горизонта.

Онъ снова кивнулъ головой, повидимому, еще болѣе довольный.

— А *Македонія*?

— Ея не видно,—отвѣтилъ я.

Его лицо вдругъ вытянулось при этомъ извѣстїи, и я никакъ не могъ понять, чѣмъ онъ недоволенъ.

Но я скоро понялъ это.—Дымъ!—закричали съ палубы, и его лицо тотчасъ же прояснилось.

— Это хорошо!—воскликнулъ онъ и поспѣшно вышелъ на палубу, спустившись затѣмъ въ трюмъ, гдѣ охотники въ первый разъ завтракали въ своемъ изгнанїи.

Модъ Брюстеръ и я еле дотрогивались до пищи, глядя съ тревогой другъ на друга и прислушиваясь къ голосу Ларсена, который доносился къ намъ въ каюту черезъ переборку. Онъ говорилъ довольно долго, и, когда кончилъ, то раздались рукоплесканїя и громкіе крики одобренїя.

Переборка была довольно толста, такъ что мы

не могли разобрать его словъ; но было очевидно, что его слова доставили большое удовольствіе охотникамъ, ибо они еще долго издавали радостныя восклицанія.

По звукамъ на палубѣ я догадался, что матросы собирались спускать лодки. Мы поднялись на палубу, и я довелъ Модъ Брюстеръ до юта, откуда она могла наблюдать все, что у насъ происходитъ; мастросы, очевидно, узнали, что что-то задумано, потому что они съ большимъ рвеніемъ принялись за работу. Всѣ охотники явились на палубу не только съ охотничьими ружьями, но и съ винтовками, что было совершенно необычно. Эти послѣднія они брали съ собою очень рѣдко, ибо котикъ, застрѣленный изъ винтовки на далекомъ разстояніи, обыкновенно тонулъ раньше, чѣмъ лодка успѣвала подъѣхать къ нему. Я замѣтилъ, что охотники ухмылялись, глядя на виднѣвшійся вдали дымъ *Македоніи*, приближавшейся къ намъ съ запада.

Пять лодокъ были быстро спущены и по обыкновенію пустились по разнымъ направленіямъ къ сѣверу. Я съ любопытствомъ наблюдалъ нѣкоторое время за ними, но не замѣтилъ въ ихъ поведеніи ничего особеннаго. Онѣ спускали паруса, стрѣляли котиковъ, снова подымали паруса, словомъ, дѣлали все то, что я привыкъ видѣть ежедневно. *Македонія* повторила свой вчерашній маневръ и «изгадила» намъ море, спустивъ цѣлый рядъ своихъ лодокъ впереди нашихъ и наперерѣзъ нашему курсу. Для четырнадцати лодокъ требовалась довольно большая поверхность океана, чтобы

онѣ могли охотиться, не мѣшая другъ-другу; и *Македонія*, совершенно заставъ нашу линію лодокъ, прошла затѣмъ далеко къ сѣверу.

— Что теперь будетъ?—спросилъ я Волка Ларсена, не въ состояніи больше сдерживать свое любопытство.

— Это васъ не касается,—отвѣтилъ онъ грубо.— Вы въ тысячу лѣтъ не угадаете въ чемъ дѣло; лучше молитесь о томъ, чтобы вѣтеръ окрѣпъ.

— Впрочемъ, я могу вамъ это сказать,—прибавилъ онъ, спустя нѣкоторое время.—Я собираюсь дѣйствовать по рецепту моего брата. Коротче говоря, я теперь тоже буду поступать съ нимъ по-свински, но только не одинъ день, а весь остатокъ сезона; при томъ, конечно, условіи, чтобы намъ повезло.

— А если не повезетъ?—спросилъ я.

— Это я не принимаю во вниманіе,—отвѣтилъ онъ со смѣхомъ.—Намъ должно повезти, или мы пропали.

Онъ сталъ у руля, а я пошелъ въ кубрикъ, гдѣ у меня лежали раненые Нильсонъ и Могриджъ. Нильсонъ чувствовалъ себя прекрасно, ибо его сломанная нога отлично срослась; но кокъ совершенно палъ духомъ, и мнѣ было его искренно жаль. Было удивительно, что онъ еще жилъ и цѣплялся за жизнь. Жестокія испытанія превратили его тѣло въ жалкую щепку, но искра жизни попрежнему ярко горѣла въ немъ.

— Съ искусственной ногой,—а теперь ихъ дѣлаютъ отлично,—вы можете продолжать свое занятіе до конца жизни,—весело увѣрялъ я его.

Но онъ отвѣтилъ серьезно и даже торжественно.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, мистеръ Ванъ-Вейденъ; я только знаю одно, что я не буду чувствовать себя счастливымъ, пока эта чортова собака не издохнетъ. Онъ не можетъ жить столько же, сколько я. Онъ не имѣетъ права жить. Онъ долженъ умереть скоро, и умереть какъ бѣшенная собака...

Когда я вернулся на палубу, Волкъ Ларсенъ одной рукой вертѣлъ штурвалъ, а въ другой—держалъ морской бинокль и внимательно слѣдилъ за лодками и за *Македоніей*. Единственной замѣтной перемѣной въ нашихъ лодкахъ было то, что онѣ держались круто по вѣтру и направлялись не къ сѣверу, а къ сѣверу-западу. Но я еще не могъ сообразить цѣли этого маневра, потому что даже при такомъ курсѣ, впереди нихъ крейсеровало пять лодокъ съ *Македоніи*. Но, направляясь къ западу, онѣ все больше и больше растягивались.

Наши лодки шли не только подъ парусами, но и на всѣхъ веслахъ—гребли даже охотники—и быстро приближались къ «непріятелю».

Дымъ *Македоніи* едва видѣлся въ видѣ маленькаго облачка на сѣверо-восточной части горизонта. Самого парохода совершенно не было видно. До сихъ поръ мы ничего не предпринимали, и наши паруса висѣли и плескались по вѣтру; нѣсколько разъ мы почти совершенно останавливались. Но затѣмъ паруса вдругъ надулись, и Волкъ Ларсенъ сталъ медленно поворачивать шхуну. Мы прошли линію нашихъ лодокъ и нагнали первую лодку съ чужого ряда.

— Спустите первый кливеръ, мистеръ Ванъ Вейденъ,—приказаль Волкъ Ларсенъ,—и готовьтесъ спустить остальные.

Я побѣжалъ на бакъ и спустиль кливеръ въ тотъ моментъ, когда мы проходили въ ста футахъ отъ чужой шлюпки. Сидѣвшіе въ ней люди подозрительно посмотрѣли на насъ. Это были, вѣроятно, не новички и Волка Ларсена знали прекрасно, хотя бы по наслышкѣ. Я обратилъ вниманіе на то, что охотникъ—огромный скандинавецъ,—держаль свою винтовку, на всякій случай, наготовѣ. Когда они очутились впереди носа *Призрака*, Волкъ Ларсенъ махнулъ имъ рукою и закричалъ:

— Идите къ намъ на бортъ, будете гостями.

Призракъ быстро повернулъ противъ вѣтра; между тѣмъ, окончивъ свое дѣло, я возвратился на ютъ.

— Пожалуйста оставайтесь на палубѣ, миссъ Брюстеръ. А вы тоже, мистеръ Ванъ Вейденъ,—сказаль Ларсенъ, направляясь встрѣчать гостей.

Тѣмъ временемъ на лодкѣ спустили парусъ и она приблизилась къ *Призраку*; охотникъ съ золотой бородою, похожій на викинга, поднялся по трапу, перелѣзъ черезъ бортъ и спрыгнулъ на палубу. Однако онъ былъ видимо встревоженъ и недовѣрчиво взглянулъ на насъ; впрочемъ, онъ тотчасъ же успокоился, замѣтивъ, что кромѣ Ларсена и меня на суднѣ не было никого. Да и зачѣмъ ему было бояться, когда рядомъ съ Ларсеномъ онъ казался чуть ли не Голиафомъ—впослѣдствіи я узналь, что въ немъ было шесть футовъ и девять дюймовъ росту и свыше шести пудовъ вѣсу.

Къ нему снова вернулась недовѣрчивость, когда Ларсенъ пригласилъ его спуститься въ каютъ-компанію. Но онъ все-таки спустился вмѣстѣ съ Ларсеномъ, а его люди, по обычаю матросовъ, приходившихъ въ гости на чужое судно, отправились на бакъ.

Вдругъ изъ каюты послышался мощный ревъ и звуки отчаянной борьбы. Дрались левъ и леопардъ, и кричалъ одинъ только левъ; леопардъ былъ Волкъ Ларсенъ.

— Видите, какъ священно у насъ гостепріимство?—съ горечью сказала я миссъ Брюстеръ.

Она кивнула головой, и я увидѣлъ на ея лицѣ то самое мучительное отвращеніе, отъ котораго я самъ такъ страдалъ въ первыя недѣли моего пребыванія на *Призракъ*.

— Лучше отправляйтесь къ себѣ, хотя бы черезъ трюмъ, пока все это не кончится,—сказала я.

Она отрицательно покачала головой и посмотрѣла на меня. Она не боялась, но эти проявленія звѣрства были для нея невыразимо мучительны.

— Вы понимаете,—поспѣшилъ я объяснить,— что роль, которую мнѣ приходится играть во всемъ этомъ, вынуждена, и что я не могу отказаться отъ нея, иначе и мнѣ и вамъ грозила бы гибель? Мнѣ очень тяжело...

— Я понимаю, я все понимаю,—отвѣчала она тихимъ голосомъ, и по взгляду, который она на меня бросила, я понялъ, что она дѣйствительно понимаетъ.

Между тѣмъ въ каютѣ все стихло, и вскорѣ Волкъ Ларсенъ снова возвратился на палубу.

Его загорѣлое лицо какъ-будто стало немножко краснѣе—и только.

— Скажите тѣмъ двумъ, чтобы шли сюда, мистеръ Ванъ-Вейденъ.

Я повиновался, и минуту спустя они стояли передъ нимъ.

— Поднимайте на бортъ свою шлюпку. Вашъ охотникъ рѣшилъ побывать еще немного у насъ и не хочетъ, чтобы лодка даромъ билась о бортъ судна.

— Ступайте къ своей лодкѣ!—рѣзко крикнулъ онъ, видя что они колеблются.

— Кто знаетъ? Вамъ, можетъ-быть, придется поплавать со мною нѣкоторое время,—сказалъ онъ мягко, но подъ этой мягкостью чувствовалась угроза.—Такъ лучше намъ съ самаго начала не ссориться. А теперь, живо! При Смерть-Ларсенѣ вы и не такъ еще прыгаете! Живо!

Когда они быстро подняли лодку и опрокинули ее на палубу, онъ послалъ меня поднимать кивера. Самъ же снова сталъ у руля и направилъ *Призракъ* ко второй лодкѣ *Македоніи*.

Съ бака мнѣ видны были ближайшія лодки. На третью лодку *Македоніи* напали двѣ наши, а на четвертую—наши три остальные; пятая направлялась на мѣсто схватки, очевидно, на помощь своимъ.

Битва началась на большомъ разстояніи, и винтовки непрерывно трещали. Дуль довольно сильный вѣтеръ, и волны мѣшали стрѣльбѣ; по мѣрѣ того, какъ мы приближались, мы видѣли какъ пули, чмокая, падали вокругъ лодокъ.

Лодка, за которой мы гнались, убѣгала отъ насъ, тоже направляясь на помощь къ своимъ. Я всецѣло занялся парусами, а Волкъ Ларсенъ отправилъ двухъ плѣнныхъ матросовъ въ кубрикъ. Затѣмъ онъ приказалъ миссъ Брюстеръ сойти въ каюту; увидя внезапный ужасъ, появившійся въ ея глазахъ, онъ улыбнулся.

— Не бойтесь, вы тамъ не увидите ничего страшнаго,—сказалъ онъ,—вы увидите только крѣпко связаннаго человѣка. Пули могутъ залетѣть на судно, а вы знаете, что я не хочу, чтобы васъ убили.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ пуля ударилась о мѣдную обшивку штурвала и, отскочивъ, полетѣла рикошетомъ дальше.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ ей; и затѣмъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:—Мистеръ Ванъ-Вейденъ, прошу васъ стать у штурвала.

Модъ Брюстеръ стала спускаться по трапу, но вдругъ остановилась. Волкъ Ларсенъ взялъ винтовку и зарядилъ ее. Я глазами молилъ ее, чтобы она сошла внизъ, но она улыбнулась и сказала:

— Мы, можетъ-быть, дѣйствительно слабыя существа, безъ собственныхъ ногъ, но мы можемъ показать капитану Ларсену, что мы, по меньшей мѣрѣ, столь же мужественны, какъ и онъ.

Онъ съ восхищеніемъ взглянулъ на нее.

— Вы мнѣ нравитесь во сто разъ больше за это,—сказалъ онъ.—И книги, и мозги, и мужество. Вы довольно совершенный синій чулокъ, и можете быть прекрасной женой вождя пиратовъ. Но мы обсудимъ этотъ вопросъ потомъ,—сказалъ

онъ съ улыбкой, когда пуля ударила о стѣну каюты.

Я снова увидѣлъ въ его глазахъ золотыя искорки, а въ ея глазахъ ужасъ.

— Мы, пожалуй, даже мужественнѣе, — поспѣшилъ я сказать. — По крайней мѣрѣ, относительно себя я могу сказать, что я болѣе мужественъ, чѣмъ капитанъ Ларсенъ.

Онъ бросилъ на меня быстрый взглядъ. Онъ хотѣлъ знать, не смѣюсь ли я надъ нимъ. Я повернулъ штурвалъ на три румба, затѣмъ выровнялъ шхуну. Волкъ Ларсенъ все еще ждалъ моего объясненія; я указалъ ему на свои колѣни.

— Вы замѣчаете, что они у меня слегка дрожать? — сказалъ я. — Это потому, что я боюсь; мое тѣло боится, мой умъ боится, потому что я не хочу умирать. Но мой духъ владѣетъ моимъ умомъ и плотью. Я болѣе чѣмъ храбръ. Я мужествененъ. Ваше тѣло не боится и вы не боитесь. Съ одной стороны вамъ ничего не стоитъ идти навстрѣчу опасности, съ другой стороны, это вамъ доставляетъ даже удовольствіе. Вы, можетъ-быть, не боитесь, мистеръ Ларсенъ, но должны сознаться, что мужественъ только я.

— Вы правы, — тотчасъ же согласился онъ. — Я никогда не думалъ объ этомъ съ такой точки зрѣнія. Но, если эта мысль правильна, то будетъ ли правильно и обратно: если вы храбрѣе меня, то значить ли это, что я трусливѣе васъ?

Мы оба разсмѣялись абсурдности этой мысли, и онъ положилъ свое ружье на бортъ, старательно приложился и сдѣлалъ три выстрѣла. Первый

упалъ на пятьдесятъ футовъ отъ лодки, второй рядомъ съ ней, а послѣ третьяго, рулевой выпустилъ правильное весло и скатился на дно шлюпки.

— Это для нихъ достаточно,—сказалъ Волкъ Ларсенъ, выпрямляясь.—Я не хотѣлъ застрѣлить охотника потому, что гребецъ вѣроятно не умѣетъ править, а охотникъ не можетъ и править и стрѣлять въ одно и то же время.

Его предположенія оправдались, потому что охотникъ бросился на корму на мѣсто рулевого. Выстрѣловъ съ этой лодки больше не было, хотя на другихъ лодкахъ ружья еще весело трещали.

Охотнику удалось снова направить лодку по вѣтру, но мы быстро нагоняли ее. Когда она была въ ста ярдахъ отъ насъ, я увидѣлъ, что гребецъ передалъ охотнику винтовку. Волкъ Ларсенъ, въ свою очередь, положилъ на бортъ ружье и сталъ ждать. Дважды охотникъ, держа одной рукой правильное весло, другой брался за винтовку; но каждый разъ онъ колебался. Мы теперь шли рядомъ.

— Эй вы!—закричалъ Ларсенъ гребцу,—держите конецъ!

Въ тотъ же моментъ онъ бросилъ ему конецъ веревки. Она попала прямо въ лодку, чуть не задѣвъ гребца, но онъ не подхватилъ ее, а взглянулъ на охотника, ожидая его приказаній. Охотникъ тоже былъ въ нерѣшимости. Винтовка лежала у него между колѣнъ, но если бы онъ бросилъ правильное весло для того, чтобы выстрѣлить, то лодка могла бы повернуться и столкнуться со шхуной. Въ то же время онъ видѣлъ направлен-

ное на него ружье Ларсена и зналъ, что его застрѣлять скорѣе, чѣмъ онъ успѣетъ поднять ружье.

— Берите конецъ,—сказалъ онъ гребцу.

Тотъ повиновался и схватился за конецъ веревки.

Лодка быстро побѣжала рядомъ со шхуной футахъ въ двадцати отъ нея.

— Теперь спускайте парусъ и подходите ближе!—приказалъ Волкъ Ларсенъ.

Онъ ни на минуту не выпускалъ изъ рукъ винтовки, даже когда одной рукой спускалъ тали. Когда они крѣпко были привязаны, охотникъ поднималъ свое ружье какъ бы для того, чтобы переставить его на другое мѣсто.

— Бросьте его!—закричалъ Волкъ Ларсенъ, и охотникъ мигомъ выпустилъ изъ рукъ ружье, словно оно обожгло его.

Очутившись на борту, плѣнники подняли туда же свою лодку, и, по приказанію Волка Ларсена, перенесли раненаго рулевого въ кубрикъ.

— Если наши пять лодокъ дѣйствуютъ такъ же успѣшно, какъ мы съ вами, то у насъ составитъ порядочная команда,—сказалъ мнѣ Волкъ Ларсенъ.

— Человѣкъ, въ котораго вы стрѣляли... надѣюсь...—начала, было, Модъ Брюстеръ.

— О, пустяки,—отвѣтилъ онъ.—Раненъ въ плечо. Ничего серьезнаго. Мистеръ Ванъ-Вейденъ поставитъ его на ноги недѣли въ три или четыре.

— Но онъ не подниметъ на ноги вонъ тѣхъ, тамъ,—прибавилъ онъ, указывая на третью лодку

Македоніи, къ которой теперь я направлялъ шхуну и которая находилась прямо впереди насъ.—Это дѣло рукъ Горнера и Смока. Я говорилъ имъ, что намъ нужны живые люди, а не трупы. Но искушеніе попадать въ дѣль, когда стрѣляешь, слишкомъ велико. Вы когда-нибудь испытали это, мистеръ Ванъ-Вейденъ?

Я отрицательно покачалъ головой и сталъ разсматривать лодку. Охотникъ и гребецъ лежали на днѣ ея, а тѣло рулевого безсильно свѣсилось черезъ бортъ; руки его и голова при качаніи лодки погружались въ воду. Парусъ злосчастной лодки трепало по вѣтру и ее бросало изъ стороны въ сторону.

— Не смотрите, миссъ Брюстеръ; пожалуйста не смотрите,—просилъ я ее и былъ очень радъ, что она вняла моимъ просьбамъ.

— Правьте прямо къ нимъ, мистеръ Ванъ-Вейденъ,—скомандовалъ Волкъ Ларсенъ.

Когда мы подыли ближе, стрѣльба уже прекратилась, и сраженіе было окончено. Двѣ оставшіяся лодки были захвачены нашими пятью и всѣ семь лодокъ, столпившись въ кучу, ожидали, чтобы ихъ подняли на бортъ.

— Взгляните-ка туда!—неволью крикнулъ я, указывая на сѣверо-востокъ. Облачко дыма указывало на то, что *Македонія* снова приближалась.

— Да, я уже видѣлъ,—спокойно отвѣтилъ Волкъ Ларсенъ. Онъ измѣрилъ глазомъ разстояніе до стѣны тумана и подставилъ щеку вѣтру, чтобы опредѣлить его силу.—Я думаю, что мы успѣемъ; но мой милый братецъ разгадалъ нашу игру и

теперь на всѣхъ парахъ летить къ намъ. Посмотрите-ка!

Облако дыма вдругъ стало гуще и чернѣе.

— Я все же перехитрю тебя, милѣйшій братецъ, — алорадно захихикалъ онъ. — Погоди, посмотримъ выдержать ли твои машины!

Когда мы остановились, лодки быстро окружили насъ. Какъ только плѣнники поднимались на бортъ, ихъ наши охотники тотчасъ же отводили въ кубрикъ, въ то время, какъ наши матросы поднимали наверхъ лодки и въ беспорядкѣ бросали ихъ на палубу. Не успѣли поднять послѣднюю лодку, какъ мы уже неслись впередъ подъ всѣми парусами. Надо было спѣшить, потому что *Македонія* быстро приближалась къ намъ съ сѣверо-востока. Не обращая вниманія на свои оставшіяся лодки, она измѣнила курсъ, и шла наперерѣзъ намъ. Мы шли по двумъ сторонамъ угла, вершина котораго находилась на краю стѣны тумана. Только тамъ *Македонія* могла поймать насъ и, слѣдовательно, вся надежда *Призрака* заключалась въ томъ, чтобы пройти этотъ пунктъ раньше, чѣмъ подойдетъ *Македонія*.

Волкъ Ларсенъ правилъ и блестящими глазами слѣдилъ за *Македоніей*. Онъ замѣчалъ малѣйшее усиленіе или ослабленіе вѣтра, и то и дѣло приказывалъ то ослабить гдѣ-нибудь парусъ, то подтянуть. *Призракъ* мчался со всей быстротой, на какую онъ былъ способенъ. Всѣ ссоры и раздоры были забыты, и я удивлялся, съ какой готовностью всѣ эти люди, такъ долго терпѣвшіе его жестокость, бросались исполнять его приказанія. Я вспомнилъ

о несчастномъ Джонсонѣ и пожалѣлъ, что его не было съ нами; онъ такъ любилъ *Призракъ* и такъ восхищался его быстроходностью.

— Лучше приготовьте винтовки, — сказалъ Волкъ Ларсенъ своимъ охотникамъ; и пять чело- вѣкъ съ винтовками въ рукахъ выстроились вдоль борта.

Македонія была теперь на разстояніи мили отъ насъ, и черный дымъ валилъ изъ ея трубы подъ прямымъ угломъ, такъ бѣшено мчалась она за нами, дѣлая по семнадцати узловъ въ часъ. Мы же дѣлали не больше девяти узловъ, но стѣна тумана была уже совсѣмъ близко.

Вдругъ надъ палубой *Македоніи* взвилось маленькое облачко дыма, мы услышали глухой звукъ выстрѣла, и въ нашемъ главномъ парусѣ образовалась круглая дыра. Они стрѣляли въ насъ изъ небольшой пушки. Наши люди, собравшись посреди судна, махали шляпами и испускали громкіе крики одобренія. Опять показался дымокъ и раздался выстрѣлъ, но на этотъ разъ ядро упало на двадцать футовъ впереди насъ и два раза сверкнувъ на солнцѣ, перескачило съ волны на волну, прежде чѣмъ потонуть. Но ружейныхъ выстрѣловъ не было слышно, ибо всѣ ихъ охотники находились либо на охотѣ, либо у насъ на суднѣ въ качествѣ плѣнниковъ. Когда мы находились въ полумилѣ отъ *Македоніи*, она третьимъ выстрѣломъ еще разъ продырявила нашъ парусъ. Но тутъ мы вошли въ туманъ, и онъ окуталъ насъ плотной, влажной кисеей.

Перемѣна была поразительна. За моментъ передъ

этимъ мы купались въ солнечномъ свѣтѣ, надъ нашими головами было голубое небо, волны катили свои бѣлые гребни вокругъ насъ до самаго горизонта, и пароходъ, извергая дымъ, пламя и стальные ядра, бѣшено гнался за нами. И вдругъ въ одно мгновеніе солнце скрылось, неба не стало видно, даже верхушки нашихъ мачтъ терялись изъ виду, и нашъ горизонтъ былъ такъ узокъ, точно мы смотрѣли на него глазами, застланными слезами. Сѣрая влага моросила мелкой пылью, какъ дождь. Каждая нитка нашей одежды, каждый волосъ на головѣ и на лицѣ, были унижены крохотными капельками. Ванты были мокры и со снастей падали крупныя капли. Сдѣлалось душно, стало трудно дышать. Плескъ волнъ сразу сталъ какимъ-то далекимъ, глухимъ, и мысль невольно уносила въ тотъ мѣръ, который находился за окружающей насъ влажной завѣсой—онъ, казалось, находился гдѣ-то совсѣмъ близко и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно далеко. По временамъ казалось, что за этой сѣрой стѣной и не можетъ быть ничего. Какая мрачная, какая зловѣщая картина! Я взглянулъ на Модъ Брюстеръ и понялъ, что она переживаетъ совершенно то же, что и я; но на лицѣ Волка Ларсена нельзя было прочесть рѣшительно ничего; его занимала только настоящая минута. Онъ все еще стоялъ у штурвала и должно быть про себя соображалъ и измѣривалъ путь, который проходилъ *Призракъ*.

— Прикажите приготовить паруса къ рѣзкому повороту вправо; пошлите всѣхъ наверхъ и смотрите, чтобы не было ни малѣйшаго шума, чтобы

ни одинъ блокъ не скрипнулъ и чтобы ни одинъ человекъ не разговаривалъ. Помните, ни звука!

Когда все было готово, *Призракъ* накренился и, описавъ дугу, перемѣнилъ курсъ. Все это произошло почти безшумно; два, три паруса слегка хлопнули по вѣтру, но и этотъ шумъ затерялся въ густомъ туманѣ.

Прошло всего нѣсколько минутъ, какъ туманъ вдругъ порѣдѣлъ, и затѣмъ мы снова очутились въ лучахъ солнца; передъ нами опять простиралось море, чистое до самаго горизонта, и *Македонія* больше не было.

Волкъ Ларсенъ направилъ *Призракъ* вдоль края тумана. Я понялъ этотъ маневръ: онъ вошелъ въ туманъ съ подвѣтренной стороны парохода, и, пока этотъ послѣднй будетъ бродить въ туманѣ, онъ собирался отплыть какъ можно дальше и затѣмъ снова спрятаться въ туманъ,—а потомъ ищи иглу въ стогѣ сѣна.

Вскорѣ мы дѣйствительно снова повернули въ туманъ, и при этомъ мнѣ показалось, что въ отдаленіи въ туманѣ вырисовывается корпусъ парохода. Я взглянулъ на Волка Ларсена, и онъ утвердительно кивнулъ головою. Очевидно, *Македонія* догадалась объ его маневрѣ, но опоздала всего только на одно мгновеніе.

— Ему нельзя долго гнаться за нами,—сказалъ Ларсенъ,— потому что ему надо отправиться обратно къ своимъ шлюпкамъ. Пришлите кого-нибудь къ штурвалу, мистеръ Ванъ-Вейденъ, да кстати поставьте и вахты, потому что эту ночь намъ надо будетъ плыть во-всю.

— Я бы охотно далъ пятьсотъ долларовъ,—прибавилъ онъ, минутой спустя,—чтобы побыть теперь на *Македоніи* хоть минуту пять и послушать, какъ ругается мой братецъ.

— А теперь, мистеръ Ванъ-Вейденъ,—сказалъ онъ, когда рулевой смѣнилъ его у штурвала,—надо позаботиться о нашихъ гостяхъ. Дайте охотникамъ столько виски, сколько они пожелаютъ, да и въ кубрикъ не забудьте послать нѣсколько бутылокъ. Завтра они съ такимъ же удовольствіемъ будутъ бить котиковъ на Волка Ларсена, съ какимъ они били ихъ на Смерть-Ларсена.

— Не убѣгутъ ли они по примѣру Венрайта?—сказалъ я.

Онъ лукаво разсмѣялся.

— Наши охотники не допустятъ. За каждую шкуру, добытую новымъ охотникомъ, я обѣщаль нашимъ по доллару. Этимъ въ значительной степени объясняется ихъ сегодняшній энтузіазмъ. Нѣтъ, не беспокойтесь, не убѣгутъ; а теперь васъ, вѣроятно, ждетъ цѣлая палата раненыхъ, идите лучше къ нимъ.

XXVI.

Волкъ Ларсенъ самъ занялся угощеніемъ, о я отправился на бакъ перевязывать раненыхъ. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать изрядныя попойки, въ клубахъ, на примѣръ; но я никогда не видѣлъ, чтобы люди такъ пили виски, какъ пили его у насъ сегодня—чашками, кружками, бутылками. И пили не по одной бутылкѣ и не по двѣ, а бутылку за бутылкой; имъ безпрестанно подносили все новыя

и новья. Пили всѣ: пили раненые, пилъ помогавшій мнѣ Уфти-Уфти. Не пилъ только одинъ Луисъ, хотя и присоединился къ общему веселью; это была настоящая сатурналія. Всѣ кричали, громко вспоминали какъ сегодня бились, препирались о подробностяхъ, или нѣжно обнимались съ недавними врагами. Побѣдители и плѣнники икали на плечѣ другъ у друга и съ невозможными проклятіями клялись другъ другу въ вѣрности и уваженіи; плакались о своихъ прошлыхъ страданіяхъ и о томъ, что имъ еще предстояло перетерпѣть подъ желѣзнымъ управленіемъ Волка Ларсена. Всѣ дружно ругали его и рассказывали чудеса объ его жестокости. Это было курьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное зрѣлище: тѣсное помѣщеніе съ койками по обѣимъ сторонамъ; полъ и стѣны прыгали и становились подъ всевозможными углами; скудный свѣтъ и колоссальныя чудовищныя тѣни; затхлый воздухъ былъ густъ отъ дыма, отъ тяжелаго запаха потныхъ тѣлъ и іодоформа; лица были потныя, красныя, возбужденныя, словно не человѣческія. Уфти-Уфти со своимъ нѣжнымъ, почти женственнымъ лицомъ подавалъ мнѣ марлю и въ то же время искоса поглядывалъ на эту сцену горящими глазами, и я понималъ, что въ его груди просыпается дикій дьяволъ. Доброе, юношеское лицо Гэрисона было искажено ненавистью и гнѣвомъ, когда онъ рассказывалъ новичкамъ мрачную исторію адскаго судна Волка Ларсена.

Волкъ Ларсень, Волкъ Ларсень, это имя не сходило съ устъ. Волкъ Ларсень, обращающій людей въ рабовъ, въ свиней, которыя ползають

передъ нимъ и возмущаются тайкомъ только подъ вліяніемъ вина. Неужели я тоже одна изъ этихъ свиней? подумалъ я. А Модъ Брюстеръ? О, нѣтъ, нѣтъ!... Я стиснулъ зубы отъ гнѣва, при чемъ раненый, котораго я перевязывалъ, съежился отъ боли, а Уфти-Уфти взглянулъ на меня съ удивленіемъ. Я вдругъ почувствовалъ въ себѣ необычайную силу, любовь превратила меня въ богатыря; я ничего не боялся. Я выполню свою волю, несмотря ни на что, несмотря на Волка Ларсена и на то, что я тридцать пять лѣтъ провелъ надъ книгами. И въ концѣ-концовъ все будетъ хорошо—я сдѣлаю, чтобы все было хорошо.

Я отвернулся отъ окружающаго меня ада и вышелъ на палубу.

Въ «третьемъ классѣ», гдѣ лежало два раненыхъ охотника, дѣлалось то же, что и на бакѣ, только здѣсь не ругали Волка Ларсена. Наконецъ, покончивъ съ своимъ дѣломъ, я возвратился въ каютъ-компанію; Ларсенъ и Модъ Брюстеръ ждали меня за накрытымъ столомъ.

Всѣ пьянствовали на суднѣ, но онъ одинъ былъ трезвъ, онъ не выпилъ ни одной капли—при настоящихъ обстоятельствахъ онъ не смѣлъ пить, потому что онъ могъ рассчитывать только на меня и на Луиса, да и Луисъ стоялъ теперь у руля. Мы мчались сквозь туманъ безъ вахты, безъ огней, и я не понималъ, какъ могъ Ларсенъ рѣшиться поить виномъ людей въ такую минуту; но онъ, очевидно, зналъ ихъ психологію лучше меня.

Его побѣда надъ Смерть-Ларсеномъ оказала на него удивительное дѣйствіе. Наканунѣ онъ дофи-

лософствовался до тоски, и я ежеминутно ждалъ обычнаго взрыва. Однако взрыва не послѣдовало, и онъ былъ въ самомъ прекрасномъ настроеніи. Въ немъ не было ни слѣда мрачности, и я уже радовался этому; но, увы, я ошибался.

Какъ я уже сказалъ, онъ находился въ прекрасномъ настроеніи: у него давно уже не было головной боли, глаза его были ясны, бронзовое лицо дышало здоровьемъ. Поджидая меня, онъ оживленно бесѣдовалъ съ Модъ Брюстеръ. Они говорили объ искушеніи, при чемъ онъ доказывалъ, что искушеніе является искушеніемъ только тогда, когда человѣкъ сознательно поддается ему и падаетъ.

— По моему, — говорилъ онъ, — человѣкъ поступаетъ согласно своимъ желаніямъ. У него много разнообразныхъ желаній; онъ можетъ желать избавиться отъ страданій или насладиться удовольствіемъ. Но что бы онъ ни дѣлалъ, онъ дѣлаетъ только потому, что желаетъ этого.

— А если у него является одновременно два противоположныхъ желанія? — спросила Модъ.

— Я какъ разъ объ этомъ хотѣлъ говорить.

— Вотъ именно, когда въ человѣкѣ борются противоположныя желанія, тогда-то и сказывается его настоящая душа, — продолжала она. — Если душа хороша, то возьметъ верхъ и хорошее желаніе, а въ противномъ случаѣ произойдетъ обратное. Рѣшаетъ именно душа.

— Это вздоръ, — воскликнулъ онъ нетерпѣливо, — рѣшаетъ желаніе. Человѣкъ, напримѣръ, желаетъ выпить пива, но въ то же время

онъ и не хочетъ напиться. Какъ же онъ поступить? Онъ пѣшка, онъ рабъ своихъ желаній и верхъ возьметъ то желаніе, которое въ немъ сильнѣе— вотъ и все. Здѣсь душѣ желать нечего. И искушеніе здѣсь никакой роли не играетъ, если только...— онъ остановился, обдумывая неожиданную мысль, если только его не искушаетъ мысль остаться трезвымъ. Ха, ха, ха! что вы думаете объ этомъ мистеръ Ванъ-Вейденъ?

— Думаю, что оба вы спорите только о словахъ,—сказалъ я.—Желаніе человѣка—его душа, т.-е. душа—сумма всѣхъ желаній. Вы оба не правы, потому что оба раздѣляете душу отъ желаній, тогда какъ то и другое—одно и то же. По-моему миссъ Брюстеръ все-таки права, утверждая, что искушеніе остается искушеніемъ независимо отъ того, поддается ли мы ему, или нѣтъ. Вѣтеръ раздуваетъ огонь въ пламя; желаніе—тотъ же огонь; его раздуваетъ видъ желаемого предмета или описаніе его. Вотъ это и есть искушеніе. Искушеніе—вѣтеръ, раздувающий огонь желанія въ всепобѣждающее пламя. Если оно недостаточно сильно, то и желаніе не можетъ быть непреоборимымъ. И искушеніе, какъ вы сказали, можетъ толкать насъ какъ въ хорошую, такъ и въ дурную стороны.

Когда мы сѣли за столъ, я почувствовалъ гордость собою. Мои слова были очень рѣшительны. Во всякомъ случаѣ они положили конецъ спору.

Но Волкъ Ларсенъ былъ сегодня очень говорливъ. Казалось, что въ немъ кипитъ энергія, которой нуженъ какой-нибудь выходъ. Онъ тотчасъ же завелъ разговоръ о любви и, по обыкновенію,

стоялъ на чисто матеріалистической точкѣ зрѣнія, а Модь—на идеалистической. Что же касается меня, то я едва принималъ участіе въ разговорѣ, сдѣлавъ только нѣсколько замѣчаній и поправокъ.

Онъ былъ блестящимъ спорщикомъ, но и Модь была не менѣе блестяща, и, любуясь ею, я часто терялъ нить разговора. У нея рѣдко на лицѣ выступала краска, но сегодня оно раскраснѣлось и было очень оживленно. Она была въ ударѣ точно такъ же, какъ и Волкъ Ларсенъ, и оба они наслаждались споромъ. Въ доказательство своей мысли Волкъ Ларсенъ началъ цитировать стихи. Читалъ онъ хорошо и съ большимъ воодушевленіемъ. Но не успѣлъ онъ произнести послѣднія слова, какъ въ двери показалась голова Луиса, и онъ шопотомъ сказалъ:

— Вамъ надо бы быть потише! Туманъ поднялся, и я видѣлъ огонь парохода передъ самымъ носомъ шхуны.

Волкъ Ларсенъ такъ быстро выпрыгнулъ на палубу, что, когда мы успѣли добѣжать до него, онъ уже успѣлъ закрыть люкъ «третьяго класса», откуда доносилось пьяное оранье, и бѣжалъ на бакъ, чтобы закрыть кубрикъ, гдѣ орали пьяные матросы. Туманъ несовсѣмъ разсѣялся, но поднялся довольно высоко, и ночь была совершенно темна. Прямо впереди насъ я увидѣлъ красный и бѣлый огни и ясно слышалъ стукъ машинъ. Въ всякаго сомнѣнія это была *Македонія*.

Волкъ Ларсенъ возвратился на ютъ и мы стояли молчаливой группой, наблюдая за огнями, быстро идущими намъ на перерѣзъ.

— Къ счастью у него нѣтъ прожектора, — сказалъ Волкъ Ларсенъ.

— А что, если бы я громко закричалъ?—спросилъ я шопотомъ.

— Тогда все было бы кончено,—отвѣтилъ онъ.— Но вы подумали ли, что случилось бы тотчасъ же съ вами?

Прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь отвѣтить, онъ схватилъ меня за горло своей горилъей рукой и сдѣлалъ движеніе, которое, если бы онъ сдѣлалъ его посильнѣе, несомнѣнно, сломало бы мнѣ шею. Затѣмъ онъ отпустилъ меня, и мы продолжали смотрѣть на огни *Македоніи*.

— А что, если бы я громко закричала?—спросила Модъ.

— Я васъ слишкомъ люблю, чтобы причинить вамъ боль,—сказалъ онъ мягко... Нѣтъ, мало сказать мягко, въ его голосѣ звучала такая ласка и нѣжность, что я весь задрожалъ.—Но все же не дѣлайте этого, потому что я тотчасъ же сломаю шею мистеру Ванъ-Вейдену.

— Въ такомъ случаѣ я ей разрѣшаю закричать,—сказалъ я съ презрѣніемъ.

— Я сомнѣваюсь, чтобы вы рѣшились пожертвовать жизнью великаго мастера американской литературы,—сказалъ онъ съ насмѣшкой.

Мы замолчали, хотя мы такъ уже привыкли другъ къ другу, что въ этомъ молчаніи не было никакой недовѣстности; когда красные и бѣлые огни исчезли, мы вернулись въ каюту и снова принялись за прерванный ужинъ.

Они продолжали свой споръ о любви и цитиро-

вали стихи. Когда Модъ читала стихи, я смотрѣлъ на нее и на Волка Ларсена. Онъ слѣдилъ за ней очарованнымъ взглядомъ, онъ былъ самъ не свой, и, когда она говорила стихи, у него тоже двигались губы, какъ-будто онъ повторялъ за нею слова.

— Вашъ голосъ звучитъ, какъ скрипка,—перебилъ онъ ее вдругъ, и въ его глазахъ запрыгали золотыя искорки.

Я чуть не закричалъ отъ радости, когда увидѣлъ съ какимъ самообладаніемъ она приняла его слова; она дочла заключительныя строки и затѣмъ постепенно перевела разговоръ на менѣе опасную тему. Я все время сидѣлъ въ какомъ-то полуошьянѣннѣи; черезъ переборку доносились пьяные крики охотниковъ, а человѣкъ, котораго я боялся, и женщина, которую я любилъ, все говорили и говорили. Столъ не былъ убранъ. Матросъ, замѣнявшій Могриджа, очевидно, тоже принялъ участіе въ попойкѣ.

Въ этотъ вечеръ жизнь Волка Ларсена, несомнѣнно, достигла зенита своего напряженія. Отъ времени до времени я забывалъ свои собственныя мысли и слѣдилъ за нимъ, поражаясь его замѣчательнымъ умомъ, заражаясь его страстью,—онъ теперь проповѣдывалъ страстный бунтъ. Онъ, конечно, сослался на Мильтоновскаго Люцифера, и острота его анализа характера Люцифера была почти гениальна.

— Онъ зналъ, что проиграетъ, но не боялся Божьихъ громовъ,—говорилъ Волкъ Ларсенъ.— Будучи низвергнутъ въ адъ, онъ все же не былъ побѣжденъ. Онъ увелъ съ собою треть Божьихъ

ангеловъ и тотчасъ же сталъ возбуждать челоуѣка противъ Бога и завербовалъ для себя и для ада большую часть людей. Почему его изгнали изъ рая? Потому что онъ былъ менѣе мужествененъ, чѣмъ Богъ? менѣе гордъ? менѣе честолюбивъ? Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Богъ былъ могущественнѣе—у него были громы. Но у Люцифера былъ свободный духъ. Для него служить значило задыхаться. Онъ предпочиталъ страдать и быть свободнымъ, чѣмъ быть счастливымъ, но прислуживаться. Онъ не хотѣлъ служить Богу. Онъ не хотѣлъ служить ничему. Онъ не хотѣлъ быть статистомъ. Онъ стоялъ на собственныхъ ногахъ. Онъ былъ индивидуальностью.

— Онъ былъ первымъ анархистомъ,—сказала Модъ со смѣхомъ, вставая и собираясь идти въ свою каюту.

— Въ такомъ случаѣ хорошо быть анархистомъ!—вскричалъ онъ. Онъ тоже всталъ и стоялъ глядя на нее съ золотыми искорками въ глазахъ, необыкновенно мужественный и въ то же время необыкновенно мягкій.

Мы вольны, наконецъ! Создатель создалъ адъ.

Не для себя; отсюда насъ Онъ изгонять не станетъ.

Здѣсь нѣтъ для насъ преграды, нѣтъ запретовъ—

Здѣсь наше царство, хоть царство это адъ.

Но быть царемъ въ аду все жъ лучше, чѣмъ рабомъ
въ раю.

Опять въ ея глазахъ появилось выраженіе ужаса, и она сказала почти шопотомъ:

— Вы—Люциферъ.

Дверь закрылась, и она ушла. Онъ съ минуту

стоялъ, глядя ей вслѣдъ, затѣмъ, опомнившись, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Я смѣню Луиса у штурвала и позову васъ на смѣну въ полночь. А теперь совѣтую вамъ лечь спать.

Онъ натянулъ перчатки, надѣлъ на голову фуражку и отправился наверхъ, а я, слѣдуя его совѣту, пошелъ къ себѣ и легъ. Почему-то, почему, я самъ не знаю, я не сталъ раздѣваться и легъ одѣтымъ. Нѣкоторое время я прислушивался къ шуму въ «третьемъ классѣ» и думалъ о своей любви; но мой сонъ на *Призракъ* сталъ настолько здоровымъ и нормальнымъ, что крики и пѣсни не могли помѣшать мнѣ спать, и вскорѣ глаза мои закрылись, и я погрузился въ глубокой сонъ.

Я не знаю, что меня разбудило, но я вскочилъ съ койки съ широко раскрытыми глазами и съ смутнымъ предчувствіемъ какой-то опасности. Я толкнулъ дверь. Лампа въ каютъ-компаніи еле горѣла, и я увидѣлъ Модъ, мою Модъ, борющуюся изо всѣхъ силъ въ желѣзныхъ объятіяхъ Волка Ларсена. Я видѣлъ ея напрасныя усилія вырваться отъ него, и въ одинъ мигъ я очутился возлѣ нихъ.

Я ударилъ его кулакомъ по лицу, но это былъ ничтожный ударъ. Онъ свирѣпо зарычалъ и оттолкнулъ меня. Толчокъ былъ такъ силенъ, что я отскочилъ къ двери, выбилъ ее собою и полетѣлъ со всего размаха въ слѣдующую каюту. Съ большимъ трудомъ выкарабкавшись изъ-подъ разбитой двери, я даже не почувствовалъ никакой боли. Меня охватила только бѣшеная, слѣпая ярость. Я, вѣроятно, дико закричалъ, выхватилъ кинжалъ и снова кинулся къ нему.

Но въ этотъ моментъ что-то случилось. Они стояли отдѣльно другъ отъ друга. Я подскочилъ къ нему съ поднятымъ кинжаломъ, но не опустилъ его. Я былъ пораженъ его видомъ. Модъ опиралась о стѣну, вытянувъ впередъ руки для защиты; но онъ вдругъ закачался, закрылъ лѣвой рукой лобъ и глаза, а правую вытянулъ, какъ бы нащупывая себѣ дорогу, какъ это дѣлають слѣпые. Онъ нащупалъ стѣну и съ облегченіемъ вздохнулъ, какъ будто обрадовавшись, что нашелъ опору.

Но кровь вдругъ бросилась снова мнѣ въ голову, я вспомнилъ все то горе и всѣ тѣ униженія, которыя я терпѣлъ отъ него и все, что терпѣли отъ него другіе. Я бросился на него, какъ безумный, и погрузилъ кинжалъ въ его плечо. Я чувствовалъ, что я нанесъ ему только легкую рану и снова занесъ кинжалъ, чтобы поразить его въ болѣе опасное мѣсто. Но Модъ вдругъ закричала:

— Не надо! Ради Бога не надо!

Я невольно опустилъ руку, но только на мгновіе. Рука съ кинжаломъ снова поднялась, и я навѣрное убилъ бы Волка Ларсена, если бы она не встала между нами. Она обвила меня руками и ея волосы коснулись моего лица. Сердце мое страшно забилося, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усилилась моя ярость. Она смѣло взглянула мнѣ въ глаза.

— Ради меня,—молила она.

— Ради васъ я убью его!—закричалъ я, стараясь освободить свою руку, но такъ, чтобы не поранить ее.

— Молчите!—сказала она, прижавъ свои пальцы къ моимъ губамъ. Я готовъ былъ поцѣловать

ихъ, несмотря на свою ярость, такъ сладко было ихъ прикосновеніе; но не посмѣлъ.—Пожалуйста, пожалуйста,—молила она и совершенно обезоружила меня этими словами, которыя, какъ я узналъ впоследствии, навсегда сохранили способность обезоруживать меня.

Я отступилъ назадъ и вложилъ кинжалъ въ ножны, затѣмъ посмотрѣлъ на Волка Ларсена. Онъ все еще держался лѣвой рукой за лобъ. Она закрывала также его глаза. Голова его была наклонена, плечи опущены, и все тѣло его какъ будто повисло.

— Ванъ-Вейденъ,—произнесъ онъ хрипло и съ испугомъ,— Ванъ-Вейденъ, гдѣ вы?

Я взглянулъ на Модъ. Она ничего не сказала, но кивнула головой.

— Я здѣсь,—отвѣтилъ я, подходя къ нему.— Что съ вами?

— Помогите мнѣ сѣсть,—сказалъ онъ тѣмъ же хриплымъ, испуганнымъ голосомъ.

— Мнѣ нехорошо, очень нехорошо, Гёмпъ,—сказалъ онъ, когда я поддержалъ его рукою и усадилъ на стулъ.

Онъ облокотился на столъ и опустилъ голову на руки. Отъ времени до времени онъ качался взадъ и впередъ, какъ будто отъ сильной боли. Когда однажды онъ приподнялъ голову, я увидѣлъ на его лбу крупныя капли пота.

— Мнѣ плохо, очень плохо,—повторилъ онъ нѣсколько разъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я, положивъ ему руку на плечо.—Могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ?

Онъ отрицательно покачалъ головой съ видимымъ раздраженіемъ, и я долгое время молча стоялъ возлѣ него. Модъ испуганно смотрѣла на него. Я не могъ себѣ представить, что съ нимъ случилось.

— Гёмпъ,—сказалъ онъ наконецъ,—я долженъ лечь. Отведите меня въ каюту. Это сейчасъ пройдетъ. Это вѣроятно моя проклятая головная боль... Я всегда боялся этихъ болей. Мнѣ казалось, что... впрочемъ, я самъ не знаю, что говорю. Помогите мнѣ лечь въ постель.

Когда я уложилъ его на койку, онъ снова закрылъ лицо руками и, когда я собрался уже уходить, то услышалъ, какъ онъ снова прошепталъ: «Мнѣ плохо, мнѣ очень плохо».

Когда я возвратился въ каютъ-компанію, Модъ вопросительно взглянула на меня. Я покачалъ головой и сказалъ:

— Съ нимъ что-то случилось, но я не знаю что. Онъ чувствуетъ себя беспомощнымъ и боится чего-то. Это съ нимъ случилось вѣроятно раньше, чѣмъ я его ударилъ ножомъ, потому что я ему нанесъ только поверхностную рану. Вы, вѣроятно, лучше видѣли, что случилось?

Она отрицательно покачала головой.

— Я ничего не видѣла. Это для меня такъ же, загадочно, какъ и для васъ. Онъ вдругъ отпустилъ меня и зашатался. Но что намъ теперь дѣлать? Что дѣлать?

— Пожалуйста подождите меня здѣсь, я сейчасъ вернусь,—отвѣтилъ я.

Я пошелъ на палубу. Луисъ стоялъ у штурвала.

— Вы можете идти въ кубрикъ,—сказаль я ему, становясь на его мѣсто.

Онъ охотно повиновался, и я остался одинъ на палубѣ *Призрака*. Какъ можно спокойнѣе я спустиль лишніе паруса, и шхуна почти остановилась. Тогда я вернулся въ каютъ-компанію. Модъ ждала меня, я приложилъ палець къ губамъ, приглашая ее молчать и вошелъ въ каюту Волка Ларсена. Онъ лежалъ въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ я его оставилъ, и непрерывно качалъ головой изъ стороны въ сторону.

— Могу ли я вамъ чѣмъ-нибудь помочь?—спросилъ я.

Онъ сначала ничего не отвѣтилъ, но когда я повторилъ свой вопросъ, то сказалъ:

— Нѣтъ нѣтъ, мнѣ ничего не нужно. Оставьте меня до утра.

Но когда я повернулся къ двери, то онъ снова сталъ качать головой. Модъ терпѣливо ждала меня, и я съ радостью замѣтилъ, что она была совершенно спокойна.

— Хотите довѣриться мнѣ и пуститься со мною въ путешествіе? Только долженъ васъ предупредить, что намъ придется сдѣлать миль шестьсотъ?—спросилъ я.

— Вы хотите сказать...—спросила она, и я зналъ, что она уже угадала.

— Да, я именно это хочу сказать,—отвѣтилъ я.—Намъ больше ничего не остается, какъ бѣжать въ шлюпкѣ.

— Не намъ, а мнѣ...—сказала она.—Ибо вы здѣсь въ такой же безопасности, какъ раньше.

— Нѣтъ, именно намъ...—повторилъ я упрямо.—Прошу васъ одѣньтесь какъ можно теплѣе и возьмите съ собой свои вещи. Только, пожалуйста, поскорѣе,—прибавилъ я, когда она направилась въ каюту.

Кладовая находилась какъ разъ подъ каютъ-компаніей, и, открывъ въ полу люкъ, я со свѣчей спустился внизъ и сталъ выбирать припасы. Я выбиралъ, главнымъ образомъ, консервы и, когда кончилъ, то сталъ передавать припасы наверхъ, гдѣ ихъ принимала Модъ. Мы работали въ полномъ молчаніи. Въ судовой кладовой я взялъ одѣяла, перчатки, непромокаемый плащъ, морскія шапки и тому подобныя вещи. Предстояло тяжелое путешествіе въ открытой лодкѣ въ особенно бурную пору, поэтому нужно было всячески защитить себя отъ холода и сырости.

Мы съ лихорадочной поспѣшностью перенесли вещи на палубу; Модъ была достаточно сильна, но все же такъ утомилась, что въ изнеможеніи усѣлась на ступеньки, ведущія на ютъ. Но такимъ образомъ она не могла бы отдохнуть, поэтому она легла, растянувшись на голыхъ доскахъ и вытянувъ руки. Я вспомнилъ, что то же самое дѣлала моя сестра, когда очень уставала, и потому былъ увѣренъ, что она скоро отдохнетъ. Необходимо было захватить оружіе, и я снова пошелъ въ каюту Ларсена, чтобы взять его ружье и винтовку. Я заговорилъ съ нимъ, но не получилъ отвѣта, хотя голова его попрежнему качалась изъ стороны въ сторону, и онъ, повидимому, не спалъ.

— Прощай, Люциферъ,—сказалъ я шопетомъ и тихо закрылъ за собою дверь.

Нужно было достать еще заряды и для этого мнѣ нужно было спуститься по лѣстницѣ, ведущей въ «третій классъ». Здѣсь охотники хранили аммуницію, и здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ шумнаго пиршества, я взялъ два ящика съ патронами и быстро возвратился на палубу.

Затѣмъ мнѣ надо было спустить лодку—задача не легкая для одного человѣка. Я съ большими усиліями поднялъ на линькахъ сперва одинъ конецъ ея, затѣмъ другой и послѣ того, какъ она поднялась надъ бортомъ, я спустилъ ее такимъ же порядкомъ за бортъ, закрѣпивъ ее футовъ на два надъ поверхностью воды. Я провѣрилъ ея снаряженіе: весла, уключины и паруса—все было въ полной исправности. Нужно было также позаботиться о водѣ, и я утащилъ со всѣхъ лодокъ бочки съ водой. Такъ какъ всѣхъ лодокъ было девять, то слѣдовательно у насъ былъ большой запасъ воды, точно такъ же, какъ и порядочный балластъ, хотя можно было опасаться перегруженія лодки, такъ какъ мы брали съ собой много припасовъ.

Въ то время, когда Модъ передавала мнѣ провизію, а я укладывалъ ее въ лодкѣ, изъ трюма вышелъ матросъ. Онъ постоялъ у борта на надвѣтренной сторонѣ (а мы спустили лодку на подвѣтренной сторонѣ) и затѣмъ медленно пошелъ къ срединѣ судна; тамъ онъ снова остановился и стоялъ противъ вѣтра спиною къ намъ. Я слышалъ какъ билось мое собственное сердце, когда скорчившись, пригнулся въ лодкѣ. Модъ легла на палубу и лежала неподвижно въ тѣни мачты.

Но матросъ не повернулся; онъ вытянулъ руки надъ головой, потянулся, громко зѣвнулъ и медленно поплелся обратно въ трюмъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы окончили нагрузку лодки, и я спустилъ ее на воду. Когда я помогаль Модъ спускаться въ лодку, мнѣ пришлось обнять ее; я чуть не крикнулъ:—я люблю васъ, я люблю васъ!—Дѣйствительно, Гёмфри Ванъ-Вейденъ былъ наконецъ влюбленъ, подумалъ я, когда ея пальцы сжали мою руку. Я держался одной рукой за бортъ, а другою спускалъ ее въ лодку; для этого нужна была порядочная сила, которой у меня не было еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Когда ея ноги коснулись дна лодки, я пустилъ ея руку и затѣмъ самъ вскочилъ въ лодку. Я никогда не гребъ въ своей жизни, но я вставилъ весла и съ большими усиліями отѣхалъ отъ *Призрака*. Затѣмъ я сталъ ставить парусъ. Я много разъ видѣлъ, какъ это дѣлали охотники и рулевые, но самому мнѣ пришлось это дѣлать въ первый разъ. То, на что имъ требовалось двѣ минуты, взяло у меня минутъ двадцать, но въ концѣ-концовъ я все таки парусъ поставилъ и, взявши въ руки правильное весло, направилъ лодку по вѣтру.

— Тамъ лежитъ Японія, —сказалъ я, —прямо противъ насъ.

— Гёмфри Ванъ-Вейденъ, —сказала она, —вы очень мужественный человѣкъ.

— Нѣтъ, —отвѣтилъ я, —это вы мужественная женщина.

Мы обернулись, движимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, и въ послѣдній разъ взглянули на

Призракъ. Его низкій корпусъ качался на волнахъ, паруса мрачно сѣрѣли на фонѣ неба; его привязанный штурвалъ скрипѣлъ при каждомъ ударѣ волны по рулю; затѣмъ все это мало-по-малу исчезло въ ночномъ сумракѣ, и мы остались одни на темномъ морѣ.

XXVII.

Утро было сѣрое и холодное. Лодка, низко накренившись подъ свѣжимъ вѣтромъ, быстро неслась по тому направленію, гдѣ по компасу находилась Японія. Хотя мои руки были въ толстыхъ рукавицахъ, все же пальцы мои окоченѣли и болѣли отъ держанія правильнаго весла. Мои ноги тоже замерзли и я нетерпѣливо ожидалъ восхода солнца.

Передо мной, на днѣ лодки, лежала Модъ. Ей, по крайней мѣрѣ, было тепло, потому что подъ нею и надъ нею были толстыя, теплыя одѣяла. Одно изъ нихъ я натянулъ ей на лицо, такъ что мнѣ видны были только неясныя очертанія ея фигуры и прядь свѣтло-каштановыхъ волосъ, унизанныхъ блестками ночной росы.

Я не отрываясь глядѣлъ на эту прядку волосъ, которая казалась мнѣ самымъ цѣннымъ сокровищемъ въ мірѣ. Взглядъ мой былъ такъ присталенъ, что она, наконецъ, зашевелилась подъ одѣяломъ, сбросила его съ лица и улыбнулась.

— Доброе утро, мистеръ Ванъ-Вейденъ,—сказала она.—Вы еще не видѣли земли?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—мы приближаемся къ ней со скоростью шести миль въ часъ.

Она сдѣлала разочарованную гримасу.

— Но, вѣдь это сто сорокъ четыре мили въ сутки,—успокоилъ я ее.

Ея лицо просвѣтлѣло.

— А какъ много еще осталось?

— Сибирь лежитъ тамъ,—сказалъ я, указывая на западъ.—А на юго-западѣ лежитъ Японія и до нея около шестисотъ миль. Если вѣтеръ не ослабѣетъ, то мы доберемся туда въ пять дней.

— А, если насъ застанетъ буря? Лодка вѣдь не выдержитъ?

— Для этого должна быть очень сильная буря.

— А если буря будетъ очень сильная?

— Но, вѣдь, насъ можетъ подобрать въ каждый моментъ какая-нибудь промысловая шхуна. Ихъ много въ этой части океана.

— Однако, какъ вы озябли,—вскричала она.—Боже! Да вы дрожите! Не отрицайте этого. А я лежала подъ одѣялами, мнѣ было тепло, какъ дома!

— Но я не думаю, что мнѣ было бы легче, если бы вы тоже озябли,—засмѣялся я.

— Вамъ будетъ легче, когда я научусь править; чему я, конечно, научусь.

Она сѣла и принялась за свой несложный туалетъ. Тряхнувши головой, она распустила свои каштановые волосы, которые облакомъ окружили ее и закрыли ея плечи и лицо. Милые каштановые волосы! Мнѣ хотѣлось цѣловать ихъ, перебирать пальцами, зарыться въ нихъ лицомъ. Я какъ очарованный смотрѣлъ на нихъ, пока лодка не свернула въ сторону, и захопавшій парусъ не

предупредилъ меня о томъ, что я плохо исполняю свои обязанности.

Несмотря на свой аналитическій умъ, я всегда былъ идеалистомъ и романтикомъ, и теперь только начиналъ понимать физическія стороны любви. До сихъ поръ любовь представлялась мнѣ только въ видѣ чисто духовной связи двухъ родственныхъ душъ, при чемъ о близости тѣла я никогда не думалъ. Теперь же я чувствовалъ какъ душа проявляетъ себя при посредствѣ тѣла; чувствовалъ, что видъ, ощущеніе волосъ дорогого существа является въ такой же мѣрѣ проявленіемъ его души, какъ его взглядъ и слова. Вѣдь, въ сущности, чистый духъ можно постичь только умомъ и самъ онъ проявиться не можетъ. Иегова антропоморфенъ потому, что онъ могъ сноситься съ іудеями только въ понятныхъ для нихъ формахъ—въ видѣ облака, въ видѣ огненнаго столба.

Я глядѣлъ на волосы Модъ, я любилъ ихъ, и они сказали мнѣ о любви больше, чѣмъ всѣ поэты и музыканты въ мірѣ. Она быстрымъ движеніемъ откинула ихъ назадъ, и изъ-подъ нихъ снова выглянуло ея улыбающееся лицо.

— Почему женщины не носятъ всегда свои волосы распущенными?—спросилъ я.—Такъ гораздо красивѣе.

— О, если бы они только не путались!—засмѣялась она.—А вотъ я, кажется, потеряла одну изъ своихъ драгоценныхъ шпилекъ.

Я снова забылъ править и съ наслажденіемъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Я съ наслажденіемъ наблюдалъ въ ней характерныя про-

явленія женственности; ибо до сихъ поръ я ставилъ ее слишкомъ высоко и слишкомъ отдалялъ ее отъ сферы чисто человѣческой. Въ моемъ воображеніи она была какой-то недоступной богиней. Поэтому я съ истиннымъ восторгомъ наблюдалъ въ ней такія черты, которыя ясно показывали, что въ концѣ концовъ она все-таки только женщина: я восхищался характернымъ движеніемъ головы, которымъ она откидывала назадъ волосы и стараніе, съ какимъ она искала затерявшуюся шпильку. Да она была женщиной и женщиной моего круга, и между нами была вполне возможна дивная близость мужчины и женщины, хотя въ то же время я и зналъ, что всегда буду относиться къ ней съ глубокимъ уваженіемъ и съ нѣкоторымъ страхомъ.

Она, наконецъ, нашла свою шпильку, издавъ при этомъ прелестный радостный крикъ, и я съ большимъ вниманіемъ сталъ править. Я пробовалъ привязать и закрѣпить весло и послѣ цѣлаго ряда опытовъ добился того, что лодка стала довольно сносно держаться курса, не требуя отъ меня безпрестаннаго вниманія.

— А теперь давайте завтракать,—сказалъ я,—но сперва вамъ надо одѣться потеплѣе.

Я досталъ новую, теплую, шерстяную, почти непромокаемую рубашу, и большую морскую шапку, которая, въ случаѣ надобности, могла закрывать не только ея волосы, но и шею и уши. Хорошему все идетъ, и Модъ была въ ней просто очаровательна; ничто не могло бы испортить ея чудный овалъ лица съ почти классическими чертами; ея

прекрасныя, рѣзко очерченныя брови и большіе каріе глаза, такіе ясные и спокойные.

Вдругъ насъ ударилъ порывъ вѣтра въ тотъ моментъ, когда лодка находилась на гребнѣ волны: лодка сильно накренилась и набрала ведра два воды. Я въ это время открывалъ жестянку консервовъ, но мнѣ удалось быстро схватиться за правильное весло и во-время повернуть лодку по вѣтру; парусъ поплескался нѣсколько мгновений, но затѣмъ надулся, и мы снова быстро рѣзали волны; я спокойно вернулся къ своему завтраку.

— Кажется, вы придумали недурную комбинацію,—сказала она, указывая на приспособленіе, державшее правильное весло.—А, впрочемъ, я ничего не понимаю въ этихъ вещахъ.

— Да, это будетъ дѣйствовать, пока мы идемъ по вѣтру; но затѣмъ мнѣ самому придется править.

— Я ничего не смыслю въ техникѣ, но не могу сказать, чтобы мнѣ нравился вашъ выводъ. Вѣдь не можете же вы править и днемъ и ночью! Поэтому вы мнѣ лучше дайте первый урокъ тотчасъ же послѣ завтрака, а потомъ ложитесь спать. Мы заведемъ смѣну вахтъ, какъ на настоящемъ кораблѣ.

— Право я не знаю, какъ учить васъ, когда я самъ еще учусь. Вы, вѣроятно, думали, что я хорошо умѣю управлять лодкой; на самомъ же дѣлѣ мнѣ до сихъ поръ ни разу не приходилось бывать въ шлюпкѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, будемъ учиться вмѣстѣ, сударь. А такъ какъ вы перегнали меня на

цѣлую ночь, то теперь извольте рассказать все то, чему вы научились... Но сперва позавтракаемъ. Боже, какъ хочется ѣсть.

— А кофе нѣтъ,—сказаль я съ сожалѣніемъ,— и у насъ не будетъ ни чаю, ни супу и вообще ничего горячаго, пока намъ не удастся высадиться куда-нибудь на берегъ.

Послѣ завтрака, который мы завершили чашкой простой воды, я далъ Модъ первый урокъ по управленію лодкой; при этомъ мнѣ самому многое стало яснѣе, такъ какъ мнѣ пришлось вспомнить и то, что я зналъ объ управленіи большихъ судовъ и то, что, какъ я замѣтилъ, дѣлали рулевые на шлюпкахъ *Призрака*. Она оказалась замѣчательно способной ученицей и скоро научилась и держаться курса и, въ случаѣ надобности, отдавать парусъ. Она, словно утомившись, передала мнѣ весло, но тотчасъ же принялась готовить постель.

— Ну, а теперь спать, сэръ, и вы должны спать до самага обѣда.

Что мнѣ дѣлать? Она просила такъ настойчиво, что мнѣ пришлось передать ей весло и покориться. Когда я улегся въ приготовленную ею постель, я почувствовалъ настоящее чувственное наслаждение. Я съ удовольствіемъ закутался, мечтательно посмотрѣлъ на ея овальное лицо и каріе глаза, сверкавшіе изъ-подъ матросской шапки, и тотчасъ же заснулъ.

Когда я посмотрѣлъ на часы, былъ уже часъ дня—я проспалъ цѣлыхъ семь часовъ, и она все это время находилась у руля. Когда я принимадъ

(
у нея руль, мнѣ пришлось разжимать ея судорожно сжатые пальцы. Она до такой степени обезсилѣла, что не могла подняться съ мѣста. Мнѣ пришлось наскоро закрѣпить весло и парусъ, и затѣмъ уложить ее на постель и растереть ея руки.

— Какъ я устала, — пробормотала она съ глубокимъ вздохомъ, и голова ея бессильно упала на грудь.

— Только не бранитесь, слышите? Не смѣйте браниться! — тотчасъ же воскликнула она, поднимая голову.

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ...

— Но я вижу на вашемъ лицѣ упрекъ...

— Да, конечно. Съ вашей стороны это не честно ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію ко мнѣ, потому что послѣ этого я уже не могу довѣряться вамъ.

— Я этого больше не сдѣлаю, — сказала она съ видомъ кающагося ребенка. — Обѣщаю вамъ.

— Обѣщайте, что будете слушаться, какъ матросъ слушается капитана.

— Обѣщаю. Я сама знаю, что мнѣ не слѣдовало такъ дѣлать.

— Въ такомъ случаѣ обѣщайте еще одну вещь.

— Охотно обѣщаю.

— Обѣщайте, что никогда не будете ни о чемъ просить... потому что, такимъ образомъ, вы всегда можете уничтожить мою власть.

Она весело расхохоталась—она, очевидно, сама прекрасно замѣтила могущественное вліяніе своихъ просьбъ.

— Вы очень мило произносите слово «пожалуйста...»

— Но не слѣдуетъ этимъ злоупотреблять,—добавила она.

Но на этотъ разъ она едва улыбнулась, и ея голова снова упала на грудь. Я быстро укуталъ ее одѣяломъ и концомъ его закрылъ ей голову. Увы, она была очень не крѣпка, а намъ предстояло пройти еще при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ не менѣе шестисотъ миль. Кромѣ того, въ этой области бури случались весьма часто. Однако я какъ-то не чувствовалъ страха, несмотря на то, что и большой вѣры въ будущее у меня не было. Все окончится благополучно, все должно окончиться благополучно, — внушала я себѣ ежеминутно.

Послѣ полудня вѣтеръ значительно посвѣжѣлъ, усилилось волненіе, что чрезвычайно затрудняло мою задачу. Однако, значительный запасъ провіанта и девять боченковъ воды представляли собою такой значительный балластъ, что шлюпка довольно устойчиво выдерживала натискъ вѣтра и волнъ. Наконецъ, пришлось убрать большой парусъ, оставивъ только одинъ рифъ.

Къ вечеру на горизонтѣ показался дымъ.—Это былъ либо какой-нибудь русскій крейсеръ, либо, скорѣе всего, *Македонія*, все еще искавшая встрѣчи съ *Призракомъ*. Солнце въ этотъ день не показывалось и было чрезвычайно холодно. Къ ночи все небо обложило тучами и посвѣжѣло настолько, что намъ пришлось ужинать въ рукавицахъ, причемъ я такъ и не покидалъ весла и наскоро закусывалъ въ промежуткахъ между порывами вѣтра. Наконецъ, когда стемнѣло, пришлось убрать даже

послѣдній рифъ. Вѣтеръ и волненіе до такой степени усилились, что я рѣшился приготовить такъ называемый «штормовый якорь». Это было дѣломъ несложнымъ, хотя я и зналъ о немъ только по рассказамъ охотниковъ. Я снялъ мачту и бумшпритъ, прибавилъ сюда два весла, завернулъ все это въ парусъ, крѣпко перевязалъ, привязалъ къ длинной веревкѣ и бросилъ за бортъ, а конецъ веревки прикрѣпилъ къ кормѣ; это приспособленіе держалось надъ поверхностью воды и двигалось впередъ значительно медленнѣе, чѣмъ лодка; вслѣдствіе этого оно удерживало шлюпку въ направленіи, параллельномъ вѣтру и волненію, значительно уменьшая возможность опрокинуться.

— Ну, а дальше что?—весело спросила Модъ, когда я окончилъ работу и снова натягивалъ рукавицы.

— А дальше, посмотримъ. Мы теперь уже не направляемся къ берегамъ Японіи, а подвигаемся къ юго-востоку со скоростью двухъ миль въ часъ.

— Значить, если вѣтеръ не измѣнится за ночь, то мы сдѣлаемъ всего только двадцать четыре мили?

— Да, а если онъ будетъ дуть трое сутокъ, то мы сдѣлаемъ сто сорокъ миль.

— Ну, трое сутокъ онъ не будетъ дуть, — сказала она съ увѣренностью.—Онъ повернется и снова станетъ попутнымъ.

— Море — среда напризная.

— То море, а то вѣтеръ. Я слышала, какъ въ краснорѣчиво описывали пассаты.

— Жаль, что я не захватилъ хронометра и секстанта. Теперь насъ понесетъ въ сторону, а потомъ

какое-нибудь шальное теченіе понесетъ насъ еще Богъ знаетъ куда и опредѣлить, гдѣ мы находимся, будетъ совершенно невозможно. Мы не успѣемъ оглянуться, какъ насъ унесетъ на пятьсотъ миль въ сторону.

Но я тотчасъ же спохватился, попросилъ у нея прощенія и обѣщаль больше никогда не приходиться въ уныніе. По ея настояніямъ, я предоставилъ ей вахту до полуночи, но, прежде чѣмъ лечь, я закуталъ ее одѣяломъ и надѣлъ на нее непромокаемый плащъ. Спалъ я только урывками. Лодка прыгала по волнамъ, волны шумѣли и насъ непрерывно обдавало мелкой водяной пылью. И все же это была не очень плохая ночь — пустяки въ сравненіи съ тѣми ночами, которыя мнѣ пришлось проводить на *Призракъ*; и можетъ-быть пустяки въ сравненіи съ тѣми ночаим, которыя намъ еще предстояло провести въ этой скорлупѣ. Доски, изъ которыхъ была сдѣлана наша лодка, были въ три четверти дюйма толщины, такъ что между нами и морской бездной была перегородка тоньше одного дюйма.

И все же я снова утверждаю, что не боялся. Смерть, которой я такъ боялся, благодаря Волку Ларсену и Томасу Могриджу, меня больше не страшила. Появленіе въ моей жизни Модъ Брюстеръ, казалось, преобразило меня.

Я пришелъ къ убѣжденію, что гораздо лучше любить, чѣмъ быть любимымъ, ибо у человѣка появляется нѣчто настолько цѣнное, что онъ готовъ отдать ему свою жизнь. Я теперь забывалъ о собственной жизни изъ любви къ другой жизни, но,

несмотря на это, я никогда такъ не хотѣлъ жить, какъ именно теперь, когда я такъ мало цѣнилъ собственную жизнь. Вѣроятно потому, думалъ я, что мое существованіе теперь имѣло наибольше смысла. Потомъ я задремалъ и только по временамъ всматривался въ темноту, гдѣ, я зналъ, сидитъ Модъ, слѣдя за пѣнящимися волнами и готовая позвать меня при малѣйшей опасности.

XXVIII.

Не стоитъ рассказывать подробно объ испытаніяхъ, которыя намъ пришлось терпѣть въ теченіе многихъ дней, когда насъ по волѣ вѣтра носило по океану. Сильный вѣтеръ съ сѣверо-запада продолжался сутки, затѣмъ онъ утихъ и къ ночи сталъ дуть съ юго-запада. Это для насъ было убійственно; но я вытянулъ штормовой якорь, поставилъ паруса и направилъ шлюпку косо по вѣтру въ юго-восточномъ направленіи. Три часа спустя, около полуночи, было такъ темно, какъ еще никогда за все время моего пребыванія на морѣ, и вѣтеръ настолько усилился, что я принужденъ былъ снова опустить штормовой якорь.

Наступилъ разсвѣтъ. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на огромныя волны съ пѣнящимися гребнями, на которыя насъ бросало, какъ щепку. Намъ грозила опасность быть захлеснутыми этими волнами; насъ такъ часто обдавало водой, что мнѣ приходилось безпрестанно вычерпывать ее. Одѣяла намокли. Все было мокро, кромѣ Модъ, на которой былъ непромокаемый плащъ, резиновые сапоги

и капюшонъ. Отъ времени до времени она смѣняла меня и мужественно вычерпывала воду. Все въ мѣрѣ относительно. Это былъ только свѣжій вѣтеръ, но для насъ, борющихся за жизнь въ хрупкой скорлупѣ, онъ казался бурей.

Продрогши до костей, мы боролись цѣлый день съ вѣтромъ и волнами. Наступила ночь, но никто изъ насъ не спалъ. Наступилъ слѣдующій день, а вѣтеръ все дулъ намъ въ лицо, и пѣнящіяся волны все еще обдавали насъ крупными брызгами. На слѣдующую ночь Модъ заснула отъ чрезмѣрной усталости. Я накрылъ ее непромокаемымъ плащомъ и брезентомъ. Одежда на ней была относительно суха, но она совершенно заоченѣла отъ холода; и я серьезно боялся, что она можетъ умереть ночью; насталъ день, такой же холодный и безрадостный, такой же облачный, съ тѣмъ же сильнымъ вѣтромъ и вздымающимися волнами. Я не спалъ уже сорокъ восемь часовъ и промокъ и продрогъ до мозга костей. Всѣ члены мои ооченѣли отъ напряженія и холода, и мускулы страшно болѣли при малѣйшемъ усилии, а мнѣ постоянно приходилось напрягать ихъ. А насъ между тѣмъ несло къ сѣверо-востоку, прочь отъ Японіи, прямо въ холодное Берингово море.

Мы все еще существовали, и наша лодка существовала, и вѣтеръ дулъ попрежнему. Къ вечеру третьяго дня онъ еще немного усилился. Носъ лодки попалъ подъ волну, и лодка почти наполовину наполнилась водой. Я началъ вычерпывать воду съ безумной поспѣшностью, ибо намъ грозила другая волна, а другая волна означала бы

конецъ всего. Вычерпнувъ воду, я принужденъ былъ взять непромокаемый плащъ, который покрывалъ Модъ, для того, чтобы закрыть имъ носовую часть лодки. Это было благоразумно, ибо плащъ закрывалъ почти треть лодки и волны перекатывались черезъ него, когда лодка зарывалась носомъ въ волну.

Положеніе Модъ было очень плачевное. Она сидѣла скрючившись на днѣ лодки; губы у нея были синія, лицо посѣрѣло и выражало страданіе. Но глаза мужественно глядѣли на меня и губы шептали слова ободренія.

Буря ночью, повидимому, достигла своего апогея, хотя я этого не замѣтилъ, ибо заснулъ у правильнаго весла. На утро четвертаго дня вѣтеръ почти стихъ, волненіе утихало и свѣтило солнце. О, благословенное солнце! Какъ оживали наши бѣдныя измученныя тѣла подъ его живительной теплотой! Мы снова улыбались, шутили и оптимистически глядѣли на будущее. Однако наше положеніе было очень скверно. Мы находились еще дальше отъ Японіи, чѣмъ въ ту ночь, когда покинули *Призракъ*. И я только приблизительно могъ угадать широту и долготу того мѣста, гдѣ мы находились. Считая, что мы дѣлали по двѣ мили въ часъ въ продолженіе семидесяти часовъ, насъ должно было отнести, по крайней мѣрѣ, на сто пятьдесятъ миль къ сѣверо-востоку. Но вѣрно ли я высчиталъ? Можетъ быть насъ несло со скоростью четырехъ миль въ часъ? Тогда насъ отнесло еще на сто пятьдесятъ миль дальше.

Гдѣ мы были, гдѣ мы находились, я не зналъ,

хотя легко могло статься, что мы были гдѣ-то поблизости отъ *Призрака*. Вокругъ насъ были котики, и я приготовился каждую минуту встрѣтить какую-нибудь промысловую шхуну. Послѣ обѣда, когда снова поднялся сѣверо-западный вѣтеръ, мы завидѣли какую-то шхуну, но она очень быстро исчезла за горизонтомъ, и мы остались снова одни на морѣ.

Затѣмъ наступили туманные дни, когда даже Модъ охватило мрачное настроеніе, и она уже больше не шутила; потомъ пошли спокойные дни, когда насъ носило по пустынному океану, и мы были подавлены его огромностью и въ то же время изумлялись упорству, съ какимъ наши жизни боролись за существованіе; затѣмъ пошли дни, когда дулъ холодный вѣтеръ и шель снѣгъ съ дождемъ, и когда мы никакъ не могли согрѣться; были дни, когда шель непрерывный дождь и мы наполняли наши боченки водой, которая стекала съ паруса.

Моя любовь къ Модъ все возростала. Модъ была такъ разностороння, такъ богата настроеніями—«многоликая»,—какъ называлъ я ее. Но называлъ я ее этимъ и другими ласкательными именами только про себя. Ибо, хотя слова любви тысячу разъ готовы были сорваться съ моихъ губъ, я все же сознавалъ, что теперь не время говорить о любви, хотя бы потому, что нельзя пытаться спасти женщину и въ то же время просить у нея любви. И я льстилъ себя мыслью, что я ничѣмъ не выдалъ себя. У насъ были простыя, товарищескія отношенія и чѣмъ дальше, тѣмъ они становились лучше.

Больше всего меня удивляло въ ней отсутствіе робости и страха. Огромныя волны, хрупкая лодка, бури, страданія, странность положенія,—все это должно было бы испугать даже и сильную женщину; но на нее это, повидимому, не оказывало никакого вліянія, хотя она привыкла къ жизни вполне безопасной, уютной и сама представляла собою утонченное, изнѣженное существо. Однако я ошибался. Она страдала отъ робости и страха, но мужественно скрывала это. Духъ ея былъ сильнѣе плоти, въ ея глазахъ всегда свѣтилось спокойствіе и увѣренность, что положеніе должно измѣниться.

Бурные дни, когда океанъ грозилъ намъ своими ревущими волнами, и вѣтеръ гналъ нашу лодку своими титаническими дуновеніями, слѣдовали непрерывной чередою. Насъ все дальше и дальше относило на сѣверо-востокъ. И вотъ однажды, во время такой бури, случайно взглянувъ въ палъ, я не повѣрилъ тому, что вдругъ увидѣлъ.

Безсонныя ночи и тревожные дни должно быть закружили мнѣ голову. Я взглянулъ на Модъ, чтобы удостовѣриться, что я еще ясно вижу и не сплю. Видъ ея дорогого мнѣ лица, ея мокрыхъ щекъ, развѣвающихся волосъ и мужественныхъ глазъ, убѣдилъ меня, что мое зрѣніе мнѣ еще не измѣнило. Я снова посмотрѣлъ на подвѣтренную сторону и снова увидѣлъ огромную, черную, совершенно оголенную, рѣзко выступающую въ море скалу, у подножія которой волны разбивались въ мелкія брызги и высоко обдавали ея оголенный остовъ; а на юго-востокѣ виднѣлась не-

приступная линія берега, окруженная точно бѣлымъ кружевомъ, пѣной гигантскихъ волнъ.

— Мода, — сказала я.

Она повернула голову и увидѣла берегъ.

— Это не можетъ быть Аляска! — вскричала она.

— Увы, нѣтъ, — отвѣтилъ я и спросилъ: — вы умѣете плавать?

Она отрицательно покачала головой.

— Я тоже нѣтъ. Такъ что мы должны найти мѣстечко между этими скалами, гдѣ бы мы могли пристать. Но намъ нужно спѣшить, очень спѣшить и дѣйствовать навѣрняка.

Я говорилъ съ увѣренностью, которой во мнѣ не было, и зналъ, что она это чувствуетъ, ибо она пытливо посмотрѣла на меня и сказала.

— Я еще не поблагодарила васъ за все, что вы сдѣлали для меня, но...

Она остановилась въ нерѣшительности, какъ будто не находя словъ, чтобы выразить свою благодарность.

— Ну?—сказалъ я довольно грубо, потому что я тотчасъ же повялъ ея мысль.

— Почему вы такъ говорите?—сказала она улыбаясь.

— Потому что вы намѣрены благодарить меня передъ смертью. Но мы вовсе не собираемся умирать. Мы должны успѣть высадиться на этотъ берегъ и какъ-нибудь устроиться прежде, чѣмъ насъ застанетъ ночь.

Я говорилъ очень увѣренно, но самъ не вѣрилъ ни одномъ слову изъ того, что говорилъ.

Но лгаль я не изъ страха, ибо я не чувствовалъ его, хотя и былъ увѣренъ, что мы погибнемъ въ кипящемъ прибоѣ среди скалъ, къ которымъ мы быстро приближались. Поставить парусъ и удалиться отъ этого опаснаго берега было невозможно, потому что вѣтеръ перевернулъ бы лодку, а волны тотчасъ же захлеснули бы ее; къ тому же и парусъ и мачты волочились за нами въ видѣ штормоваго якоря.

Какъ я уже сказалъ, я не боялся умереть самъ, но меня охватывалъ ужасъ при мысли, что должна умереть Модъ. Я представлялъ ее себѣ разбитой о камни и цѣпенѣлъ отъ ужаса. Я заставлялъ себя думать, что мы можемъ благополучно высадиться и говорилъ не то, что думалъ, а то, чему мнѣ такъ хотѣлось вѣрить.

У меня явилась даже дикая мысль схватить Модъ въ объятія и броситься съ нею за бортъ. Но это продолжалось только одно мгновеніе; я рѣшилъ подождать, и въ послѣдній моментъ, когда намъ ничего не останется, взять ее на руки. сказать ей о своей любви и затѣмъ, не выпуская изъ объятій, кинуться въ волны и умереть.

Мы инстинктивно прижались другъ къ другу на днѣ лодки. Я почувствовалъ ея руку въ своей и, не говоря ни слова, мы стали ожидать конца. Мы были уже недалеко отъ мыса, и я надѣялся, что какое-нибудь теченіе пронесетъ насъ мимо него.

— Мы должны выбраться на берегъ,—сказалъ я съ увѣренностью, которая, однако, не обманывала никого изъ насъ.

— Мы выберемся, чортъ возьми!—закричалъ я, спустя нѣсколько минутъ.

Проклятіе сорвалось съ моихъ губъ въ первый разъ въ жизни.

— Простите меня,—тотчасъ же сказалъ я.

— Вы меня вполне убѣдили въ своей искренности,—сказала она со слабой улыбкой.—Теперь я не сомнѣваюсь, что мы выберемся благополучно.

Впереди мыса виднѣлась низкая коса, и между нею и скалой, очевидно, находился глубокій заливъ. Въ то же время до нашихъ ушей донесся какой-то странный ревъ. Когда мы обогнули мысъ, нашимъ глазамъ представился большой, полукруглый заливъ, окаймленный песочнымъ пляжемъ, о которой разбивались могучія волны прилива и который былъ покрытъ мириадами котиковъ. Ревъ, который мы слышали, издавали, очевидно, они.

— Гнѣздо котиковъ!—вскричалъ я.—Теперь мы дѣйствительно спасены, ибо здѣсь должны быть поблизости крейсера, чтобы охранять это гнѣздо отъ охотниковъ. Здѣсь, можетъ быть, есть даже станція.

Но присмотрѣвшись къ приливу, который набѣгалъ на берегъ я сказалъ:

— Хотя не такъ ужъ плохо, но зато и не очень хорошо. Но если боги будутъ къ намъ благосклонны, то насъ понесетъ на песокъ...

И боги оказались благосклонными. Первый мысъ и слѣдующій находились на линіи юго-западнаго вѣтра: но обогнувши второй мысъ, мы увидали третій, который лежалъ на одной линіи съ первыми двумя. Но зато какой тамъ былъ заливъ! Онъ глубоко врѣзывался въ землю, и море въ немъ было совершенно тихо, за исключеніемъ большихъ, но

совершенно гладкихъ прибрежныхъ волнъ. Я втянулъ штормовой якорь и началъ грести. Отъ мыса берегъ загибался все больше къ югу и къ западу, пока я, наконецъ, не открылъ внутри залива бухточку, въ видѣ маленькой со всѣхъ сторонъ закрытой гавани, защищенной большой скалистой стѣною.

Здѣсь котиковъ совершенно не было. Дно нашей лодки зашуршало по твердому гравію; мгновеніе спустя я выскочилъ на берегъ и протянулъ руку Модъ. Въ слѣдующій моментъ она была около меня; но, когда я выпустилъ ея пальцы, она поспѣшно уцѣпилась за мою руку. Я тоже покачнулся и чуть не упалъ на песокъ. Это произошло отъ того, что мы вдругъ перестали двигаться. Мы такъ долго находились въ движущейся и качающейся лодкѣ, что въ первыя минуты не могли твердо держаться на землѣ. Мы ждали, что берегъ долженъ приподняться и опуститься и что скалы должны качаться, какъ стѣны судна; и когда мы инстинктивно приноравливались къ этимъ воображаемымъ движеніямъ, то неожиданная неподвижность новой среды лишила насъ равновѣсія.

— Я должна сѣсть, — сказала Модъ съ нервнымъ смѣхомъ и сѣла на песокъ, не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ.

Я привязалъ лодку и тоже сѣлъ. Такимъ образомъ мы пристали къ острову Старанія.

XXIX.

— Ахъ, дуракъ!—вскричалъ я въ возбужденіи. Я разгрузилъ лодку и перенесъ ея содержимое

на берегъ, подальше отъ линіи прибоя, и началъ устраивать бивуакъ. На берегу я нашелъ прибитыя волнами щепки, хотя и не въ очень большомъ количествѣ и, взглянувъ на жестяную банку съ кофе, которую я взялъ съ *Призрака*, я сообразилъ, что можно тотчасъ же разложить костеръ.

— О, несчастный идиотъ!—продолжалъ я.

Но Модъ попросила меня успокоиться и спросила, почему я считаю себя идиотомъ.

— Ни одной спички,—простоналъ я.—Не захватилъ ни одной спички. И теперь у насъ не будетъ ни кофе, ни чаю, ни супу, ничего горячаго!..

— Кажется, Робинзонъ Крузо добылъ огонь тѣмъ, что теръ двѣ палки одну объ другую,—сказала она.

— А я читалъ воспоминанія людей, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, которые пробовали это дѣлать, но безъ всякаго результата,—отвѣтилъ я. Я вспомнилъ одного газетнаго корреспондента, извѣдившаго Аляску и Сибирь, который рассказывалъ въ клубѣ, какъ онъ пытался добыть огонь съ помощью двухъ палокъ. Это было очень забавно. Онъ передавалъ это неподражаемо. Но я помню, какъ блеснули его черные глаза, когда онъ въ заключеніе сказалъ: «Господа, малайцы могутъ дѣлать это, жители архипелага могутъ дѣлать это, но, даю вамъ слово, что бѣлымъ людямъ это недоступно».

— Ну, что жъ, мы обойдемся безъ огня, какъ обходились до сихъ поръ, — сказала Модъ. — И почему у насъ въ самомъ дѣлѣ непременно долженъ быть огонь?

Сознаюсь, что мнѣ очень хотѣлось кофе и вскорѣ я узналъ, что Модъ тоже любить кофе. Къ тому же мы такъ долго сидѣли на холодной пищѣ, что внутри у насъ словно все застыло. Но я пересталъ жаловаться и началъ сооружать для Модъ палатку изъ паруса.

Мнѣ казалось, что это довольно легко сдѣлать, имѣя подъ рукой весла, мачту, багоръ и бушпритъ и массу веревокъ. Но такъ какъ у меня не было опытности, то на эту работу у меня ушелъ цѣлый день. А ночью шелъ дождь, палатку затопило, и Модъ пришлось спасаться въ лодкѣ.

На слѣдующее утро я вырылъ неглубокую канаву вокругъ палатки; но часъ спустя неожиданный порывъ вѣтра подхватилъ палатку и бросилъ ее на песокъ въ тридцати ярдахъ отъ насъ.

Модъ только засмѣялась. Я рѣшилъ, какъ только вѣтеръ утихнетъ, объѣхать на лодкѣ островъ, не сомнѣваясь, что тутъ должна быть гдѣ-нибудь станція, которую посѣщаютъ суда. Должно же какое-нибудь правительство охранять этихъ котиковъ! Но сперва я хотѣлъ устроить Модъ какъ можно уютнѣе.

— Я тоже отправлюсь вмѣстѣ съ вами, — сказала она.

— Вамъ лучше остаться. Вы достаточно перенесли лишеній. Это чудо, что вы выжили. А въ лодкѣ въ эту дождливую погоду будетъ очень плохо. Вамъ необходимъ отдыхъ, и я хотѣлъ бы, чтобы вы остались и отдохнули.

Ея прекрасные глаза какъ-будто заволокла дымка, и она тихо сказала съ просьбой въ голосъ:

— Я лучше отправлюсь съ вами... Я можетъ быть могу быть полезной вамъ... хоть немного. А если что-нибудь случится съ вами, то что же буду я дѣлать здѣсь одна?

— О, я буду очень остороженъ,—отвѣтилъ я.— Я далеко не поѣду и къ ночи вернусь сюда. Но, право, вамъ гораздо лучше остаться здѣсь, поспать и отдохнуть.

Она съ нѣжнымъ упрямствомъ посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Я очень прошу васъ...

Но я рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не уступать и отрицательно покачалъ головой. Она все еще ждала и смотрѣла на меня. Я хотѣлъ словами повторить свой отказъ, но колебался. Въ ея глазахъ вспыхнула радость, и я зналъ, что проигралъ. Послѣ этого уже бесполезно было бы говорить.

Послѣ полудня вѣтеръ совершенно утихъ, и мы собирались отправиться на слѣдующее утро.

Изъ нашего убѣжища мы никакъ не могли попасть внутрь острова, ибо съ берега отвѣсно поднимались высокія и совершенно гладкія скалы.

Настало утро, сѣрое и туманное, но тихое. Я проснулся рано и сталъ готовить лодку.

— Ахъ, дуракъ! Ахъ, идиотъ!—кричалъ я, хотя Модъ еще спала; но на этотъ разъ я кричалъ весело и танцевалъ отъ радости.

Ея голова выгнула изъ отверстія палатки.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она соннымъ голосомъ.

— Кофе,—вскричалъ я.—Что вы скажете, если я вамъ предложу чашку горячаго кофе?

— Боже мой, вы меня испугали! И, право, вы жестоки. Я уже примирилась съ тѣмъ, что кофе нѣтъ, а вы теперь снова дразните меня неосуществимыми желаніями.

— Смотрите, что я сейчасъ буду дѣлать,—сказалъ я.

Въ расщелинахъ скалъ я нашелъ нѣсколько сухихъ щепокъ и расщепилъ ихъ въ мелкія лучины. Затѣмъ вырвалъ листъ изъ записной книжки и досталъ ружейный патронъ. Вынувъ изъ него пыжъ, я высыпалъ порохъ на плоскій камень. Затѣмъ я вынулъ пистонъ изъ патрона и положилъ его на камень посреди пороха. Все было готово. Модъ все еще слѣдила за мной изъ палатки. Держа въ лѣвой рукѣ бумагу, я правой взялъ камень и ударилъ по пистону. Появилось облачко бѣлаго дыма, затѣмъ языкъ пламени и конецъ бумаги вспыхнулъ.

Модъ радостно захлопала въ ладоши.

— Прометей!—вскричала она.

Но я былъ слишкомъ занятъ, чтобы оцѣнить ея восторгъ. Нужно было бережно обращаться со слабымъ огонькомъ, чтобы онъ могъ разрастись въ большое пламя.

Я все время подкладывалъ по одной лучинѣ, и, наконецъ, огонь окрѣпъ настолько, что щепки начали весело трещать. Въ мои расчеты не входило попасть на пустынный островъ, и поэтому я не захватилъ ни котелка, ни, вообще, никакихъ кухонныхъ принадлежностей. Но я приспособилъ жестянку, которой вычерпывалъ воду изъ лодки, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ мы съѣдали консервы, у насъ освобождалось много жестянокъ,

которыя мы превращали въ кухонную и столовую посуду.

Я вскипятилъ воду, а Модъ сдѣлала кофе. И какъ онъ былъ вкусенъ! Кромѣ того я поджарилъ консервированное мясо съ раздробленными морскими галетами. Завтракъ былъ великолѣпный, и мы долго сидѣли у огня, попивая черный кофе и обсуждая свое положеніе.

Я былъ увѣренъ, что мы найдемъ гдѣ-нибудь станцію, такъ какъ зналъ, что такимъ образомъ охраняются острова, гдѣ водятся котики. Но Модъ высказала предположеніе, что мы открыли неизвѣстный котиковый островъ. Тѣмъ не менѣе она была въ очень хорошемъ настроеніи и весело смотрѣла на предстоящія намъ тяжелыя испытанія.

— Если это такъ,—сказалъ я,—то мы должны приготовиться перезимовать здѣсь. Нашихъ запасовъ намъ не хватитъ на зиму. Здѣсь есть котики, но они осенью уйдутъ отсюда, такъ что надо будетъ сейчасъ же начать заготовливать мясо на зиму. Затѣмъ надо будетъ построить хижину и набрать топлива. Для освѣщенія надо будетъ приспособить котиковый жиръ. Словомъ, намъ предстоитъ очень много работы, если только островъ необитаемъ... что совершенно невѣроятно.

Но она оказалась права. Мы отправились съ попутнымъ вѣтромъ вокругъ острова, осмотрѣли въ бинокль заливы, кое-гдѣ высаживались, но нигдѣ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ человѣческаго жилья. Затѣмъ мы узнали, что мы не первые высадились на этотъ островъ. На высокомъ берегу второго залива мы нашли остатки разбитой лодки,

повидимому промысловой, ибо уключины веселья были обмотаны плетенкой, къ борту было придѣлано приспособленіе для ружья и оставалась едва замѣтная надпись, бѣлыми буквами: *Газель № 2*. Лодка лежала здѣсь, очевидно, очень долгое время, ибо она была наполовину наполнена пескомъ, и дерево посѣрѣло и полусгнило отъ дѣйствія солнца, вѣтра и дождя. На кормѣ лодки я нашелъ заржавленное охотничье ружье и сломанный матросскій складной ножъ.

— Они ушли отсюда,—сказалъ я весело;—но сердце у меня сжалось, ибо мнѣ казалось, что если поискать по берегу, то навѣрное можно набрести на человѣческія кости.

Я не хотѣлъ портить настроеніе Модъ такимъ зрѣлищемъ и направилъ лодку въ море, чтобы объѣхать остальную часть острова.

Южный берегъ былъ скалистъ, и часа черезъ два мы обогнули нашъ мысъ, и, такимъ образомъ, завершили нашъ кругъ. Я высчиталъ, что окружность острова равняется двадцати пяти милямъ, при чемъ ширина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до пяти миль: по моимъ вычисленіямъ, число котиковъ на его берегахъ доходило до двухсотъ тысячъ. Островъ былъ наиболѣе высокъ въ своей юго-западной части и затѣмъ правильно понижался къ сѣверо-востоку, гдѣ онъ возвышался всего на два фута надъ моремъ. На скалахъ коегдѣ росъ мохъ и скудная трава. Здѣсь котики выходили на берегъ, при чемъ старые самцы охраняли свои гаремы, а молодые держались отдѣльно.

Островъ Старанія не заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Онъ стоитъ на пути всѣхъ бурь, море бѣшено насканиваетъ на него, и воздухъ безпрестанно оглашается ревомъ двухсотъ тысячъ животныхъ. Понятно, что онъ представляетъ собою очень мрачное, унылое мѣсто для пребыванія людей. Модъ загрустила, несмотря на то, что сама подготавливала меня къ разочарованію и весь день была весела и оживленна. Она старалась скрыть это отъ меня, но, когда я во второй разъ разжигалъ костеръ, я зналъ, что она лежитъ въ палаткѣ и, покрывшись одѣяломъ, старается заглушить свои рыданія.

Теперь настала моя очередь быть бодрымъ, и я сыгралъ свою роль съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ ея милые глаза снова стали улыбаться и зазвучать ея смѣхъ. Вечеромъ она даже пѣла. Я въ первый разъ услышалъ ея пѣніе; у нея былъ несильный, но пріятный, выразительный голосъ, и, лежа у костра, я унесся въ совершенно другой міръ...

Я спалъ въ лодкѣ, и въ эту ночь долго не могъ заснуть, глядя на звѣзды, которыхъ я не видѣлъ уже много ночей и раздумывая надъ нашимъ положеніемъ.

Волкъ Ларсенъ былъ совершенно правъ: я всегда стоялъ на ногахъ своего отца. Мои повѣренные и управители заботились о моихъ деньгахъ и на мнѣ не лежало никакой отвѣтственности. На *Призракъ* я научился быть отвѣтственнымъ за самого себя, а сейчасъ, въ первый разъ въ жизни, на мнѣ лежала отвѣтственность и за другого. И я сознавалъ, что эта отвѣтственность серьезнѣе всѣхъ

прочихъ, ибо она относилась къ женщинѣ, слабой и безконечно дорогой.

XXX.

Мы не даромъ назвали этотъ островъ—островомъ Старанія. Цѣлыхъ двѣ недѣли мы трудились надъ постройкой хижины. Модъ непременно хотѣла помогать мнѣ, а я чуть не плакалъ, видя ея разбитыя и исцарапанныя руки. Однако я безпрестанно восхищался ею. Въ этой слабой, хрупкой женщинѣ было нѣчто героическое, и она такъ стойко переносила тяжелыя условія нашей жизни, какъ будто родилась крестьянкой. Она собирала камни, изъ которыхъ я складывалъ стѣны хижины, и не обращала вниманія на мои просьбы не слишкомъ усердствовать. Но, въ концѣ концовъ, она согласилась взять на себя болѣе легкой трудъ: варить, собирать щепки и мохъ для запаса на зиму.

Стѣны хижины росли безъ особыхъ затрудненій, но я сталъ втупикъ, когда пришлось возводить крышу. Въ самомъ дѣлѣ, для чего стѣны, если нѣтъ крыши? И изъ чего сдѣлать ее?

Правда, у насъ были весла, которыя могли бы служить стропилами, но чѣмъ покрыть ихъ? Мохъ не годился для этого, трава тоже. Парусъ намъ нуженъ былъ для лодки, а небольшой брезентъ сталъ течь.

— Путешественники на голыхъ островахъ, обыкновенно дѣлаютъ крышу изъ моржовыхъ шкуръ,—сказалъ я.

— Но, вѣдь, здѣсь много котиковъ,—напомнила она.

Такимъ образомъ на слѣдующій день началась охота. Я не умѣлъ стрѣлять и мнѣ приходилось учиться. Но когда я истратилъ тридцать патроновъ на трехъ котиковъ, то рѣшилъ, что, пожалуй, всѣ мои заряды уйдутъ на ученіе. Такъ какъ я истратилъ восемь патроновъ на зажиганіе костра прежде, чѣмъ научился сохранять жаръ, покрывая его мокрымъ мохомъ, то у меня оставалось не больше сотни патроновъ.

— Мы должны убивать котиковъ палками,—объявилъ я, когда убѣдился въ своей неискренности.—Я слышалъ отъ охотниковъ, что котиковъ можно убивать палками.

— Но они такіе хорошенькіе,—возразила она.— Неужели это необходимо? Вѣдь, это такъ жестоко. Это совсѣмъ не то, что стрѣлять.

— Но, вѣдь, у насъ должна быть крыша,—отвѣтилъ я мрачно.—Зима ужъ близко. Намъ приходится выбирать между своими жизнями и ихними! Къ несчастію у насъ мало патроновъ, къ тому же я думаю, что они гораздо менѣе страдаютъ, когда ихъ убиваютъ палками, чѣмъ когда ихъ стрѣляютъ. Да и бить ихъ буду только я.

— А что же буду дѣлать я?—смущенно спросила она.

— Будете собирать щепки и варить обѣдъ,—отвѣтилъ я шутливо.

— Но одному идти опасно...

Я хотѣлъ возразить, но она замахала рукой и сказала:

— Я знаю, знаю, что вы скажете: что я только слабая женщина. Но и моя помощь можетъ пригодиться въ случаѣ опасности.

— А кто же будетъ бить котиковъ?

— Конечно, вы. Я, пожалуй, стала бы кричать. Впрочемъ, я не буду смотрѣть, когда...

— Когда будетъ опасно?—замѣтилъ я со смѣхомъ.

— Я буду знать, когда смотрѣть и когда нѣтъ,—недовольно отвѣтила она.

На слѣдующее утро мы отправились вмѣстѣ на охоту. Я въѣхалъ въ сосѣдній заливъ. Котики кишѣли вокругъ насъ въ водѣ и такъ неистово ревѣли, что совершенно заглушали наши голоса.

Я зналъ, что котиковъ убиваютъ дубинами, но вопросъ, какъ ихъ убиваютъ?

— Давайте лучше попробуемъ покрыть крышу мхомъ,—сказала Модъ.

Она испугалась точно такъ же, какъ и я, когда мы увидѣли вблизи сверкающіе клыки и большія пасти, похожія на собачьи.

— Я думалъ, что они боятся людей,—сказалъ я.—А можетъ быть они дѣйствительно боятся и, если смѣло пристать къ берегу, то они разбѣгутся, и я не поймаю ни одного.

— А я слышала, что одинъ человѣкъ попалъ въ мѣсто высадки дикихъ гусей,—сказала Модъ,—и они убили его.

— Гуси?

— Да, гуси. Мнѣ это рассказывалъ братъ, когда я была маленькой.

— Однако я навѣрное знаю, что ихъ убиваютъ дубинками,—настаивалъ я.

— Право изъ травы и мха можно сдѣлать превосходную крышу, — сказала она.

Слова эти привели меня въ большое раздраженіе. Не могъ же я оказаться трусомъ въ ея глазахъ!

— Вотъ идетъ одинъ, — сказалъ я, быстро приставая къ берегу. Я вышелъ изъ лодки и смѣло подошелъ къ большому самцу, лежавшему среди своихъ женъ. У меня въ рукахъ была палка, которой гребцы добиваютъ раненыхъ охотниками котиковъ. Она была около аршина длины, и я даже не подозрѣвалъ, что палка, которую употребляютъ на берегу, должна быть не менѣе пяти футовъ длины. Самки уходили отъ меня и разстояніе между мной и самцомъ уменьшалось. Когда между мной и имъ оставалось около двѣнадцати футовъ, онъ сердито поднялся на свои плавники. Но я все-таки шелъ впередъ, ожидая каждую минуту, что онъ повернетъ и убѣжитъ.

Когда я находился въ трехъ шагахъ отъ него, меня охватилъ страхъ. А что, если онъ не убѣжитъ? Ну что жъ, тогда я долженъ убить его, отвѣтилъ я самъ себѣ. Отъ страха я совершенно забылъ, что я пришелъ сюда, чтобы убить его, а не для того, чтобы заставить его убѣжать отъ меня. Вдругъ онъ зарычалъ и бросился на меня. Глаза его были налиты кровью, пасть широко раскрыта и въ ней зловѣще сверкали бѣлые, огромные клыки. Признаюсь, что не онъ, а я повернулся и побѣжалъ. Онъ грузно, но довольно быстро бѣжалъ за мною. Онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ меня, когда я вскочилъ въ лодку, и, когда я отталкивался весломъ, онъ вцѣпился въ него зубами.

Твердое дерево сломалось, какъ яичная скорлупа. Мы были поражены. Въ слѣдующій моментъ онъ нырнулъ подъ лодку, схватился зубами за киль и сильно ее потрясъ.

— Боже,—сказала Модъ,—поѣдемъ скорѣе назадъ.

Я отрицательно покачалъ головой.

— Я могу сдѣлать то же, что дѣлають другіе; а я знаю, что другіе убиваютъ котиковъ. Только я больше не буду трогать большихъ самцовъ.

— Я бы васъ просила совсѣмъ не трогать котиковъ,—сказала она.

— Нѣтъ, только не вѣдумайте просить,—отвѣчалъ я съ раздраженіемъ. Она, должно быть, обидѣлась и замолчала.

Мы проѣхали вдоль берега еще футовъ двѣсти, я совершенно успокоился и снова вышелъ на берегъ.

— Будьте осторожны,—сказала она.

Я кивнулъ головой и продолжалъ пробираться къ ближайшимъ котикамъ. Все шло хорошо пока я не нацѣлился и не ударилъ одного изъ нихъ по головѣ. Это была самка; она фыркнула и попыталась убѣжать, но я догналъ ее и еще разъ ударилъ ее, но не по головѣ, а по плечу.

— Берегитесь!—услышалъ я крикъ Модъ.

Подъ вліяніемъ возбужденія я совершенно не замѣчалъ, что дѣлалось кругомъ, и, только когда она закричала, я увидалъ самца, собиравшагося броситься на меня. Я снова пустился бѣжать къ лодкѣ и вскочилъ въ нее, когда онъ почти догналъ меня. Но на этотъ разъ Модъ уже не предлагала вернуться обратно.

— Я думаю, что было бы гораздо лучше, если бы вы оставили въ покоѣ гаремы и охотились бы на одинокихъ котиковъ,—сказала она.—Я какъ-то читала о томъ, что молодые самцы, у которыхъ нѣтъ еще гаремовъ, держатся отдѣльно; ихъ называютъ холостяками. Объ этомъ подробно писалъ Джорданъ. Если бы найти ихъ...

— Мнѣ кажется, что въ васъ просыпаются боевые инстинкты,—сказалъ я со смѣхомъ.

Она покраснѣла.

— Нѣтъ, мнѣ совсѣмъ не нравится убивать такихъ красивыхъ и безобидныхъ животныхъ.

— Красивыхъ, нечего сказать!—фыркнулъ я. Я ничего не замѣтилъ красиваго въ тѣхъ свирѣпыхъ экзеплярахъ, которые съ пѣною у рта преслѣдовали меня.

— Это зависитъ отъ точки зрѣнія. У васъ не было перспективы. Если бы вы такъ близко къ нимъ не подходили...

— Вотъ, вотъ!—вскричалъ я.—Чего мнѣ недостаетъ, такъ это длинной палки. И я сейчасъ снова попробую вотъ этимъ сломаннымъ весломъ.

— Я только что вспомнила, что капиталъ Ларсенъ рассказывалъ мнѣ, какъ бьютъ котиковъ. Сначала ихъ раздѣляютъ на небольшія стада и гонять внутрь острова.

— Ну, я бы не хотѣлъ погнать одинъ изъ этихъ гаремовъ.

— Но вѣдь есть же холостяки, которые сами идутъ внутрь острова; какъ говоритъ Джорданъ, между гаремами есть тропинки, и, пока холостяки держатся ихъ, главы гаремовъ ихъ не трогаютъ.

— Вотъ одинъ изъ нихъ,—сказалъ я, указывая на молодого самца, плывшаго мимо лодки.— Посмотримъ, какъ онъ выйдетъ на берегъ.

Котикъ подплылъ къ берегу и выбрался на него въ небольшомъ проходѣ между двумя гаремами. Старые самцы издали предостерегающее рычаніе, но не тронули его. Мы слѣдили, какъ онъ медленно ползъ внутрь острова по проходу.

— Теперь пойду я,—сказалъ я, выпрыгивая изъ лодки; но сознаюсь, что сердце у меня забилося отъ страха при мысли, что мнѣ надо пройти сквозь это огромное стадо.

— Лучше привязать лодку,—сказала Модъ, выскакивая изъ нея.

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но она утвердительно кивнула головой.—Да, я иду съ вами, такъ что привяжите лодку и дайте мнѣ тоже палку.

— Поѣдемте лучше назадъ и покроемъ крышу травой...

— Вы прекрасно знаете, что это невозможно. Что же? хотите, чтобы я шла впередъ?

Я пожалъ плечами, но въ глубинѣ души я восхищался и гордился этой женщиной. Я вооружилъ ее сломаннымъ весломъ, а другое взялъ себѣ. Первые нѣсколько шаговъ мы трепетали отъ страха. Вдругъ Модъ вскрикнула, когда одна самка съ любопытствомъ потянулась носомъ къ ея ногамъ, и я самъ нѣсколько разъ ускорялъ шаги по той же причинѣ. Но, помимо предостерегающаго рычанія, мы не замѣчали никакихъ другихъ признаковъ враждебности. Здѣсь люди еще никогда не охо-

тились и поэтому котики не были злы и не боялись.

Въ самой серединѣ стада стоялъ просто оглушительный шумъ. Отъ него кружилась голова. Я остановился и улыбнулся Модъ; она была страшно напугана. Она подошла ко мнѣ и крикнула:

— Я страшно боюсь.

Но я уже не боялся, мирное поведеніе котиковъ успокоило меня. Но Модъ дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я боюсь, и въ то же время не боюсь,—говорила она трясущимися губами.—Бойтся мое жалкое тѣло, а не я.

— Не бойтесь, не бойтесь,—успокаивалъ я ее обнявъ рукою за станъ.

Я никогда не забуду, какъ въ ту же минуту я почувствовалъ, что я мужчина. Въ самыхъ глубинахъ моего существа прснулся первобытный, боевой самецъ, зашевелилось сознание моего мужского достоинства, я почувствовалъ себя покровителемъ слабой и любимой женщины. Она прильнула ко мнѣ такая легкая и хрупкая, и во мнѣ проснулась какая-то удивительная сила. Я почувствовалъ, что я могъ бы сразиться съ самымъ свирѣпымъ самцомъ изъ стада, и я знаю, что, если бы онъ напалъ на меня, то я встрѣтилъ бы его совершенно спокойно и, весьма возможно, что убилъ бы его,

— Я уже теперь успокоилась,—сказала она, глядя на меня съ благодарностью.—Теперь пойдемъ дальше.

Сознание, что моя сила успокоила ее и придала ей увѣренность, наполнило меня радостью. Во мнѣ проснулась ранняя юность моей расы, муже-

ство, которымъ она обладала въ прежнюю, охотничью эпоху. Мнѣ за многое приходится быть благодарнымъ Волку Ларсену, думалъ я, когда мы подвигались впередъ по проходу между гаремами.

Въ четверти мили отъ берега, мы, наконецъ, увидели холостяковъ—гладкошерстныхъ молодыхъ самцовъ, которые проводили свои дни въ одиночествѣ, собираясь съ силами, чтобы потомъ пробить себѣ дорогу въ ряды избранныхъ.

Теперь все пошло гладко. Я вдругъ научился, что дѣлать и какъ дѣлать. Крича и грозно размахивая палкой, подгоняя ударами наиболѣе лѣнивыхъ, я быстро отдѣлилъ около двадцати молодыхъ самцовъ отъ ихъ товарищей. Когда какой-нибудь изъ нихъ дѣлалъ попытку вернуться къ морю, я его загонялъ обратно. Модъ принимала горячее участіе въ загонѣ, и ея крики, а также размахиванія сломаннымъ весломъ, оказывали мнѣ значительную помощь. Я замѣтилъ, однако, что если какой-нибудь котикъ казался усталымъ и отставалъ, она давала ему возможность ускользнуть; но зато, когда какой-нибудь воинственный котикъ собирался пробиться и удрать, то ея глаза вагорались и она ударами палки загоняла его обратно.

— Да вѣдь это очень занятно!—воскликнула она.—Только я посижу... я очень устала.

Я отогналъ небольшое стадо, головъ въ двѣнадцать, еще ярдовъ на сто дальше, и, къ тому времени, когда она подошла ко мнѣ, я уже убилъ ихъ и начиналъ сдирать съ нихъ шкуры. Черезъ часъ мы, нагруженные шкурами, гордо спуска-

лись по проходу между гаремами. Еще, дважды мы возвращались за шкурами, и, наконецъ, я рѣшилъ, что ихъ хватить на крышу. Я поставилъ парусъ и мы быстро понеслись по спокойному морю.

— Мы точно дикари, возвращающіеся домой съ охоты,—сказала Модъ, когда лодка мягко остановилась на песчаномъ берегу.

Ея слова пріятно взволновали меня и я сказалъ.

— Миѣ кажется, что я всегда жилъ этой жизнью. Миръ книгъ и книжныхъ людей представляется миѣ гдѣ-то далеко, въ туманѣ, словно далекій сонъ. Я же всю жизнь охотился и боролся за существованіе. Вы, миѣ кажется, тоже всегда были со мною. Вы...—я чуть было не сказалъ «моя женщина, моя самка», но вмѣсто этого я прибавилъ:—...очень хорошо переносите трудности нашей теперешней жизни.

Но отъ нея не скрылось мое колебаніе и она быстро взглянула на меня.

— Вы не то хотѣли сказать. Вы говорили...

— Что знаменитая американская писательница великолѣпно приспособляется къ жизни дикарки.

— А!—сказала она; но я готовъ поклясться, что въ ея голосѣ было разочарованіе.

Но слова «моя женщина, моя самка», долго еще звучали въ моихъ ушахъ, особенно въ тотъ вечеръ, когда она снимала мохъ съ тлѣющихъ углей, раздувала костеръ и варила ужинъ. Во миѣ проснулись чувства дика и вмѣстѣ съ ними и потребность дать женщинѣ прежнее, забытое имя.

XXXI.

— Эти шкуры будутъ дурно пахнуть, но зато не будутъ пропускать ни дождя ни снѣга, точно такъ же, какъ не будутъ выпускать и тепла изъ хижины. Крыша немного неуклюжа, но сослужитъ свою службу, а это вѣдь самое главное.

Она захлопала въ ладоши и заявила, что ей она ужасно нравится.

— Только какъ здѣсь темно!—воскликнула она затѣмъ, невольно вздрогнувъ.

— Почему вы не сказали мнѣ, что нужно оставить мѣсто для окна, когда я клалъ стѣны?—сказалъ я.—Я вѣдь строилъ это для васъ, и вы должны были знать, что вамъ нужно окно.

— Но, вѣдь, вы и теперь можете пробить дыру въ стѣнѣ.

— Совершенно вѣрно; но гдѣ заказать стекла?

— Ну, значить, у насъ не будетъ окна.

— Увы,—сказалъ я.

Хижина представляла собою темный, безобразный хлѣвъ, который въ цивилизованной странѣ годился бы только для свиней. Но намъ, познавшимъ все ужасы жизни въ открытой лодкѣ, она казалась чрезвычайно уютной.

Отпраздновавъ новоселье, при свѣтѣ импровизированнаго свѣтильника изъ котиковаго жира и фитиля, сдѣланнаго изъ пеньки, мы принялись заготовлять мясо на зиму, и строить вторую хижину. Теперь мы каждое утро отправлялись на охоту и къ полудню возвращались съ полной лодкой котиковъ. Затѣмъ, когда я выстроилъ вторую хижину,

Модъ сушила мясо. Я слышалъ когда-то, какъ сушатъ бычачье мясо въ степяхъ, и, разрѣзавъ котиковое мясо на тонкіе куски и прокоптивъ ихъ въ дыму, мы получали отличное копченое мясо.

Вторую хижину было легче построить, такъ какъ мы ее пристраивали къ первой, и потому требовались только три стѣны. Но все же и на нее ушло много тяжелаго труда. Модъ и я работали съ утра до вечера, до полного изнеможенія, такъ что, когда наступала ночь, то мы засыпали, какъ убитые. Тѣмъ не менѣе, Модъ говорила, что она никогда еще не чувствовала себя такъ хорошо. Хотя я зналъ это по себѣ, но мнѣ она казалась такой хрупкой, что я все время боялся, что она не выдержитъ и сломится. Часто, очень часто, когда у ней не хватало силъ, она ложилась навзничъ на песокъ и отдыхала. Затѣмъ снова вставала и принималась за работу. Я только удивлялся, откуда у нея берутся силы.

— Мы, вѣдь, всю зиму будемъ отдыхать,—отвѣчала она, когда я просилъ ее не утомляться.—Мы тогда будемъ рады хоть какой-нибудь работѣ.

Наконецъ, достроили и мою хижину и тоже отпраздновали новоселье. Это былъ третій день страшной бури, которая мчалась съ юго-востока на сѣверо-западъ и обрушилась прямо на насъ. Волны съ оглушительнымъ шумомъ набѣгали на берега острова и даже въ нашей маленькой гавани онѣ вздымались довольно высоко. Высокій хребетъ острова не защищалъ насъ отъ вѣтра, который такъ свистѣлъ и вылъ вокругъ хижины, что временами я боялся, что стѣны не выдержатъ

напора. Крыша изъ котиковыхъ шкуръ, которая, мнѣ казалось, была натянута туго, какъ барабанъ, осѣдала и колебалась при каждомъ порывѣ вѣтра, а въ стѣнахъ, которыя, казалось, были хорошо законопачены мхомъ, открылись безчисленныя отверстія. Все же котиковый жиръ ярко горѣлъ и намъ было тепло и уютно.

Какой это былъ пріятный вечеръ! Настроеніе у насъ было хорошее. Насъ не пугала предстоящая зима, мы къ ней приготовились. Котики могли каждую минуту отправиться въ свое таинственное путешествіе на югъ, и насъ это нисколько не тревожило. Бурь мы тоже не боялись. Мы не только были укрыты отъ вѣтра, дождя и холода, но у насъ еще были великолѣпнѣйшіе мягкіе матрацы, сдѣланные изъ мха. Придумала ихъ Модъ и она же сама собрала весь мохъ. Я долженъ былъ спать свою первую ночь на матрацѣ и былъ увѣренъ, что мой сонъ будетъ еще слаще отъ того, что матрацъ сдѣлала она.

Когда она встала, чтобы итти къ себѣ, она обернулась ко мнѣ и какъ-то странно сказала:

— Что-то должно случиться и уже случилось. Я чувствую это. Намъ предстоитъ что-то. Я не знаю что, но оно уже близко.

— Хорошее или дурное?—спросилъ я.

Она покачала головой.

— Я не знаю, но оно здѣсь близко.—Она указала по направленію къ морю.

— Но, вѣдь, это подвѣтренный берегъ,—засмѣялся я.—И право я бы не хотѣлъ приставать сюда въ такую ночь. Но вамъ не страшно?—спросилъ я, отворяя ей дверь.

Она посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза.

— Вы чувствуете себя хорошо?

— Лучше, чѣмъ когда бы то ни было.

Мы поговорили еще немного и она ушла.

— Спокойной ночи, Модъ,—сказалъ я.

— Спокойной ночи, Гёмфри,—отвѣтила она.

Мы впервые называли другъ друга по именамъ, но это вышло какъ-то незамѣтно для насъ самихъ и вполне естественно. Я бы могъ обнять ее и притянуть къ себѣ; въ томъ мірѣ, гдѣ мы раньше жили, я бы, навѣрное, такъ и поступилъ. Но я этого не сдѣлалъ. Только оставшись одинъ въ своей хижинѣ, я почувствовалъ, что что-то вдругъ сблизило насъ, что-то такое, чего не было раньше.

XXXII.

Я проснулся съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, словно вокругъ меня чего-то недоставало. Но когда я окончательно проснулся, я понялъ, что недоставало вѣтра.

За нѣсколько мѣсяцевъ это была первая ночь, которую я проводилъ подъ крышей, и теперь я лежалъ, нѣжась подъ теплымъ одѣяломъ, размышляя о странномъ впечатлѣніи, которое произвело на меня отсутствіе вѣтра, и наслаждался сознаниемъ того, что я лежу на матрацѣ, сдѣланномъ руками Модъ. Когда я одѣлся и открылъ дверь, волны все еще съ шумомъ бились о берегъ. Но утро было ясное и солнце ярко свѣтило. Я спалъ долго и теперь чувствовалъ необыкновенный приливъ энергіи и, какъ подобало жителю острова Старанія, жалѣлъ о потерянномъ времени.

Но вдругъ я вастылъ въ изумленіи. На берегу футахъ въ пятидесяти отъ меня, стояло какое-то черное судно, безъ мачтъ, зарывшись носомъ въ песокъ. Мачты и реи, перепутавшись съ парусами и безчисленными тросами, лежали въ водѣ рядомъ съ нимъ.

Я протиралъ глаза, но, нѣтъ, это былъ онъ. Я тотчасъ же узналъ наскоро сколоченную нами кухню взамѣнъ погибшей, знакомый ютъ и низкую яхтъ-каюту, еле поднимающуюся надъ бортомъ. Это былъ *Призракъ*.

Какой капризъ судьбы привелъ его сюда, именно сюда? Какая странная случайность? Я посмотрѣлъ назадъ, на высокую скалистую стѣну и меня охватило отчаяніе. Убѣжать было невозможно. Я подумалъ о Модъ, спавшей въ своей хижинѣ, вспомнилъ, какъ она сказала мнѣ «спокойной ночи, Гѣмфри», вспомнилъ свое выраженіе «моя женщина, моя самка», и у меня потемнѣло въ глазахъ.

Это можетъ-быть продолжалось только часть секунды, но я потерялъ сознаніе. Когда я пришелъ въ себя, передо мной стоялъ *Призракъ*, носомъ на песокъ, его перепутанные мачты и снасти висѣли сбоку и касались тихо журчавшихъ волнъ. Надо непременно что-нибудь предпринять, но что?

Меня вдругъ поразило, что на суднѣ не было замѣтно никакой жизни. «Вѣроятно утомились и спятъ, подумалъ я». И второй моей мыслью было, что Модъ и я можемъ еще убѣжать. Мы могли бы незамѣтно сѣсть въ лодку и обогнуть мысъ...

Я могъ бы сейчасъ позвать ее и тотчасъ же

пуститься въ путь. Моя рука уже поднялась, чтобы постучать въ ея дверь, но я вдругъ вспомнилъ, что островъ очень малъ. Мы бы не могли на немъ скрыться. Для насъ оставался только огромный, бурный океанъ. Я подумалъ о нашихъ уютныхъ маленькихъ хижинахъ, о нашихъ запасахъ мяса и сала, мху и дровъ, и понялъ, что мы не можемъ выжить на холодномъ морѣ въ такую бурную пору.

Я стоялъ въ нерѣшительности передъ ея дверью. Да, это невозможно, совершенно невозможно. Вдругъ въ голову явилась дикая мысль пойти и убить ее, пока она спитъ. Но затѣмъ у меня мелькнула новая мысль: всѣ на борту спать, почему бы мнѣ не пробраться на *Призракъ*—вѣдь я хорошо зналъ, гдѣ находится койка Ларсена—и убить его. А потомъ... ну, да тамъ увидимъ, что дѣлать. Послѣ его смерти у насъ останется время, чтобы подумать о другомъ, ибо, чтобы ни случилось потомъ, врядъ ли положеніе стало бы хуже, чѣмъ теперь.

Мой кинжалъ висѣлъ у пояса. Я вернулся въ хижину, взялъ ружье, убѣдился въ томъ, что оно было заряжено и отправился на *Призракъ*. Съ большимъ трудомъ, бредя въ водѣ по поясъ, я взобрался на бортъ. Люкъ кубрика былъ открытъ. Я остановился и прислушался, но въ немъ было тихо. У меня вдругъ мелькнула мысль: а что если *Призракъ* покинуть всѣми? Я прислушался еще разъ. Ничего. Я осторожно спустился по трапу. Кубрикъ былъ пустъ и въ немъ стоялъ затхлый запахъ, какъ въ покинутомъ жилищѣ.

Всюду валялась старая, изодранная одежда, старые морскіе сапоги, изодранные непромокаемые плащи,—вообще то разнообразное старое тряпье, которое обыкновенно набирается въ кубрикахъ за время продолжительнаго путешествія. «Бросили все и убѣжали», рѣшилъ я, поднимаясь на палубу. Надежда опять ожила въ моей груди и я уже гораздо спокойнѣе осматривался. Я замѣтилъ, что лодокъ не было. Трюмъ, въ которомъ помѣщались охотники, рассказалъ мнѣ ту же исторію, что и кубрикъ. Охотники, очевидно, бѣжали съ такой же поспѣшностью, захвативъ только самое необходимое. Призракъ былъ покинутъ. Онъ принадлежалъ теперь мнѣ и Модъ. Я вспомнилъ о кладовой, помѣщавшейся подъ каютой, и мнѣ пришла въ голову мысль, что я могу пріятно удивить Модъ, если принесу къ завтраку что-нибудь вкусное.

Переходъ отъ страха къ радости, сознание, что мнѣ не нужно совершать задуманнаго мною ужаснаго поступка, превратили меня въ мальчика. Я выбѣжалъ изъ трюма на палубу, прыгая черезъ двѣ ступеньки, радуясь, что Модъ уже не нужно будить и что у нея будетъ сюрпризъ къ завтраку. Когда я пробѣгалъ мимо кухни, я съ новой радостью подумалъ о томъ, что теперь вся кухонная утварь принадлежитъ намъ. Я вскочилъ на ютъ и увидѣлъ... Волка Ларсена. Онъ стоялъ на трапѣ, ведшемъ въ каюту, такъ что видны были только его голова и плечи, и смотрѣлъ прямо на меня. Его руки опирались на полуоткрытую дверь. Онъ не сдѣлалъ никакого движенія, только стоялъ и смотрѣлъ.

Я задрожалъ. Старая бѣда въ желудкѣ снова вернулась ко мнѣ. Я оперся рукой о выступъ каюты, чтобы удержаться на ногахъ, и не спускалъ съ него глазъ. Мы оба молчали. Въ его молчаніи и неподвижности было что-то ужасное. Весь мой прежній страхъ вернулся и усилился въ сто разъ. А мы все стояли и молча глядѣли другъ на друга.

Я чувствовалъ, что нужно что-то сдѣлать, но моя прежняя беспомощность охватила меня и я ждалъ, чтобы онъ первый заговорилъ; я подумалъ, что мое положеніе теперь похоже на то, когда я приближался къ котику съ намѣреніемъ убить его, и въ то же время желалъ, чтобы онъ обратился въ бѣгство. Наконецъ я вспомнилъ, что я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы Волкъ Ларсенъ взялъ на себя инициативу дѣйствія, а для того, чтобы дѣйствовать самому. Я взвелъ оба курка и прицѣлился. Если бы онъ только пошелохнулся, я знаю, что я бы выстрѣлилъ въ него. Но онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на меня. И, цѣлясь въ него дрожащими руками, я все же успѣлъ замѣтить, что лицо его носило слѣды истощенія и было необычайно угрюмо и озабоченно. Щеки впали и на лбу собрались морщины. И мнѣ показалось, что глаза его были какіе-то странные; и не только выраженіе было странно, но, казалось, будто они глядятъ въ разныя стороны.

Пока я разглядывалъ его, въ моемъ мозгу пробѣгали тысячи мыслей; но я подрежнему не могъ спустить курка. Я опустилъ ружье и подошелъ

къ углу каюты, прежде всего потому, что мое первое напряженіе было невыносимо, а во-вторыхъ, чтобы приблизиться къ нему. Я снова поднялъ ружье. Онъ былъ въ двухъ футахъ отъ меня. Его положеніе было безнадежно. Я рѣшился. Я не могъ промахнуться, какъ бы плохо я ни стрѣлялъ... и все же я не могъ спустить курка.

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ онъ.

Я тщетно старался надавить пальцами на курокъ, или хотъ сказать что-нибудь.

— Почему вы не стрѣляете?—спросилъ онъ.

Я прокашлялся, чтобы прочистить горло.

— Гёмпъ,—сказалъ онъ медленно,—вы не можете этого сдѣлать. Вы не совѣмъ боитесь, но вы все-таки этого не можете сдѣлать. Ваша условная мораль сильнѣе васъ. Вы рабъ тѣхъ взглядовъ, среди которыхъ вы выросли и о которыхъ вы читали. Этотъ моральный кодексъ былъ вбитъ вамъ въ голову съ того времени, какъ вы начали лепетать слова, и, несмотря на вашу философію и на все то, чему я васъ научилъ, вы не можете убить безоружнаго, незащищающагося человѣка.

— Я знаю это,—сказалъ я хрипло.

— И вы знаете также, что я убилъ бы безоружнаго человѣка такъ же просто, какъ закурилъ бы сигару,—продолжалъ онъ.—Вы знаете меня, вы знаете, чего я стою, по вашей оцѣнкѣ, конечно. Вы называли меня змѣей, тигромъ, акулой, чудовищемъ и Калибаномъ. И все же, вы—маленькая тряпочная кукла, вы—ничтожная говорящая машина, вы не въ состояннн убить меня, какъ убили бы змѣю, или акулу, и только потому, что

у меня есть руки, ноги и тѣло, похожее на ваше. Ха! Я все-таки былъ о васъ лучшаго мнѣнія, Гёмпъ.

Онъ поднялся по трапу и подошелъ ко мнѣ.

— Положите ружье. Я хочу кое-что спросить у васъ. Я еще не осмотрѣлся здѣсь. Что это за мѣсто и какъ лежитъ *Призракъ*? Почему вы мокры? Гдѣ Мода? Извините—миссъ Брюстеръ, или, можетъ быть, я долженъ сказать миссисъ Ванъ Вейденъ?

Я попятился отъ него, чуть не плача отъ досады, что не могу убить его, но все же у меня хватило ума настолько, чтобы не положить ружье. Я страстно желалъ, чтобы онъ сдѣлалъ какое-нибудь враждебное движеніе, попытался ударить меня или бросился бы душить; потому что въ такомъ случаѣ я зналъ, что выстрѣлю въ него.

— Это островъ Старанія,—сказалъ я.

— Никогда не слышалъ о такомъ островѣ.

— По крайней мѣрѣ мы его такъ называемъ.

— Мы? Кто это мы?

— Миссъ Брюстеръ и я. А *Призракъ* лежитъ, какъ вы сами можете это видѣть, носомъ въ песокъ.

— Здѣсь есть котики,—продолжалъ онъ.—Они разбудили меня своимъ ревомъ, а то я бы еще спалъ. Я слышалъ ихъ и вчера, когда подѣхалъ. Это былъ первый признакъ того, что я на подвѣтренномъ берегу. Они являются сюда выводить дѣтенышей—я это мѣсто искалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Благодаря моему брату Смерти-Ларсену, я, наконецъ, нашелъ его; это тѣло со-

стояние, это золотой рудникъ. Какая здѣсь широта и долгота?

— Не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія,— сказалъ я.—Но вы это должны знать довольно точно. Когда вы дѣлали послѣднія измѣренія?

Онъ многозначительно улыбнулся, но не отвѣтилъ.

— Гдѣ же команда?—спросилъ я.—Какъ это случилось, что вы одни?—Я приготовился къ тому, что онъ снова не отвѣтитъ на мой вопросъ; но, къ моему изумленію, онъ съ готовностью отвѣтилъ.

— Мой братъ забралъ у меня все черезъ два дня послѣ вашего ухода. Онъ взялъ меня на бордажъ ночью, когда на палубѣ былъ только одинъ вахтенный. Охотники измѣнили мнѣ, какъ только онъ предложилъ имъ лучшія условія. Команда, конечно, тоже распрощалась со мной. Этого нужно было ожидать. Такимъ образомъ я остался одинъ на суднѣ. Счастье перешло къ брату... все равно, оно осталось въ нашемъ семействѣ.

— Но какъ вы потеряли ваши мачты?—спросилъ я.

— Пойдите и посмотрите тросы,—сказалъ онъ.

— Да вѣдь они перерѣзаны ножомъ.

— Не совсѣмъ такъ,—разсмѣялся онъ.—Это была болѣе чистая работа. Взгляните снова.

Я взглянулъ. Тросы, державшіе мачты, были почти совершенно перерѣзаны; была оставлена только часть ихъ, чтобы они держались, пока не перерѣзуръ натянуты, а потомъ лопнули бы при малѣйшемъ напряженіи.

— Это сдѣлалъ поварокъ,— снова засмѣялся онъ.— Я знаю это, хотя и не засталъ его на мѣстѣ преступленія.

— Bravo, Могриджъ,— вскричалъ я.

— Да, я сказалъ то же самое, когда все это полетѣло къ чорту.

— Но гдѣ же были вы, когда все это происходило?

— Я сдѣлалъ все, что могъ. Но это не помогло.

Я повернулся, чтобы посмотрѣть еще разъ работу Томаса Могриджа.

— Я посижу на солнцѣ,— сказалъ Волкъ Ларсень.

Въ его голосѣ послышался какъ будто намекъ на физическую слабость; это было такъ странно, что я быстро взглянулъ на него. Онъ нервно проводилъ рукой по лицу, какъ будто снималъ паутину. Я былъ озадаченъ.

— А какъ ваши головныя боли?— спросилъ я.

— Онѣ еще беспокоятъ меня,— отвѣтилъ онъ.— Кажется сейчасъ начнется припадокъ.

Онъ соскользнулъ на полъ, легъ на бокъ, положивъ голову на согнутую руку и защищая кистью руки глаза отъ солнца. Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на него.

— Ну, вотъ вамъ удобный случай, Гёмпъ,— сказалъ онъ.

— Я не понимаю васъ,— солгалъ я, такъ какъ на самомъ дѣлѣ я его отлично понималъ.

— Ну, ничего...— прибавилъ онъ тихо, какъ будто засыпая;— вамъ, вѣроятно, очень хотѣлось застать меня такимъ...

— Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ я,—я хотѣлъ, чтобы вы были за тысячу миль отсюда.

Онъ засмѣялся, но ничего не сказалъ. Когда я прошелъ мимо него, онъ не шевельнулся, и я спустился въ каюту. Тамъ я приподнял люкъ и нѣкоторое время подозрительно смотрѣлъ въ темную кладовую. Спускаться я не рѣшался. Что, если онъ устроить мнѣ какую-нибудь ловушку? Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось попасться въ нее. Я тихонько прокрался вверхъ по лѣстницѣ и взглянулъ на него. Онъ лежалъ такъ, какъ я его оставилъ. Я снова спустился внизъ, но прежде, чѣмъ спуститься въ кладовую, я изъ предосторожности открылъ люкъ настѣжь. Но это было излишне. Черезъ нѣсколько минутъ я поднялся въ каюту въ запасомъ варенья, бисквитовъ, консервированнаго мяса, и закрылъ за собою люкъ.

Взглядъ, брошенный на Волка Ларсена, убѣдилъ меня, что онъ все время не двигался. Меня ослѣпила блестящая мысль. Я прокрался въ его каюту и взялъ его револьверы. Другого оружія не было, хотя я тщательно осмотрѣлъ остальные три каюты. Чтобы быть вполне увѣреннымъ, я вернулся въ трюмъ и кубрикъ, осмотрѣлъ ихъ, затѣмъ прошелъ въ кухню и взялъ оттуда острый ножъ. Затѣмъ я вспомнилъ о большомъ ножѣ, который онъ всегда носилъ съ собой, и, подойдя къ нему, заговорилъ съ нимъ сначала тихо, потомъ громче. Онъ не двигался. Тогда я наклонился къ нему, вытащилъ ножъ изъ-за пояса и вздохнулъ свободно. Теперь онъ не могъ напасть на меня на разстояніи, а я могъ остановить его пу-

лей, если бы онъ попытался схватить меня своими горилыми руками.

Наполнивъ кофейникъ и сковороду частью своей добычи и захвативъ кое-какую посуду изъ буфета, я оставилъ Волка Ларсена лежать на содницѣ, а самъ отправился на берегъ.

Модъ еще спала. Я раздулъ уголья и съ лихорадочной поспѣшностью сталъ готовить завтракъ. Когда онъ былъ почти готовъ, я услышалъ, что она ходитъ по хижинѣ, совершая свой туалетъ. Когда у меня все было готово, дверь открылась и она вышла.

— Это не хорошо съ вашей стороны, — сказала она вмѣсто привѣтствія. — Вы узурпируете мои прерогативы. Вы же знаете, что варить должна я?

— Только одинъ разъ... — взмолился я.

— Если вы обѣщаете больше этого никогда не дѣлать, то я васъ прощаю.

Къ моему удовольствію она ни разу не взглянула на берегъ и я выдержалъ тонъ такъ хорошо, что она бессознательно пила кофе изъ фарфоровой чашки, ѣла жареный картофель и намазывала мармеладомъ свой бисквитъ. Но это не могло долго продолжаться. Она вдругъ замѣтила, что ѣла на фарфоровой тарелкѣ, затѣмъ съ изумленіемъ увидѣла и все остальное. Затѣмъ взглянула на меня и медленно повернулась къ берегу.

— Гёмфри, — сказала она, и прежній ужасъ изобразился на ея лицѣ. — Развѣ онъ...

Я кивнулъ головой,

XXXIII.

Цѣлый день мы ждали, чтобы Волкъ Ларсенъ сошелъ на берегъ, и это было чрезвычайно мучительно. Каждую минуту кто-нибудь изъ насъ кидалъ тревожный взглядъ на *Призракъ*. Но Ларсенъ даже не показался на палубѣ.

— У него, вѣроятно, обычный припадокъ головной боли,—сказалъ я.—Я оставилъ его на ютѣ. Онъ, можетъ быть, лежитъ тамъ до сихъ поръ. Я пойду посмотрю.

Модь умоляюще глядѣла на меня.

— Не беспокойтесь,—убѣждалъ я ее.—Я возьму съ собой револьверы. Вы знаете, что я забралъ все оружіе на суднѣ.

— Но остались еще его руки, его ужасныя руки!—возразила она и затѣмъ вскричала:— О, Гѣмфри, я боюсь его! Пожалуйста не ходите.

Она положила свою руку на мою съ плѣнительнымъ, умоляющимъ жестомъ. Сердце мое забилося и это, вѣроятно, отразилось въ моихъ глазахъ. Дорогая, любимая! Въ ней было такъ много женственности, нѣжной и ласковой! Она свѣтила мнѣ, какъ солнце, и какъ солнце грѣла меня и поддерживала мое мужество.

Я хотѣлъ было обнять ее, какъ тогда, среди стада котиковъ, но, подумавши, воздержался.

— Я не буду рисковать,—сказалъ я.—Я только взгляну на него изъ-за борта. Она горячо пожала мнѣ руку и отпустила меня. Но мѣсто на палубѣ, гдѣ я оставилъ его, было пусто. Онъ, очевидно, сошелъ внизъ. Ночью мы по очереди стерегли, ибо

трудно было сказать, что Волкъ Ларсенъ могъ сдѣлать. Мы хорошо знали, что онъ способенъ на все.

Мы ждали слѣдующій день и еще слѣдующій, но онъ не показывался.

— Эти странные припадки,—сказала Модъ на четвертый день,—могутъ кончиться худо. Онъ можетъ быть очень боленъ, а можетъ быть уже и умеръ или умираетъ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣтилъ я.

— Но, подумайте, Гёмффри, какъ тяжело умирать въ полномъ одиночествѣ.

— Пожалуй,—согласился я.

— Надо же узнать, что съ нимъ. Было бы ужасно, если бы онъ умиралъ. Я никогда бы не простила себѣ этого. Мы должны что-нибудь предпринять.

— Пожалуй,—сказалъ я снова.

Я съ улыбкой смотрѣлъ на эту женщину, которая безпокоилась о Волкѣ Ларсенѣ, какъ безпокоилась о всѣхъ живыхъ существахъ. Почему же она не безпокоилась обо мнѣ, когда недавно еще не позволяла мнѣ даже заглянуть въ судно изъ-за борта. Но она была послѣдовательна и, догадавшись о моихъ мысляхъ, съ обычной прямою сказала:

— Вы должны непременно пойти на судно, Гёмффри, и узнать, въ чемъ дѣло.

Я послушно всталъ и отправился на берегъ.

— Только будьте осторожны,—крикнула она мнѣ вслѣдъ.

Взобравшись на бакъ, я махнулъ ей рукой и соскочилъ на палубу. Я направился къ каютѣ, но не спустился туда, а позвалъ Волка Ларсена.

Онъ отвѣтилъ, и, когда онъ сталъ подниматься по трапу, я приготовилъ свой револьверъ. Я держалъ его открыто въ рукѣ во время всего нашего разговора, но онъ не обратилъ на него никакого вниманія. Видъ у него былъ такой же, какъ и въ послѣдній разъ, но только сегодня онъ былъ мрачнѣе и молчаливѣе. Въ сущности, тѣ нѣсколько словъ, которыми мы обмѣнялись, нельзя было назвать разговоромъ. Я не спросилъ его, почему онъ не сходить на берегъ, и онъ не спрашивалъ, почему я не приходилъ на бортъ. Его припадокъ прошелъ, сказалъ онъ, и этимъ окончился нашъ разговоръ, и я удалился.

Модъ выслушала мое донесеніе съ видимымъ облегченіемъ, а когда вечеромъ мы увидали дымокъ, поднимавшійся изъ трубы кухни, то это привело ее въ еще болѣе веселое настроеніе. Слѣдующіе затѣмъ дни мы опять видали дымъ изъ трубы кухни и иногда видали и его самого на ютѣ. Но это и все. Онъ и не пытался сойти на берегъ; мы это знали, ибо продолжали по очереди дежурить по ночамъ. Мы ждали отъ него какого-нибудь поступка, который показалъ бы, каковы его намѣренія, и его бездѣйствіе изумляло и беспокоило насъ.

Такимъ образомъ прошла недѣля. У насъ не было никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ Волка Ларсена, и его присутствіе угнетающе дѣйствовало на насъ и мѣшало намъ дѣлать то, что мы намѣревались сдѣлать за это время.

Но къ концу недѣли дымъ пересталъ показываться изъ трубы, и Волкъ Ларсенъ больше не

появлялся на ютѣ. Я видѣлъ, что Модъ снова беспокоится, но она скрывала это и больше не просила меня пойти узнать въ чемъ дѣло. Но хотя я и хотѣлъ было его убить, мнѣ тоже было жаль человѣка, который умиралъ въ одиночествѣ въ то время, какъ рядомъ находились люди. Онъ былъ правъ. Кодексъ морали того общества, среди котораго я выросъ, былъ сильнѣе меня. Тотъ фактъ, что у него руки и ноги и все тѣло было похоже на мои, составлялъ нѣчто такое, чего я не могъ игнорировать. Такъ что я не сталъ ожидать, чтобы Модъ снова послала меня. Я сказалъ ей, что у насъ кончилось консервированное молоко и варенье, и что я пойду за ними на судно. Она колебалась и даже пробормотала, что мы можемъ обойтись и безъ этихъ продуктовъ. Но она прекрасно знала, что я иду на судно не за ними, а для того, чтобы успокоить ее.

На бакѣ я снялъ башмаки, и безшумно направился къ каютѣ. На этотъ разъ я не позвалъ его. Осторожно спустившись внизъ, я увидѣлъ, что въ каютѣ никого не было. Дверь въ каюту была закрыта. Сначала я подумалъ постучать въ нее, затѣмъ вспомнилъ о цѣли своего путешествія и рѣшилъ выполнить сначала ее. Осторожно, стараясь не дѣлать шума, я поднялъ люкъ въ полу и тихонько положилъ его въ сторону. Такъ какъ въ кладовой хранилось и разное платье, то я воспользовался случаемъ и досталъ немного нижняго бѣлья.

Когда я выдѣлъ изъ кладовой, я услышалъ шумъ въ каютѣ Ларсена. Я притаился и прислушался. Дверь открылась, я инстинктивно спря-

тался за столъ и вытащилъ револьверъ. Ларсенъ вошелъ въ каюту. Никогда еще я не видѣлъ такого безнадежнаго отчаянія на лицѣ Волка Ларсена, этого сильнаго, казалось, несокрушимаго человѣка. Онъ, какъ женщина, заломилъ руки и затѣмъ, поднявъ сжатые кулаки, застоналъ. Затѣмъ одной рукой онъ провелъ по глазамъ, какъ бы снимая съ нихъ паутину. «Боже, Боже!»—застоналъ онъ и снова поднялъ сжатые кулаки съ такимъ безнадежнымъ отчаяніемъ, что мнѣ стало страшно. Я дрожалъ и чувствовалъ, какъ весь покрываюсь потомъ. Дѣйствительно, что можетъ быть ужаснѣе, какъ видъ сильнаго человѣка въ моментъ слабости и отчаянія!

Но Волкъ Ларсенъ снова овладѣлъ собой, что, однако, стоило ему большого труда. Онъ старался придать своему лицу спокойное выраженіе, но оно кривилось отъ боли. Онъ направился къ трапу, но даже въ его походкѣ чувствовалась какая-то слабость и нерѣшительность. Теперь я сталъ бояться за себя. Открытый люкъ лежалъ прямо у него на пути, и какъ только онъ его увидитъ, онъ догадается о моемъ присутствіи. Мнѣ было досадно, что онъ найдетъ меня трусливо прижавшимся въ уголь; я быстро вскочилъ на ноги и безсознательно всталъ въ вызывающую позу. Но онъ меня не замѣтилъ, точно также какъ не замѣтилъ открытаго люка. Прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить въ чемъ дѣло, онъ шагнулъ прямо въ открытое отверстіе, но какъ только нога почувствовала, что подъ ней нѣтъ пола, прежній Волкъ Ларсенъ встрепенулся, всѣ его могучіе и быстрые

мускулы мигомъ напряглись, и онъ перепрыгнулъ черезъ отверстіе. Онъ упалъ, но упалъ по ту сторону открытаго люка. Пошаривъ руками вокругъ себя, онъ нащупалъ мое варенье и бѣлье. Выраженіе его лица сказало мнѣ, что онъ все понялъ. Прежде, чѣмъ я могъ угадать, что онъ сдѣлаетъ, онъ опустилъ подъемную дверь на мѣсто, закрывъ такимъ образомъ кладовую. Тогда я понялъ. Онъ, очевидно, думалъ, что онъ заперъ меня внизу. Но онъ былъ слѣпъ, слѣпъ, какъ летучая мышь! Я слѣдилъ за нимъ, еле переводя дыханіе, чтобы онъ не замѣтилъ моего присутствія. Онъ быстро вошелъ въ свою комнату. Я воспользовался этимъ моментомъ, тихонько вышелъ изъ каюты и всталъ наверху трапа. Онъ возвратился, волоча за собой тяжелый ящикъ, который онъ поставилъ на крышку люка. Не удовольствовавшись этимъ, онъ принесъ второй ящикъ и поставилъ его сверху. Затѣмъ онъ собралъ мармеладъ и остальные вещи и положилъ на столъ. Когда онъ направился къ трапу, я тихо отступилъ на крышу каюты. Онъ пріоткрылъ дверь, оперся на нее руками и сталъ смотрѣть вдоль шкуны, но его глаза были неподвижны и вѣки не мигали. Я находился только въ пяти футахъ отъ него и онъ прямо глядѣлъ на меня, но не видѣлъ меня. Я чувствовалъ себя словно призракомъ. Я сталъ махать рукой взадъ и впередъ, но это не произвело никакого впечатлѣнія; только когда движущаяся тѣнь упала ему на лицо, я увидѣлъ, что онъ какъ будто ее замѣтилъ. На его лицѣ появилось выжидающее выраженіе; онъ,

видимо, хотѣлъ понять, что это такое. Онъ чувствовалъ, что возлѣ него что-то совершается, но что—онъ не могъ понять. Я пересталъ махать рукой и тѣнь стала неподвижной. Онъ медленно сталъ поворачивать голову, то выставляя ее на солнце, то снова пряча въ тѣнь, стараясь почувствовать, откуда эта тѣнь.

Оставивъ попытку опредѣлить, откуда тѣнь, онъ вышелъ на палубу и пошелъ по направленію къ баку съ такой скоростью и увѣренностью, что я былъ пораженъ, хотя въ его походкѣ все же чувствовалась слабость слѣпого.

Къ моему огорченію, онъ нашелъ на бакѣ мои башмаки и отнесъ ихъ въ кухню. Затѣмъ онъ сталъ зажигать огонь, очевидно собираясь варить себѣ обѣдъ. Тогда я прокрался въ каюту, взялъ варенье и бѣлье и затѣмъ, безшумно проскользнувъ мимо кухни, спустился на берегъ.

XXXIV

— Жаль, что *Призракъ* потерялъ свои матчы, иначе мы могли бы уѣхать на немъ. Не правда ли, Гёмфри?

Я взволнованно вскочилъ на ноги.

— А, вѣдь, правда!—повторялъ я, шагая взадъ и впередъ.

Сіяющіе глаза Модъ съ надеждой слѣдили за мною. Она такъ вѣрила въ меня! Эта мысль придавала мнѣ силы. Я вспомнилъ слова Мишлэ: «Для мужчины женщина то же, что земля была для ея легендарнаго сына; стоитъ ему только

унасть и поцѣловать ея грудь, какъ онъ снова становится сильнымъ». Въ первый разъ я позналъ чудесную истину этихъ словъ. Я позналъ ее на собственномъ примѣрѣ. Модъ была для меня неисчислимымъ источникомъ силы и мужества. Стоило мнѣ только взглянуть на нее или подумать о ней, чтобы снова стать сильнымъ.

— Это вполнѣ возможно, вполнѣ возможно!— думалъ я вслухъ.—Что могли сдѣлать другіе, то могу сдѣлать и я; но если бы даже они этого не сдѣлали, все же я могу это сдѣлать.

— Что? Будьте милосердны, наконецъ, объясните, что вы можете сдѣлать?

— Мы можемъ сдѣлать это,—сказалъ я съ убѣжденіемъ.—Мы можемъ снова поставить мачты на *Призракъ* и уѣхать.

— Гёмфри!—воскликнула она.

И я чувствовалъ такую гордость, какъ будто я уже привелъ свой планъ въ исполненіе.

— Но какъ это возможно?—спросила она.

— Я не знаю,—отвѣтилъ я.—Знаю только одно, что теперь я могу сдѣлать рѣшительно все, что угодно.

Я гордо улыбнулся, глядя на нее; слишкомъ гордо, потому что она опустила глаза и замолчала.

— Но вѣдь тамъ капитанъ Ларсенъ,—возразила она.

— Да, но онъ слѣпъ и безпомощенъ.

— Но у него все же остались его ужасныя руки! Вспомните, какъ онъ перепрыгнулъ черезъ открытый люкъ.

— А вы вспомните, что я незамѣтно прокрадся мимо него!—отвѣтилъ я весело.

— Но зато потеряли свои башмаки.

— Но вы не можете же требовать, чтобы и они тоже прокрадывались мимо Волка Ларсена.

Мы весело расхохотались и затѣмъ серьезно начали обсуждать вопросъ о томъ, какъ поставить мачты на *Призракъ* и вернуться къ людямъ. Я смутно помнилъ физику, которую училъ когда-то въ школѣ; но за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ у меня былъ порядочный опытъ со всякими механическими приспособленіями. Однако, когда мы подошли ближе къ *Призраку*, чтобы лучше рассмотретьъ, что намъ предстояло сдѣлать, то видъ огромныхъ мачтъ, лежавшихъ въ водѣ, привелъ меня въ большое смущеніе. Съ чего начинать? Если бы хоть одна мачта стояла, или вообще имѣлось бы что-нибудь высокое, къ чему можно было бы прикрѣпить блоки и тросы! Но не было рѣшительно ничего. Это напомнило мнѣ задачу, въ которой предлагается поднять себя за уши сапоговъ. Я понималъ механизмъ рычаговъ, но гдѣ взять точку опоры?

Гротъ-мачта, которую надо было поднять, имѣла пятнадцать дюймовъ въ діаметрѣ, шестьдесятъ пять футовъ въ длину и вѣсила по приблизительному расчету не менѣе трехъ тысячъ фунтовъ. Фокъ-мачта была еще шире въ діаметрѣ и вѣсила, навѣрное, около трехъ тысячъ пятисотъ фунтовъ. Съ чего же начать? Модъ молча стояла возлѣ меня, пока я вспоминалъ о томъ приспособленіи, которое моряки называютъ «ножницами». Морякамъ оно извѣстно, но я снова изобрѣлъ его на островѣ Старанія. Если соединить и связать концы двухъ

рей и поднять ихъ, то получится нѣчто въ родѣ перевернутой латинской буквы «V». Такимъ образомъ я получилъ бы точку опоры, которая была бы выше палубы и къ которой я могъ бы прикрѣпить блокъ. Къ этому блоку я могъ бы прикрѣпить и второй блокъ. А затѣмъ—у насъ имѣлся воротъ.

Модъ увидѣла по моимъ глазамъ, что я разрѣшилъ задачу, и глаза ея засвѣтились радостью.

— Что вы собираетесь дѣлать?—спросила она.

— Сперва привести въ порядокъ эту кашу,—отвѣтилъ я, указывая на перепутанныя мачты и снасти, висѣвшія за бортомъ. Ахъ, рѣшительность и самый звукъ этихъ словъ такъ пріятно звучали въ моихъ ушахъ! «Привести въ порядокъ эту кашу!»—развѣ Гемфри Ванъ-Вейденъ сказалъ бы эту фразу еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ?

Въ моей позѣ и голосѣ было, очевидно, что-то мелодраматическое, потому что Модъ улыбнулась. Она очень быстро подмѣчала все смѣшное и чутко улавливала малѣйшую неестественность, театральность, преувеличеніе.

— Помнится я гдѣ-то читала эту фразу и она была сказана при подобныхъ же обстоятельствахъ,—сказала она съ веселымъ смѣхомъ.

У меня у самого было развито чувство мѣры, и поэтому я стремглавъ полетѣлъ съ своего пьедестала и страшно сконфузился.

Она тотчасъ же схватила меня за руку.

— Мнѣ очень жаль, что я васъ огорчила...—сказала она.

— Ничего. Это мнѣ полезно. Во мнѣ еще слишкомъ много школьничества, а этого здѣсь совсѣмъ

не нужно. Что намъ предстоитъ дѣйствительно сдѣлать, такъ это буквально привести въ порядокъ эту кашу. Если хотите, возьмемъ лодку и начнемъ сейчасъ же.

Ея задача состояла въ томъ, чтобы держать лодку на мѣстѣ, пока я распутывалъ снасти. А перепутаны были всѣ эти снасти, тросы и паруса до невозможности. Все это болталось въ водѣ взадъ и впередъ и еще больше запутывалось. Я перерѣзывалъ только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ; я старался распутать тросы, пропускалъ даже самые длинные изъ нихъ подъ мачтами или вокругъ рей, и то собиралъ тросъ въ лодкѣ, то снова пропускалъ его черезъ какой-нибудь блокъ, и, такимъ образомъ, вскорѣ промокъ до костей.

Паруса пришлось кое-гдѣ разрѣзать, и я съ большимъ трудомъ перетащилъ на берегъ тяжелые, пропитанные водою холсты, и разложилъ ихъ на берегу. Мы оба чувствовали страшную усталость и рѣшили идти домой ужинать. Все же мы сдѣлали порядочную работу, хотя она была и незамѣтна для глазъ.

На слѣдующее утро мы спустились въ трюмъ *Призрака*, чтобы снять сломанныя основанія мачтъ. Но только что мы начали свою работу, какъ на стукъ явился Волкъ Ларсенъ.

— Эй, вы тамъ, внизу!—закричалъ онъ сверху.

При звукѣ его голоса, Модъ испуганно прижалась ко мнѣ, какъ бы ища у меня защиты, и все время, пока мы переговаривались, держала руку на моемъ плечѣ.

— Эй, вы, наверху!—отвѣтилъ я.—Доброе утро!

— Что вы тамъ дѣлаете?—спросилъ онъ.—Пробуете просверлить судно?

— Какъ разъ наоборотъ. Я исправляю его.

— Какого чорта вы тамъ поправляете?—спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я собираюсь снова поставить мачты,—отвѣтилъ я такъ спокойно, какъ будто мнѣ предстояло сдѣлать самую простую вещь въ мірѣ.

— Повидимому, вы, наконецъ, стали-таки на собственные ноги, Гёмпъ,—сказалъ онъ и затѣмъ помолчалъ нѣкоторое время.

— Но послушайте, Гёмпъ,—снова закричалъ онъ сверху.—Вы этого не можете сдѣлать.

— О, да, могу. Я уже это дѣлаю.

— Но вѣдь это мое судно, моя собственность. Что если я запрещу вамъ поправлять его?

— Вы забыли,—отвѣтилъ я,—что вы уже не самый большой кусокъ фермента. Вы когда-то были имъ и могли съѣсть меня; такъ вы, по крайней мѣрѣ, говорили. Но теперь я самъ могу съѣсть васъ. Дрожжи испортились.

Онъ разсмѣялся короткимъ, неприятнымъ смѣхомъ.

— Я вижу, что вы цѣликомъ примѣняете на мнѣ мою философію. Но только не ошибитесь, недооцѣнивая меня. Предупреждаю васъ для вашей же собственной пользы.

— Съ какихъ это поръ вы стали филантропомъ?—спросилъ я.—Сознайтесь, что предупреждая меня для моей пользы, вы этимъ самымъ выказываете вашу несостоятельность.

Онъ не обратилъ вниманія на мой сарказмъ и сказалъ:

— А что если я сейчас закрою трюмъ? Вы теперь ужъ не проведете меня, какъ въ кладовой.

— Волкъ Ларсенъ,—сказаль я сурово въ первый разъ называя его по его прозвищу.—Я не могу застрѣлить безпомощнаго, незащищающагося человѣка, вы это знаете. Но, предупреждаю васъ, не столько ради васъ, какъ ради самого себя, что я застрѣлю васъ, какъ только вы вздумаете сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность. Я могу застрѣлить васъ и сейчасъ; теперь, если хотите, попробуйте закрыть трюмъ.

— Тѣмъ не менѣе я запрещаю вамъ, положи-тельно запрещаю трогать мое судно.

— Но послушайте, чудакъ,—сказаль я,—вы такъ объ этомъ говорите, словно ссылаетесь на ваше моральное право собственности. Но вѣдь вы никогда не признавали нравственныхъ правъ по отношенію къ другимъ! Не думаете ли вы, что я стану признавать ихъ по отношенію къ вамъ?

Я сталъ какъ разъ подъ открытымъ люкомъ трюма, чтобы увидѣть его. Осутствіе выраженія на его лицѣ подчеркивалось тѣмъ, что глаза его не мигали и были широко открыты. Зрѣлище было не изъ пріятныхъ.

— И никто, даже Гемпъ не выказываетъ къ нему уваженія...—насмѣшливо сказалъ онъ. Но насмѣшка звучала только въ его голосѣ. Лицо же оставалось попрежнему безъ всякаго выраженія.

— Какъ поживаете, миссъ Брюстеръ?—сказаль онъ вдругъ, послѣ небольшой паузы.

Я испуганно взглянулъ на него. Она за все время не сказала ни слова, даже не шелохнулась.

Можетъ быть, онъ все же кое-что видѣлъ? Или зрѣніе возвратилось къ нему?

— Здравствуйте, капитанъ Ларсенъ,—отвѣтила она.—Скажите пожалуйста, какъ вы узнали, что я здѣсь?

— По дыханію, конечно. Вотъ я говорю, что Гѣмпъ сдѣлалъ большой прогрессъ, а вы какъ думаете?

— Я не знаю,—отвѣтила она, глядя на меня съ улыбкой.—Я никогда не видала его инымъ.

— А если бы вы его видѣли раньше... Все-таки, я вамъ снова повторяю, Гѣмпъ, лучше оставьте мое судно въ покоѣ,—въ его голосѣ чувствовалась угроза.

— Но развѣ вамъ самому не хочется выбраться отсюда точно такъ же, какъ и намъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, —отвѣтилъ онъ. — Я хочу умереть здѣсь.

— А мы нѣтъ,—сказалъ я презрительно и снова принялся за работу.

XXXV.

На слѣдующій день все было готово, мы начали подымать на бортъ верхнія части полумачты. Верхняя часть гротъ-мачты была около тридцати футовъ длины, а фокъ-мачты — чуть-чуть короче; изъ нихъ я собирался сдѣлать ножницы. Задача была довольно сложная. Прикрѣпивъ къ толстому концу полумачты канатъ, другой конецъ каната я обернулъ нѣсколько разъ вокругъ лебедки, и мы принялись вертѣть лебедку.

Мы были поражены, какъ легко тяжелая полумачта, при помощи лебедки, поднялась въ уровень съ бортомъ — на это ушло не больше часа. Зато выше борта она не пошла, а нужно было положить ее на палубу. Пришлось нѣсколько разъ спускать ее въ воду и начинать сначала, пока я не догадался привязать канатъ не къ концу, а почти къ серединѣ полумачты, нѣсколько ближе къ ея толстому концу. Наконецъ полумачта очутилась на палубѣ—на это у насъ ушло цѣлое утро. Послѣ обѣда мы уже безъ всякихъ затрудненій, въ какой-нибудь часъ, вытянули на палубу вторую полумачту. Я крѣпко связалъ верхніе концы обѣихъ полумачтъ, подвязалъ къ нимъ крѣпкій блокъ и закрѣпилъ нижніе концы, чтобы они не скользили по палубѣ, и при помощи лебедки, мы къ вечеру подняли ножницы торчкомъ.

Волкъ Ларсенъ съ самага обѣда присутствовалъ при нашей работѣ, сидя въ сторонѣ, но не промолвилъ ни слова. Къ вечеру онъ отправился въ кухню и сталъ готовить себѣ ужинъ. Я очень усталъ, у меня ныла поясница, но я съ гордостью глядѣлъ на свое сооруженіе и мнѣ, какъ школьнику, хотѣлось попробовать поднять что-нибудь при его помощи.

— Вы слишкомъ жадны, Гёмфри, — съ улыбкой сказала Модъ. — Нельзя же все сразу; и вы едва держитесь на ногахъ; оставимъ лучше до завтра.

— А вы? — сказалъ я съ безпокойствомъ. — Вы должно быть очень устали. Вы такъ трудились сегодня. Я горжусь вами, Модъ.

— Но едва ли такъ, какъ я вами, — отвѣтила она,

взглянувъ мнѣ въ глаза съ выраженіемъ, котораго я еще не видѣлъ раньше и которое заставило меня затрепетать отъ восторга. Затѣмъ она опустила глаза и, когда подняла ихъ, они уже снова смѣялись.

— Вотъ если бы насъ могли видѣть наши друзья, — сказала она. — Обратили ли вы вниманіе, какой у насъ видъ?

— На вашъ видъ я обращалъ вниманіе часто, — отвѣтилъ я озадаченный выраженіемъ, которое я видѣлъ въ ея глазахъ, а такъ же внезапной перемѣной разговора.

— Господи! — вскричала она. — На что же я похожа?

— Скорѣе всего на воронье пугало, — отвѣтили я. — Взгляните только на ваши грязныя юбки и на эти прорѣхи. А кофточка! Не нужно быть Шерлокомъ Холмсомъ, чтобы прийти къ заключенію, что вы варили обѣдъ на кострѣ, не говоря уже о томъ, что вамъ приходится возиться съ свѣтильниками изъ котиковаго жира. Но лучше всего, это ваша шапочка! И это та женщина, которая написала «Невольный Поцѣлуй»!

Она сдѣлала мнѣ глубокій реверансъ и сказала: — Что же касается васъ, сэръ...

Мы продолжали весело болтать, но въ ея шутивыхъ словахъ, я все же уловилъ что-то серьезное, что напоминало то выраженіе, которое я поймалъ въ ея глазахъ. Что же это было такое?

Можетъ быть наши глаза говорили помимо нашей воли? Мои глаза говорили, я знаю, и я старался заставить ихъ умолкнуть. Но она, можетъ быть,

поняла ихъ языкъ? И неужели ея глаза тоже теперь заговорили? Что же иное могло означать это выраженіе, эти сверкающія искры въ нихъ и еще что-то, что нельзя выразить словами? Нѣтъ, это невѣроятно. Къ тому же у меня не было опыта въ разговорѣ глазами. Я былъ только Гёмфри Ванъ-Вайденомъ, книгоѣдомъ, который только теперь былъ впервые влюбленъ.

Мы сошли на берегъ; надо было думать о другомъ.

— Какъ досадно, что, проработавъ весь день, мы не можемъ даже поспать спокойно ночь,—жаловался я послѣ ужина.

— Но развѣ теперь есть опасность? Вѣдь онъ же слѣпъ?—сказала она.

— Я не могу довѣрять ему, даже если онъ слѣпъ. Его беспомощность еще больше озлобляетъ его. Завтра первымъ дѣломъ придется вывести якорь и поставить шхуну на середину бухты. И каждую ночь, когда мы будемъ отправляться на берегъ, господинъ Волкъ Ларсенъ будетъ оставаться плѣнникомъ на суднѣ. Такимъ образомъ, намъ осталось дежурить только еще одну ночь.

Мы проснулись рано, и едва окончили завтракъ, какъ начался разсвѣтъ.

— О, Гёмфри! — вскрикнула Модъ въ ужасѣ и остановилась, какъ вкопанная.

Я взглянулъ на нее. Она смотрѣла на *Призракъ*. Я послѣдовалъ за ея взглядомъ, но не увидѣлъ ничего особеннаго.

— Ножницы... — сказала она дрожащимъ голосомъ.

Я забылъ объ ихъ существованіи и теперь только замѣтилъ, что ихъ не было.

— Если только онъ...—началь я свирѣпо.

Она съ участіемъ пожала мнѣ руку и сказала:

— Теперь намъ нужно будетъ начинать все снова.

— Повѣрьте мнѣ, что мой гнѣвъ ничего не значить, я не могу причинить зло даже мухѣ. И хуже всего то, что онъ это знаетъ. Вы правы. Если онъ разрушилъ ножницы, то мнѣ только придется ихъ снова поставить.

— Но съ этихъ поръ я буду держать вахту на борту, — прибавилъ я необдуманно. — И если онъ снова вздумаетъ мѣшать мнѣ...

— Но я буду бояться на берегу одна, — сказала Модъ, когда я успокоился. — Какъ было бы хорошо, если бы онъ благожелательнѣе относился къ намъ и помогаль намъ. Мы всѣ могли бы такъ уютно устроиться на суднѣ.

— Мы и будемъ жить на суднѣ, — сказалъ я все еще довольно свирѣпо, потому что разрушеніе моихъ любимыхъ ножницъ чрезвычайно взволновало меня. — То-есть, вы и я будемъ жить на суднѣ, не обращая вниманія на Волка Ларсена.

— Какъ это глупо съ его стороны дѣлать такія вещи, а съ моей сердиться на него за это, — сказалъ я со смѣхомъ, нѣсколько минутъ спустя.

Но мое сердце замерло, когда мы взобрались на бортъ и увидѣли, что онъ сдѣлалъ. Отъ ножницъ не осталось и слѣда. Державшіе ихъ тросы были перерублены, и онъ прекрасно зналъ, что я не сумѣю плѣсневать ихъ. Я подбѣжалъ къ лебедкѣ—

она была испорчена и не дѣйствовала. Затѣмъ я взглянулъ за бортъ: ни мачтъ, ни рей — ничего не было; онъ перерѣзалъ всѣ державшіе ихъ концы и ихъ унесло въ море.

На глазахъ Модъ показались слезы и на моихъ вѣроятно тоже. Что случилось съ нашимъ проектомъ, снова оснастить *Призракъ*? Волкъ Ларсенъ сдѣлалъ свое дѣло хорошо. Я сѣлъ на бортъ и подперъ подбородокъ руками въ полномъ отчаяніи.

— Онъ заслуживаетъ смерти, — вскричалъ я, — и да проститъ мнѣ Богъ, что у меня не хватаетъ мужества убить его.

Но Модъ подошла ко мнѣ, ласково провела рукой по моимъ волосамъ и сказала:

— Ничего, ничего, все обойдется. Мы правы, значить все должно быть хорошо.

Я вспомнилъ Мишле и прислонился головой къ ея груди; и дѣйствительно я снова сталъ сильнымъ. Дорогая, она была неисчерпаемымъ источникомъ силы для меня. Въ самомъ дѣлѣ, это только небольшая отсрочка. Отливъ не могъ далеко отнести мачты и вѣтра не было. Это означало только, что надо еще поработать, найти мачты и привезти ихъ обратно. Къ тому же это намъ послужитъ урокомъ. Я зналъ, что мнѣ теперь ждать отъ него. Было бы хуже, если бы онъ подождалъ нѣкоторое время и затѣмъ разрушилъ нашу работу, когда все было бы уже готово.

— Вотъ онъ, — шепнула она. Я взглянулъ на верхъ. Онъ медленно шель по юту.

— Не обращайтесь на него вниманія, — шепнулъ я. — Онъ хочетъ посмотрѣть, какое это на насъ

произвело впечатлѣніе. Но надо лишить его этого удовольствія. Снимите башмаки и возьмите ихъ въ руки.

Мы начали играть въ прятки со слѣпымъ. Когда онъ шелъ на одну сторону, мы перебѣгали на другую и съ юта наблюдали, какъ онъ поворачивалъ и шелъ по нашимъ слѣдамъ. Но онъ какъ-то узналъ, что мы находимся на борту, потому что сказалъ «доброе утро» и ждалъ отвѣта. Затѣмъ онъ пошелъ по направленію къ кормѣ, а мы проскользнули на носъ. — О, я знаю, что вы на борту, — сказалъ онъ и послѣ этого внимательно слушалъ, ожидая отвѣта.

Это напомнило мнѣ большую сову, когда она, издавъ свой крикъ, прислушивается, не встрепнется ли гдѣ-нибудь въ испугѣ ожидаемая добыча. Но мы не шевелились и только при его приближеніи бѣжали, держась за руки, какъ дѣти, преслѣдуемые людоедомъ, пока Волку Ларсену это не надоѣло и онъ не спустился въ каюту. Мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха, когда надѣвали башмаки и спускались съ борта въ лодку. Когда я взглянулъ въ каріе глаза Модъ, я забылъ зло, которое онъ намъ причинилъ и чувствовалъ только, что я ее люблю и что благодаря ей я силенъ и отвою себѣ дорогу обратно въ Божій міръ.

XXXVI.

Въ теченіе двухъ дней мы рыскали съ Модъ по морю и осматривали каждый уголокъ берега, въ поискахъ за пропавшими маятами. Но только на

третій день мы, наконецъ, нащли ихъ, а также и ножницы, но въ самомъ опасномъ мѣстѣ: около страшнаго юго-западнаго мыса. И какъ намъ пришлось работать! Въ вечеру перваго дня мы вернулись въ полномъ изнеможеніи, таща за собою на буксирѣ гротъ-мачту. Все время приходилось грести, потому что на морѣ стоялъ мертвый штиль.

На другой день мы съ неменьшимъ трудомъ приволокли верхнія полумачты. На слѣдующій день я связалъ вмѣстѣ фокъ-мачту, реи и бушпритъ. Вѣтеръ благопріятствовалъ намъ, и я надѣялся привести все это на буксирѣ подъ парусами; но вѣтеръ стихъ, и намъ пришлось подвигаться на веслахъ съ медленностью черепахи. Приходилось грести изо всѣхъ силъ и чувствовать, что лодка каждую секунду совершенно останавливается.

Наступила ночь и, что еще хуже, поднялся противный вѣтеръ. Мы не только не подвигались впередъ, но насъ стало относить обратно въ море. Я изо всей силы налегалъ на весла, но скоро почувствовалъ полное изнеможеніе. Бѣдная Модъ, всегда работавшая до полнаго изнеможенія, безсильно лежала на кормѣ. Я не могъ больше грести. Мои разбитыя, распухшія руки не могли держать весель. Плечи ломило, и, хотя я хорошо поѣлъ въ полдень, теперь я совершенно изнемогалъ отъ голода.

Я вытянулъ весла и нагнулся, чтобы отвязать веревку, которой былъ привязанъ нашъ грузъ. Но Модъ схватила меня за руку.

— Что вы хотите дѣлать? — спросила она нервнымъ напряженнымъ голосомъ.

— Отвязать это, — отвѣтилъ я, развязывая узелъ.

Но она схватила мои пальцы.

— Пожалуйста не дѣлайте этого.

— Все равно это бесполезно, — отвѣтилъ я. — Теперь ночь, и вѣтеръ уносить насъ отъ берега.

— Но подумайте, Гёмфри! Если намъ не удастся уѣхать на *Призракъ*, то мы на цѣлые годы можемъ остаться на островѣ, можетъ быть даже на всю жизнь. Если его до сихъ поръ не открыли, то могутъ и никогда не открыть.

— Вы забыли о лодкѣ, которую мы нашли на берегу, — напомнилъ я ей.

— Это была промысловая лодка, — отвѣтила она, — и вы прекрасно знаете, что если бы люди спаслись, то они вернулись бы обратно за богатствами, которыя находятся здѣсь. Но вы знаете, что они не спаслись.

Я молчалъ, не зная какъ быть.

— Къ тому же, — прибавила она нерѣшительно, — это ваша идея, и я непременно хочу, чтобы она осуществилась.

Но меня задѣли ея слова. Она, очевидно, хотѣла польстить мнѣ, но я изъ великодушія долженъ былъ отвергнуть эту лесть...

— Лучше прожить нѣсколько лѣтъ на островѣ, чѣмъ умереть сегодня или завтра въ открытой лодкѣ. Вѣдь, мы не приготовились плавать по морю. У насъ нѣтъ ни пищи, ни воды, ни одѣяль, вообще—ничего. А вы не выдержите и одной ночи безъ одѣяла. Я вѣдь знаю ваши силы. Вы и сейчасъ дрожите.

— Это нервная дрожь. Я испугалась, что вы хотите бросить мачты, несмотря на мои просьбы. О, пожалуйста, пожалуйста не дѣлайте этого, Гёмфри,—сказала она снова нѣсколько минут спустя.

Кончилось такъ, какъ кончалось всегда, когда она просила меня. Мы всю ночь дрожали и зябли. Я засыпалъ урывками, но просыпался отъ холода. Какъ Модъ выдержала эту ночь, я совершенно не могу понять. Я былъ такъ утомленъ, что не могъ хлопать руками, чтобы согрѣть себя, но у меня хватало силы, чтобы отъ времени до времени тереть ея руки и хоть немного согрѣвать ихъ. И все же она просила меня не бросать мачтъ. Около трехъ часовъ утра у нея сдѣлались судороги отъ холода, и, когда я ее растеръ, она лежала въ какомъ-то оцѣпенѣннн. Я испугался. Доставъ весла, я поставилъ ее грести, хотя она была такъ слаба, что съ ней каждую минуту могъ случиться обморокъ.

Настало утро, и мы долго искали глазами нашъ островъ. Наконецъ мы увидали маленькую черную точку на горизонтѣ, приблизительно въ пятнадцати миляхъ отъ насъ. Я началъ разсматривать море въ бинокль. Далеко на юго-западѣ я замѣтилъ на водѣ темную линію, которая быстро приближалась.

— Попутный вѣтеръ! — вскричалъ я хриплымъ голосомъ.

Модъ пыталась отвѣтить, но не могла. Губы ея посинѣли отъ холода, глаза впали, но при всемъ томъ ея каріе глаза мужественно глядѣли на меня!

Снова я принялся растирать ея руки и двигать

ими вверхъ и внизъ, пока она не оправилась настолько, что сама могла продолжать это упражненіе. Затѣмъ я поставилъ ее на ноги и несмотря на то, что она упала бы, если бъ я ее не поддерживалъ, я заставилъ ее сдѣлать нѣсколько шаговъ по лодкѣ, а затѣмъ вспрыгивать на скамейку и соскакивать съ нея.

— О, вы мужественная женщина, — сказала я, увидѣвъ, что жизнь снова возвратилась къ ней. — Вы знаете, что вы очень мужественны?

— Я никогда не была мужественной раньше. Это вы меня сдѣлали такой.

— Я тоже не былъ мужественнымъ, пока не узналъ васъ.

Она бросила на меня быстрый взглядъ, и снова я увидѣлъ въ немъ блестящія искорки и еще что-то... Но это продолжалось только одинъ моментъ.

Поднялся попутный, свѣжій вѣтеръ, и лодка стала быстро нестись по волнамъ по направленію къ острову. Въ половинѣ четвертаго мы обогнули югозападный мысъ. Мы не только были голодны, но и страдали отъ жажды до того, что наши губы засохли и потрескались. Вѣтеръ мало-по-малу совершенно утихъ, и ночью наступила опять мертвая тишина. Я снова сѣлъ на весла, но грѣбъ слабо, очень слабо. Въ два часа ночи наша лодка ударилась о берегъ въ нашемъ заливчикѣ, и я выпелъ изъ нея, чтобы закрѣпить ее. Мудъ не могла устоять на ногахъ, и у меня не было силы вести ее. Я упалъ на песокъ вмѣстѣ съ ней и, когда пришелъ въ себя, то взялъ ее подъ мышки и поволокъ ее по берегу къ хижинѣ.

На слѣдующій день мы не работали. Мы спали до трехъ часовъ, по крайней мѣрѣ я, ибо, когда я проснулся, Моди уже варила обѣдъ. Ея способность быстро возстановлять свои силы всегда поражала меня. Глядя на ея тонкую, хрупкую фигуру, трудно было бы повѣрить, что она до такой степени вынослива.

— Вы знаете, что я отправилась путешествовать въ Японію для поправденія здоровья?—сказала она, когда мы послѣ обѣда наслаждались отдыхомъ у костра.—У меня всегда было слабое здоревье, и доктора посовѣтовали мнѣ отправиться въ морское путешествіе; я и выбрала самый длинный рейсъ...

— Вы и не подозрѣвали, что вамъ при этомъ предстоитъ,—сказала я со смѣхомъ.

— Зато изъ этого испытанія я выйду совершенно другой, и мое здоревье станетъ лучше,—отвѣтила она;—и я надѣюсь, что и я сама стану лучше. По крайней мѣрѣ я буду гораздо лучше понимать жизнь.

Затѣмъ, когда короткій день приходилъ къ концу, мы заговорили о слѣпотѣ Волка Ларсона. Она была совершенно необъяснима. И что она была серьезна, видно было ужъ по тому, что онъ самъ сказалъ, что намѣревается умереть на островѣ Старанія. Если онъ, такой сильный человекъ и такъ любящій жизнь, собирался умирать, то было очевидно, что его беспокоило нѣчто большее, чѣмъ слѣпота. У него бывали страшныя головныя боли, и мы рѣшили, что у него несомнѣнно пораженъ мозгъ, и что во время припадковъ онъ переживаетъ самыя жестокия боли.

Я замѣтилъ, что Модъ относится къ нему съ всевозрастающимъ сочувствіемъ, но за это я любилъ ее еще больше. Къ тому же въ ея чувствѣ не было ложной сантиментальности. Она соглашалась съ тѣмъ, что намъ придется примѣнить самыя радикальныя мѣры, если мы хотимъ отсюда уѣхать, хотя и содрогалась при мысли, что мнѣ придется когда-нибудь лишить его жизни, чтобы спасти свою собственную или, какъ она говорила, «наши собственные».

Утромъ, послѣ завтрака, мы принялись за работу. Я нашелъ въ трюмѣ легкій якорь, и мнѣ удалось вытащить его на палубу и оттуда спустить въ лодку. Захвативъ длинную веревку, я на веслахъ отплылъ на середину бухты и бросилъ якорь въ воду. Вѣтра не было, приливъ былъ высокій и шхуна плавала на поверхности. Я отпустилъ канаты, прикрѣпившіе ее къ берегу, потянулъ ее на середину бухты, и, такъ какъ маленькій якорь не выдержалъ бы напора волнъ и вѣтра, то отдалъ также и большой якорь. Послѣ полудня я принялся за починку лебедки.

Я работалъ надъ нею три дня. Я былъ очень неважнымъ механикомъ, и за три дня я сдѣлалъ столько, сколько обыкновенный механикъ сдѣлалъ бы въ три часа. Я долженъ былъ сперва изучить ея устройство и открыть тѣ простыя правила механики, которыя всякій мастеръ знаетъ наизусть. Къ концу третьяго дня лебедка кое-какъ работала, но, конечно, много хуже, чѣмъ раньше.

Затѣмъ въ теченіе полудня я поднялъ двѣ верх-

нiя полумачты на бортъ и снова устроилъ ножницы. Ночь я спалъ на палубѣ, возлѣ моей работы. Модъ отказалась остаться одна на берегу и спала въ кубрикѣ. Волкъ Ларсенъ ходилъ вокругъ насъ, слушалъ, какъ я исправляю воротъ и разговаривалъ со мною и Модъ на безразличныя темы. О разрушенiи ножницъ никто даже не упомянулъ, точно такъ же, какъ онъ не сказалъ ни слова о томъ, чтобы я оставилъ его судно въ покоѣ. Все же я боялся этого слѣпого, но чутко прислушивавагося человекъ и никогда не подпускалъ его близко, когда работалъ.

Я спалъ подъ милыми моему сердцу ножницами, когда меня разбудилъ шумъ его шаговъ. Была ясная, звѣздная ночь, и я ясно различалъ его фигуру, когда онъ ходилъ по судну. Я вылѣзъ изъ-подъ одѣяль и въ однихъ чулкахъ безшумно слѣдовалъ за нимъ. Онъ вооружился большимъ ножомъ и собирался перерѣзать тросы, которыми я связалъ ножницы.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ этого дѣлать,—сказалъ я спокойно.

Онъ услышалъ звукъ взводимаго курка и расхохотался.

— А, мое почтенiе, Гѣмпъ!—сказалъ онъ —Я зналъ, что вы здѣсь. У меня тонкiй слухъ.

— Это ложь, Волкъ Ларсенъ,—сказалъ я, по-прежнему спокойно.—Но такъ какъ я только ищу случая убить васъ, то пожалуйста перерѣзывайте веревки.

— У васъ всегда есть случай,—насмѣшливо сказалъ онъ.

— Ну, перерѣзывайте!—угрожающе сказалъ я.

— Нѣтъ, пожалуй я вамъ не доставлю этого удовольствія,—сказалъ онъ со смѣхомъ, повернулся и пошелъ къ кормѣ.

— Нужно что-нибудь предпринять, Гёмфри,—сказала Модъ на слѣдующее утро, когда я рассказалъ ей объ этомъ случаѣ.—Если онъ будетъ свободно бродить по судну, то трудно сказать, что онъ можетъ сдѣлать. Онъ можетъ потопить шхуну или поджечь ее. Вообще, онъ на все способенъ. Мы должны запереть его.

— Но какъ? Я вѣдь боюсь подойти къ нему близко, а онъ знаетъ, что пока онъ сопротивляется пассивно, у меня не хватитъ силы застрѣлить его.

— Но это необходимо сдѣлать,—сказала она,—погодите-ка, дайте мнѣ подумать.

— Есть одинъ способъ,—сказалъ я мрачно.

Она вопросительно взглянула на меня. Я взялъ дубинку, которою убивалъ котиковъ.

— Этимъ нельзя убить его,—сказалъ я.—И прежде чѣмъ онъ придетъ въ себя, я крѣпко свяжу его по рукамъ и ногамъ.

Она вздохнула и отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ. Надо какъ-нибудь сдѣлать это, не прибѣгая къ такому звѣрству. Подождемъ немного.

Но вскорѣ задача разрѣшилась сама. Утромъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, я нашелъ, наконецъ, точку равновѣсія мачты и прикрѣпилъ канатъ нѣсколько выше него. Модъ помогла мнѣ вертѣть

лебедку, которая потребовала отъ насъ тѣмъ большихъ усилій, что была не въ порядкѣ. Работа шла чрезвычайно медленно и намъ поминутно приходилось отдыхать. Часъ спустя всѣ блоки уже были на самомъ верху, между тѣмъ, какъ мачта была еще по ту сторону борта; оказывалось, что «ножницы» были коротки, и мы только даромъ потратили время и труды. Прежде такое открытіе привело бы меня въ отчаяніе, но теперь я былъ настолько увѣренъ въ своихъ силахъ, что уже не падалъ духомъ. Я зналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, и что я найду выходъ изъ затрудненія.

Пока я старался придумать что-нибудь, Волкъ Ларсенъ вышелъ на палубу. Мы тотчасъ же замѣтили въ немъ нѣчто необычное. Его движенія были болѣе нерѣшительны и слабы, чѣмъ обыкновенно. Онъ пошатывался на ногахъ. У юта онъ остановился, поднялъ руку къ глазамъ съ своимъ обычнымъ жестомъ, какъ бы сметающимъ что-то съ лица, сорвался внизъ по ступенькамъ, но удержался на ногахъ и поплелся по палубѣ, качаясь и цѣпляясь руками за что попало. Возлѣ «третьяго класса» онъ, наконецъ, какъ бы обрѣлъ равновѣсіе, но затѣмъ вдругъ ноги его словно подкошились, и онъ упалъ на палубу.

— Припадокъ,—шепнулъ я.

Модъ утвердительно качнула головой и съ участіемъ взглянула на него.

Мы подошли къ нему, но онъ, казалось, былъ безъ сознанія и порывисто дышалъ. Она приподняла его голову, чтобы кровь отлила отъ нея и

послала меня въ каюту за подушкой. Я принесъ также одѣяла и мы его уложили какъ можно удобнѣе. Я пощупалъ его пульсъ. Онъ былъ сильный и ровный и совершенно нормальный. Это изумило меня и показалось подозрительнымъ.

— А что, если онъ притворяется?—спросилъ я, все еще держа его руку.

Модъ покачала головой и съ упрекомъ взглянула на меня. Но въ этотъ же моментъ рука его, какъ стальная, сжала мою руку. Я закричалъ дикимъ голосомъ отъ страха, а онъ съ злымъ и торжествующимъ выраженіемъ на лицѣ обвинилъ меня другой рукой и держалъ въ своемъ ужасномъ объятіи.

Онъ выпустилъ мою руку, но затѣмъ другой рукой быстро схватилъ сзади обѣ мои руки, такъ что я не могъ пошевелинуться. Его свободная рука поднялась къ моему горлу, и въ тотъ же моментъ я почувствовалъ близость смерти, въ которой былъ виноватъ я самъ, зачѣмъ я близко подошелъ къ нему? Я чувствовалъ другія руки у моего горла—это Модъ дѣлала тщетныя усилія, чтобы оторвать его руку отъ моего горла. Увидѣвъ, что ей не совладать съ нимъ, она закричала, и этотъ крикъ больно отозвался въ моей душѣ, ибо она напомнилъ мнѣ крикъ женщинъ при гибели *Мартинеца*,—въ немъ было столько страха, безнадёжности и отчаянія...

Мое лицо приходилось противъ его груди и поэтому я не могъ ничего видѣть, но я слышалъ, что Модъ быстро побѣжала по палубѣ. Все случилось необычайно быстро. Я еще не успѣлъ потерять

сознаніе, и поэтому мнѣ показалось, что прошелъ безконечный періодъ времени, прежде чѣмъ она прибѣжала назадъ. И въ тотъ же моментъ я почувствовалъ, что онъ вдругъ какъ-то осѣлъ подо мною. Дыханіе вышло изъ его легкихъ, его грудь опустилась подъ моей тяжестью и изъ его горла вырвался громкій стонъ. Рука, державшая мое горло, разжалась, и я вздохнулъ свободно. Она снова попыталась сдавить мнѣ горло, но даже его огромная воля не могла побѣдить охватившей его слабости. Онъ былъ близокъ къ обмороку.

Модъ была ужъ близко, когда его рука разжала мое горло. Я покатился на палубу, захлебываясь воздухомъ и моргая глазами отъ солнца. Модъ стояла рядомъ. Она была блѣдна, но спокойна и въ ея рукахъ я увидѣлъ тяжелую дубинку, которой я убивалъ котиковъ. Но палка тотчасъ же выпала изъ ея рукъ, точно она вдругъ обожгла ее, и мое сердце забилося отъ радости. Модъ, дѣйствительно, была моей женой, моей самкой, борющейся вмѣстѣ со мной и за меня, какъ боролась бы женщина пещернаго періода.

— Дорогая моя,—вскричалъ я, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

Въ слѣдующій затѣмъ моментъ она очутилась въ моихъ объятіяхъ и судорожно рыдала на моемъ плечѣ. Я взглянулъ на ея роскошные каштановые волосы, блестѣвшіе на солнцѣ и почувствовалъ, что она для меня дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Я наклонился и поцѣловалъ ея волосы такъ нѣжно, что она даже не замѣтила этого.

Но вдругъ я очнулся. Въ концѣ книгъ, вѣдь,

естественно, что женщина плачетъ отъ облегченія въ объятіяхъ своего спасителя и покровителя. Если бы я былъ ея отцомъ или братомъ, то положеніе было бы то же самое. Къ тому же ни время, ни мѣсто не подходили для объясненія въ любви. Я еще разъ нѣжно поцѣловалъ ея волосы и выпустилъ ея изъ своихъ объятій.

— На этотъ разъ это настоящій припадокъ,—сказалъ я;—такой же, какъ тотъ, когда онъ ослѣпъ. Онъ сперва притворился и этимъ накликалъ на себя припадокъ.

Модъ уже снова поправляла его подушки.

— Нѣтъ, не оправляйте еще,—сказалъ я.—Надо воспользоваться его беспомощнымъ состояніемъ и обезвредить его. Съ этого дня мы будемъ жить въ каютѣ, а Волкъ Ларсенъ, въ третьемъ классѣ.

Я схватилъ его подъ-мышки и потащилъ къ трюму. Модъ принесла веревку. Привязавъ его подъ мышки, я спустилъ его въ трюмъ и съ помощью Модъ втащилъ его на нижнюю койку.

Но это еще было не все. Въ его каютѣ я взялъ наручники, которыми онъ сковывалъ непокорныхъ матросовъ, вмѣсто старыхъ, неуклюжихъ желѣзныхъ кандаловъ. Такимъ образомъ мы оставили его въ трюмѣ связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Въ первый разъ за много дней я вздохнулъ свободно. Я почувствовалъ странную легкость, когда вышелъ на палубу, точно какая-то тяжесть упала съ моихъ плечъ. Я чувствовалъ также, что мы съ Модъ стали какъ-будто ближе,

XXXVII.

Мы тотчасъ же перебрались на *Призракъ* въ наши прежнія каюты и стали варить обѣдъ въ кухнѣ. Плѣненіе Волка Ларсена пришлось очень кстати, ибо бабье лѣто окончилось и наступилъ дождливый сезонъ. Мы чувствовали себя очень хорошо, а мои неудавшіяся ножницы, съ висѣвшей подъ ними фокъ-мачтой, придавали шхунѣ дѣловой видъ и обѣщали намъ скорый отъѣздъ.

Но теперь, когда Волкъ Ларсенъ былъ въ кандалахъ, мы мало думали объ отъѣздѣ. Второй припадокъ точно такъ же, какъ и первый, сопровождался полнымъ упадкомъ силъ. Это Модъ узнала, когда сдѣлала попытку накормить его. Онъ выказывалъ нѣкоторые признаки сознанія, но когда она обращалась къ нему съ вопросами, то онъ не отвѣчалъ. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку и, повидимому, очень страдалъ. Онъ безпокойно ворочалъ головой по подушкѣ и когда его лѣвое ухо открылось, то онъ тотчасъ же услышалъ, что говорила Модъ и отвѣтилъ ей. Она тотчасъ же пришла ко мнѣ.

Прижавъ подушку къ его лѣвому уху, я спросилъ его, слышитъ ли онъ меня, но онъ ничего не отвѣтилъ. Когда же я снялъ подушку и повторилъ свой вопросъ, то онъ быстро отвѣтилъ, что онъ меня слышитъ.

— Вы знаете, что вы глухи на правое ухо?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ тихо.—И не только глухъ. Вся моя правая сторона поражена. Она точно оцѣхла. Я не могу двинуть ни рукой, ни ногой.

— Опять притворяетесь?—спросилъ я сердито.

Онъ отрицательно покачалъ головой и его суровыя губы искривились улыбкой. Это была дѣйствительно кривая улыбка, потому что приподнялась только лѣвая половина губъ; правая была парализована.

— Это была послѣдняя штука Волка,—сказалъ онъ.—Я парализованъ и больше никогда ужъ не буду въ состоянїи ходить. Это большое несчастье,—продолжалъ онъ,—потому что я хотѣлъ сперва покончить съ вами Гёмпъ... и я думалъ, что у меня хватить силъ на это.

— Но на что это вамъ?—спросилъ я съ любопытствомъ, но не безъ нѣкотораго ужаса.

Опять его суровый ротъ искривился улыбкой и онъ сказалъ:

— Только для того, чтобы чувствовать, что я живъ, чтобы остаться до конца самымъ большимъ кускомъ фермента и пожрать васъ. Но умирать такимъ образомъ...

Онъ пожалъ плечами или вѣрнѣе попробовалъ пожать ими, потому что только лѣвое плечо его двинулось.

— Но чѣмъ вы объясняете то, что съ вами случилось?—спросилъ я.—Что служить причиной вашей болѣзни?

— Мозгъ,—отвѣтилъ онъ тотчасъ же.—Все произошло отъ этихъ проклятыхъ головныхъ болей.

— Это симптомы,—сказалъ я.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я никогда въ жизни не былъ боленъ. Съ моимъ мозгомъ что-то неладно. Можетъ быть въ немъ обра-

вовалась какая-нибудь опухоль, или ракъ, или вообще что-нибудь въ этомъ родѣ, что пожираетъ его и уничтожаетъ. Эта болѣзнь поразила мои нервныя центры и пожираетъ ихъ клѣточки одну за другою; отсюда и боль.

— И центры движенія тоже поражены,—сказалъ я.

— Да, кажется; и, что хуже всего, такъ это то, что я долженъ лежать здѣсь въ полномъ сознаніи, умственно совершенно не измѣнившись, сознавая, что точекъ соприкосновенія между мною и міромъ становится все меньше и меньше. Я не могу видѣть, и слухъ тоже измѣняетъ мнѣ; скоро я перестану говорить... Но я буду здѣсь, чувствуя себя живымъ, готовымъ дѣйствовать... и въ то же время совершенно беспомощнымъ.

— Вы говорите, что вы должны оставаться здѣсь; этимъ вы признаете существованіе чего-то въ родѣ души,—сказалъ я.

— Вадоръ,—отвѣтилъ онъ.—Это только значить, что хотя мой мозгъ пораженъ, но высшіе психическіе центры не тронуты. У меня есть память, я могу думать и рассуждать. Когда это уйдетъ, то уйду и я. Душа!...

Онъ презрительно расхохотался и повернулся на лѣвое ухо, въ знакъ того, что не желаетъ больше говорить.

Модъ и я продолжали нашу работу подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ его страшной судьбы, хотя насколько она была страшна, мы себѣ плохо представляли. Мы были торжественно настроены и говорили шопотомъ.

— Вы можете снять наручники,—сказалъ онъ вечеромъ того же дня, когда мы стояли надъ нимъ и вполголоса совѣщались.—Я теперь не опасенъ, ибо я паралитикъ. Скоро у меня, вѣроятно, начнутся пролежни.

Онъ улыбнулся своей кривой улыбкой, и Модъ въ ужасѣ отвернулась.

— Вы знаете, что у васъ улыбка выходитъ кривой?—спросилъ я его. Я зналъ, что Модъ будетъ ухаживать за нимъ, и хотѣлъ, по возможности, облегчить ей эту задачу.

— Въ такомъ случаѣ я не буду больше улыбаться,—сказалъ онъ спокойно. — Я только думалъ, что что-нибудь не ладно. Моя правая щека вчера цѣлый день была въ какомъ-то онѣмѣломъ состояннн. Послѣднн три дня у меня было нѣсколько предостереженнй. Временами моя правая сторона, а иногда рука или нога, словно дѣлались чужими.

— Вы говорите, что моя улыбка кривая?—спросилъ онъ, спустя нѣкоторое время.—Ну что же, съ этихъ поръ я буду улыбаться внутренно, въ душѣ, если вамъ такъ больше нравится. Представьте себѣ, что я улыбаюсь теперь.

Въ продолженн нѣсколькихъ минутъ онъ лежалъ спокойно, тѣшась, вѣроятно, своею странною прихотью.

Ничто въ немъ не измѣнилось. Это былъ все тотъ же неукротимый, страшный Волкъ Ларсенъ, но онъ находился въ плѣну у своего тѣла, когда-то великолѣпнаго и непобѣдимаго. Теперь оно сковало его своими цѣпями, окружило его душу,

отдѣлило его отъ міра глухою стѣною. Глаголь «дѣлать» ушелъ изъ его лексикона, оставался только глаголь «быть», но быть только въ полной неподвижности. У него осталась воля, но не было возможности претворить ее въ дѣйствиѣ. Духъ его остался живымъ и бодрымъ, но плоть совершенно умерла.

Хотя я снялъ съ него наручники, мы никакъ не могли привыкнуть къ мысли, что онъ беспомощенъ. Намъ онъ казался полнымъ силы. Мы не знали, чего намъ ожидать отъ него, какое страшное дѣло онъ могъ еще придумать. Такое настроеніе было результатомъ нашего прежняго опыта съ нимъ, и въ этотъ день мы принялись за работу въ очень тревожномъ состояніи.

Послѣ многихъ трудовъ мнѣ, наконецъ, удалось поднять на бортъ самую длинную рею—длиною въ сорокъ футовъ. При помощи лебедки я поднялъ ее почти перпендикулярно, прикрѣпилъ къ ножницамъ и получилъ такимъ образомъ триножникъ въ сорокъ футовъ высоты. При такихъ условіяхъ я уже могъ поднять нижнія полумачты достаточно высоко, чтобы вставить ихъ на мѣсто. Два дня спустя фокъ-мачта лежала на палубѣ, ея нижній конецъ я обтесалъ—правда, такъ неаккуратно, словно его обгрызла какая-нибудь гигантская мышь—но зато онъ свободно входилъ въ свое отверстіе на палубѣ.

Между тѣмъ съ Волкомъ Ларсеномъ случился второй ударъ. Онъ начиналъ терять голосъ и только временами могъ еще говорить. Какъ онъ выражался, его фонды то слегка поднимались,

то падали. Иногда онъ начиналъ говорить, но вдругъ останавливался посреди фразы, и мы иногда цѣлыми часами ждали, чтобы онъ снова заговорилъ. Онъ жаловался на сильную боль въ головѣ и установилъ систему сношенія съ нимъ для того времени, когда способность говорить совершенно покинетъ его. Одно слабое пожатіе руки означало «да», два—«нѣтъ». Хорошо еще, что мы такъ условились съ нимъ, потому что къ вечеру того же дня онъ совершенно лишился голоса. Такимъ образомъ пожатіями руки онъ отвѣчалъ на вопросы, а когда хотѣлъ что-нибудь сказать, то лѣвой рукой надарापывалъ нѣсколько словъ на бумагѣ.

Между тѣмъ наступила суровая зима. Буря слѣдовала за бурей, сопровождаясь снѣгомъ и дождемъ. Котики отправились на югъ и островъ опустѣлъ. Я работалъ съ лихорадочной поспѣшностью. Несмотря на дурную погоду и на вѣтеръ, который мнѣ особенно мѣшалъ, я работалъ на палубѣ съ утра до вечера и моя работа быстро подвигалась впередъ. Фокъ-мачта уже лежала на палубѣ и я прикрѣплялъ къ ней самыя необходимыя снасти и реи; Модъ въ это время зашивала паруса; она довольно удачно примѣняла кожаную ладонь вмѣсто наперстка и толстую трехгранную иглу. Руки ея, при этомъ, покрылись ссадинами и пузырями, но она мужественно продолжала шить, отрываясь только, когда требовалось варить нашу незатѣйливую пищу, ухаживать за больнымъ или помочь мнѣ.

— Долой всѣ суевѣрія!—сказалъ я въ пятницу утромъ.—Я попробую поднять мачту сегодня же.

Все было готово. При помощи лебедки я поднялъ мачту торчкомъ надъ палубой и неподвижно закрѣпилъ лебедку. Модъ захлопала въ ладоши и закричала.

— Идетъ, идетъ! У насъ будетъ-таки мачта!

Но вдругъ лицо ея приняло озабоченное выраженіе.

— Только конецъ не надъ отверстіемъ,—сказала она.—Неужели придется опять начать сначала?

Я улыбнулся съ видомъ превосходства; затѣмъ кое-гдѣ ослабилъ тросы, кое-гдѣ подтянулъ ихъ при помощи блоковъ и, наконецъ, конецъ мачты очутился въ дырѣ. Объяснивъ Модъ, какъ отпустить лебедку, я спустился въ трюмъ. Я крикнулъ Модъ, и конецъ мачты сталъ медленно спускаться на свое мѣсто. Онъ нѣсколько разъ поворачивался въ своемъ отверстіи и застревалъ; пришлось нѣсколько разъ поднимать его, поворачивать и затѣмъ снова спускать, но къ вечеру мачта оказалась на мѣстѣ. Я громко вскрикнулъ и Модъ прибѣжала посмотрѣть. При желтомъ свѣтѣ фонаря, мы гордо смотрѣли на дѣло рукъ своихъ. Затѣмъ взглянули другъ на друга и наши руки встрѣтились въ горячемъ пожатіи. Глаза наши увлажнились слезами радости.

— Въ сущности, это было совсѣмъ нетрудно,—сказалъ я.—Вся штука была въ томъ, чтобы все приготовить.

— Мнѣ не вѣрится, что эта большая мачта дѣйствительно стоитъ; что вы ее подняли изъ воды на воздухъ и затѣмъ водрузили на мѣсто. Это трудъ Титана.

— И титаны сами сдѣлали много открытій,— началъ я весело, но вдругъ остановился и понюхалъ воздухъ.

— Пахнетъ гарью,—сказала Модъ. Мы бросились къ трапу, и я быстро взобрался на палубу. Густой дымъ валилъ изъ «третьяго класса». «Волкъ еще не мертвъ», прошепталъ я и бросился внизъ.

Дымъ былъ такъ густъ, что я ничего не видѣлъ и двигался ощупью, а чары Волка Ларсена были такъ сильны, что я ежеминутно ждалъ, что руки безпомощнаго гиганта схватятъ меня за горло и начнутъ душить. Я колебался, мнѣ страстно хотѣлось убѣжать. Но я вспомнилъ о Модъ и почувствовалъ, что уже не могу пойти обратно.

Я почти задохался отъ дыма, когда подошелъ, наконецъ, къ койкѣ Ларсена; онъ лежалъ неподвижно, но слегка пошевелился, когда я прикоснулся къ нему. Я нащупалъ поверхъ его одѣяла и подъ обѣяломъ, но нигдѣ не было никакихъ признаковъ ни огня, ни жара. Но долженъ же былъ быть источникъ этого дыма, который слѣпилъ меня и заставилъ кашлять и задохаться. Я потерялъ голову и сталъ метаться по трюму, но пришелъ въ себя, когда ударился о столъ. Я сообразилъ, что безпомощный Ларсенъ могъ зажечь что-нибудь только около себя.

Я вернулся къ его койкѣ и столкнулся съ Модъ. Какъ давно она находилась въ этой удушливой атмосферѣ, я не знаю.

— Ступайте на палубу,—рѣшительно приказалъ я.

— Но, Гёмфри...—начала она страннымъ, хриплымъ голосомъ.

— Идите, идите,—закричала я рѣзко. Она послушно пошла, но я вдругъ подумалъ; а что, если она не найдетъ трапа? Я пошелъ за ней и остановился у самаго трапа. Можетъ быть она уже поднялась? Но вдругъ я услышалъ ея слабый голосъ.

— Гёмфри, я заблудилась.

Я нашелъ ее возлѣ стѣны и почти донесъ ее къ трапу и вытащилъ наверхъ. Чистый воздухъ показался мнѣ нектаромъ. У Модъ только кружилась голова и я оставилъ ее на палубѣ, а самъ снова спустился внизъ.

Я принялся шарить подъ его одѣяломъ и вдругъ что-то горячее попало мнѣ въ руку. Тогда я понялъ: Волкъ Ларсенъ зажегъ матрацъ верхней койки сквозь щели въ ея днѣ. Для этого его лѣвая рука была еще достаточно сильна. Сырая солома матраца, зажженная снизу, не имѣя достаточнаго притока воздуха, только дымилась.

Когда я стащилъ матрацъ съ койки, онъ сразу вспыхнулъ. Я выбросилъ горячіе остатки соломы изъ койки и выскочилъ наверхъ, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Достаточно было нѣсколькихъ ведеръ воды, чтобы потушить горящій матрацъ; и минутъ десять спустя, когда дымъ вышелъ, я позволилъ Модъ спуститься внизъ. Волкъ Ларсенъ былъ въ безсознательномъ состояніи, но черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ себя и попросилъ бумаги и карандашъ.

— Пожалуйста не мѣшайте мнѣ,—писалъ онъ.— Я теперь улыбаюсь. Какъ видите, я еще кусокъ фермента.

— Я радъ, что вы теперь все-таки только очень маленькій кусочекъ фермента,—сказаль я.

— Благодарю васъ,—написаль онъ.—Но подумайте, что передъ самой смертью я стану еще меньше.

— И все же, Гёмпъ, я еще весь здѣсь,—написаль онъ подъ конецъ.—Я могу думать яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Ничто меня не отвлекаетъ. Сосредоточенность полная.

Это было похоже на посланіе изъ могилы; ибо тѣло этого человѣка стало его мавзолеемъ. И въ этомъ странномъ склепѣ его духъ все еще жилъ и боролся. И онъ будетъ жить, пока не исчезнетъ послѣдняя возможность сношенія, а послѣ этого, кто можетъ сказать, какъ долго будетъ еще жить его духъ?

XXXVIII.

— Кажется, моя лѣвая сторона тоже парализована —писаль Волкъ Ларсенъ на другое утро послѣ своей попытки поджечь судно.—Онѣмѣніе усиливается. Я съ трудомъ двигаю рукой. Вы должны говорить громче. Послѣдніе пути сношенія прерываются.

— Вы страдаете?—спросиль я.

Пришлось громко повторить свой вопросъ, прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Не все время.

Его лѣвая рука съ трудомъ двигалась по бумагѣ и намъ было чрезвычайно трудно разобрать, что онъ нацарапаль. Это походило на «посланіе духовъ» на спиритическихъ сеансахъ.

— Но я все еще здѣсь,—нацарапала его рука съ меньшими усиліями, чѣмъ обыкновенно.

Карандашъ выпалъ у него изъ руки, но мы снова вложили его.

— Когда я не страдаю отъ боли, то чувствую удивительное спокойствіе. Я никогда не думалъ такъ ясно. Я могу размышлять о жизни и смерти, какъ индусскіе мудрецы.

— И о безсмертіи?—громко сказала ему Модъ на ухо.

Три раза рука пыталась написать отвѣтъ, но каждый разъ безсильно падала. Карандашъ выпалъ. Напрасно мы пытались снова вложить его. Пальцы не держали его. Тогда Модъ схватила его пальцы своей рукой и рука, написала большими буквами и такъ медленно, что на каждую букву потребовалась цѣлая минута:

— В-з-д-о-р-ъ.

Это было послѣднее слово Волка Ларсена, оставшагося до конца непобѣдимымъ скептикомъ. Рука его разжалась. Тѣло слегка зашевелилось, но затѣмъ всякое движеніе прекратилось. Модъ выпустила его руку, она тяжело упала, карандашъ скатился на полъ.

— Вы еще слышите?—закричалъ я, держа его пальцы и ожидая, чтобы онъ надавилъ ими, что означало бы «да». Отвѣта не было. Рука была мертва.

— Я замѣтила, что его губы слегка движутся,—сказала Модъ.

Я повторилъ вопросъ. Губы задвигались. Она положила кончики пальцевъ на нихъ. Я снова

повторилъ вопросъ. «Да»,—сказала Мёдъ. Мы просительно взглянули другъ на друга.

— Но что же изъ этого?—спросилъ я.—Что можемъ мы еще сказать? Спросите его...—она колебалась.

— Спросите его что-нибудь такое, на что бы онъ отвѣтилъ нѣтъ,—предложилъ я.—Тогда мы будемъ знать навѣрное.

— Вы голодны?—закричала она. Губы задвигались подъ ея пальцами и она сказала «да».

— Хотите мяса?—спросила она снова.

— «Нѣтъ»,—сказала она.

— Хотите бульону?

— Да, онъ хочетъ бульону,—сказала она спокойно, глядя на меня.—Пока онъ слышитъ, мы будемъ сообщаться съ нимъ. А затѣмъ...

Она взглянула на меня, я увидѣлъ, что ея губы дрожать и глаза полны слезъ. Она наклонилась ко мнѣ и я обнялъ ее.

— О, Гёмфри,—рыдала она,—когда же это все кончится? Я такъ устала, такъ устала.

Она спрятала голову у меня на плечѣ и ея хрупкое тѣло все тряслось отъ рыданій. Она лежала въ моихъ объятіяхъ, нѣжная и воздушная, какъ перышко.

Я утѣшалъ и успокаивалъ ее, пока она совершенно не оправилась.

— Мнѣ очень стыдно,—сказала она и затѣмъ прибавила съ напризной улыбкой, которая мнѣ такъ нравилась:—Но вѣдь я только маленькая, слабая женщина!

При наличности одной мачты, другую мы

ставили сравнительно скоро; черезъ нѣсколько дней реи и снасти были на мѣстѣ. Съ верхними парусами мы не справились бы, поэтому мы не поставили верхнія половины мачтъ, и положили ихъ на палубу.

Потребовалось еще нѣсколько дней, чтобы поставить на мѣсто паруса. Ихъ было всего три: два нижнихъ марсея и кливеръ. Укороченные, съ заплатами и обезображенные, они были очень смѣшны и совершенно не подходили къ такому аккуратному судну, какъ *Призракъ*.

— Но они сдѣлають свое дѣло,—воскликнула Модъ радостно.—Мы заставимъ ихъ работать и смѣло ввѣримъ имъ свою жизнь.

Дѣйствительно, среди моихъ новыхъ познаній, парусное мастерство занимало послѣднее мѣсто; я могъ гораздо лучше управлять ими, чѣмъ дѣлать ихъ и нисколько не сомнѣвался въ томъ, что сумѣю привести шхуну въ какой-нибудь портъ Японіи. На шхунѣ я нашель нѣсколько книгъ по навигаціи и кромѣ того тамъ же была еще составленная Волкомъ Ларсеномъ таблица, по которой даже ребенокъ могъ вести судно.

Что касается изобрѣтателя этой таблицы, то положеніе его не измѣнилось. Но въ тотъ день, когда мы окончили ставить паруса, онъ почувствовалъ приближеніе конца; я спросилъ его:—Вы все еще здѣсь?—И губы отвѣтили «да». Но больше онѣ не шевелились.

Послѣдній путь сообщенія былъ прерванъ. Гдѣ-то въ этой тѣлесной могилѣ еще жила душа че-

ловѣка. Окруженный стѣнами изъ живой глины, еще горѣлъ его сильный разумъ; но онъ горѣлъ въ молчаніи и во мракѣ.

XXXIX.

Насталъ день нашего отъѣзда. Насъ ничто уже больше не удерживало на островѣ Старанія. Укороченныя мачты, похожія на обрубки, стояли на мѣстѣ и смѣшныя паруса были наготовѣ. Все, что выходило изъ моихъ рукъ, было крѣпко, но ничуть не красиво; но я зналъ, что все это сдѣлаетъ свое дѣло, и самодовольно оглядывался въ сознаніи своей силы.

— Я сдѣлалъ это! Я сдѣлалъ это! Сдѣлалъ собственными руками!—хотѣлось мнѣ громко закричать.

И Модъ, какъ будто угадавъ мои мысли, сказала, когда мы собирались поднимать большой парусъ.

— Подумать, Гёмфри, что вы сдѣлали все это собственными руками!

— Но у меня были еще двѣ другія руки,—отвѣтилъ я.—Двѣ маленькія славныя ручки...

Она засмѣялась и покачала головой, затѣмъ посмотрѣла на свои руки.

— Я никакъ не могу ихъ отмыть и сдѣлать ихъ снова мягкими.

— Эта грязь и грубая кожа—ваша почетная награда,—сказалъ я, держа ея руки въ своихъ; несмотря на всѣ принятыя мною рѣшенія, я бы расцѣловалъ эти дорогія ручки, если бы она ихъ быстро не отняла.

Наши товарищескія отношенія стали очень шаткими. Я долго сдерживалъ свою любовь, но теперь она брала верхъ надо мной. Она теперь не слушалась меня и не только мои глаза, но и языкъ начиналъ говорить. Я едва владѣлъ собой. Все мое существо взывало къ ней, и точно сильный вѣтеръ, которому я не могъ противиться, клонилъ мое тѣло, такъ что, самъ того не замѣчая, я склонился къ ней. И она поняла, ибо прежде, чѣмъ отвести свои глаза, она бросила на меня быстрый, пронизательный взглядъ.

Концы канатовъ для подъема парусовъ я прикрѣпилъ къ лебедкѣ, такъ что мы могли довольно быстро и легко поднять ихъ. Но я зналъ, что намъ не поднять якорей на такомъ узкомъ мѣстѣ, иначе насъ могло бы отнести на утесы. Поэтому я рѣшился бросить ихъ и показалъ Модъ, какъ поднять паруса въ тотъ моментъ, когда я брошу въ воду конецъ якорной цѣпи.

Дуль довольно свѣжій вѣтеръ. Я выбилъ болтъ, державшій цѣпь и она съ грохотомъ упала за бортъ. Я быстро подбѣжалъ къ штурвалу; корпусъ *Призрака* словно снова ожилъ, какъ только паруса надулись вѣтромъ. У меня захватило духъ, когда шхуна въ началѣ поворота направилась прямо къ берегу, но затѣмъ она послушалась руля и, описавъ дугу, направилась въ открытое море.

Окончивъ свое дѣло, Модъ пришла на ютъ и стала возлѣ меня; ея маленькая шапочка коекакъ держалась на развѣваемыхъ вѣтромъ волосахъ; она вся раскраснѣлась отъ работы, ея

глаза были широко раскрыты и блестѣли отъ возбужденія, и ноздри дрожали отъ свѣжей струи морского воздуха, навстрѣчу которой мы шли. Ея каріе глаза были похожи на глаза испуганной серны. Въ нихъ появился суровый острый взглядъ, какого я не видѣлъ въ нихъ раньше, и она затаила дыханіе, когда *Призракъ*, пройдя подъ скалистой стѣной, вышелъ изъ бухты. День былъ сѣрый и облачный, но солнце въ этотъ моментъ прорвалось сквозь облака и освѣтило берегъ, гдѣ мы вдвоемъ убивали котиковъ. Весь островъ Старанія сразу просвѣтлѣлъ на солнцѣ. Даже мрачный юго-западный мысъ казался менѣе мрачнымъ, и нижній край его, куда достигали волны, блестѣлъ и искрился на солнцѣ.

— Я всегда съ гордостью буду думать о немъ,— сказала Модъ.

Она величественнымъ жестомъ протянула руки и сказала:

— Милый, милый островъ Старанія! Я всегда буду любить тебя!

— И я тоже,—сказалъ я быстро. Казалось бы, что глаза наши должны были бы встрѣтиться, но они почему-то старались не встрѣчаться.

Наступило довольно неловкое молчаніе; чтобъ прервать его, я сказалъ:

— Взгляните на эти черныя тучи. Помните я говорилъ вамъ вчера, что барометръ падаетъ?

— И солнце скрылось,—сказала она, но ея глаза были еще устремлены на островъ, гдѣ мы доказали, что нашъ духъ сильнѣе плоти и достигли самой нѣжной дружбы и товарищества,

какія только могутъ выпасть на долю мужчины и женщины.

— А теперь въ Японію, на всѣхъ парусахъ!— весело вскричалъ я.

Привязавъ штурваль, я побѣжалъ на бакъ, распустилъ кливеръ и закрѣпилъ всѣ паруса въ ожиданіи свѣжаго бокового вѣтра, который надо было использовать какъ можно полнѣе. Къ сожалѣнію при боковомъ вѣтрѣ надо все время стоять у штурвала; такимъ образомъ мнѣ предстояло простоять цѣлую ночь на вахтѣ. Модъ настаивала на томъ, чтобы смѣнить меня, но оказалось, что у нея не хватало силъ вертѣть штурваль при большомъ волненіи, даже если бы она и знала, какъ это дѣлать. Это ее чрезвычайно огорчило, но она утѣшилась тѣмъ, что привела въ порядокъ всѣ концы и тросы, разбросанные по палубѣ; затѣмъ ей надо было приготовить обѣдъ, убрать постели, смотрѣть за Волкомъ Ларсеномъ и она къ тому же еще предприняла генеральную уборку каюты и трюма.

Всю ночь я простоялъ у штурвала, а вѣтеръ все крѣпчалъ и волненіе увеличивалось. Въ пять часовъ утра Модъ принесла мнѣ горячее кофе и булочки, которыя она испекла; а въ семь часовъ довольно основательный горячій завтракъ вдохнулъ въ меня новую жизнь.

Въ продолженіе дня вѣтеръ медленно и постепенно крѣпчалъ. Но *Призракъ* все время ускорялъ ходъ, такъ что въ концѣ-концовъ онъ дѣлалъ не менѣе одиннадцати узловъ. Было жаль терять такую быстроту, но къ ночи мои силы

совершенно истощились. При всей моей выносливости, стоять тридцать шесть часовъ подрядъ у руля было предѣломъ для моей силы. Къ тому же Модъ просила меня убрать паруса—и я зналъ, что если вѣтеръ и волненіе еще усилятся, то скоро уже нельзя будетъ этого сдѣлать. Поэтому къ вечеру я поставилъ шхуну перпендикулярно къ вѣтру. Но я не представлялъ себѣ, какая это трудная задача убрать три паруса одному человѣку при такомъ вѣтрѣ. Пока мы шли по вѣтру, я не представлялъ себѣ его силы, но когда мы остановились, то онъ вырвалъ паруса изъ моихъ рукъ и въ одинъ моментъ уничтожалъ то, что я съ страшными усиліями дѣлалъ въ теченіе десяти минутъ. Къ восьми часамъ я успѣлъ закрѣпить только кливеръ, а къ одиннадцати я долженъ былъ оставить свои тщетныя усилія убрать марсея. Кровь сочилась изъ всѣхъ моихъ пальцевъ и ногти были обломаны. Отъ боли и изнеможенія я даже потихоньку плакалъ въ темнотѣ, стараясь, чтобы Модъ этого не узнала.

Пришлось отказаться отъ мысли закрѣпить марсея. Но я снова проработалъ всю ночь, убравъ-таки марсея и только въ три часа утра, когда я былъ уже полуживой отъ усталости, я зналъ, что мои труды не пропали даромъ, что *Призракъ* съ закрѣпленнымъ рулемъ лавируетъ ровнымъ ходомъ, не обнаруживая наклонности сворачивать носъ при боковыхъ порывахъ вѣтра.

Я былъ голоденъ, но Модъ напрасно пробовала заставить меня поѣсть. Я засыпалъ съ ртомъ, полнымъ пищи. Я былъ такъ беспомощенъ, что

она должна была держать меня на стулѣ, чтобы я не свалился на полъ при сильныхъ качаніяхъ шхуны.

Какъ я дошелъ изъ кухни въ каюту, я не помню. Я шелъ во снѣ и Модъ поддерживала меня. Я ничего не помню, и, когда проснулся, то я не зналъ даже, когда я успѣлъ заснуть. Было темно, все мое тѣло ныло и болѣло, и я чуть не закричалъ отъ боли, когда дотронулся до одѣяла концами моихъ истерзанныхъ пальцевъ.

Утро, очевидно, еще не наступало, такъ что я закрылъ глаза и снова заснулъ. Когда я во второй разъ проснулся, я зажегъ спичку и взглянулъ на часы. Была полночь, а я ушелъ съ палубы въ три часа. Я былъ чрезвычайно озадаченъ, но тотчасъ же угадалъ въ чемъ дѣло. Неудивительно, что мнѣ не хотѣлось больше спать— я вѣдь проспалъ двадцать одинъ часъ! Я сталъ прислушиваться къ качанію судна, къ шуму волнъ и къ завыванію вѣтра на палубѣ. Затѣмъ повернулся на бокъ и мирно заснулъ до утра.

Когда я всталъ въ семь часовъ утра, Модъ нигдѣ не было видно и я рѣшилъ, что она въ кухнѣ, готовить завтракъ. Выйдя на палубу, я увидѣлъ, что *Призракъ* великолѣпно идетъ подъ небольшимъ треугольнымъ парусомъ. Но, хотя въ кухнѣ горѣлъ огонь и кипѣла вода, Модъ тамъ не было.

Я нашелъ ее въ трюмѣ у койки Волка Ларсена. Я посмотрѣлъ на него. На его безжизненномъ лицѣ было какое-то странное выраженіе. Модъ взглянула на меня и я понялъ.

— Онъ скончался въ самый разгаръ бури?

— Но духъ его еще живъ...—съ увѣренностью отвѣтила она.

Я взялъ ее за руку и повелъ на палубу.

Ночью буря стала медленно утихать. На слѣдующее утро послѣ завтрака, когда я поднялъ тѣло Волка Ларсена на палубу, чтобы похоронить его, вѣтеръ былъ еще очень силенъ и волны высоко вздымались. Палубу безпрестанно заливало водой. Вѣтеръ внезапно сильно накренилъ шхуну, такъ что ея подвѣтренный бортъ зарылся въ волны; въ снастяхъ неистово выло и визжало. Мы стояли по колѣна въ водѣ; я обнажилъ голову.

— Я помню только одну часть погребальнаго обряда,—сказалъ я:—«И тѣло должно быть брошено въ море».

Модъ взглянула на меня съ изумленіемъ, она, видимо, была шокирована; но я былъ всецѣло подъ впечатлѣніемъ того, что я когда-то видѣлъ, и что-то заставило меня похоронить Волка Ларсена такъ, какъ онъ однажды похоронилъ другаго человѣка. Я приподнялъ конецъ крышки трюма и тѣло, зашитое въ парусину, соскользнуло въ море ногами впередъ. Желѣзный грузъ, привязанный къ ногамъ, потянулъ его внизъ. Тѣло исчезло.

— Прощай, Люциферъ, гордый духъ,—прошептала Модъ такъ тихо, что ничего не было слышно, такъ какъ вѣтеръ подхватилъ ея шопоть; но я видѣлъ движеніе ея губъ и угадалъ.

Когда мы, цѣпляясь за подвѣтренный бортъ, шли на ютъ, я бросилъ взглядъ на море. При-

зракъ въ этотъ моментъ поднялся на высокій гребень волны и я ясно увидѣлъ въ двухъ или трехъ миляхъ отъ насъ небольшой пароходъ, шедшій къ намъ навстрѣчу. Онъ былъ выкрашенъ въ черную краску, и я понялъ, что это таможенный пароходъ Соединенныхъ Штатовъ. Я указалъ на него Модъ, и поспѣшно повелъ ее въ безопасное мѣсто на югъ.

Затѣмъ я спустился внизъ, чтобы взять флагъ изъ ящика, но вдругъ вспомнилъ, что при оснасткѣ *Призрака* я совершенно забылъ прикрѣпить шкотъ для флага.

— Намъ не нужно выбрасывать сигналъ бѣдствія,—сказала Модъ,—а нужно только, чтобы они насъ увидѣли.

— Мы спасены,—сказалъ я спокойно и торжественно и затѣмъ въ порывѣ радости прибавилъ:—но не знаю, радоваться ли этому или нѣтъ.

Я взглянулъ на нее. Наши взгляды теперь уже не избѣгали встрѣчаться. Она склонилась ко мнѣ и я обнялъ ее.

— Нужно ли мнѣ говорить?—спросилъ я.

— Не нужно. Но если вы скажете, то это будетъ такъ пріятно...

Ея губы прижались къ моимъ, и я почему-то вспомнилъ сцену въ каютѣ *Призрака*, когда она положила палецъ на губы и сказала: «молчите, молчите».

— Милая моя, моя дорогая жена,—проговорилъ я нѣжно, прижимая ее къ своей груди.

— Мужъ мой,—прошептала она, прижимаясь ко мнѣ съ радостнымъ вздохомъ.

Я взглянулъ на пароходъ. Онъ былъ уже очень близко и спускалъ въ воду лодку.

— Еще одинъ поцѣлуй, дорогая,—прошептала я,—еще одинъ поцѣлуй, прежде чѣмъ они пойдутъ.

— И спасутъ насъ отъ самихъ себя,—докончила она съ очаровательной улыбкой.

К О Н Е Ц Ъ .

Джекъ Лондонъ.

Д. Лондонъ родился въ типичной семьѣ американскаго піонера, въ г. Санъ-Франциско, въ 1876-омъ году. Раннее дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ, гдѣ отецъ завелъ небольшую ферму. Какъ всѣ американскія дѣти, онъ съ шестилѣтняго возраста сталъ посѣщать школу, съ которой разстался, когда ему было уже четырнадцать лѣтъ. Едва выучившись грамотѣ, онъ пристрастился къ чтенію, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ необычайною жадностью поглощалъ книгу за книгой. Особенно любилъ онъ читать описанія путешествій и, проникнутые такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, романы Уида; и то и другое онъ читалъ уже, когда ему было 7—8 лѣтъ. Народную школу онъ окончилъ въ городѣ Окландѣ (подъ С.-Франциско), куда семья переѣхала послѣ смерти отца.

Д. Лондону съ дѣтства пришлось трудиться и помогать своей многочисленной и бѣдной семьѣ. Будучи школьникомъ, онъ уже торговалъ на улицахъ газетами, а съ четырнадцати лѣтъ началась для него красочная, полная приключеній жизнь. Два года онъ провелъ въ заливѣ С.-Франциско въ качествѣ хищника, рыбака и члена морской полиціи („Приключенія Рыбачьяго Патруля“); затѣмъ онъ плавалъ два года на Тихомъ океанѣ въ

качествѣ матроса, при чемъ извѣздилъ весь Востокъ и Берингово море („Морской Волкъ“). Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ примкнулъ къ американской вольницѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ колесилъ по Соединеннымъ Штатамъ, питаясь то милостыню, то еще менѣе благовидными способами добыванія средствъ къ жизни. Эту полную приключеній полосу своей жизни, не разъ разнообразившуюся тюремнымъ заключеніемъ, онъ описалъ въ своей удивительной частичной автобіографіи, носящей названіе „Дорога“.

Но страсть къ книгамъ и къ ученію не покидала его, и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Англии, куда онъ попалъ въ качествѣ матроса, онъ возвратился въ свой родной Окландъ, сталъ посѣщать вечернюю школу съ гимназическимъ курсомъ и, наконецъ, сдалъ экзаменъ и поступилъ въ университетъ.

Въ это время (1897 г.) въ Аляскѣ открыли золото, и началась „тяга“ туда золотоискателей. Недолго думая, Д. Лондонъ бросилъ университетъ и очутился среди первыхъ искателей приключеній, зимовавшихъ въ этомъ году въ Даусонѣ. Послѣ года самыхъ невѣроятныхъ приключеній, завершившихся продолжительной голодовкой и заболѣваніемъ цынгою, Д. Лондонъ принужденъ былъ покинуть Сѣверъ. Но на прощаніи ему пришлось совершить, считавшееся совершенно невозможнымъ, путешествіе въ 1900 миль внизъ по Юкону къ Ледовитому Океану въ открытой лодкѣ въ девятнадцать дней.

Только по возвращеніи изъ Аляски Д. Лондонъ рѣшился, наконецъ, попытаться осуществить мечту,

которую лелѣялъ съ самаго дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ пристрастился къ книгѣ. Онъ началъ писать. И, неожиданно для него самого, изъ-подъ его пера полились яркіе, талантливые очерки, которые тотчасъ же были отмѣчены какъ мѣстной, такъ и калифорнской печатью. Первые годы онъ исключительно описывалъ жизнь аляскинскихъ пионеровъ, ихъ радости и страданія и ихъ эпическую борьбу съ суровыми условіями Сѣвера („Бѣлое Безмолвіе“, „Законъ Жизни“, „Сынъ Свѣта“, „Богъ Отцовъ“ и т. д.).

Такъ началась писательская карьера Д. Лондона; и въ этой области онъ тоже остался вѣренъ себѣ. Какъ прежде, въ качествѣ искателя приключеній, онъ умудрился пережить столько событий, что ихъ хватило бы на нѣсколько интересныхъ и красочныхъ біографій, такъ и въ этой новой области онъ за 13 лѣтъ далъ совершенно невѣроятное количество замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. А между тѣмъ, ему въ настоящее время всего только 38 лѣтъ. Поразительная карьера „Мартина Идэна“ не вызываетъ недовѣрія только потому, что ее описалъ Д. Лондонъ.

Но прежній беспокойный искатель приключеній далеко еще не угомонился. Только пять лѣтъ тому назадъ Д. Лондонъ придумалъ еще одно приключеніе, которое многіе считали настоящимъ безуміемъ. Онъ вмѣстѣ съ женою и съ экипажемъ всего изъ трехъ человѣкъ отправился на нѣсколько лѣтъ путешествовать по Тихому Океану и по островамъ Полинезіи на небольшой парусной лодкѣ. Результатомъ этого путешествія явился рядъ очер-

ковъ и романовъ изъ жизни Сандвичевыхъ и Соломоновыхъ острововъ—„Приключеніе“, „Гавайскіе рассказы“, „Сынъ Солнца“ *) и др.

Главная прелесть произведеній Д. Лондона, помимо необычайной яркости, простоты и искренности рассказа, заключается въ непоколебимой бодрости духа, въ безграничной любви къ жизни („Любовь къ Жизни“), къ природѣ и къ человѣку, которыми они проникнуты. Его герои „гордые придворные ея Величества—Жизни“, по счастливому выраженію Н. П. Лопатина. Д. Лондонъ далекъ отъ какихъ бы то ни было нравоученій, но крупный талантъ невольно заражаетъ своимъ настроеніемъ. „Живите“, какъ будто говоритъ въ каждой строкѣ американскій писатель, „живите, т. е. любите, трудитесь и боритесь—въ этомъ цѣль и радость жизни; только когда кончается любовь, трудъ и борьба, кончается жизнь и наступаетъ смерть“. Въ этомъ бодромъ призывѣ къ жизни и въ томъ восторженномъ откликѣ, который онъ встрѣтилъ по всему цивилизованному міру, вплоть до уныло поникшей головою Россіи, заключается, быть можетъ, самое замѣчательное событіе въ литературѣ нашего времени.

И. Маевскій.

---

*) Въ петербургскомъ изданіи сочиненій Д. Лондона подъ этимъ названіемъ („Сынъ Солнца“) появился другой романъ („Сынъ Свѣта“), изъ жизни Клондайка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ.

Самый дешовый, ежемѣсячный, доступный широкой массѣ читателей, издающійся **шестой годъ** **НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ВСѢХЪ**

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ **2** **РУБ. 20 КОП.**

сотрудниковъ **беллетр. отд.:**

Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, И. Бунинъ, В. Вересаевъ, О. Дымовъ,

В. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Ковдурушкинъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ, гр. А. Толстой, Тавъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др.: **научно-попул. и критич. отд.:** проф. Е. Левичовъ, П. Берлинъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Е. Колтоновская, Н. Лернеръ, А. Луначарскій, Н. Рубакинъ, академ. Д. Овсянко-Куликовскій, проф. И. Озеровъ, проф. В. Сперанскій, проф. Е. Тарле, проф. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгельгардтъ, К. Чуковский и друг.

На 1913 годъ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

12 **книгъ** журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стих., статьи по вопросамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики, исторіи, рецензіи о новыхъ книгахъ и проч.

6 **книгъ** бесплатн. прилож., по 128 стр. каждая, въ которыхъ будутъ даны произведенія современныхъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей: Уптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Михаэлисъ, Як. Вассермана и др.

12 **картинъ** бесплатн. приложенія въ три крапки, на веленовой бумагѣ: снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портреты писателей. Размѣръ каждой картины — форматъ страницы журнала. Подписная цѣна: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода.

Совмѣстная подписка на „Новый журналъ для Всѣхъ“ и „Новую жизнь“ (съ прилож.) на 1 г.—9 р. (Разсрочка 4 р. при подп., 3 р.—1 марта и 2 р.—1 іюля). На „Новый Журналъ для Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“ (безъ прил.): на 1 г., 6 р. 60 к. (Разсрочка: 3 р. при подпискѣ, 2 р.—1 марта и 1 р. 60 к.—1 іюля).

Подробные проспекты со спискомъ сотрудниковъ бесплатн. Пробные №№ за двѣ 7-коп. марки. Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи. Всѣ обязательства за 1912 г. выполнены. **АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ:** С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 18. „Новый Журналъ для Всѣхъ“.

Ред.-изд. **И. М. Розенфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
на самый дешевый изъ толстыхъ ежемѣс. журн., до 300 стр.
уборист. шрифта, при участіи лучшихъ литературн. силъ.

4-ый годъ изданія

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ сотрудниковъ беллетрист.

отд.: Леонидъ Андреевъ,
М. Аршбашевъ, Д. Айзманъ, И. Бунинъ,
В. Вересаевъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, Д.
Мережковскій, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А.
Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сергѣевъ-
Ценскій, Фелдоръ Сологубъ, гр. А. Н. Толстой,
Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и друг.
Обществ.-полит., критич. и научн. отд.: проф.
Е. Аничковъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ,
П. Берлинъ, С. Венгеровъ, Л. Клейнборгъ,
Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ,
Н. Рубакинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К.
Чуковскій, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ, и др.

4 р. 90 к.

безъ прилож.

7 р. 20 к.

съ 12 кн. прилож.

НА 1913 годъ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

12 книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напеча-
таны романы: А. Крандѣевской, И. Потапенко,
фантаст. ром. Н. Березина, новѣйшіе романы вы-
дающ. иностр. писат., повѣсти, рассказы, статьи по
вопрос. литерат., науки, искусства, общ.-полит. и пр.

12 книгъ бесплатн. **ДЖЕКА ЛОНДОНА**
прил. полн. собран. соч. попул. америк.
беллетр., въ единств. авторизов. пер. I. А. Маевска-

го, съ биогр. и портрет., стоящ. въ отд. продажѣ —
16 руб. 12 книгъ сост. свыше 3840 стр. текста.

ЦѢНА на 1 годъ — 7 р. 20 к., на полгода — 4 р.

(Разср.: 3 р. — при подп., 2 р. 20 к. — 1 марта и 2 р. — 1 іюля).
Безъ прилож. на годъ — 4 р. 90 к., на полгода — 2 р. 70 к.

(Разср.: 3 р. при подпискѣ и 1 р. 90 к. — 1 іюля).

СОВМѢСТНАЯ ПОДПИСКА: на „Новый Журн. для
Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“ (съ прилож.) на 1 г. — 9 р. (Разср. 4 р. — при
подп., 3 р. — 1 марта и 2 р. — 1 іюля). На „Новый Журн. для Всѣхъ“ и
„Новую Жизнь“ (безъ прил.): на 1 г. 6 р. 90 к. (Разср.: 3 р. при
подп., 2 р. — 1 марта и 1 р. 60 к. — 1 іюля).

Подробн. просп. — б-златно. Пробн. МѢ за двѣ 7-ми к. марки. Всѣ
обязательства за 1912 г. выполнены. Подписка принимается во всѣхъ
книжн. магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперія.

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимирскій, 19. К-ра журнала
„Новая Жизнь“.

Ред.-над. И. М. Розенфельдъ.